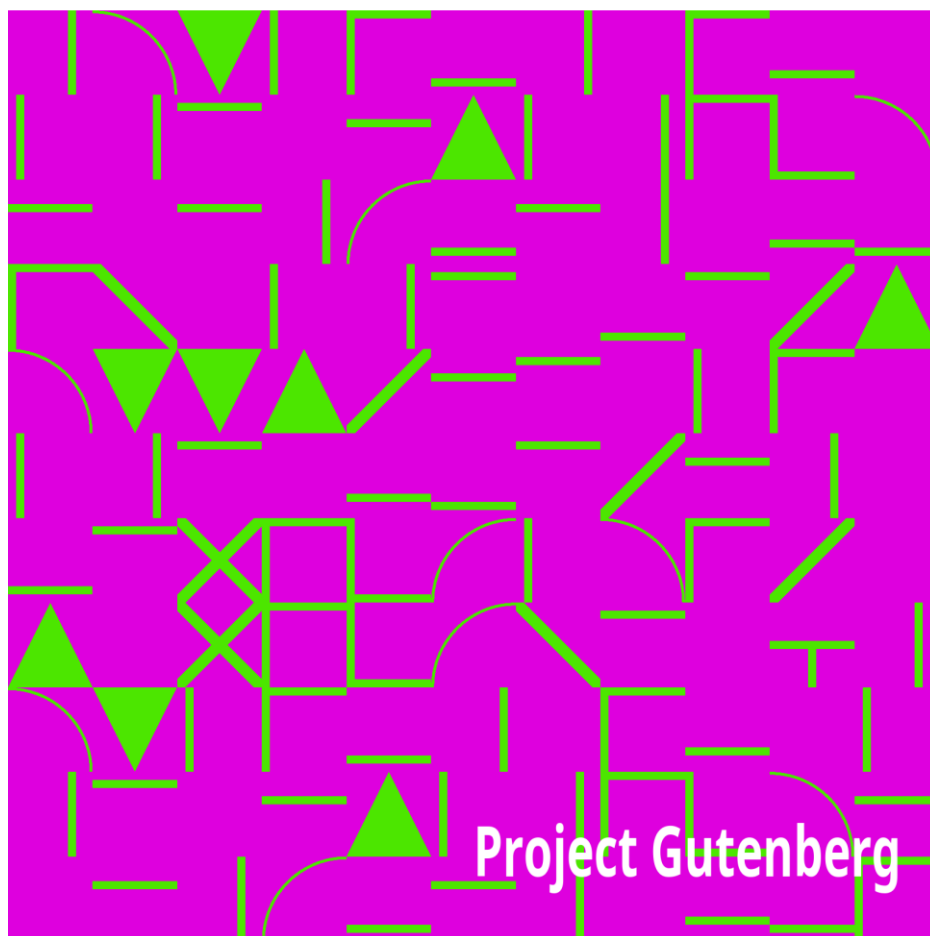

История католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 2

Джеймс Маккэффри

History of the Catholic Church from the
Renaissance to the French Revolution —
Volume 2

James MacCaffrey

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История католической церкви от эпохи Возрождения до Французской революции — Том 2

Автор: Джеймс Маккэффри

Дата выхода: 1 января 2001 г. [Электронная книга № 2455]
Последнее обновление: 3 апреля 2015 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ОТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" — ТОМ 2 ***

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ОТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ II

преподобного Джеймса Маккаффри, Лик. Theol. (Мэйнут), доктор философии (Фрайбургский университет), профессор церковной истории, Колледж Святого Патрика, Мэйнут

Nihil Obstat:
Thomas O'Donnell, C.M.
Censor Theol. Заместитель.

Imprimi Potest:
Guilielmus,
Archiep. Dublinen.,
Hiberniæ Primas.

Dublini, 16 Decembris, 1914.

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

От эпохи Возрождения до
Французской революции

ГЛАВА I

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ Англии ДО РЕФОРМАЦИИ

Уилкинс, /Concilia Magnae Britanniae/, iii., 1737. /Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Thosolate/ (Андре Тулузский), под редакцией Дж. Гэрднера, 1858. Капелла-Снейд, /Родственник или правда Рассказ об острове Англия ... при Генрихе VII. / (написано Капелла, венецианский посол, 1496-1502, под редакцией К. А. Снейда, 1847). / Лондонская хроника времен правления Генриха VII. и Генрих VIII. / (Камденский сборник, том iv., 1859). "Утопия" сэра Томаса Мора (написана в 1516 году, отредактирована Э. Арбером, 1869). Английские сочинения Мора, под редакцией Уильяма Растелла, 1557. Бриджит, / Жизнь и труды сэра Томаса Мора /, 1891. Буш-Тодд, /Англия при Тюдорах/, 1892-95. Гаске, / Канун Реформации/, 1900; /Генрих VIII. и английские монастыри /, 1888; / Древнеанглийская Библия/ и др., 1897; / Великая эпидемия/, 1893; / Приходская жизнь в средневековой Англии /, 1906; / Английская монашеская жизнь/, 1904. Кейпс, / История Английской церкви в четырнадцатом и пятнадцатом веках /, 1909. Сибом, / Оксфордские реформаторы / (3-е издание), 1877. Стоун, / Исследования реформации и Возрождения /, 1904. Гайрднер, / Лолларди и реформация /, том i., 1908. Лилли, / Возрождение Типы /, 1901. Бриджетт, / История Святой Евхаристии в Великобритании / (новое издание, 1908). Ривингтон, / Рим и Англия/, 1897. Лингард, / История Англии/, 10 т., 1849. Хант-Пул, / Политическая история Англии/, v., 1910. /Кембриджская современная история/, том i, 1902.

С восшествием на престол Генриха VII. (1485) в истории Англии открылась новая эра. Английская нация, ослабленная Войной Алой и Белой розы и уставшая от соперничества, которое не представляло особого интереса для масс, не отказалась безоговорочно подчиниться руководству сильного правителя при условии, что он сможет гарантировать мир как внутри страны, так и за рубежом. Практически говоря, до сих пор абсолютизм был неизвестен. Права, завоеванные баронами на равнинах Раннимиды, ревностно охранялись их потомками, и в результате власть короля, особенно в том, что касалось налогообложения, была ограничена несколькими ограничениями. Но во время долгой борьбы между домами Ланкастеров и Йорков многие из крупных феодальных баронов пали на поле битвы или от рук палача, и могущество знати как единого целого было подорвано. В то время как лорды могли собрать своих собственных слуг под свои знамена и выставить на поле боя сильную армию почти в любой момент, суверен не мог править как абсолютный монарх. Именно потому, что он признал этот факт, Генрих VII. предпринял шаги по обеспечению соблюдения Статута о ливреях, принятого одним из его предшественников, и обеспечению того, чтобы войска могли набираться только от имени короля.

Времена правления аристократии прошли навсегда, и их сменило правление народа, но в промежутке между падением одной и возвышением другой в Англии прочно утвердился тудоровский абсолютизм. При выборе своих министров Генрих VII обошел дворянство в пользу средних классов, которые быстро набирали силу в стране, но которые еще не осознали своей силы, как это произошло позже, во времена Стюартов. Он получил субсидии в тоннаже и фунтах

стерлингов, которыми пользовались некоторые из его предшественников-йоркистов, прибегнул к системе принудительных субсидий, известной как благотворительность, учредил Звездную палату номинально для поддержания порядка, но на самом деле для подавления своих самых опасных противников, и относился к парламенту как к простой машине, единственной работой которой было регистрировать желания суверена. Короче говоря, Генрих VII, действуя в соответствии с духом эпохи, устранил элементы, которые могли привести к национальной розни, укрепил свою собственную власть за счет знати, привлек на свою сторону средние и низшие классы, чьи интересы отстаивались и от которых не следовало опасаться никакой опасности, и заложил основы того абсолютного правления, которое было доведено до логического завершения его сыном и преемником Генрихом VIII.

По натуре Генрих VII. не был ни властным, ни лишенным такта, и из-за сомнительного характера своего титула на трон он был вынужден проявлять осмотрительность в своих отношениях с нацией. Однако с Генрихом VIII все было не так. Он был молодым, импульсивным, своевольным правителем, свободным почти от всех опасностей, которые сдерживали его отца, окруженным по большей части выскочками, у которых не было другой воли, кроме как угождать своему хозяину, и очень популярным среди торговцев, фермеров и чернорабочих, о благополучии которых заботились, и которые были удалены так далеко от двора, что мало знали о королевской политике или королевском угнетении. Палата лордов, состоявшая из представителей духовенства и знати, чувствовала себя полностью во власти короля, и ее члены, встревоженные судьбой всех тех, кто осмелился воспротивиться его желаниям, скорее издали бы указ об отмене своих привилегий, чем навлекли бы на себя его неудовольствие, если бы их к этому призвали. Палата общин состояла в значительной степени из кандидатов от короны, чьи имена были переданы шерифам для официального утверждения. Парламент 1523 года действительно оказал некоторое сопротивление финансовым требованиям, вызванным войной с Францией, но ответом короля было распустить его и управлять Англией королевскими указами в течение шести лет. Опасаясь за результаты бракоразводного процесса и стремясь увлечь страну за собой в своей кампании против папы римского Генриха VIII. созвал еще один парламент (1529), но он принял осторожные меры к тому, чтобы новая Палата общин не противоречила его желаниям. Списки лиц, которые, как было известно, ревниво относились к власти Церкви и симпатизировали любому движению, которое могло ограничить притязания духовенства, были направлены шерифам, и со временем надежные люди были возвращены. То, что большинство членов нижней палаты были враждебны привилегиям Церкви, достаточно ясно, но нет никаких свидетельств того, что какая-либо важная часть желала реформации, которая повлекла бы за собой изменение доктрины или отделение от Рима. Законодательство, направленное против прав папы Римского, санкционированное этим парламентом, было принято исключительно под влиянием королевских угроз и уговоров, а также потому, что у парламента не было собственной воли. Если бы члены совета были свободны говорить и действовать в соответствии со своими собственными чувствами, невозможно поверить, что они подтвердили бы и аннулировали последовательные браки короля, изменили бы порядок наследования в соответствии с каждой его новой матримониальной фантазией и проявили бы себя такими небрежными блюстителями прав английской нации, что позволили бы ему распоряжаться короной Англии по завещанию, как он мог бы распоряжаться своим частным имуществом. Генрих VIII. был бесспорным хозяином Англии, ее знати, духовенства и народа, ее созыва и парламента. Его воля была законом. Если не осознать этот выдающийся факт, королевский абсолютизм и диктатуру, невозможно понять, как целая нация, которая до того

времени принимала Папу как главу Церкви, могла быть оторвана против своей воли от центра единства, отделена от остального католического мира и подчинена духовной юрисдикции суверена, основным мотивом совершения такой революции было удовлетворение его собственных необузданных страстей.

Неверно утверждать, как утверждали некоторые авторы, что до Реформации Англия была страной, окутанной туманом невежества; что до времен Эдуарда VI не было школ или колледжей для получения светского образования; что, за исключением таких обычаев, как паломничество, индульгенции и обращение к святым, в массах не было настоящей религии; что как светское, так и обычное духовенство вели образ жизни, который скорее скандалил, чем назидал верующих; что люди ополчились против поборов и привилегий духовенства и что все партии ждали только прихода сильного лидера, который сбросил бы иго Рима. Это широкие обобщения, основанные на отдельных злоупотреблениях, выдвинутых исключительно для дискредитации английской средневековой церкви, но совершенно неприемлемые для тех, кто лучше всех знаком с историей того периода. С другой стороны, было бы столь же неверно утверждать, что в Англии все было настолько идеально, что никаких реформ не требовалось. Несомненно, в различных сферах религиозной жизни возникло много злоупотреблений, но эти злоупотребления были такого рода, что их можно было бы устранить, если бы Собрания духовенства были свободны следовать своим курсом, и они не оправдывают огульного осуждения всего церковного корпуса.

Это правда, что движение Возрождения добилось большого прогресса по ту сторону Альп, прежде чем его влияние стало ощущаться даже в образованных кругах Англии, но как только внимание английских ученых было привлечено к возрождению классических исследований, многие из них обратились к великим мастерам Италии и вернулись, чтобы использовать полученные знания для улучшения системы образования своей страны. Селлинг и Хэдли, оба монахи, Линакр, один из лидеров медицинской науки своего времени, декан Вестминстера Колет, чье руководство колледжем Святого Павла так много сделало для улучшения учебной программы школ, [1] Епископ Рочестерский Фишер описан Эразмом как "человек, не имеющий равных в наше время ни по честности жизни, ни по образованию, ни по широте взглядов", за возможным исключением архиепископа Кентерберийского Уорхэма, [2] и сэра Томаса Мора, лорда-канцлера Англии и одного из первых мучеников за веру в царствование Святого Павла. Генрих VIII был лишь немногими выдающимися людьми в движении, которое дало о себе знать по всей стране. Нигде Эразм не встречал более восторженного приема или более щедрых покровителей, и нигде его труды не ценились так высоко, как в Англии.

Неверно также утверждать, что сторонники классического обучения руководствовались враждебностью к католической церкви, требуя улучшения методов образования. В определенных кругах действительно раздавался некоторый ропот, и обвинения в неортодоксальности были сформулированы туманно против Колета и других членов его партии, но это была всего лишь критика, высказываемая во все века против тех, кто опережает свое время, и она не требует серьезного опровержения. Английские гуманисты не имели ничего общего с неоязыческими писателями итальянского Возрождения в том, что касалось религии, и они не выказывали никаких признаков враждебности к Риму. Какие бы другие влияния ни повлияли на религиозную революцию в Англии, она определенно не была связана с эпохой Возрождения, поскольку в целом ее последователи были так же преданы католической церкви,

как два их величайших лидера Фишер и Мор, которые предпочли отдать свои жизни, чем оказаться нелояльными преемнику святого Петра.

В стране также не было общего пренебрежения к образованию. Списки студентов, посещавших Оксфорд и Кембридж [3], насколько они сохранились, указывают на тот факт, что в дни, непосредственно предшествовавшие Реформации, эти великие учебные заведения находились в самом цветущем состоянии, и что для них религиозное восстание едва не оказалось катастрофическим. Объяснение внезапного сокращения числа студентов, посещающих университеты, следует искать, по крайней мере частично, в беспокойном положении в стране, но более конкретно, в разрушении религиозных домов, которые отправили многих своих членов в Оксфорд и Кембридж и которые подготовили большое количество учеников в своих школах к поступлению в университеты, а также в конфискации средств, на которые епископы, капитулы, монастыри, религиозные братства и религиозные гильдии устраивали выставки, чтобы дети бедных могли воспользоваться преимуществами высшего образования. Англия пятнадцатого века также не была лишена хорошей системы средних школ. Распространено мнение, что Эдуард VI. был основателем английских средних колледжей, и что в течение первых пятидесяти лет после Реформации для этого министерства образования было сделано больше, чем за предыдущие триста лет. То, что такое убеждение совершенно ошибочно, может быть доказано из отчетов комиссий, проведенных в правление Генриха VIII. и Эдуард VI., из которого следует, что до 1549 года в Англии было около трехсот средних школ, и что Генрих VIII. и особенно Эдуард VI. их следует рассматривать скорее как грабителей, чем как покровителей английских колледжей. В отличие от университетов и простых начальных школ, они существовали в начале правления Генриха VIII. семь классов учебных заведений, а именно кафедральные, коллегиальные и монастырские колледжи, колледжи при больницах, гильдии, часовни и независимые учреждения. Они проводились в совершенной координации с университетами, и в большинстве случаев выставки устраивались для более бедных ученых. "Существовавшие гимназии, - утверждает авторитетный источник, - были не просто монашескими школами, или школами хористов, или начальными школами. Многие из них были теми же школами, которые живут и процветают сейчас. Все школы были абсолютно одинакового типа и выполняли точно такие же функции, как современные государственные школы и гимназии. Действительно, существовали также школы для хористов и начальные школы. Были стипендии в школах, выставки в университетах и все атрибуты среднего образования. Среднее образование также не понималось в каком-либо ином смысле, чем тот, в котором оно понималось пятьдесят лет назад. Она проводилась по тем же принципам и в основном с помощью инструментов того же типа, если не идентично тем же, что и те, что использовались до нынешнего поколения". [4]

Нельзя с полной справедливостью сказать, что английский народ в то время был либо плохо осведомлен о принципах своей религии, либо безразличен к обычаям Церкви, к которой они принадлежали. Постановления Оксфордского синода (1281 г.), предписывающие духовенству, заботившемуся о душах, регулярно объяснять простым языком, понятным для их слушателей, статьи символа веры, заповеди, таинства, семь смертных грехов и семь дел милосердия, неоднократно возобновлялись и, по-видимому, исполнялись епископами. В книгах, изданных для наставления верующих, таких как, например, "Работа для домохозяев", "Погружения и нищие", "Толкование и значение мессы", "Искусство хорошей жизни" и т.д., очень сильно подчеркивается обязанность посещать религиозные наставления, проводимые духовенством, в то время как в руководствах, написанных для руководства духовенством, очень ясно указывается, что проповедь была частью их обязанностей, которыми не следует пренебрегать.

Тот факт, что религиозные книги такого рода стали множиться так быстро, как только было открыто искусство книгопечатания, служит убедительным доказательством того, что ни священники, ни простые люди не забывали о необходимости досконального понимания истин своей религии. Посещения приходов, во время которых некоторые из видных прихожан были вызваны для дачи показаний о том, как священники выполняли свой долг наставления людей, сами по себе были отличной защитой от пастырской халатности, и, поскольку они были опубликованы, они не дают оснований утверждать, что люди оставались в неведении относительно доктрин и практик своей религии. Помимо работы, выполняемой духовенством за кафедрами и в церквях, следует помнить, что в городах и даже в самых отдаленных сельских приходах через регулярные промежутки времени ставились религиозные драмы, которые оказали величайшую помощь в донесении до умов даже самых необразованных людей ведущих событий библейской истории и основных истин христианства.

То, что народ Англии как единое целое прислушивался к наставлениям своих пасторов, достаточно ясно из свидетельств иностранных гостей, из отчетов о посещениях епископов, паломничествах к святыням благочестия дома и за границей, из заботы о чести и славе Божьей, проявленной в рвении, которое диктовало строительство или украшение стольких прекрасных соборов и церквей, средства на которые предоставлялись как богатыми, так и бедными, и из духа милосердия, проявленного в многочисленных завещаниях на помощь бедным и страждущим. Народ Англии в начале шестнадцатого века не был ни идолопоклонником, ни жертвой слепого суеверия. Они понимали это так же хорошо, как католики понимают в наши дни поклонение Богородице и Святым; Изображения и Статуи, Чистилище, Индульгенции и последствия мессы. Они также не были настолько невежественны в отношении Священных Писаний, как принято считать. Проповеди были основаны на некоторых текстах Священного Писания, взятых, как правило, из послания и Евангелия, относящихся к воскресенью или празднику, и были проиллюстрированы множеством ссылок и аллюзий, взятых как из Ветхого, так и из Нового Завета, которых было достаточно, чтобы дать понять, что Библия не была закрытой книгой ни для духовенства, ни для мирян. Тот факт, что существовал такой спрос на комментарии и соответствия Священным Писаниям, ясно показывает, что духовенство в достаточной степени осознавало важность преподавания Священных Писаний с кафедр, а многочисленные цитаты, которые можно найти в книгах народного почитания, не говоря уже о религиозных драмах, основанных на событиях библейской истории, наглядно показывают, что потребности мирян в этом отношении не были упущены из виду. [5]

Однако говорят, что использование Священного Писания на родном языке было запрещено англичанам, и в доказательство этого утверждения приводится постановление Синода, состоявшегося в Оксфорде в 1408 году. Оксфордский синод не запрещал использование местных версий. Он запрещал публикацию или использование несанкционированных переводов [6], и в обстоятельствах того времени, когда еретики Лолларда были сильны и пытались склонить людей к своим взглядам, распространяя искаженные версии Священного Писания, такой запрет не является непонятным. Следует иметь в виду, что французский был языком образованных людей и был официальным языком английских судов и парламента до конца 1360 года. Таким образом, существовавших в то время французских или латинских версий было вполне достаточно для тех, кто мог извлечь какую-либо пользу из изучения Библии, в то время как в то же время метрические пересказы важных книг Ветхого Завета, Евангелий и Деяний Апостолов, а также английский перевод Псалмов в прозе в значительной степени отвечали потребностям масс. Из ясных свидетельств таких авторов, как сэр Томас Мор,

лорд-канцлер Англии и один из наиболее информированных людей своего времени, Кранмера, первого протестантского архиепископа Кентерберийского, и Фокса, автора так называемого Мартиролога, можно без тени сомнения установить, что до Реформации существовала англо-католическая версия Священного Писания, которая была одобрена для использования церковными властями. [7] Действительно, верно, что епископы Англии приложили чрезвычайные усилия, чтобы предотвратить распространение версий, сделанных Тиндейлом и Ковердейлом, но, учитывая приукрашивания, искажения и неправильные переводы, которыми они изобилуют, ни один беспристрастный человек не мог ожидать, что они поступили иначе. Их действия были продиктованы не враждебностью к чтению Священных Писаний, а их неприятием еретических доктрин, которые они стремились распространить среди людей с помощью нечестных версий Священных Писаний. Английские епископы не удовлетворились простым запретом на использование этих произведений. Они больше всего стремились сделать правильный перевод Священного Писания для общего пользования, и им помешали сделать это только действия Генриха VIII. и о советниках-еретиках, которые убеждали его сделать невозможным для епископов осуществление их замысла. [8]

Однако было бы далеко от истины утверждать, что в годы, предшествовавшие Реформации, все было безупречно или что все духовенство было настолько совершенным, насколько могло бы быть. Англия, как и любая другая страна в тот же период, была поражена ужасным злом, вызванным присвоением приходов мирянами и религиозными учреждениями, системой, которая делала невозможным для епископа надлежащее управление своей епархией, отсутствием постоянного места жительства как епископов, так и высшего духовенства, а также множественностью бенефиций, что означало, что человеку могло быть разрешено иметь два или более бенефиций, к которым была привязана забота о душах, тем самым делая невозможным надлежащее исполнение пастырских обязанностей. Также было рукоположено больше священников, чем могло быть обеспечено назначениями, и, следовательно, многие из духовенства были вынуждены выполнять функции капелланов и наставников в частных семьях, где к ним относились скорее как к слугам, чем как к равным, и где им было слишком легко потерять чувство уважения к своему достоинству и к самим себе и опуститься до уровня тех, с кем они были вынуждены общаться. Не стоит удивляться, если появятся свидетельства того, что в отдельных случаях, особенно в Уэльсе, безбрачие священнослужителей соблюдалось не так, как следовало, или что в нескольких случаях обязанность проповедовать и наставлять людей не была выполнена, и неудивительно обнаружить, что сравнительно необразованные люди получали повышение по службе через головы своих более образованных товарищей, к неудовольствию университетов и тех, кто заинтересован в улучшении образования духовенства. Принимая во внимание тот факт, что столь многие епископы были заняты на службе государству, пренебрегая своими обязанностями в своих епархиях, а также принимая во внимание слишком частое эгоистичное использование права покровительства мирян и дезорганизацию, к которой могло привести даже самое просвещенное использование такого покровительства, не менее удивительно, что большая часть духовенства была настолько образованной, ревностной и безупречной, насколько это можно доказать.

В результате дезорганизации, вызванной Черной чумой, гражданских беспорядков, нарушивших мир в стране, и постоянного вмешательства короны и светских покровителей многие религиозные дома, в некоторой степени подверженные влиянию общего духа распушенности, свойственного тому времени, далеко не соответствовали стандартам строгости и дисциплины, которые были установлены в лучшие дни. Хотя, с одной стороны, следует

открыто признать, что некоторые монастырские учреждения срочно нуждались в реформе, с другой стороны, нет достаточных доказательств, подтверждающих дикие обвинения в повальной коррупции и безнравственности, выдвинутые против монахов и монахинь Англии теми, кто жаждал их уничтожения. Основное основание для такого обвинения следует искать в письмах и отчетах (/ Comperta/)уполномоченных, отправленных для проверки состояния монастырей в 1535 году. Даже если бы на эти документы можно было положиться как на абсолютно достоверные, они затрагивают лишь очень небольшой процент религиозных домов, поскольку комиссары посетили не более трети этих заведений во время их поспешного турне по стране, а что касается посещенных домов, то в отношении не более двухсот пятидесяти монахов и монахинь были совершены тяжкие преступления.

Но есть много веских оснований для того, чтобы усомниться в достоверности этих документов. Комиссары были назначены Кромвелем с заявленной целью подготовить общественное сознание к подавлению монастырей. Они показали себя его самыми подбострастными агентами, всегда готовыми принять в качестве свидетельства популярные слухи и подозрения, основанные во многих случаях на личной неприязни, и, подобно своему хозяину, больше стремились получить денежные взятки от религиозных, чем докопаться до правды об их жизни или состоянии их заведений. То, что они были предвзятыми свидетелями, высокомерными и жестокими по отношению к монахам и монахиням и готовыми сделать все, что могло бы снискать их одобрение Кромвеля и короля, очевидно из их собственных писем и отчетов, в то время как, если верить заявлениям современников, подкрепленным традицией, которая веками сохранялась среди католической общины Англии, они были самыми беспринципными и аморальными в своем отношении к несчастным монахиням, оказавшимся в их власти. Действительно, обвинения, которые они выдвигают, настолько грязны и отталкивающи, а наслаждение, с которым они упиваются подобными мерзостями, настолько очевидно, что невольно приходишь к убеждению, что они, должно быть, были людьми с развращенными вкусами, вполне способными совершить или попытаться совершить преступления, вменяемые им в вину. Даже если бы все было иначе, если бы два уполномоченных были непредвзяты и справедливы в своих действиях, невозможно понять, как они могли бы получить возможность провести действительно тщательное расследование состояния монастырей за короткое время, отведенное на эту работу. Они начались только в июле 1535 года, а их работа была завершена в феврале 1536 года.

В пользу достоверности этих сообщений свидетельствует тот факт, что они были представлены на рассмотрение парламента и что члены обеих палат были настолько впечатлены рассказом о коррупции и порочности, который они раскрыли, что приняли решение о немедленном закрытии монастырей. Если бы это было правдой и если бы парламент во времена Генриха VIII. пользовался теми же правами и привилегиями, что и сегодня, такое действие само по себе было бы убедительным подтверждением правдивости действий уполномоченных. Но нет достаточных доказательств того, что отчеты или компиляции, сделанные на их основе, когда-либо представлялись в парламент. Король и Кромвель проинформировали Палаты представителей об обвинениях, выдвинутых комиссарами, и потребовали их согласия на законопроект о репрессиях. Вся мера была принята за несколько дней (с 11 по 18 марта 1536 г.), и нет никаких доказательств того, что / Comperta / или "Черная книга" были представлены членам. Напротив, из преамбулы к Закону ясно, что в более крупных монастырях "религия правильно соблюдалась", и что беспорядки и коррупция существовали только в небольших домах, насчитывающих менее двенадцати членов, тогда как в отчетах уполномоченных такого

различия не наблюдается, обвинения выдвигаются как против более крупных, так и против меньших общин. Если бы парламент располагал отчетами или если бы было проведено какое-либо адекватное обсуждение, трудно понять, как такое произвольное разграничение, не основанное ни на природе вещей, ни на выводах уполномоченных, могло быть допущено. Примечательно также, что многие из лиц, чьи имена были связаны в / Comperta / с очень серьезными преступлениями, были назначены пенсии после роспуска монастырей, а некоторые из них были повышены до высших церковных должностей в дар короне.

Кроме того, если отчеты Ли и Лейтона сравнить с посещениями епископами тех же домов или с посещениями королевских визитеров, назначенных в 1536 году для подавления небольших монастырей, то обнаружится, что в отношении тех же самых домов существует очень открытое противоречие между их выводами. К сожалению, отчеты об этих посещениях в значительной степени исчезли, за исключением случаев с епархией Норвича. В этой епархии посещения проводились очень строго и очень тщательно, и хотя были обнаружены некоторые злоупотребления, епископ не смог найти ничего о повальной коррупции и безнравственности, обнаруженных несколько лет спустя приспешниками Кромвеля. Точно так же комиссия, назначенная в 1536 году для надзора за пресечением, объявленным в том году декретом, члены которой были выбраны из числа ведущих людей в каждом графстве, в самых высоких выражениях сообщает о домах, о которых всего несколько месяцев назад говорили как о рассадниках беззакония. Наконец, если монастыри действительно были такими плохими, как их изображают, то любопытен факт, что, хотя Ли и Лейтон были уполномочены Кромвелем открыть двери многим монахам и монахиням, они смогли найти в тринадцати графствах, которые посетили, только двух монахинь и пятьдесят три монаха, готовых воспользоваться предложенной ими свободой. [9]

Как правило, большая часть населения относилась к монастырям с добрыми чувствами из-за их милосердия и гостеприимства по отношению к бедным и странствующим, их снисходительности и щедрости по сравнению с другими работодателями и землевладельцами, их школ, которые так много сделали для образования округа, а также их сиротских приютов и больниц. Многие из них были чрезвычайно богаты, в то время как некоторым из них было трудно добывать средства к существованию, и все они сильно страдали от финансового бремени, возложенного на них в виде пенсий и т.д. королем или семьей, от которой первоначально были получены их пожертвования. По этой причине некоторые религиозные дома, подражая примеру землевладельцев в целом, начали создавать ограждения для выпаса скота [10] на территории своих поместий, которые до сих пор обрабатывались, что привело в некоторых случаях к выселению и во всех случаях к значительному сокращению числа занятых рабочих. Другие из них основали кожевенные заводы и тому подобные отрасли промышленности, которые лучше всего было оставить непрофессионалам. Эти меры привели к недоброжелательству и определенной враждебности, но то, что религиозные дома не вызывали ненависти у народа, доказывается восстаниями, которые их подавление вызвало в стольких разных частях страны.

В общих чертах можно сказать, что отношения между священниками и народом не были ни особенно близкими, ни особенно напряженными. Права и привилегии, на которые претендовало духовенство, действительно вызывали ропот и жалобы в определенных кругах, но они не были ни настолько серьезными, ни настолько общими, чтобы указывать на что-либо похожее на глубоко укоренившееся и резкое разделение между священниками и народом. Вопрос о правах на убежище, согласно которому преступникам, скрывавшимся в монастырях и

церквях, гарантировалась защита от ареста, привел к острому конфликту между церковной и светской юрисдикциями, но при некоторой умеренности с обеих сторон это был не тот вопрос, который мог бы вызвать постоянную неприязнь. В те дни, когда сила была правом, привилегии убежища служили полезной цели. То, что в более поздние времена они стали причиной серьезных злоупотреблений, нельзя было отрицать и при восшествии на престол Генриха VII. папа римский очень значительно ограничил права на убежище, тем самым подав пример, которому, как следовало ожидать, последовали бы его преемники. */privilegium fori/*, согласно которому священнослужители освобождались от наказания светским судом, был еще одной причиной значительных трений. В 1512 году парламент принял закон, отменяющий эту привилегию для священнослужителей, обвиняемых в убийстве и т.д., и хотя он должен был действовать только в течение двух лет, он вызвал опасения духовенства больше из-за того, что он предвещал, чем из-за того, что он фактически вводил в действие. Когда в 1515 году этот вопрос снова был вынесен на обсуждение, даже те представители духовенства, которые наиболее отличались своим раболепием перед королем, яростно протестовали против него. В ходе дискуссии, которая происходила в присутствии Генриха VII. один из монахов привел множество аргументов, доказывающих, что такой закон не выходил за рамки компетенции государства, к большому неудовольствию епископов и кардинала Вулси. Король был самым решительным в своем заявлении о том, что он намерен предпринять такие действия, которые подтвердили бы и защитили его права как верховного лорда Англии, но, несмотря на этот резкий упрек своим оппонентам, меру было разрешено отменить.

Чрезмерные сборы, взимаемые в епископальных судах за утверждение завещаний, подарки, известные как похоронки, испрашиваемые в случаях смерти, отсутствие епископов и духовенства в их епархиях и приходах с последующим пренебрежением их обязанностями перед людьми, раздача бенефиций часто неквалифицированным священнослужителям, за исключением ученых и ревностных священников, назначение священнослужителей на должности, которые должны были занимать миряне на землях епископов и монастырей, и вмешательство некоторых представителей духовенства, как светских, так и обычных, в чисто светские дела. преследования были основными претензиями, выдвинутыми в 1529 году Палатой общин против духовности. Но при определении ценности такого документа следует помнить, что он был вдохновлен королем и фактически составлен Томасом Кромвелем в то время, когда и король, и министр были полны решимости сокрушить власть Церкви, и что, следовательно, вполне разумно ожидать, что он преувеличен и несправедлив. Согласно прямому заявлению сэра Томаса Мора, лорда-канцлера Англии, который был в состоянии знать и ценить отношения между духовенством и народом, раскол не был ни таким острым, ни таким серьезным, каким его рисовали те, кто хотел одобрить религиозные нововведения или втереться в доверие к королю и его советникам. [11]

Но, даже несмотря на то, что существовали некоторые расхождения во мнениях по вопросам, касающимся временных рамок Церкви или привилегий духовенства, в течение тридцати лет, предшествовавших восстанию, нет никаких признаков какой-либо заметной враждебности к доктринам и практике Церкви. В более раннюю эпоху Лолларды, как называли последователей Уиклифа, выдвигали доктрины, близкие к тем, которые отстаивали ранние реформаторы, особенно в отношении устройства Церкви, папства, Священных Писаний, Пресуществления, Чистилища и Традиции, но суровые меры, принятые как Церковью, так и государством, позволили подорвать влияние Лоллардизма в Англии. Очень немногие последователи этой секты, если таковые вообще оставались, нарушали покой общины в первые годы правления

Генриха VIII, хотя вполне возможно, что память об их учении и упорной борьбе, которую они вели, не преминула оказать свое воздействие и в более поздний период. Это правда, что в 1512 году епископу Лондона приписывается заявление в связи с судебным процессом над священнослужителем, что из-за их склонности к ереси любые двенадцать жителей города вынесли бы обвинительный вердикт против священнослужителя, привлеченного к суду перед ними, [12] но невозможно поверить, что такое заявление передает точное представление о положении дел. Это не согласуется с результатами посещений епископов, с отчетами о нескольких состоявшихся судебных процессах по обвинению в ереси, большинство из которых завершились раскаянием предполагаемых преступников, и с взвешенным суждением такого авторитетного современного специалиста, как сэр Томас Мор.

Несомненно, что в течение первой четверти шестнадцатого века изучающий историю будет тщетно искать какие-либо свидетельства противодействия духовенства и народа Англии духовному превосходству Святого Престола. Между английскими монархами и папой римским происходили споры, некоторые из которых были особенно ожесточенными по своему тону. Духовенство подавало жалобы на то, что они считали необоснованным вмешательством Римской курии во внутренние дела; но эти споры и жалобы касались либо чисто светских вопросов, как, например, ежегодной дани, взимаемой Святым Престолом после знаменитой капитуляции королевства, совершенной королем Иоанном, либо мирской стороны духовной юрисдикции. Духовенство и народ в целом были возмущены повсеместным правом резервирования, осуществляемым Папой в отношении английских бенефиций, назначением иностранцев на должности в Англии, высокими налогами, взимаемыми Римской курией прямо или косвенно в виде аннатов или Первых плодов, отзывом сравнительно тривиальных дел из местных судов и осуществлением юрисдикции над высшими сановниками Англии легатами, уполномоченными Святым Престолом. Но одно дело критиковать фактическое действие папского верховенства в интерпретации римских чиновников или стремиться ограничить его применение в повседневной жизни какой-либо конкретной церкви, и совсем другое - ставить под сомнение само верховенство. Английское духовенство и народ действительно возражали против того, чтобы папское превосходство заходило слишком далеко в том, что они считали чисто внутренними делами, но даже в самых длительных и жарких дискуссиях они ни разу не подвергли сомнению тот факт, что Папа был Верховным главой Церкви в Англии или что он был Верховным главой Католической церкви во всем мире.

Статут провизоров (1350-1), согласно которому все назначения в английские бенефиции должны были производиться путем канонических выборов или выдвижения мирян-покровителей, за исключением папских постановлений, иногда приводится как доказательство того, что английская нация игнорировала требования Святого Престола, но с равной справедливостью и по аналогичной причине можно утверждать, что Тридентский собор отверг верховенство Папы (Сессия xxiv., глава 19). Необходимость в Статуте возникла из-за духовных и экономических потерь, нанесенных стране назначением иностранцев, и его принятие было обеспечено в основном мирянами-покровителями, чьи права на покровительство были нарушены постоянным потоком папских постановлений. Он не был вдохновлен ни враждебностью к Святому Престолу, ни какими-либо сомнениями в верховенстве папы Римского, и сам по себе это был законодательный акт, который, возможно, заслуживал одобрения самых преданных сторонников Рима. Но на самом деле, чтобы их согласие с такой мерой не было неправильно понято, английские епископы выступили с самой решительной оппозицией Статуту провизоров и настояли на том, чтобы их протесты против него были

зарегистрированы - политика, которой, можно добавить, придерживался Оксфордский университет. Позже епископы потребовали, чтобы он был отменен. Их просьба не была удовлетворена, но из многочисленных положений, принятых епископствами в Англии, и из назначений английских бенефиций в пятнадцатом и шестнадцатом веках становится очевидным, что Статуту было позволено приостановить действие. Аналогичным образом Статут Премунира (1353 г.), которым запрещалось под страхом конфискации и объявления вне закона передавать дела, рассматриваемые в английских судах, в иностранные суды или вводить в королевстве положения, оговорки или письма, противоречащие правам короля или его подданных, был принят для предотвращения несомненных злоупотреблений в то время и применялся редко, что наглядно доказывают частые обращения в Рим.

Эти меры указывают в лучшем случае только на отношение короны к папе, а не на отношение английского духовенства и народа. О лояльном подчинении последних свидетельствуют папские назначения на епископства и бенефиции, первые плоды, добровольно выплачиваемые Святому Престолу теми, кто был призван их выплачивать, постоянное вмешательство Святого Престола в отношении разделения и границ приходов, посещения монастырей, прав епископов и т.д., а также суды, проводимые в Англии в силу юрисдикции Папы Римского. То, что папа был выше закона и что оспаривать авторитет папского указа означало быть виновным в ереси, было принципом, признанным английскими церковными властями и принятым также на практике английскими юристами. Клятвы верности Святому Престолу, данные всеми архиепископами и епископами, тон и форма писем, адресованных Папе, утверждение папских прав против ошибок и нападок Уиклифа и Лютера, полное признание папского превосходства, содержащееся в книге Генриха VIII "s / Assertio Septem Sacramentorum" / и в официальном предсмертном заявлении архиепископа Кентерберийского Уорхэма (1533), а также решительная позиция двух таких ученых представителей английского духовенства и мирян, как епископ Фишер из Рочестера и сэр Томас Мор, сами по себе являются достаточно установить тот факт, что во времена Генриха VIII. Англия присоединилась к остальному католическому миру в признании высшей духовной юрисдикции римского епископа. [13]

Бушевавшие споры не были связаны с духовным превосходством и не были характерны только для Англии. Возникли гораздо более серьезные проблемы, которые нарушили дружественные отношения, которые должны были существовать между Святым Престолом и Францией или Испанией, и все же никто не стал бы отрицать, что обе эти нации признали свое подчинение Риму. Они также не были спорами между английским духовенством или английским народом и Папой римским; скорее, они велись между короной и Святым Престолом. По мере того как в Европе начал развиваться королевский абсолютизм, политика королей заключалась в том, чтобы усилить свою власть над церковной организацией в своих владениях за счет уменьшения авторитета папы Римского. Эта тенденция ясно прослеживается в уступках, которых добились от папы Фердинанд I Испанский и Людовик XII Французский, но особенно в Конкордате, заключенном между Львом X и Франциском I. (1516), согласно которому все назначения во Французской церкви были практически переданы в руки короля. Генрих VIII. был внимательным наблюдателем за континентальными делами и так же, как Франциск I. стремился укрепить свое положение, захватив авторитет Церкви. Он обеспечил себе / де-факто / главенство Церкви в Англии, когда ему удалось добиться наделения кардинала Вулси постоянными полномочиями легата. Через Вулси он годами управлял церковными делами в Англии, а после падения Вулси взял в свои руки контроль, который уже осуществлял через своего фаворита и министра. Если бы Лев X согласился на конкордат, подобный тому, который был заключен с Францией,

согласно которому королевские требования были бы откровенно признаны, а поводы для споров устранены, или же если бы он предпринял решительный шаг, отказавшись передать свои полномочия на неопределенный срок министру короля, он предотвратил бы неприятности и недоразумения и сделал бы битву за королевское превосходство намного более трудной, чем это оказалось на самом деле.

[1] Лаптон, /Жизнь Дина Колета/, 1887.

[2] Гаске, /Канун Реформации/, 142.

[3] Чалмерс, /История Оксфордского колледжа/. Маллингер, / Кембриджский университет до 1535 года/.

[4] Лич, / Английские школы при Реформации/, 1896, стр. 6 (ценная книга).

[5] Гаске, соч. цит. по, ix-xiii., английские произведения сэра Томаса Мора, 1557 г. (особенно "Диалог", 1529).

[6] Уилкинс, /Concilia/, iii. 317.

[7] Гаске, указ. соч., глава ii. viii., /Древнеанглийская Библия/, iv., против Мейтленда, /Темные века/, 1845, № xii.

[8] Гайрднер, /Лолларди и реформация/, том ii., 221-303.

[9] По этому поводу ср. Гаске /Генрих VIII. и английские монастыри/. Гайрднер, / Лолларди и реформация /, том ii., 3-221. Джессопп, /Посещение епархии Норвича/, 1492-1532 (Общество Камдена).

[10] /Кембриджская современная история/, i, глава xv.

[11] Об отношениях между духовенством и мирянами см. Gairdner, op. cit., vol. i., 243-86. Гаске, указ. соч., глава iii.-В. Гэрднер, / История Английской церкви в шестнадцатом веке /, 41-59.

[12] Гайрднер, /История Английской церкви/, стр. 31.

[13] По этому поводу см. Лингард, /История Англии/, iii., 126-33. Уилкинс, / Concilia/ (документы, касающиеся авторитета папы римского в Англии, см. в Указателе к этой работе). Линдвуд / Provinciale seu Constitutiones Angliae/ (1501, Синодальные конституции провинции Кентербери). Мойес, / Как делались английские епископы до Реформации / (/ Табличка/, декабрь 1893 г.). Мейтленд, / Римское право в Англиканской церкви, английское право и эпоха Возрождения /, 1901. Гайрднер, /Лолларди/ и др., i., 495-8.

ГЛАВА II

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ При ГЕНРИХЕ VIII. И ЭДУАРДЕ VI.

См. библиографию, глава i, / Календарь писем и бумаг Генриха VIII./, 18 томов, 1862-1902. Брюер Гэрднер, / Правление Генриха VIII. /, 2 тома., 1884. Гайрднер, / Лолларди и реформация /, 4 тома., 1908-13. Додд, / Церковная история Англии (1500-1688) /, 1737-42 (новое издание Тирни, 5 томов, 1839). Сандер, / Возникновение и разрастание англиканского раскола / (пер. Льюиса), 1877. Гаске, / Краткая история католической церкви в Англии /, 1903. Диксон, / История церкви в

Англии с 1529 г. /, 6 т., Лондон, 1878-1902. Коббетт, / История реформации в Англии и Ирландии / (под редакцией Гаске). Покок, / Записи реформации / 2 тома., 1870. Бернет, / История реформации / (под редакцией Покока), 1865. Гаске и епископ, / Эдуард VI. и Книга общей молитвы /, 1890. Тонтон, /Английские черные монахи Святого Бенедикта /, 2 тома., 1897. Камм, / Жизнеописания английских мучеников / том i., 1904. Стоун, / Рассказ о страданиях английских францисканцев в шестнадцатом и семнадцатом веках /, 1892. Поллен, / Деяния английских мучеников/ и др., 1891. Spillman, /Die Englischen Martyrer unter Heinrich VIII./, 2 auf., 1900. /Martyrum Monachorum Carthusianorum in Anglia passio/, etc. (/А.Н. Болланд./, 1903). /Месяц/ (1882, 1883, 1902, 1905).

Восшествие на престол Генриха VIII (1509-47) было с радостью встречено всеми классами Англии. Молодой, красивый, хорошо развитый как умом, так и телом, любящий подвижные игры и увеселения, приветливый и щедрый со всеми, с кем бы ни вступал в контакт, он, по всей видимости, идеально подходил для той высокой должности, на которую пришел. За исключением Эмпсона и Дадли, которые были принесены в жертву за участие в казни его отца, большинство старых советников остались при королевском дворе; но главными доверенными лицами, на советы которых он в основном полагался, были его канцлер Уорхэм, архиепископ Кентерберийский и лорд-канцлер Англии, Ричард Фокс, епископ Винчестерский и лорд-хранитель печати, и Томас Говард, впоследствии герцог Норфолк, лорд-казначей королевства. Вскоре, однако, эти надежные и лояльные советники были вынуждены уступить место молодому и подающему надежды церковному придворному Томасу Уолси [1] (1471-1530), который на протяжении почти двадцати лет сохранял за собой первое место в расположении своего государя и главный голос в руководстве английскими делами. В юности удивительные способности Вулси поражали его учителей в колледже Магдалины, где юноша-бакалавр, как его называли, потому что он получил степень бакалавра в возрасте пятнадцати лет, считался вундеркиндом. В молодости он был выдвинут своими покровителями, архиепископом Кентерберийским и епископом Винчестерским, и завоевал расположение при дворе благодаря успешному выполнению деликатной миссии, возложенной на него Генрихом VII., пока, наконец, в 1511 году он не был удостоен места в тайном совете. Папа и суверен по очереди наделяли его новыми достоинствами. Он был назначен епископом Линкольна и архиепископом Йорка (1514), стал кардиналом Римской церкви (1515) и вскоре принял должности лорда-канцлера и папского легата в Англии. Если ему не удастся взойти на папский престол - достоинство, к которому его побудило стремиться обещание Карла V. Его положение легата делало его, по крайней мере, фактическим главой Английской церкви. Вместо того чтобы рассердиться, Генрих VIII. был в восторге от почестей, которыми римский двор осыпал его лорд-канцлера. Поскольку Вулси был его послушным министром и в то же время церковным диктатором, он чувствовал, что обладает большей властью в церковных делах, чем было предоставлено Франциску I. Конкордатом 1516 года, и, хотя, возможно, в то время он не обращал на это внимания, таким образом, он готовил почву для осуществления от своего имени контроля, который он осуществлял в течение многих лет через своего главного министра от имени папы Римского.

Мечта отвоевать английские владения во Франции побудила Генриха VIII в первые годы его правления встать на сторону императора Максимилиана и Фердинанда Испанских против Людовика XII; но сравнительный провал экспедиций, предпринятых против Франции, негодование народа, обремененного налогами, и советы кардинала Вулси заставили его на время отказаться от своих завоевательных планов в пользу политики нейтралитета. Избрание Карла V в 1519 году изменил весь аспект дела на континенте, и породило новые надежды как в

сознании Генриха VIII. и его верный служитель. Союз с Карлом V мог означать для Англии полное подчинение Франции, а для кардинала Уолси - голоса кардиналов на приближающемся конклаве. Делая вид, что выступает в роли посредника между соперничающими государями, Генрих заключил тайный союз с императором в 1521 году и приготовился к войне с Францией. Неудача войск, отправленных под командованием графа Суррея, разочарование Вулси, когда он обнаружил, что Карл V обманул его на конклавах 1521 и 1523 годов, а также протест, поднятый в парламенте и по всей стране против войны с Францией, побудили Генриха VIII. пересмотреть свою внешнюю политику. Поражение и плен Франциска I при Павии (1525) отдали Францию на милость императора и сделали необходимым для Генриха прийти на помощь своему старому врагу, если он не хотел, чтобы Англия опустилась до уровня имперской провинции. С Францией были сделаны попытки к миру, и в апреле 1527 года Граммон, епископ Тарбский, прибыл в Англию, чтобы обсудить условия союза. Положению кардинала Вулси, которое стало критическим из-за ненависти знати, возмущавшейся его правлением как правлением выскочки, и вражды народа, считавшего его виновником войны во Франции и увеличения налогов, теперь серьезно угрожало публичное обсуждение трудностей, возникших в сознании короля относительно законности его брака.

Лютеранское движение, вспыхнувшее в Германии через два года после принятия кардиналом Уолси двойной должности папского легата и королевского канцлера, не нашло поддержки в Англии. Здесь и там, в Оксфорде, Кембридже и Лондоне, были обнаружены отдельные люди, подписавшиеся под частью программы Лютера; но большую часть народа не тронули тирады немецких реформаторов против Рима. Генрих VIII, чье внимание к религии было отмечено в качестве одной из его характерных черт наблюдательным послом Венеции, без колебаний выступил против врагов Святого Престола и особенно против самого Лютера. В работе под названием / *Assertio Septem Sacramentorum*/ (Защита семи таинств) [2], опубликованной против Лютера в 1521 году, он недвусмысленно защищал права и привилегии Святого Престола, и в обмен на очень ценные услуги, которые он оказал религии, Лев X наградил его титулом / *Fidei Defensor*/ (Защитник веры, 1521). [3] Пример короля и деятельность кардинала Уолси и епископов сделали невозможным распространение своих взглядов теми немногими людьми, которые поддерживали немецкое движение.

Если бы не стремление Генриха добиться развода со своей женой, Екатериной Арагонской, крайне маловероятно, что антиримская агитация достигла бы какого-либо значительного прогресса в Англии. [4] В 1499 году жена Генриха, Екатерина Арагонская, была помолвлена по доверенности с его братом принцем Артуром, очевидным наследником английского престола. Она прибыла в Англию два года спустя, и бракосочетание было торжественно заключено в соборе Святого Павла 14 ноября 1501 года. Принц Артур был тогда всего лишь пятнадцатилетним мальчиком столь хрупкого телосложения, что многие опасались, что его жене вскоре придется облачиться во вдовьи одежды. К сожалению, эти опасения быстро оправдались. В апреле 1502 года принц стал жертвой эпидемии, свирепствовавшей в окрестностях замка Ладлоу, куда он удалился со своей женой. Чтобы предотвратить ссоры между Фердинандом и Генрихом VII. что касается приданого Екатерины, то между Екатериной и принцем Генрихом был заключен брак. Разрешение, необходимое для заключения брака с женой умершего брата, было предоставлено Юлием II. (декабрь 1503 г.), и согласно соглашению между дворами Англии и Испании, брак должен был состояться, как только Генрих достигнет половой зрелости; но из-за определенных политических изменений в Испании и перспективы найти лучшую партию для предполагаемого наследника английского престола Генриха VII.

договорился, что принц Генрих предстанет перед Фоксом, епископом Винчестерским, и подаст официальный протест против брачного соглашения, которое было заключено во время его несовершеннолетия и которое он теперь объявил недействительным (17 июня 1505 года). Этот протест держался в секрете, но в течение многих лет к Екатерине относились пренебрежительно и оставляли в сомнении относительно ее окончательной судьбы. Однако, как только Генрих получил свободу действий после смерти своего отца, его брак с Екатериной был публично заключен (1509), а 24 июня того же года король и королева были коронованы в Вестминстерском аббатстве.

В течение многих лет Генри и Кэтрин счастливо жили вместе как муж и жена. У них родилось несколько детей, все они, к сожалению, умерли в младенчестве, за исключением принцессы Марии, впоследствии английской королевы Марии. Еще до того, как встал вопрос о разводе с женой, отношения Генриха с некоторыми придворными дамами были не вне подозрений. От одной из них, Элизабет Блаунт, у него был сын, которого он назвал герцогом Ричмондским и которому одно время подумывал завещать корону Англии. Вскоре Мария, старшая сестра Анны Болейн, унаследовала расположение короля Елизаветы. Тот факт, что Екатерина была на несколько лет старше своего мужа, что немощь и скорбь из-за смерти ее детей притупили ее очарование и что больше не могло быть никакой надежды на рождение наследника престола, не давал Генриху покоя и вызывал у него желание избавиться от жены, которой, однако, он не мог не восхищаться, даже несмотря на то, что она лишилась его любви. Если бы он умер, ему некому было бы наследовать, кроме принцессы Марии, и ее право на трон могло быть оспорено. Даже если бы она добилась успеха, ее брак неизбежно создал бы большие трудности. Если бы она вышла замуж за иностранного принца, он опасался, что Англия могла бы превратиться в провинцию; если бы она приняла руку английского дворянина, оспаривание престолонаследия, закончившееся гражданской войной, было далеко не невероятным. Его мрачные предчувствия разделяли многие из его советников; и Вулси, который всем сердцем стремился объединить силы Англии и Франции против императора, не отказался бы скрепить новый французский антиимперский союз отказом от брака Генриха с тетей императора, если бы такой расторжение могло быть осуществлено без нарушения законов Божьих.

Хотя может показаться, что в сознании Генриха уже давно возникли сомнения относительно законности его брака с женой покойного брата и что вопросы политики, возможно, повлияли на отношение его советников к планируемому разводу, все же несомненно, что именно очарование молодой и образованной Анны Болейн привело ситуацию к кризису. С ее опытом общения с веселым и развращенным французским двором она вряд ли ошиблась бы относительно влияния своего обаяния или неистовства страсти короля. Она была бы женой короля, если бы он пожелал, но она не была бы, как ее сестра, любовницей короля. Охваченный силой своих желаний, он решил избавиться от жены, от которой устал, в пользу ее молодого и более привлекательного соперника. Тот факт, что Кэтрин была замужем за его братом Артуром, был использован им как достойный предлог для предполагаемого расставания. Он утверждал, что его совесть упрекала его в таком кровосмесительном союзе, и для его собственного душевного спокойствия было необходимо, утверждал он, подчинить законность своего брака решению Церкви.

Нет убедительных доказательств того, что идея разлуки с Екатериной возникла у кардинала Уолси, хотя последний, страстно желавший брачного союза своего короля с французской принцессой и не знавший о намерениях Генриха в отношении Анны, вероятно, не пожалел,

когда узнал о сомнениях Генриха; и неверно утверждать, что первые сомнения относительно незаконнорожденности принцессы Марии были высказаны французским послом в 1527 году. Вся история переговоров с Францией о браке Марии в то время совершенно ясно показывает, что предполагалась ее легитимность. Бракоразводный процесс зародился в сознании самого Генриха, и план женитьбы на Анне Болейн держался в секрете от Вулси и большинства королевских советников. Когда именно впервые был поставлен вопрос о разводе с Екатериной, неизвестно; но не может быть никаких сомнений в том, что в начале 1527 года были предприняты активные шаги, чтобы добиться осуждения этого брака. Вулси горячо взялся за этот проект, но большинство епископов, с которыми он консультировался, не стремились помогать ему; и что было еще серьезнее, Фишер, ученый и святой епископ Рочестера, с самого начала объявил себя решительным противником. Взятие Рима императорскими войсками (1527) потребовало немедленного выполнения условий французского союза, и кардинал Уолси отправился в Париж в качестве представителя Англии. Пока Вулси отсутствовал во Франции, договариваясь об условиях союза, Анна Болейн воспользовалась случаем, чтобы предупредить Генриха, что его великий министр ненадежен, что в глубине души он против отделения и что без его ведома или согласия следует начинать переговоры непосредственно с римским двором. В Рим был направлен агент, которому удалось добиться встречи с Климентом VII после того, как последний совершил побег из Рима в Орвието (декабрь 1527 г.). От имени короля утверждалось, что разрешение, предоставленное Юлием II. было недействительным. В доказательство этого утверждалось: что в Булле было указано, что Генрих желает жениться на Екатерине и что брак был необходим для сохранения мира между Англией и Испанией, оба этих утверждения, как утверждалось, были ложными; что на момент получения разрешения Генриху было всего двенадцать лет, и поэтому он не мог принять его; что несколько лиц, упомянутых в Булле, как, например, королева Изабелла и Генрих VII., умерли до того, как брак состоялся; и, наконец, что когда Генрих достиг половой зрелости, он протестовал против брака, тем самым отказываясь от него. для него самого милости, дарованные в Булле устроения. [5] Позже те, кто выступал за раздельное проживание, утверждали, что разрешение было выдано папой римским на основании предположения, что брак между Артуром и Екатериной не был заключен, и что, следовательно, поскольку это условие не было подтверждено, разрешение было недействительным. Но здесь они столкнулись с трудностью, заключающейся в том, что огромный вес доказательств свидетельствовал в пользу мнения о том, что брак не был завершен; что в любом случае разрешение было достаточным, чтобы покрыть как препятствие родству, так и общественную честность; и что, что бы ни говорили против Буллы о разрешении, никаких подобных возражений нельзя было выдвинуть против заключения, которое, как утверждается, было направлено папой испанскому двору. [6] Поскольку английским агентам было поручено добиваться не только назначения комиссии для объявления недействительности разрешения и, следовательно, брака, но и разрешения, которое позволило бы королю жениться на женщине, состоящей с ним в первой степени родства, независимо от того, было ли это родство заключено в результате законной или незаконной связи, было сочтено благоразумным не подчеркивать аргумент о том, что брак с женой покойного брата был запрещен божественным законом, и что, следовательно, папа не мог предоставить разрешение, подобное тому, которое было выдано Юлием II. Позднее этому аргументу было придано большое значение.

Климент VII, хотя и не отказывался предоставить запрошенное разрешение, [7] не считал, что это соответствует его собственной чести или чести короля - предоставлять поручение в

соответствии с условиями, разработанными для него в Англии. Было отправлено новое посольство, состоящее из Эдварда Фокса и доктора Стивена Гардинера, секретаря Вулси, которое прибыло в Орвието в марте 1528 года. Победоносное продвижение французских армий в Италии (1527-28), освободившее Климента VII. под давлением императорской партии, способствовало удовлетворению петиции Генриха VIII. Аргументы, почерпнутые из канонического права и теологии, были доведены Гардинером до конца с беглостью и богатством знаний, которые поразили папских советников, а когда аргументы не увенчались успехом, пришлось прибегнуть к угрозам обращения в генеральный совет и полного отделения Англии от Святого Престола. Однако в созыве декретной комиссии, запрошенной английскими послами, было отказано; но вместо нее был издан указ, уполномочивающий кардинала Уолси и кардинала Кампеджио рассматривать дело в Англии и выносить вердикт в соответствии с представленными им доказательствами. Поскольку это было очень далеко от того, чего требовали английские посланники, были выдвинуты новые требования о более широких полномочиях комиссии, а также ввиду опасности, угрожавшей католической церкви в Англии, Климента VII. уступил настолько, что пообещал, что не отменит юрисдикцию тех, кому он доверил судебное разбирательство по этому делу (июль 1528 г.). [8]

Тем временем новость о том, что замышлялось, разнеслась по всему миру. Многие английские купцы, опасаясь, что враждебность к империи приведет к прекращению их торговли, особенно с Нидерландами, ненавидели новую внешнюю политику короля, в то время как большая часть народа была настолько решительно на стороне Екатерины, что в случае вынесения против нее приговора народное восстание казалось неизбежным. Это чувство было настолько ярко выражено даже в самом лондонском сити, что Генрих счел необходимым вызвать лорд-мэра и Корпорацию в королевский дворец, где обратился к ним с речью по вопросу, который в то время занимал больше всего внимания людей. Он отзывался о Екатерине с высочайшей похвалой, заверил их, что процедура раздельного проживания была начата не потому, что он стремился избавиться от жены, которую все еще любил, а потому, что его совесть была обеспокоена сомнениями относительно действительности его брака и что безопасности королевства угрожали сомнения, высказанные французским послом относительно законности брака принцессы Марии. Чтобы положить конец этим сомнениям и спасти страну от ужаса оспаривания престолонаследия, папа назначил комиссию для проверки действительности брака; и на решение этой комиссии, каким бы оно ни было, он был готов с готовностью подчиниться. Однако он предупредил своих слушателей, что если какой-либо человек не будет говорить о нем иначе, как о верноподданном своего государя, его будет ждать заслуженное наказание. Чтобы подкрепить эти слова, в сити был произведен обыск на предмет оружия, и незнакомцам было приказано убираться из Лондона. [9]

Хотя поручение было предоставлено в апреле, кардинал Кампеджио не спешил браться за порученную ему работу. Он покинул Рим только в июне и так неторопливо продолжал свое путешествие по Франции, что только в первую неделю октября прибыл в Лондон. В соответствии с его инструкциями он попытался отговорить короля от дальнейшего развода, но поскольку Генрих был полон решимости жениться на даме по своему выбору, даже если это привело бы к краху его королевства, все усилия Кампеджио в этом направлении были напрасны. Затем он обратил свое внимание на Кэтрин в надежде убедить ее уйти в монастырь, но обнаружил, что ее отказ предпринять какие-либо шаги, которые могли бы поставить под сомнение ее собственный брак и законность рождения ее дочери, был твердым и неизменным. По требованию королевы к ней был приставлен адвокат для защиты ее правоты. Ситуация осложнялась тем фактом, что

Юлий II, по-видимому, издал два разрешения на брак Генриха: одно содержалось в Булле, отправленной в Англию, другое - в кратком сообщении, направленном Фердинанду в Испанию. Королева предъявила копию протокола, который был составлен таким образом, чтобы избежать большинства возражений, выдвигавшихся против Буллы на том основании, что брак был заключен. Оригинал сводки находился в руках императора, и предпринимались различные попытки заполучить оригинал или добиться, чтобы папа объявил его подделкой; но император был слишком хитрым дипломатом, чтобы его можно было так легко поймать, и папа отказался либо приказать предъявить его, либо бездоказательно осудить как подделку. [10] Кардинал Кампеджио ухватился за этот вопрос в протоколе как за хорошую возможность отсрочить судебный процесс. Наконец, 31 мая 1529 года легаты Уолси и Кампеджио открыли заседание суда в Блэкфрайарсе и вызвали Генриха и Екатерину предстать перед ними лично или по доверенности 18 июня. И король, и королева откликнулись на вызов, причем последний, однако, лишь для того, чтобы публично потребовать от короля справедливости, выразить протест против компетентности и беспристрастности трибунала и подать официальную апелляцию в Рим. Ее апелляция была отклонена, и из-за ее отказа принимать какое-либо дальнейшее участие в судебном процессе она была осуждена как непокорная; но даже несмотря на это, у нее не было без храбрых и способных защитников. Епископ Рочестерский Фишер мужественно выступил против неестественного и незаконного судебного разбирательства [11], и его протест нашел отклик не только в самом суде, но и по всей стране. Друзья Генриха, опасаясь, что папа может лишить власти легатов, требовали немедленного вынесения приговора; но Кампеджио был полон решимости предотвратить это любой ценой. Настаивая на соблюдении всех юридических формальностей, он позаботился о том, чтобы отложить разбирательство до 23 июля, когда объявил, что судебный орган должен следовать правилам римского суда и, следовательно, перенести заседание на октябрь. Он уже был осведомлен о том факте, что Климент VII, уступив мольбам Екатерины и требованиям императора, отложил рассмотрение дела до Рима (19 июля) и что призыв к королю и королеве прибыть туда для защиты их прав был уже на пути в Англию. [12]

Генрих, скрывая свои истинные чувства, притворился удовлетворенным; но на самом деле его разочарование было крайним. Анна Болейн и ее друзья полностью возложили вину на Вулси. Они предположили, что кардинал играл двойную роль на протяжении всего процесса. Какое-то время в сознании короля происходил конфликт между советами его друзей и памятью о годах верной службы Вулси; но в конце концов Генрих перешел на сторону Анны, и Вулси был обречен на гибель. Он был лишен должности лорда-канцлера, которая была доверена сэру Томасу Мору (октябрь 1529 г.), обвинен в нарушении статута преуниверситета путем осуществления законных полномочий, обвинение, в котором он признал себя виновным, хотя он мог сослаться в свою защиту на разрешение и полномочия короля, обвинен в парламенте как виновный в государственной измене, от наказания за которую он был спасен энергичной защитой своего способного последователя Томаса Кромвеля (декабрь), и ему было приказано удалиться в свою Йоркскую епархию (1530 г.). Его поведение в эти трудные времена вскоре вызвало восхищение как друзей, так и врагов. Глубокое благочестие и религиозность этого человека, как бы сильно они ни были скрыты его любовью к помпезности и показухе в дни его славы, помогли ему мужественно противостоять нападкам своих противников. Он проводил время в молитвах и добросовестном исполнении своих епископских обязанностей, но враги, обеспечившие его падение при дворе, не были удовлетворены. Они знали, что он все еще пользовался расположением короля, и опасались, что в случае возникновения каких-либо внешних

осложнений он может быть отозван ко двору и восстановлен в своем прежнем достоинстве. Поэтому они решили добиться его смерти. Был отдан приказ о его аресте и заключении в Тауэр, но вмешалась смерть и спасла его от уготованной ему участи. Не доезжая до Лондона, он внезапно заболел и умер, получив последние религиозные утешения (ноябрь 1530 г.).

Генрих, не сумев добиться благоприятного вердикта от легатской комиссии, решил запугать папу, чтобы тот подчинился его желаниям, показав ему, что за королем Англии стоит английский парламент. Были приняты самые тщательные меры предосторожности, чтобы обеспечить избрание членов, которые могли быть настроены дружелюбно. Во многих случаях вместе с судебными приказами имена тех, возвращения которых требовал суд, направлялись шерифам. [13] Парламент, которому было суждено сыграть столь важную роль в английских делах, собрался в 1529 году. Его открыл лично король, на котором присутствовал сэр Томас Мор в качестве лорда-канцлера. По наемке из соответствующих кругов она немедленно обратила свое внимание на предполагаемые злоупотребления духовенства. Основными выдвинутыми жалобами были чрезмерные сборы и задержки в связи с утверждением завещаний, множественность пособий, а также сельскохозяйственная и коммерческая деятельность священников, епископов и религиозных домов, деятельность, которая была вредной для них самих и несправедливой по отношению к их конкурентам-мирянам. В Палате общин были приняты меры, чтобы положить конец этим поборам и злоупотреблениям, но когда законопроект поступил в Палату лордов, епископ Фишер подал решительный протест, за который король призвал его к ответу. Когда парламент сделал достаточно, чтобы показать епископам и римскому двору, чего можно ожидать в случае невыполнения пожеланий Генриха, рассмотрение дела было отложено (декабрь 1529 г.), и в следующем месяце торжественное посольство во главе с графом Уилтширским, отцом Анны Болейн, было отправлено для беседы с папой Римским и Карлом V. в Болонью. Посланникам было поручено попытаться склонить императора к осуществлению планов короля, но Карл V. отнесся к их заигрываниям с негодованием и отказался принести честь своей тети в жертву дружбе Англии. Единственным результатом посольства было то, что графу Уилтширу было вручено официальное приглашение Генриха явиться в Рим, но по просьбе последнего была предоставлена отсрочка на несколько недель. Если немедленно не будут приняты какие-либо серьезные меры, Генрих имел все основания ожидать, что в Риме против него может быть вынесен приговор и что он окажется вынужденным либо безоговорочно подчиниться, либо защищаться от объединенных сил императора и короля Франции.

Чтобы предотвратить или, по крайней мере, отсрочить такой результат и укрепить руки английских агентов в Риме, он решил последовать совету, который дал ему Томас Кранмер, а именно добиться для развода с Екатериной одобрения университетов и ученых канонистов мира. Агенты были отправлены в Кембридж и Оксфорд, чтобы добиться вердикта в пользу короля. Обнаружив невозможность добиться благоприятного вердикта от университетов, агенты добились передачи дела на рассмотрение небольшого комитета как в Кембридже, так и в Оксфорде, и решение комитетов, хотя и отнюдь не единогласное, было зарегистрировано как решение университетов. [14] Франциск I Французский, который по политическим причинам был на стороне Генриха на протяжении всего процесса, оказал давление на французские университеты, многие из которых заявили, что брак Генриха с Екатериной был недействительным. В Италии количество мнений, высказанных в пользу желаний короля, полностью зависело от количества денег, имевшихся в распоряжении его агентов. [15] Чтобы поддержать вердикт образованного мира, Генрих решил показать Риму, что знать и духовенство

его королевства полностью сочувствуют его поступку. Петиция, подписанная большим количеством мирян и несколькими епископами и аббатами, была направлена Клименту VII (13 июля 1530 г.). [16] В нем говорилось, что вопрос о раздельном проживании, поскольку он касался свободы короля вступать в брак, имеет первостепенное значение для благосостояния английской нации, что ученый мир уже высказался в пользу короля и что, если папа не удовлетворит эту просьбу, Англия может быть вынуждена прибегнуть к другим средствам обеспечения возмещения ущерба, даже если для этого потребуются созвать Генеральный совет. Этому Клименту VII. отправил достойный ответ (сентябрь), в котором указал, что на протяжении всего разбирательства он проявлял величайшее уважение к Генриху и что любая задержка, возникшая при вынесении вердикта, была вызвана тем фактом, что король не назначил законных представителей в римских судах. [17] Французский посол также предпринял энергичные меры для поддержки английских агентов, угрожавших, что его господин может быть вынужден в случае необходимости объединиться с Генрихом; но даже эта угроза не возымела действия, и агенты короля были вынуждены сообщить, что его дело в Риме практически безнадежно и что в любой момент папа может настоять на продолжении судебного процесса.

Когда Генрих понял, что брак с Анной Болейн означает неповиновение Риму, он был склонен колебаться. Как с точки зрения религии, так и с точки зрения государственной политики отделение от Святого Престола было решительно неприемлемым. Пока он был в таком настроении, охваченный страстью и беспокойством, ему было предложено, вероятно, Томасом Кромвелем, бывшим учеником павшего кардинала, воспользоваться этой возможностью, чтобы укрепить королевскую власть в Англии, бросив вызов авторитету Папы Римского и взяв в свои руки контроль над богатством и покровительство Церкви. Открывшаяся ему таким образом перспектива была настолько заманчивой, что Генрих решил последовать совету, правда, пока не с намерением втянуть свое королевство в открытый раскол, а в надежде, что папа будет вынужден уступить его требованиям. В декабре 1530 года он обратился с решительным письмом к Клименту VII. Он еще раз потребовал, чтобы законность его брака была передана в английский суд, и предупредил папу воздержаться от вмешательства в права короля, если он желает, чтобы прерогативы Святого Престола уважались в Англии. [18]

Это письмо Генриха VIII. явно было ультиматумом, несоблюдение которого означало открытую войну. В начале 1531 года были предприняты шаги по подготовке пути к королевскому господству. За осуществление полномочий легата в Англии кардиналу Уолси было предъявлено обвинение, и он был признан виновным в нарушении статуса Премуниверситета, и поскольку духовенство подчинилось его полномочиям, им как единому целому было предъявлено обвинение в соучастии в его вине. Генеральный прокурор подал на них жалобу в суд королевской скамьи, но на заседании духовенству было намекнуто, что они могут добиться прощения за совершенное преступление, сделав крупный взнос в королевскую казну и должным образом подчинившись королю. Кентерберийский собор предложил сумму в 100 000 фунтов стерлингов, но предложение было отклонено, если только духовенство не будет готово признать короля единственным защитником и верховным главой церкви и духовенства в Англии. К такому новому предложению Собрание отнеслось решительно враждебно, но, наконец, после долгих консультаций Уорхэм, престарелый архиепископ Кентерберийский, предложил, чтобы они признали короля "только своим единственным защитником и верховным господином, и, насколько позволяет закон Христа, даже верховным главой". "Тот, кто молчит, - сказал архиепископ, - может быть привлечен к согласию", и таким образом, при молчании собрания была принята новая формула. [19] На Йоркском соборе епископ Танстолл из Дарема,

согласившись на денежную выплату, выступил с энергичным протестом против нового титула, на который Генри счел необходимым направить обнадеживающий ответ. Затем парламент утвердил помилование, за которое духовенство так дорого заплатило, и, чтобы успокоить опасения мирян, было даровано бесплатное помилование всем тем, кто был причастен к преступлению папского легата.

В январе 1531 года Климент VII издал распоряжение, запрещающее Генриху жениться вторично и предостерегающее университеты и суды от вынесения решения по делу, которое было оставлено на усмотрение Святого Престола. Когда в том же месяце дело было возбуждено в Роте, оправдывающийся явился с повинной, но поскольку у него не было официальных полномочий от короля, его не допустили. Рассмотрение дела, однако, время от времени откладывалось в надежде, что Генрих смягчится. Тем временем по предложению короля несколько депутатов прибыли к Екатерине, чтобы убедить ее отозвать свое обращение в Рим. Раздраженный ее упрямством, Генрих отослал ее от двора и разлучил с ней ее дочь. После ноября 1531 года король и королева больше никогда не встречались. Общественное мнение в Лондоне и по всей Англии было настроено против развода и против любого разрыва с императором, который мог закрыть фламандские рынки для английских купцов. Духовенство, возмущенное тем, что их представители заплатили такую огромную сумму, чтобы добиться прощения за преступление, в котором они были не более виновны, чем сам король, горячо протестовало против налогов, которыми облагались их доходы. Не обращая внимания на народные волнения, Генрих продолжил узурпировать власть папы и епископов, и хотя внешне он был суров в подавлении ереси, друзья лютеранского движения в Англии публично хвастались, что король на их стороне.

Когда парламент собрался снова (январь 1532 г.), нападения на духовенство возобновились. Петиция против епископов, составленная Томасом Кромвелем по предложению Генриха, [20] была представлена королю от имени Палаты общин. В этой петиции членам церкви было предложено пожаловаться на то, что духовенство принимало законы и статуты созывом, не посоветовавшись с королем или палатой общин, что с истцами жестоко обращались в церковных судах, что в отношении завещаний люди были обеспокоены чрезмерными сборами и ненужными задержками, и что количество праздников наносило ущерб торговле и сельскому хозяйству. Эта жалоба была направлена в Convocation для получения ответа. Епископы, отстаивая за духовенством право издавать свои собственные законы и статуты, не проявили нежелания пойти на компромисс, но парламент по наущению Генриха отказался принять их предложения. Король, который был полон решимости сокрушить власть духовенства, настаивал на том, что Созыв должен отказаться от своего права принимать конституции или постановления без королевского разрешения, и что уже принятые постановления должны быть представлены смешанной комиссии, назначенной властью короны. Подобные предложения, столь противоречащие обычаям королевства и столь разрушительные для независимости Церкви, не могли не быть крайне неприятны епископам; но перед лицом бескомпромиссной позиции короля они были вынуждены уступить, и в документе, известном как "Подчинение духовенства", они пожертвовали законодательными правами созыва (май 1532 г.). Они согласились не принимать никаких новых канонов, конституций или постановлений без согласия короля, что уже принятые должны быть представлены комитету, состоящему из духовенства и мирян, назначенных королем, и что законы, принятые этим комитетом и

одобренные королем, должны оставаться в полной силе. Сэр Томас Мор, который усердно трудился в защиту Церкви, быстро подал в отставку с поста лорда-канцлера, чтобы иметь больше свободы действий в возникшем кризисе.

В марте 1532 года был предпринят еще один шаг, чтобы внушить благоговейный страх римскому двору и заставить папу уступить требованиям Генриха. Был принят Закон, отменяющий Анн, или Первые плоды, выплачиваемые Риму всеми епископами при их назначении на вакантные кафедры. Если папа откажется назначить без таких выплат, было постановлено, что хиротония должна быть произведена архиепископом провинции без дальнейшего обращения в Рим. Такая мера, столь прямо направленная к расколу, встретила сильное противодействие в Палате лордов со стороны епископов, аббатов и многих лордов-мирян, как это было и в Палате общин. В конце концов, закон был принят только при том понимании, что он не должен вступить в силу в течение года, и что за это время, если удастся достичь соглашения с папой римским, король может письмами аннулировать его. Генрих поручил своему послу в Риме проинформировать Климента VII. что этот закон против аннатов был полностью работой парламента, и что, если папа желает его отмены, он должен проявить более примирительный дух по отношению к королю и народу Англии. [21]

Однако папа римский отказался поддаваться такому запугиванию. Когда в Рим пришло известие о том, что Генрих отослал Екатерину от двора, был рассмотрен вопрос об отлучении от церкви, но поскольку отлучение короля от церкви, вероятно, было чревато такими серьезными последствиями для Английской церкви, Климент VII. не решался опубликовать это в надежде, что Генри поймет ошибочность своего поведения. Судебный процесс время от времени откладывался, пока, наконец, в ноябре 1532 года папа не направил королю строгое письмо, предупреждая его под угрозой отлучения от церкви убрать Анну Болейн и не пытаться развестись с Екатериной или жениться на другой, пока в Риме не будет вынесено решение. [22] К этому времени король оставил всякую надежду заручиться одобрением Рима для задуманного им шага. Даже в Англии развод с Екатериной встретил сильное противодействие как со стороны духовенства, так и мирян. Сэр Томас Мор и многие вельможи были на стороне Екатерины, равно как и епископ Фишер из Рочестера и епископ Танстолл из Дарема. Даже Реджинальд Поул, двоюродный брат короля, получивший образование за счет Генриха и для которого должность архиепископа Йоркского оставалась вакантной, отказался от заманчивых предложений, которые ему делали при условии, что он поддержит дело отделения. Вместо этого он предпочел уехать из Англии, чем действовать против своей совести, поддерживая развод Кэтрин. [23] К счастью для Генри, в этот момент Уорхэм, престарелый архиепископ Кентерберийский, который был стойким защитником Святого Престола, [24] скончался (август 1532 г.). Король решил добиться назначения архиепископа, на которого он мог бы положиться в осуществлении своих замыслов, и соответственно Томас Кранмер был выбран и представлен Риму. После долгих колебаний и просто как меньшее из двух зол его назначение было подтверждено.

Томас Кранмер родился в Ноттингеме и получил образование в Кембридже. Он рано женился, но его жена умерла через несколько месяцев, и он решил принять духовный сан. Его предложение представить законность брака Генри на рассмотрение университетской коллегии, прозвучавшее в то время, когда Генри был в растерянности, показало, что он сообразительный человек, услугами которого должен воспользоваться суд. Соответственно, он был назначен капелланом отца Анны Болейн и был одним из тех, кто был отправлен в составе посольства для встречи с папой Римским и Карлом V. в Болонье. Во время своих скитаний по Германии он

сблизился со многими ведущими реформаторами и, следуя их учению и примеру, взял себе жену в лице хорошо известного лютеранского священника Осиандера. Такой шаг, столь неуютный церковным властям и, вероятно, вызвавший неудовольствие Генриха, который, несмотря на собственную слабость, настаивал на священническом безбрачии, держался в секрете, хотя вовсе не исключено, что этот секрет достиг ушей короля. В то время, когда последний решил бросить вызов Риму, он знал, как важно для него пожертвовать своими личными пристрастиями ради того, чтобы иметь такого сговорчивого человека, как Кранмер, архиепископом Кентерберийским и главой духовенства в Англии. 30 марта 1533 года Кранмер был рукоположен в сан архиепископа и принес обычную клятву послушания и верности Папе Римскому; но непосредственно перед церемонией он выразил официальный протест, заявив, что считает клятву простой формой и что он хотел бы оставаться свободным, чтобы обеспечить реформирование Церкви в Англии. [25] Такой шаг достаточно ясно указывает на характер первого архиепископа Реформации в Англии.

Чтобы подготовить почву для вынесения приговора, который мог быть опубликован папой в любой момент, был внесен законопроект, запрещающий апелляции в Рим под страхом преуниверситета и объявляющий, что все брачные иски должны рассматриваться в Англии и что духовенство должно продолжать свое служение, несмотря на любые порицания или интердикты, которые могут быть обнародованы папой. Законопроект был принят Палатой лордов, но встретил серьезное противодействие в Палате общин. Было сделано предложение собрать 200 000 фунтов стерлингов для нужд короля, если только он передаст весь вопрос на рассмотрение Генерального совета, но в конце концов, частично угрозами, а частично обманом относительно позиции папы и императора, оппозиция была вынуждена уступить, и законопроект стал законом. Этим Актом было объявлено, что королевством Англии должен управлять один верховный глава и король, которому и духовность, и мирская жизнь должны были подчиняться "после Бога естественному и смиренному послушанию", что Английская церковь была компетентна управлять своими собственными делами без вмешательства иностранцев, и что все духовные дела должны рассматриваться и решаться королевской юрисдикцией и авторитетом. [26] Вопрос о разводе был вынесен на рассмотрение Конвокации в марте 1533 года, и хотя Фишер смело выступил в защиту брака Екатерины, его братья не поддержали его, и Конвокация выступила против законности брака.

Теперь Генри мог свободно сбросить маску. Он мог сослаться на вердикт, вынесенный в его пользу как парламентом, так и созывом, и мог положиться на Кранмера как архиепископа Кентерберийского в выполнении его пожеланий. Чтобы обеспечить законность ребенка, который вскоре должен был родиться, он тайно женился на Анне Болейн в январе 1533 года. В апреле Кранмер попросил разрешения созвать суд для рассмотрения вопроса о браке Генриха с Екатериной, и на эту просьбу, вдохновленную им самим, король милостиво согласился. Суд заседал в Данстейбле, куда была вызвана Кэтрин. Из-за ее отказа признать себя виновной она была осуждена как непокорная. Архиепископ вынес приговор о том, что ее брак с Генри недействителен (23 апреля 1533 года). Затем Кранмер обратил свое внимание на брак Генриха с Анной, и, как и следовало ожидать, этому сговорчивому министру не составило труда высказаться в его пользу. В Великое воскресенье (1533) Анна была коронована как королева в Вестминстерском аббатстве. Народные настроения в Лондоне и по всему королевству были решительно враждебны новой королеве и французскому послу, которого обвиняли в том, что он встал на сторону Екатерины, но Генрих был настолько уверен в своей власти, что его не тронуло поведение лондонской черни. В сентябре, к великому разочарованию короля, которого

астрологи и колдуны убедили в том, что он может ожидать появления наследника, родилась дочь, которой дали имя Елизавета.

Папа римский, действуя по просьбе французского и английского послов, отложил вынесение окончательного приговора, но известие о браке Генриха с Анной и о приговоре, обнародованном архиепископом Кентерберийским, потребовало принятия решительных мер. 11 июля было объявлено, что развод Генриха с Екатериной и его брак с Анной недействительны. [27] Приговор об отлучении от церкви против него был подготовлен, но его опубликование было отложено до сентября, когда была назначена беседа между папой Римским и Франциском I. Франциск I. все еще не терял надежды на то, что удастся договориться о мирном урегулировании. На протяжении всего процесса он горячо поддерживал дело Генриха, полагая, что Англия, полностью порвав с племянником Екатерины Карлом V, может быть вынуждена заключить союз с Францией; но он никогда не желал, чтобы Генрих VIII. следует бросить вызов Святому Престолу или сказать, что Англия должна быть отделена от Католической церкви. Он по очереди обращался со своими увещеваниями и петициями к папе римскому и Генриху, но события достигли такой кульминации, что посредничество было почти невозможно. Беседа, организованная папой Римским и Франциском I. состоялась в Марселе в октябре 1533 года. Невзирая на все правила дипломатической вежливости и хороших манер, представитель Генриха ворвался в присутствие папы и объявил ему, что король Англии обжаловал вердикт Рима на решение Генерального собора. Уведомления об этом обращении были расклеены по Лондону, и проповедникам было приказано выступать с речью против власти папы римского, который отныне именовался епископом Рима и чьи приговоры и отлучения, как следовало сообщать народу, имели не большее значение, чем приговоры и отлучения от церкви любого другого иностранного епископа. Теперь путь был открыт для заключительного акта расставания.

Парламент собрался в январе 1534 года. Принятый годом ранее закон против выплаты аннатов теперь был обнародован. Согласно этому Закону, с папой римским нельзя было консультироваться относительно будущих назначений на английские престолы. Когда епископство становится вакантным, капитул, получивший /Congé d'élire/, должен приступить к избранию лица, указанного в королевских письмах, сопровождающих /Congé/, и избранное таким образом лицо должно быть представлено митрополиту для хиротонии. В случае митрополичьего престола избранный архиепископ должен быть рукоположен другим митрополитом и двумя епископами или четырьмя епископами, назначенными короной. Был принят еще один закон, запрещающий выплату пенсов Питеру и всех других сборов и пенсий, ранее выплачивавшихся Риму. Архиепископ Кентерберийский был уполномочен даровать разрешения, и санкции Praemunire были применены ко всем лицам, которые должны были подать заявление о приеме на работу к папе римскому. Третьим актом был возобновлен запрет на апелляции в Рим, хотя было разрешено подавать апелляцию из суда архиепископа Кентерберийского в королевский канцлерский суд. Созыву было запрещено принимать какие-либо новые постановления без согласия короля, а те, которые уже были приняты, подлежали пересмотру королевской комиссией. Наконец, был принят Закон, наделяющий наследством детей Генриха и Анны, за исключением принцессы Марии. Брак с Екатериной был объявлен парламентом недействительным главным образом на том основании, что ни один мужчина не мог обойтись без закона Божьего, и для предотвращения подобных кровосмесительных союзов в будущем был составлен список запрещенных степеней, который было приказано выставлять в общественных церквях. Ставить под сомнение брак Генриха с Анной Болейн письменно,

словом, делом или поступком было объявлено государственной изменой, и все лица должны были принести присягу, подтверждающую преемственность под страхом обвинения в государственной измене по ошибке. То, что парламент был вынужден принять эти меры вопреки собственному здравому смыслу, ясно из небольшого числа членов, занявших свои места в Палате лордов, а также из того факта, что некоторые из простолюдинов заверили имперского посла, что, если бы его господин вторгся в Англию, он мог бы рассчитывать на значительную поддержку.

В Риме агенты Франциска I. Опасаясь, что союз между Францией и Англией будет невозможен, если Генрих откажется от своей верности Церкви, они перевернули небо и землю, чтобы предотвратить вынесение окончательного приговора. Тот факт, что император был одновременно неспособен и не желал приводить в исполнение решение папы, и что вместо того, чтобы желать отлучения Генриха от церкви и низложения, он был против такого шага, еще больше затруднял папе принятие решительных мер. Наконец, после различных консультаций с кардиналами был вынесен приговор, объявляющий брак с Екатериной действительным, а детей, рожденных от этого брака, законными (23 марта 1534 года). Когда известие об этом решении достигло Англии, Генрих был встревожен. Он опасался, что император может объявить войну в любой момент, что императорская армия может высадиться на английских берегах и что Франциск I, уступив мольбам папы, может объединиться с империалистами. Были отданы приказы укреплять укрепления и держать флот в готовности. Были отправлены агенты для обеспечения нейтралитета Франции, а проповедникам было приказано осудить римского епископа. Однако при нынешнем положении дел в такой тревоге не было необходимости. Императору было чем заняться в Испании и Германии, а вражда между Карлом V и королем Франции была слишком острой, чтобы помешать им действовать сообща даже в защиту их общей религии.

Тем временем Генриху было ясно, что народ настроен решительно против его политики, но вместо того, чтобы уступить этому, он стал еще более упрямым и решительным показать народу, что его желаниям необходимо подчиняться. Монахиня по имени Элизабет Бартон, широко известная как "Монахиня из Кента", утверждала, что была удостоена особых видений свыше. Она осудила брак короля с Анной и посетовала на распространение ереси в королевстве. Люди стекались со всех концов, чтобы взять у нее интервью, и даже Кранмер притворился, что ее заявления произвели впечатление. Она и многие из ее главных сторонников были арестованы и приговорены к смертной казни (ноябрь 1534 г.). Была надежда, что ее признанием удастся умиротворить епископа Фишера, которого Генрих особенно ненавидел из-за позиции, которую он занял по вопросу о браке, и покойного лорда-канцлера сэра Томаса Мора. Оба встречались с монахиней, но старались избегать всего, что хотя бы отдаленно могло быть истолковано как государственная измена. В Акте о преследовании, внесенном в парламент против Элизабет Бартон и ее сообщников, были включены имена Фишера и Мора, но чувства в пользу Мора были настолько сильны, что его имя было стерто. Фишер, хотя и смог снять с себя все разумные основания для подозрений, был признан виновным в ложном обвинении в государственной измене и приговорен к выплате штрафа в размере 300 фунтов стерлингов. Затем Фишера и Мора призвали принести клятву престолонаследия, которая в том виде, в каком она была составлена, включала, наряду с признанием законности детей, рожденных от Генриха и Анны, отказ от главенства папы Римского и действительности брака Генриха с Екатериной. Оба были готовы принять порядок наследования, установленный Актом парламента, но ни один из них не мог

согласиться с другими предложениями. Поэтому они были арестованы и заключены в Тауэр (апрель 1534 г.).

Были назначены комиссии для принесения присяги духовенству и мирянам, большинство из которых приняли ее, одни из страха перед последствиями отказа, а другие в надежде получить долю монастырских земель, которые, по слухам, вскоре поступят в распоряжение короля. Королевская комиссия, состоящая из Джорджа Брауна, настоятеля Августинских отшельников, и доктора Хилси, провинциала доминиканцев, была назначена для посещения религиозных домов и получения представления членов (апрель 1534 г.). Угрозами роспуска и конфискации они добились подчинения большинства монастырских учреждений, за исключением обсервантов Ричмонда и Гринвича и картузианцев Чартерхауса в Лондоне. Многие члены этих общин были арестованы и помещены в Тауэр, и был издан указ о том, что семь домов, принадлежащих Обсервантам, которые оказывали яростное сопротивление разводу, должны быть уничтожены. [28] Кентерберийский и Йоркский созывы подали заявки, как и Оксфордский и Кембриджский университеты.

Когда парламент снова собрался в ноябре 1534 года, был внесен законопроект, провозглашающий короля верховным главой Церкви в Англии. Эта мера была основана на признании королевского превосходства, полученном в результате Созыва тремя годами ранее, но с опущением исключаящей оговорки "насколько позволяет закон Христа". В соответствии с этим Актом было объявлено, что король "справедливо является и должен быть верховным главой Церкви в Англии и пользоваться всеми почестями, достоинствами, превосходством, юрисдикцией, привилегиями, полномочиями, иммунитетами, прибылями и товарами", относящимися к достоинству верховного главы Церкви. [29] В отношении Фишера, Мора и всех других, кто отказался подчиняться, был принят судебный акт. Первые плоды, ранее выплачивавшиеся папе, должны были быть выплачены королю, и епископам было разрешено назначать людей, одобренных короной, своими помощниками.

Этими мерами конституция Церкви, в том виде, в каком она веками принималась английским духовенством и мирянами, была отменена. Авторитет папы римского был отвергнут в пользу авторитета короля, который в будущем должен был рассматриваться как источник всей церковной юрисдикции. Эта великая религиозная революция была осуществлена без согласия епископов и духовенства. За единственным исключением Кранмера, епископы все до единого выступили против перемен, и если они и большая часть духовенства в конце концов подчинились, то сделали это не потому, что были убеждены королевскими доводами, а потому, что боялись королевского недовольства. Ни одна значительная часть знати и народа не одобрила это изменение. Первые были одержимы отчасти страхом, отчасти надеждой получить долю в разграблении Церкви; вторые, встревоженные трусостью, проявленной их духовными и мирскими лидерами, не видели никакой надежды на успешное сопротивление. Если бы в Англии были какие-либо сильные чувства против Святого Престола, некоторые епископы и духовенство открыто высказались бы против папы в то время, когда такой шаг заслужил бы одобрение короля. Тот факт, что эта мера могла быть принята при таких обстоятельствах, сам по себе является лучшим примером того, что подразумевалось под тюдоровским деспотизмом в те дни, когда английский парламент был всего лишь машиной для регистрации желаний короля.

В январе 1535 года был издан приказ о присвоении королю титула верховного главы Англиканской церкви. Томасу Кромвелю, быстро поднявшемуся при дворе, несмотря на опалу

своего покровителя, кардинала Вулси, было поручено заставить духовенство и мирян отречься от власти папы. Епископам было приказано сдать Буллы о назначении, которые они получили из Рима, и недвусмысленно признать, что они признают королевское превосходство. Кромвель был назначен генеральным викарием короля, от которого епископы и архиепископы были обязаны получать указания. Против любого, кто даже в частном порядке высказывался в пользу Рима, должны были применяться суровые меры. Приор Лондонского Чартерхауса и некоторые другие картузианцы были привлечены к суду за отказ признать королевское превосходство (апрель 1535 года). После умелой и бескомпромиссной защиты они были признаны виновными в государственной измене и приговорены к смертной казни с самой отвратительной жестокостью. [30] Епископу Фишеру и сэру Томасу Мору, которые были заключенными в Тауэре, было предоставлено некоторое время, чтобы обдумать свое поведение. Фишер заявил, что не может признать короля верховным главой Церкви. Пока он сидел в тюрьме в ожидании суда, Павел III в знак признания его верноподданнических заслуг перед Церковью пожаловал ему кардинальскую шапку. Эта честь, какой бы заслуженной она ни была, лишь вызвала гнев короля. Он заявил, что к тому времени, когда придет шляпа, у Фишера не должно быть головы, на которой его можно было бы надеть, и, чтобы показать, что это была не пустая угроза, был отдан категорический приказ, согласно которому, если Фишер и Мор не принесут присягу до праздника Святого Иоанна, они должны понести наказание, предусмотренное для предателей. Фишер вместе с несколькими картезианскими монахами предстал перед судом (июнь 1535 г.) и был признан виновным в государственной измене за то, что заявил, что король не является верховным главой Церкви. Заключенные были приговорены к повешению, растерзанию и четвертованию. В случае с картезианцами приговор был приведен в исполнение в точности, но поскольку существовали опасения, что Фишер может умереть до того, как доберется до Тайберна, он был обезглавлен в Тауэре (22 июня), а его голова была насажена на лондонский мост. [31]

Суд над сэром Томасом Мором состоялся в Вестминстер-холле перед специальной комиссией (1 июля). Каким бы способным адвокатом он ни был, ему не составило труда доказать, что своим молчанием он не совершил никакого преступления и не нарушил ни одного акта парламента, но никакая защита не могла помочь ему вопреки воле короля. Присяжные незамедлительно вынесли обвинительный вердикт. Перед вынесением приговора заключенный мужественно выступил против королевского превосходства и в защиту власти Рима. Он заявил, что Акт парламента, который присвоил королю титул верховного главы Церкви, противоречит как Божьим, так и человеческим законам, что он находится в вопиющем противоречии с Великой хартией вольностей и что король Англии не может отказать в повиновении Святому Престолу, как ребенок не может отказаться от повиновения своему отцу. Даже после суда и осуждения была предпринята еще одна попытка заставить его подчиниться, но он отказался и 6 июля завершил свою карьеру мученика за Рим. [32]

Казнь Фишера и Мора ясно показала всем, что разрыв с Римом вряд ли будет залечен. Когда новости о том, что произошло в Англии, достигли Рима, Павел III. ему не терпелось издать указ о низложении Генриха. Если бы он сделал это и если бы его поддержали император и Франциск I. нет сомнений, что многие английские дворяне встали бы под знамена захватчиков, но враждебность между Францией и императором спасла Генриха. Ни одна из сторон не желала помогать папе, чтобы другая не заключила союз с Англией. Однако, опасаясь такого союза между Франциском I и Карлом V. Генрих поспешил обратиться за помощью к протестантским князьям Германии. С 1531 года он поддерживал с ними связь, призывая их быть осторожными

при введении религиозных новшеств, но теперь он был так встревожен тем, что император и король Франции могут взяться за руки, чтобы помочь Папе в созыве Генерального собора, что английским посланникам было поручено встретиться с протестантскими князьями в Шмалькальде (1535), чтобы договориться о совместных действиях. Тесный союз между Англией и протестантскими государствами Германии не мог быть заключен, потому что протестантские князья настаивали на том, чтобы Генрих принял исповедание Аугсбурга, а Генрих отказался допустить такое вмешательство в религиозные дела Англии. Тем не менее, английским богословам было приказано оставаться в Виттенберге, а лютеранским богословам было предложено приехать в Англию для обсуждения религиозных различий. [33]

Тем временем Кромвель был занят посещением монастырей Англии (1535). Чтобы донести до сознания епископов смысл королевского превосходства, он приостановил их посещения, пока королевские гости были на работе. Кромвель, будучи не в состоянии выполнить эту обязанность сам, назначил делегатов и снабдил их списком вопросов, которые следовало рассмотреть. Его главными делегатами были Ричард Лейтон и Томас Ли, оба мужчины, как видно из их собственных писем, которые, вероятно, не были слишком щепетильны в отношении используемых ими методов. Они были резки, грубы и brutальны в своем обращении как с монахами, так и с монахинями, особенно в домах, где подозревали враждебное отношение к недавно принятым законам. Они использовали все, что было в их силах, чтобы нарушить гармонию религиозной жизни и выбить из колеи умы молодых членов общин. Через несколько месяцев визиты были завершены, и отчеты о посетителях были представлены Кромвелю. Согласно этим сообщениям, большинство монастырей были обителями греха и порока, и многие монахи и монахини были виновны в чудовищных преступлениях, но, хотя в отдельных случаях для этих обвинений могли быть некоторые основания, есть веские причины не считать заслуживающим доверия этот рассказ о монашеской дисциплине. Во-первых, королевские гости пересекли страну с такой молниеносной быстротой, что для них было бы невозможно прийти к правильному суждению, даже если бы они были беспристрастными и честными людьми. То, что они не были ни честными, ни беспристрастными, достаточно ясно из их собственной переписки. Кромвель послал их собрать доказательства, которые могли бы послужить достойным предлогом для подавления монастырей и конфискации монастырского имущества, и они приложили все усилия, чтобы показать своему хозяину, что его доверие к ним не было напрасным. Их единственная ошибка заключалась в том, что в своем стремлении очернить личность несчастного верующего они перешли границы человеческой доверчивости. Они положительно упивались грехом, и скандалы, о которых они сообщали, были такого грубого и отвратительного характера, что невозможно поверить, что они могли быть правдой, иначе люди, вместо того чтобы взяться за оружие для защиты религиозных домов, подняли бы восстание, чтобы подавить подобную мерзость. Неверно также говорить, что / Comperta / были представлены парламенту для обсуждения, и что члены были настолько шокированы рассказанной ими историей, что потребовали подавления этих незаконных институтов. Существует множество свидетельств того, что парламент неохотно предпринимал какие-либо действия против религиозных домов, что только благодаря личному вмешательству короля было разрешено принять законопроект о подавлении малых монастырей, и что, по меньшей мере, сомнительно, были ли представлены в парламент какие-либо заявления, кроме общих, основанных на / Comperta /. История создания "Черной книги", которая, как предполагается, содержала отчеты, относится к гораздо более позднему времени и исходит из источников, которые нельзя считать непредвзятыми. Вероятно, это произошло из-за

неправильного понимания природы "Compendium Compertorum", который касался только приходов северной провинции. Странно, что, хотя комиссары не делали различия между состоянием больших и меньших монастырей, парламентский акт, основанный на этих отчетах, постановил упразднить только меньшие монастыри, как будто порок и пренебрежение дисциплиной с большей вероятностью царили в маленьких, а не в более крупных общинах; и столь же странно, что настоятели многих домов, о которых поступали неблагоприятные сообщения, были выдвинуты на высокие церковные должности королем и его генеральным викарием, которые должны были быть убеждены в виновности и недостойности таких министров, если бы они доверяли им. их собственные уполномоченные. В случае с некоторыми епархиями, как, например, Норвич, можно сравнить результаты посещения епископата, состоявшегося несколькими годами ранее, с отчетами уполномоченных Кромвеля, и хотя из этих более ранних отчетов достаточно ясно, что с дисциплиной было не все в порядке, расхождение между отчетами епископов и королевских уполномоченных настолько поразительно, что трудно поверить, что палаты могли так быстро деградировать за столь короткий промежуток времени, чтобы оправдать / *Comperta* / уполномоченных. Но что еще более поразительно, так это тот факт, что после выхода указа о запрете другие уполномоченные, набранные в основном из местной знати, многим из которых предстояло участвовать в разграблении монастырских земель, посетили несколько домов, против которых были выдвинуты серьезные обвинения, и не нашли ничего, заслуживающего особого осуждения. Эти люди вряд ли были предубеждены в пользу монахов и монахинь. Они были хорошо знакомы с населением округа и имели все возможности узнать мнение масс о дисциплине в религиозных общинах. Таким образом, они были в гораздо лучшем положении для установления истины, чем королевские уполномоченные, которые могли нанести лишь кратковременный визит на несколько часов или, самое большее, на несколько дней. [34]

Истинной целью этого посещения и скандальных слухов, которые оно вызвало, было найти какой-нибудь благовидный предлог, который оправдал бы короля в глазах нации в подавлении монастырей и конфискации их имущества. Идея о том, что монастырские учреждения пользовались только управлением своими землями и имуществом и что ими в любой момент могли воспользоваться на благо общества, не была совершенно новой ни в истории Англии, ни в истории некоторых континентальных стран. За несколько лет до этого кардинал Уолси, например, распустил более двадцати монастырей, чтобы собрать средства для своих колледжей в Ипсвиче и Оксфорде, в то время как нередко короли Англии вознаграждали своих фаворитов и слуг, назначая им пенсию, выплачиваемую конкретным монастырем. С приходом к власти среднего класса и постепенным пробуждением более активной сельскохозяйственной и коммерческой деятельности жадные взоры были обращены к монастырям и фермам, принадлежащим религиозным учреждениям. В отличие от собственности частных лиц, эти земли, скорее всего, никогда не поступали на рынок, и, говоря по-человечески, передача права собственности могла быть осуществлена только путем насильственной революции. Поэтому многие люди, хотя и относились недружелюбно к монахам и монахиням как таковым, были не прочь принять предложения короля о конфискации религиозной собственности, особенно учитывая надежды, которые возлагались на дворян, богатых торговцев и корпорации городов, что приобретенная таким образом собственность может заменить налоги, которые в противном случае должны быть повышены для покрытия местных и национальных расходов.

За несколько месяцев до заседания парламента (февраль 1536 г.) было сделано все, что можно было сделать с помощью яростных памфлетов и проповедей против монахов и папства, чтобы

подготовить страну к рассматривавшимся крайним мерам. Король лично прибыл, чтобы предупредить Палату общин, что отчеты королевских уполномоченных, свидетельствующие о плачевном состоянии монастырей, призывают ни к чему иному, как к полному роспуску таких учреждений. Однако члены совета, похоже, не были удовлетворены рекомендациями короля, и, вероятно, именно из-за их опасений против массового пожертвования монастырей, хотя уполномоченные не делали различий между более крупными и мелкими заведениями, мера, введенная правительством, касалась только домов с годовым доходом менее 200 фунтов стерлингов. Даже в этой мягкой форме потребовалось большое давление, чтобы обеспечить принятие Закона, поскольку, хотя то тут, то там могли раздаваться жалобы на огораживание монастырских земель или на конкуренцию священнослужителей в мирских занятиях, большая часть людей по-прежнему была горячо привязана к монастырям. Как только был принят указ о роспуске, началась работа по подавлению. Было распущено около четырехсот религиозных домов, а их земли и имущество конфискованы в пользу короны. Монахи и монахини в количестве около 2000 человек остались без крова и зависели лишь от мизерных пенсий, которые нередко оставались невыплаченными. Их имущество и ценности, включая церковную утварь и библиотеки, были конфискованы. Их дома были разобраны, а стены без крыши остались стоять или были утилизированы как карьеры для продажи камней. [35] Такие жестокие меры вызвали возмущение широких народных масс, которые были привязаны к монастырям и которые всегда находили монахов и монахини услужливыми соседями, щедрыми к своим слугам и арендаторам, милосердными к бедным и путникам, хорошими наставниками молодежи и глубоко заинтересованными как в мирском, так и в духовном благополучии окружающих. В Лондоне и юго-восточных графствах, где новые тенденции пустили более прочные корни, значительное меньшинство поддерживало политику короля и Кромвеля, но по всей Англии в целом, от Корнуолла и Девона до границ Шотландии, подавляющее большинство английского народа возражало против религиозных нововведений, ненавидело Кромвеля и Кранмера как еретиков, смотрело на Марию как на законную наследницу престола, несмотря на решение суда Данстейбла, и осуждало нападения на монастыри как грабеж и святотатство. Волнение быстро распространилось, особенно среди крестьян, и вскоре до Лондона дошла весть о том, что на севере началось грозное восстание.

В октябре 1536 года жители Линкольна взяли за оружие, защищая свою религию. Многие дворяне были вынуждены принять участие в движении, которому они симпатизировали, но к которому боялись присоединиться, чтобы не подвергнуться безжалостной мести короля. Лидеры провозгласили свою лояльность короне и объявили о своем намерении направить агентов в Лондон для представления своих петиций. Они требовали восстановления монастырей, смещения еретических епископов, таких как Кранмер и Латимер, и увольнения злых советников, таких как Кромвель и Рич. Генрих VIII. ответил решительным отказом на их требования и отправил графа Шрусбери и герцога Саффолка подавлять восстание. Народ был вполне готов к сражению, но дворяне начали переговоры с королевскими военачальниками и посоветовали повстанцам разойтись. Герцог Саффолкский вошел в город Линкольн при всех признаках народного недовольства, хотя, поскольку лидеры стали малодушными, никакого сопротивления оказано не было. Те, кто принимал видное участие в восстании, были арестованы и преданы смерти; клятва превосходства была принесена каждому взрослому; и к началу апреля 1537 года все следы восстания были уничтожены.

Паломничеству Благодати на север было суждено оказаться гораздо более опасным движением. В начале октября 1536 года жители Йорка решили оказать сопротивление, и к

середине месяца вся страна подняла оружие под предводительством Роберта Аска, сельского джентльмена и юриста, хорошо известного в сфере юридических услуг Лондона. Вскоре движение распространилось по большинству графств севера. Йорк был сдан повстанцам без борьбы. Замок Помфрет, куда бежали в поисках убежища архиепископ Йоркский и многие дворяне, был вынужден капитулировать, и лорд Дарси, самый верный сторонник короля на севере, согласился присоединиться к партии Аске. Халл открыл свои ворота повстанцам, и к концу октября хорошо обученная армия численностью около 40 000 человек во главе с главными джентльменами севера расположилась лагерем в четырех милях к северу от Донкастера, где герцог Норфолк во главе 8000 человек королевских войск ожидал нападения. Герцог, полностью осознавая неполноценность своих войск и прекрасно понимая, что он не может рассчитывать на лояльность своих собственных солдат, многие из которых поддерживали требования повстанцев, решил выиграть время, начав переговоры о мирном урегулировании (27 октября). Были отправлены два гонца, чтобы изложить свои жалобы королю, и было решено, что до получения ответа обе стороны должны соблюдать перемирие. Король удовлетворил требования о сохранении старой веры, восстановлении свобод Церкви и увольнении таких министров, как Кромвель, долгими объяснениями и защитой своего политического и религиозного курса, и гонцы вернулись, чтобы сообщить, что герцог Норфолк прибывает на очередную конференцию. Многие лидеры утверждали, что время мирных протестов прошло и что теперь этот вопрос может быть решен только мечом. Если бы их совету последовали, результаты могли бы быть катастрофическими для короля, но чрезвычайная лояльность как лидеров, так и народа, а также страх, что гражданская война в Англии приведет к новому вторжению в Шотландию, побудили большинство исчерпать мирные средства, прежде чем прибегать к насилию.

Встреча лидеров с герцогом Норфолкским, представляющим короля, должна была состояться в Донкастере (5 декабря). Тем временем в Помфрете было созвано собрание духовенства, чтобы сформулировать религиозные претензии, и собрание мирян, чтобы сформулировать требования народа. Как духовенство, так и народ настаивали на признании папского верховенства, восстановлении всего духовенства, которое было свергнуто за сопротивление королевскому верховенству, уничтожении еретических книг, таких как написанные Лютером, Гусом, Меланхтоном, Тандейлом, Барнсом и Сент-Германом, увольнении еретических епископов и советников, таких как Кромвель, и восстановлении религиозных домов. Оказавшись лицом к лицу с такими требованиями, подкрепленными армией в 40 000 человек, Норфолк, опасаясь, что сопротивление невозможно, прибегнул к нечестной стратегии. Он пообещал повстанцам, что в Йорке будет созван свободный парламент для обсуждения их жалоб, что всем, кто взял в руки оружие, будет даровано полное помилование и что тем временем монахи и монахини будут получать поддержку из доходов сдавшихся монастырей. Аске, чьим слабым местом всегда была его чрезвычайная лояльность, согласился на эти условия и приказал своим последователям разойтись. Его пригласили в Лондон на совещание с королем, и, вернувшись домой, он объявил, что Генрих приезжает открывать парламент в Йорке и что народ может с уверенностью положиться на королевские обещания. Но признаки не желали свидетельствовать о том, что повстанцев предали и что они должны ожидать мести, а не возмещения ущерба. Вскоре поползли слухи, что Халл и Скарборо укрепляются и что в обоих городах Генрих намеревался разместить королевские гарнизоны. Народ, встревоженный угрозавшей ему опасностью, тщетно пытался захватить эти два города, и по всему северу произошли различные восстания. Герцог Норфолк, воспользовавшись этим нарушением перемирия и не имея больше никаких

сильных сил, с которыми можно было бы бороться, быстро подавил эти восстания, объявил военное положение и начал кампанию массовой резни. Сотни повстанцев, включая настоятелей и священников, которых подозревали в пособничестве повстанцам, были преданы смерти. Лидеры, Аске, лорд Дарси, лорд Хасси, сэр Томас Перси, сэр Фрэнсис Биго, вместе с настоятелями Джерво и Фонтейнса и приором Бидлингтона были арестованы. Некоторые из них были приговорены к смертной казни в Лондоне, в то время как другие были отправлены обратно для казни в своих собственных округах. Этими мерами восстание на севере было подавлено, а остальные графства были запуганы до подчинения. [36]

Если бы император решил поддержать народ севера, ход английской истории мог бы быть иным, но поскольку между Францией и империей снова разразилась война, обе нации, стремясь поддерживать хорошие отношения с Англией, воздержались от активного вмешательства в английские дела. Папа Павел III, глубоко заинтересованный английской революцией, призвал к себе на помощь человека, который лучше большинства своих современников понимал характер короля и состояние страны, а именно Реджинальда Поула. Последний, отвернувшись от благосклонности короля и предложения архиепископства Йоркского, скорее покинул Англию, чем одобрил разлуку короля с Екатериной. Генрих, однако, надеясь убедить его вернуться в Англию, поддерживал дружеские отношения с Поулом и просил его откровенно изложить свои взгляды на королевское превосходство. Поул ответил в длинном трактате, впоследствии опубликованном под названием "Pro ecclesiasticae unitatis Defensione" (1536), в котором он порицал поведение короля и предупреждал его об опасностях, которые может повлечь за собой его религиозная политика. Генрих, хотя и был глубоко оскорблен содержанием и тоном этого произведения, притворился, что не рассержен, и в надежде заставить замолчать своего выдающегося родственника, которого он теперь одновременно боялся и ненавидел, убедил его вернуться в Англию. Мать и братья Поула умоляли его уступить королевской воле, иначе он станет причиной гибели всех тех, кто был ему дорог. Хотя их призывы глубоко тронули его, он предпочел долг семейной привязанности. Он отправился в Рим, где был возведен в сан кардинала (1536) и назначен помогать в составлении плана церковных реформ в рамках подготовки к Генеральному собору. Вскоре в Рим пришли известия о том, что в Англии вспыхнуло восстание, что народ готов умереть, защищая свою религию, и что король, возможно, будет вынужден занять более примирительную позицию по отношению к Риму. Было решено назначить кардинала Поула папским легатом и отправить его в Англию. Такое назначение, пришедшее в такое время, наполнило Генриха тревогой. Он опасался, что Якова V Шотландского могут побудить повести армию через границу на помощь северным повстанцам, и что Франция и император могут объединить свои силы против того, кого оба считали немногим меньше, чем еретиком. Он убедил тайный совет направить кардиналу письмо (январь 1537 г.), в котором упрекал его в неблагодарности и нелояльности королю и приглашал приехать во Фландрию для дружеской беседы с английскими агентами. Прежде чем легат смог покинуть Италию, Паломничество Благодати было пресечено, и всякая надежда на успешную миссию в Англии была потеряна. Он проехал через Францию и Фландрию, где был очень прохладно принят Франциском I и регентом Нидерландов, которых обоих попросили доставить его к Генриху VIII. После короткого пребывания на территории князя-епископа Льежа он вернулся в Рим в августе 1537 года. [37]

Но хотя восстание на севере было подавлено, оно было достаточно серьезным, чтобы показать Генриху опасность, навлекаемую религиозными нововведениями на родине, в то время как легатская миссия кардинала Поула сделала целесообразным доказать католическим

правителям Европы, что Англия не перешла в лагерь лютеран. Самым большим возражением консервативной партии Англии против /Десяти статей/, составленных королем и принятых Собором в предыдущем году (1536), было отсутствие прямого упоминания о каком-либо таинстве, кроме Крещения, Епитимьи и Евхаристии. На соборном Созыве (1537) разгорелась битва между католически настроенными епископами, возглавляемыми Танстоллом из Дарема, и лютеранской партией, возглавляемой Кранмером. Наконец остальные четыре Таинства были "найжены снова", и было достигнуто соглашение, приемлемое для обеих сторон, которое было воплощено в трактате, известном как "Учреждение христианина". Она состояла из четырех частей: Апостольского символа веры, Семи таинств, Десяти заповедей и "Отче наш" и "Радуйся, Мария". Были добавлены две отдельные статьи, посвященные оправданию и чистилищу, взятые из десяти ранее опубликованных статей. Епископы подчинили / Учреждение / суду короля, пригласив его как верховного главу Церкви исправить все, что было не так с их доктриной, но Генрих, стремясь сохранить за собой свободу торговаться с лютеранскими князьями в случае необходимости, отказался брать на себя какую-либо ответственность за работу, кроме распоряжения о том, чтобы ее читали в церквях в течение трех лет. Поэтому она и получила название "Книга епископа". [38]

Вопреки этому и в качестве уступки партии реформаторов в Англии Генрих был рад одобрить перевод Библии, представленный ему Кранмером, и распорядиться раздать его копии для использования верующими в каждой приходской церкви (1537-38). Уильям Тиндейл, бежавший из Англии в Виттенберг, взялся за завершение перевода Библии, который был опубликован и контрабандой ввезен в Англию в 1526 году. Перевод сам по себе изобилует ошибками, а примечания на полях были глупо оскорбительными. Епископы предпринимали отчаянные попытки добиться его пресечения, но, несмотря на их усилия, отвратительный перевод и даже многие из наиболее предосудительных произведений, написанных тем же автором, продолжали попадать в Англию. Король, хотя и номинально поддерживал епископов, не сожалел о том, что подобные произведения были распространены среди народа в качестве предупреждения папе о последствиях отказа выполнить королевскую волю. Однако в 1530 году он посоветовался с епископами и учеными людьми, чтобы узнать, что можно было бы сделать для получения хорошего английского перевода Библии. Они согласились с тем, что чтение английской версии Библии не является необходимым для спасения, что, хотя Священные Писания на вульгарном языке могут быть полезны при определенных обстоятельствах и для определенных людей, они, скорее всего, окажутся вредными в то время, когда распространяются ошибочные книги и еретические сочинения. Более того, они посоветовали сделать надлежащий правильный перевод и передать его в руки короля, чтобы он мог распорядиться о его публикации, когда сочтет, что наступил благоприятный момент для такой работы.

Кромвель, однако, был полон решимости продвигать новые религиозные учения. Он состоял в тесной переписке с монахом-отступником-августинцем по имени Ковердейл, который был вынужден покинуть страну из-за своих еретических взглядов. По наущению Кромвеля Ковердейл взялся за подготовку нового перевода Библии, и он был завершен и опубликован примерно в 1535 году. В отличие от Библии Тиндейла, который перешел к греческому и еврейскому оригиналам, Библия Ковердейла была составлена из вульгаты с помощью немецкого лютеранского перевода. Это было, пожалуй, даже более неприемлемо, чем у Тиндейла, но Кромвель намеревался навязать это духовенству в / Предписаниях /, составленных для их руководства в 1536 году, хотя, очевидно, при дальнейшем рассмотрении он усомнился в

благоразумии такого шага, и пункт, касающийся английской Библии, был опущен. [39] В 1537 году Кранмер представил Английскую Библию Кромвелю на утверждение. Предполагалось, что он содержит "Ветхий и Новый Завет, истинно и чисто переведенные на английский Томасом Мэтью", но на самом деле это была всего лишь компиляция работ Тиндейла и Ковердейла, составленная неким Джоном Роджерсом. Хотя она была весьма нежелательной с точки зрения католической доктрины, она была одобрена Кромвелем в качестве генерального викария, и копии было приказано разместить в каждой церкви (1538). Почти два года спустя была опубликована "Великая Библия" Ковердейла с предисловием Кранмера. [40]

Результаты свободного использования таких переводов вскоре стали очевидны в религиозных дискуссиях, проходивших во многих частях Англии. Генрих начал опасаться, что поступил неразумно, позволив людям самим создавать свою религию, и, кроме того, после падения Кромвеля консервативные епископы, такие как Гардинер Винчестерский, оказались на подъеме. На Созыве 1542 года были выдвинуты серьезные возражения против этих различных переводов, и с одобрения короля было решено провести их пересмотр; но пока комитет, назначенный для этого пересмотра, работал, от короля прибыл гонец, запрещающий Созыву продолжать, поскольку Его Величество решил передать этот вопрос из рук епископов и передать его университетам. Епископы протестовали против этого приказа, но их протесты остались без внимания, и английская Библия, которая была осуждена Созывом, была навязана духовенству и народу вопреки совету церковных властей. Однако в 1543 году по просьбе короля в парламенте был принят Закон, запрещающий частным лицам брать на себя толкование Библии на любом общественном собрании; дворяне, джентльмены-домовладельцы и даже торговцы могли сохранять английский перевод и читать его, но низшим классам было отказано в этой милости, "если только король, видя, что их жизнь была изменена доктринами, которые он изложил, не счел нужным предоставить им свободу читать это". [41]

В начале 1536 года умерла королева Екатерина. Ее сердце было разбито поведением короля и разлукой с дочерью принцессой Марией. Снова и снова ей приказывали под угрозой самого сурового наказания принять приговор суда Кранмера, но и она сама, и принцесса упорно отказывались подписаться под таким позорным приговором. После смерти Екатерины, просто чтобы спасти свою жизнь, Мария подписала документ, соглашающийся с отменой папского верховенства и недействительностью брака ее матери, хотя никто не придавал никакого значения заявлению, полученному при таких обстоятельствах. Смерть Екатерины стала большим облегчением для Генриха и Анны, особенно для последней, у которой были некоторые основания полагать, что она сама утратила привязанность короля. Генрих уже устал от женщины, ради которой расстался со своей законной женой и отделил свое королевство от католической церкви, и крушение его надежд на рождение наследника престола подтвердило его намерение избавиться от партнерши, на которую его собственные подданные и народы Европы смотрели только как на его наложницу. Она была арестована по обвинению в неподобающем поведении по отношению к своему брату и другим придворным джентльменам, предстала перед коллегией пэров и была казнена в Тайберне (17 мая 1536 года). Кранмер, который в глубине души был убежден в ее невинности, немедленно созвал суд и признал ее брак с Генри недействительным. В самый день ее казни он выдал королю разрешение жениться на Джейн Сеймур, одной из фрейлин Анны, и до конца месяца свадьба была отпразднована. В июне парламент подтвердил приговор Кранмера, объявив недействительными предыдущие браки Генриха и незаконнорожденность Марии и Елизаветы, а также установив наследование за наследниками короля и Джейн Сеймур. Более того, в случае отсутствия детей это давало

королю право определять по своей воле, кто должен стать преемником. Целью этого было дать ему возможность назначить своим наследником своего внебрачного сына, герцога Ричмонда, но это намерение было сорвано смертью герцога (июль 1537 г.).

Пока парламент заседал, Созыв собрался еще раз. Кромвель, как генеральный викарий короля в спиритуалах, претендовал на право председательствовать либо лично, либо по доверенности. Многие из новых епископов, назначенных с 1533 года, были явно лютеранскими по своим идеям и тенденциям. Латимера из Вустера, который, как было хорошо известно, предпочитал немецкое богословие, поддержали еще пятеро: Шэкстон, Гудрич, Эдвард Фокс, Хилси и Барлоу. Хотя Латимер ранее подвергался осуждению со стороны Конвокации, он был выбран для произнесения вступительной проповеди, в которой он обрушился с критикой на Чистилище, изображения, алтари, реликвии, паломничества, беспечность духовенства и злоупотребления духовных судов. После одобрения вердикта Кранмера относительно брака Генриха с Анной Болейн нижняя палата парламента направила епископам петицию с жалобой на ошибочные взгляды, распространяемые различными проповедниками в провинции Кентербери. Подавляющее большинство старых епископов были полны решимости осудить эти еретические взгляды, которые представляли собой немногим меньшее, чем обновление учения Лолларда с небольшой примесью лютеранского богословия, но Кранмер, Латимер и Фокс были в равной степени полны решимости предотвратить такое осуждение. Спор обещал быть одновременно жарким и затяжным. Кромвель, однако, появился в ассамблее с книгой из / Десяти статей/, составленной королем для обеспечения религиозного единодушия, и настоял на том, чтобы прелаты приняли их. Статьи были умеренными по тону и, как правило, не противоречили старой теологии. Они одобряли Пресуществление, подчеркивали важность и необходимость крещения, Покаяния и Евхаристии, не утверждая, что это единственные три Таинства, заявляли, что для оправдания необходимы добрые дела, что можно возносить молитвы за умерших, что использование слова "Чистилище" не рекомендуется, что следует проявлять почтение к изображениям и что следует сохранить старые церемонии. Серьезным возражением против этих Статей была не доктрина, которую они излагали, а тот факт, что они были изданы королевской властью. То, что король Англии смог пересмотреть верования и церемонии католической церкви, само по себе было революцией и должно было открыть глаза католически настроенным епископам на весь смысл королевского превосходства. Более того, Созыв объявил, что епископ Рима не может созвать Генеральный собор без разрешения и сотрудничества христианских князей. Несколько недель спустя Кромвель издал свод / Предписаний/, которые должны соблюдаться духовенством, ответственным за попечение о душах. Они должны были излагать Статьи, составленные королем, препятствовать паломничеству и соблюдению праздников, которые не были отменены, не придавать слишком большого значения изображениям и реликвиям и предупреждать людей учить своих детей на английском языке "Отче наш", Символ веры и Десять заповедей; они должны были отдавать одну сороковую часть своих доходов бедным, одну пятую - на ремонт церквей, а тем, у кого были более богатые пособия, было приказано потратить излишки доходов на содержание студента или студенток в Оксфорде и Кембридже.

Осенью 1536 года работали три группы королевских уполномоченных: один руководил подавлением меньших монастырей, второму было поручено довести инструкции Кромвеля до духовенства и отстранить тех священников, которые не желали их принимать, а третьему было поручено взимать королевские налоги с церковных пособий. Этими комиссиями был изменен весь облик страны. Монастырские учреждения были подавлены, слуги и чернорабочие,

работавшие по найму, были брошены на произвол судьбы, помощь бедным и странствующим была прекращена, и арендаторы с тревогой ожидали прибытия новых вельмож. Имущество религиозных домов, вместо того чтобы тратиться на развитие образования и освобождение от налогов, по большей части попадало в королевскую казну или в карманы чиновников, ответственных за подавление. Оксфорд и Кембридж были вынуждены угрюмо подчиниться и принять новый свод законов, отменить изучение канонического права в пользу гражданского, ограничить курсы богословия лекциями по Священному Писанию и давать в руки студентам классических авторов вместе с гуманистическими комментариями к ним вместо фолиантов Дунса Скотта или Святого Фомы. Такие изменения, как было показано, привели к восстаниям в разных частях страны, но особенно на севере, где лояльность Риму все еще считалась совместимой с лояльностью королю.

После подавления восстаний на севере и неспособности кардинала Поула создать европейскую коалицию против Генриха, началась война против крупных монастырей (1537). Жителям северных графств были предъявлены обвинения в причастности к восстанию. Многие настоятели были казнены или заключены в тюрьму, а имущество общин конфисковано. Несколько других, чтобы избежать наказания, были вынуждены сдать свое имущество королевским уполномоченным. В некоторых случаях настоятели были подкуплены обещаниями особых благ для себя, в других их заставляли отказаться от своих титулов, чтобы избежать обвинений в государственной измене из-за документов, которые, как предполагалось, были обнаружены в их домах, или доказательств, которые были извлечены у некоторых из их монахов или вассалов. В течение 1538 и 1539 годов монастыри падали один за другим, в то время как в тот же период велась война против святынь и паломничеств. Изображения Богоматери Ипсвичской и Богоматери Уолсингемской были уничтожены; могила святого Томаса Бекета была лишена своих драгоценных сокровищ, а с костями и мощами святого поступили с величайшим бесчестием. Повсюду по всей стране проповедники, вдохновленные Кромвелем и Кранмером, последний из которых ставил своей целью не что иное, как лютеранскую революцию в Англии, выступали против изображений, паломничеств, обращения к святым и Чистилища. Пока в королевскую казну поступали деньги от продажи переданного монашеского имущества и церковных ценностей, или пока папству можно было нанести удар осквернением могилы святого, принявшего мученическую смерть, защищая Святой Престол, Генрих смотрел на это с безразличием, если не с удовольствием.

Но известие о подобных безобразиях не могло не привести в ужас католический мир и не послужить доказательством для Павла III. что было мало надежды на какие-либо благоприятные изменения в религиозной политике Генриха. Было решено ввести в действие Буллу об отлучении от церкви, которая готовилась годами, и призвать католические державы Европы привести ее в исполнение либо совместным объявлением войны, либо разрывом торговых отношений с Англией. Время казалось особенно благоприятным для опубликования такого предложения. После многих лет активной или тлеющей вражды два великих соперника Карл V. и Франциск I. заключили десятилетнее перемирие (июнь 1538 г.), и кардинал Поул был направлен в качестве легата в Испанию и Францию, чтобы побудить императора и Франциска I. предпринять совместные действия. Король Шотландии Джеймс V. пообещал свою помощь, и папский посланник был направлен в Шотландию, чтобы передать кардинальскую шапку архиепископу Битону и призвать короля сотрудничать с католическими правителями Континента.

Когда известие об этих приготовлениях достигло Англии, Генрих был не на шутку встревожен за безопасность своего королевства. Братья кардинала Поула, сэр Джеффри Поул и лорд Монтегю, его мать, графиня Солсбери, Генри Кортни, маркиз Эксетер, лорд Делаваэр, сэр Эдвард Невилл, сэр Николас Кэрю и другие были арестованы номинально по обвинению в государственной измене, но на самом деле потому, что поляки и чета Кортни считались опасными претендентами на английский престол. За исключением сэра Джеффри Поула, который опроверг показания короля, и графини Солсбери, которую годами держали в заключении, остальные были казнены, а в Корнуолл были отправлены уполномоченные для подавления всех попыток восстания. Весной 1539 года подготовка к отражению вторжения продвигалась с лихорадочной активностью, и так велика была лояльность огромной части английского народа, и так ненавистна им была идея иностранного вторжения, что многие, кто ненавидел религиозную политику Генриха, выступили им на помощь. Крепости вдоль побережья и на границах Шотландии были укреплены и пополнены; флот содержался в готовности на Темзе; и была сформирована обученная и снаряженная добровольческая армия для противодействия наступлению захватчиков или, по крайней мере, для защиты столицы. Были начаты переговоры с протестантскими князьями Германии о заключении наступательного и оборонительного союза, и для предотвращения коммерческого бойкота было выпущено заявление о том, что, за исключением случаев с шерстью, иностранцы, торгующие в Англии, должны быть обязаны платить только пошлины и обычаи, налагаемые на англичан. Но, как показали события, в этих воинственных приготовлениях не было необходимости. Франциск I не мог осмелиться выдвинуть ультиматум Англии без помощи императора, а Карл V, столкнувшись с турецким вторжением и протестантским восстанием в Германии, счел невозможным предпринять экспедицию против Англии. Вряд ли более успешным был и проект коммерческого бойкота. Фламандские купцы в Нидерландах были слишком глубоко заинтересованы в английской торговле, чтобы позволить им благосклонно отнестись к плану, который, вероятно, оказался бы столь же разорительным для их собственной страны, как и для Англии, особенно после того, как недавнее провозглашение в пользу иностранных купцов предоставило им особую возможность для продвижения своих товаров за пределы Ла-Манша.

Новый парламент был созван на заседание в апреле 1539 года. Кромвель, который в прошлом был мастером в искусстве подбора таких собраний и управления ими, позаботился о том, чтобы были возвращены люди, которые, вероятно, одобряли проекты короля, и в этом он преуспел сверх всяких ожиданий. Был принят судебный акт против кардинала Поула и графини Солсбери, а также против тех, кто был казнен незадолго до этого. Поскольку / Десяти статей / о религии, опубликованных королем, и улучшенной версии этих статей, известной как / Книга епископа /, оказалось недостаточно для подавления религиозных споров в королевстве или для предотвращения того, чтобы Англию не считали еретической нацией на Континенте, Генрих решил установить фиксированное правило веры, которое должно быть принято всеми его подданными и которое должно доказать императору и Франции, что Англия, хотя и отделена от Рима, все еще верна католической религии. Была назначена комиссия епископов для подготовки доклада об основных положениях веры, которые были поставлены под сомнение, но епископы разделились на два враждебных лагеря. В то время как Кранмер, Латимер, Шакстон, Гудрич и Барлоу были убежденными лютеранами по своим тенденциям, архиепископ Йоркский Ли, Гардинер Винчестерский, Танстолл Даремский и Олдрич Карлайльский выступали против всех догматических нововведений. Хотя Кромвель тайно поддерживал партию реформаторов, вскоре стало известно, что Генрих VIII. отдавал предпочтение консерваторам. Поскольку

епископы не могли прийти к соглашению, герцог Норфолк, который быстро поднимался при дворе как защитник интересов консерваторов, забрал этот вопрос из рук епископов, предложив Палате лордов Шесть статей, касающихся основных разногласий между католиками и лютеранами Континента. По этим статьям непрофессионалы не осмеливались высказать никакого мнения, но Кранмер, Латимер и их друзья держались до тех пор, пока, наконец, не появился сам Генри и "сбил их всех с толку Божьим знанием".

Это решение было воплощено в Акте парламента, озаглавленном "Закон, отменяющий разнообразие мнений", который, получив королевское одобрение, был внесен в Свод Законов (1539). Статьи, согласованные Созывом и парламентом и опубликованные королевской властью, заключались в следующем: (1) что в Евхаристии вещество хлеба и вина превращается в Тело и Кровь Христа; (2) что Причастие обоими видами не является необходимым для спасения; (3) что следует соблюдать церковное безбрачие; (4) что следует соблюдать обеты целомудрия; (5) что следует сохранить частные мессы; и (6) что целесообразно исповедоваться ушной раковиной. Отрицание первой статьи, а именно статьи, касающейся Пресуществления, должно было считаться ересью, наказуемой смертью на костре, а отрицание остальных было уголовным преступлением, наказуемым конфискацией за первое и смертной казнью за второе преступление. Священникам, взявшим себе жен, было приказано прогнать их под угрозой наказания за уголовное преступление, а люди, отказывавшиеся исповедоваться и принимать Евхаристию в обычное время, должны были быть заключены в тюрьму или оштрафованы за первое преступление и признаны виновными в уголовном преступлении за второе преступление. Закон о шести статьях, как его обычно называют, или "кнут с шестью струнами", как его презрительно прозвали реформаторы, ознаменовал собой явный триумф консервативной партии, возглавляемой герцогом Норфолкским среди пэров и Гардинером и Танстоллом среди епископов. Кранмер подчинился и спрятал свою жену, но Латимер и Шэкстон с большей честностью отказались от своих Обязанностей, чем смирились с этим Поступком. Подавляющее большинство духовенства и народа приветствовало это с восторгом как сокрушительный удар, нанесенный ереси, и как доказательство того, что Генрих был полон решимости поддерживать старую религию в Англии. [42]

Но если Кромвель получил предупреждение в вопросе догмы, он решил выслужиться перед королем и в то же время продвинуть дело, которое было у него в сердце, добившись подавления оставшихся монастырей. За один день был принят Закон, прошедший все свои стадии, о передаче королю собственности всех монастырей, которые были упразднены или должны были быть упразднены. Это было сделано под предлогом того, что монахи, будучи нечестивыми и ленивыми, должны быть лишены своих богатств, которые, будучи переданы королю, могли быть направлены на борьбу с бедностью, образование молодежи, улучшение дорог и возведение новых епископств. Под угрозой наказания почти все крупные монастыри отказались от своих титулов и земель, за исключением настоятелей Гластонбери, Рединга и Колчестера, все они были арестованы и преданы смерти (1539). Это наказание вселило ужас в сердца остальных, и с капитуляцией Уолтемского аббатства (март 1540 г.) исчез последний из великих английских монастырей. Наконец, чтобы показать состояние полного подчинения, до которого был доведен английский парламент, он принял Закон, придающий королевской прокламации с некоторыми нечетко определенными пределами силу закона (1539).

Всем было очевидно, что положение Кромвеля при дворе стало очень ненадежным. В то время как Англии угрожала европейская коалиция, он предложил союз с протестантскими князьями

Германии, и поскольку третья жена Генриха Джейн Сеймур умерла (1537), родив сына (позже Эдуарда VI), он решил укрепить узы дружбы новым супружеским союзом. Герцог Клевский был шурином курфюрста Саксонии и одним из лидеров Шмалькальдской лиги, и поскольку он нанес смертельное оскорбление императору, приняв герцогство Гельдерс, Кромвель решил заключить брак между сестрой герцога Анной и Генрихом VIII. Это обеспечило бы Англии как союз со Шмалькальдской лигой, так и, по крайней мере, нейтралитет Франции. Хотя Генрих ненавидел курфюрста Саксонии и его друзей как еретиков, и хотя Шесть статей вызвали значительное негодование в лагере лютеран, тесный союз между Карлом V и Франциском I и неопределенность относительно того, какие шаги они могут предпринять, сделали необходимым ускорить женитьбу Генриха. Брачный договор был подписан в октябре 1539 года, а в декабре Анна Клевская высадилась в Диле. Генрих, которого убедили в том, что Анна была одновременно образованной и умеренно красивой, не смог скрыть своего разочарования, когда встретил свою предполагаемую невесту; но, поскольку его доверенные советники не смогли придумать никакого плана побега, он с неохотой согласился пройти церемонию бракосочетания (6 января 1540 г.). Генри был недоволен и не скрывал своего недовольства. Кромвель, которого он особенно винил в этом супружеском несчастье, чувствовал себя в значительной опасности, хотя в то же время решил не сдаваться без борьбы. Борьба между Кранмером, которого поддерживала лютеранская партия в совете, и Гардинером, герцогом Норфолкским, и консерваторами была острой, хотя и ни в коем случае не решающей. Казалось, что король то благоволил одной стороне, то другой, не желая окончательно связывать себя ни с той, ни с другой, тем более что Кромвель все еще пожинал богатый урожай от подавления ордена Святого Иоанна и от налогов, взимаемых с духовенства.

Парламент снова собрался в апреле 1540 года. К удивлению многих, Кромвель был назначен графом Эссексом (17 апреля), в то время как чуть позже епископ Сэмпсон был арестован как сторонник папы римского. Надежды Кромвеля и партии реформаторов быстро росли, и они верили, что победа у них в руках. Комитет епископов работал над рассмотрением таинств, но поскольку и старые, и новые упорно придерживались своего мнения, никакого прогресса добиться было невозможно. Внезапно 10 июня в зале заседаний совета появился офицер и арестовал Кромвеля. Долгая борьба наконец закончилась, и люди, последовавшие за Гардинером, одержали победу. Тучи войны, которые вынудили Генриха вступить в переговоры с князьями-еретиками Германии, рассеялись, и Кромвелем, принимавшим ведущее участие в переговорах с Германией, пришлось пожертвовать, чтобы удовлетворить своих врагов дома и католическое мнение на Континенте. Его поместили в Тауэр в ожидании смертного приговора, который, как он знал, был неизбежен, но, прежде чем передать его палачу, Генрих настоял, чтобы тот оказал ему последнюю услугу. Поскольку Кромвель вовлек его в нежелательный брак с Анной Клевской, он должен представить доказательства, которые могли бы освободить его хозяина для поиска более подходящей партнерши. По приказу короля Кромвель написал длинное письмо, в котором показал, что Генрих на самом деле никогда не давал согласия на брак с Анной, против чего также указывалось наличие добрачного контракта. Исходя из этого, парламент потребовал проведения расследования, и была издана комиссия, уполномочивающая архиепископов Кентерберийского и Йоркского и других представителей духовенства проверить действительность брака. Собрание постановило, что оно недействительно (июль 1540 г.), решением, которым Анна выразила свое полное удовлетворение. Ей было предоставлено место жительства и пенсия в размере 4000 фунтов стерлингов в год. 28 июля 1540 года Кромвеля повели на казнь в Тайберне, где он публично

выразил свою приверженность древней вере, в разрушение которой в Англии он внес большой вклад, чем кто-либо другой, за исключением, возможно, короля. [43] Несколько дней спустя Генрих женился на Кэтрин Ховард, племяннице герцога Норфолкского, признанного светского главы консервативной партии Англии.

Наказания, предусмотренные Статутом из Шести статей, применялись с большой строгостью, и в то же время с теми, кто поддерживал верховенство папы, обращались не менее сурово. В то время как люди, отрицавшие Пресуществление, были сожжены как еретики в Смитфилде, их оппоненты, осмелившиеся выражать взгляды, порочащие королевское превосходство, были повешены, втянуты в драку и четвертованы как предатели. Латимер удалился в частную жизнь; Кранмер не проявлял никаких признаков открытого противодействия религиозной политике короля, и, практически говоря, все следы новых учений, которые беспокоили Англию в течение многих лет, исчезли. Пожилая графиня Солсбери, мать кардинала Поула, была казнена в 1541 году, через два года после того, как парламент вынес ей обвинительный приговор, как и большое количество священников и мирян, подозреваемых в причастности к попытке вызвать очередное восстание на севере. Вследствие этого заговора Генрих решил предпринять путешествие в Йорк (1541) в надежде укрепить свою власть над народом и, возможно, также заручиться дружбой своего племянника, Якова V Шотландского, который остался верен Риму и Франции. Архиепископ Йоркский подчинился, преклонив колени, преподнеся королю подарок в размере 600 фунтов стерлингов в знак раскаяния народа в своем недавнем неповиновении, примеру, которому последовали во многих городах; но Яков V, не желая доверять свою жизнь и свободу королю, отказался пересекать английскую границу.

Генри вернулся в Лондон только для того, чтобы обнаружить, что против его жены Кэтрин Ховард выдвинуты серьезные обвинения в безнравственности. Она была арестована и предана смерти вместе со своими главными сообщниками (1542). Хотя король не мог скрыть своей радости от того, что снова оказался на свободе, он некоторое время колебался, прежде чем выбрать другую жену; но, наконец, в 1543 году его выбор пал на Катарину Парр, молодую вдову на двадцать лет моложе его, которая, как считалось, выступала за королевское превосходство, хотя ранее была замужем за одним из руководителей Паломничества Благодати. Говорят, что по крайней мере однажды она подверглась серьезному риску, потому что осмелилась не согласиться с теологическими взглядами своего мужа, но, как бы то ни было, несомненно, что ей посчастливилось пережить короля.

Борьба между старыми принципами и новыми продолжалась, несмотря на все попытки Генриха добиться единодушия. Еще в 1540 году среди епископов был распространен набор вопросов, и в результате полученных ответов и дискуссий, проходивших на Собрании, была выпущена книга, озаглавленная "Необходимая доктрина и эрудиция для любого христианина" (1543). Она была издана по приказу короля и по этой причине известна как /Книга короля/ в отличие от /Книги епископа/, опубликованной с его разрешения, но не с его санкции. Точно так же, как /Книга епископа/ представляла собой пересмотр Десятистатей, так и /Книга короля/ была продолжением или завершением /Книги епископа/, во многих отношениях даже более католической по своему тону, чем оригинал. Теперь король быстро приближался к своему концу, и обе партии в королевском совете упорно боролись за господство. Гардинер и Боннер, епископ Лондонский, твердо стояли на защите католической доктрины, и раз или два казалось, что им вот-вот удастся лишить Кранмера благосклонности короля; но опасность нападения со стороны объединенных сил Франции и императора, особенно после заключения Крепийского

мира (1544), заставила Генриха не закрывать дверь перед союзом с протестантскими князьями Германии нападением на Кранмера, которого они считали активным сторонником. Однажды Генрих действительно приказал арестовать архиепископа, но внезапно передумал, и приказ об аресте был отменен.

Новый парламент собрался в 1545 году. Королевская казна была опустошена войной с Францией и Шотландией, и для ее пополнения был принят Закон, уполномочивающий короля распускать часовни, госпитали и освобождать часовни и присваивать их доходы для своих собственных нужд. Генрих обратился к парламенту в канун Рождества 1545 года с речью, в которой он выразил сожаление по поводу религиозных различий, разделяющих его народ, различий, которые, по его словам, были вызваны отчасти упрямством духовенства, некоторые из которых хотели придерживаться всех старых обычаев, в то время как другие из них не удовлетворились бы ни чем иным, как полным обновлением; отчасти по вине людей, которые скандально отзывались о своем духовенстве и злоупотребляли Священными Писаниями, которые им было разрешено читать. Сама по себе эта речь была печальным комментарием к религиозной кампании Генриха, содержащим признание того, что, несмотря на все его насилие и преследования, религиозных формул, навязанных королевской властью, было недостаточно для сохранения религиозного единства. В течение 1546 года, хотя многие люди все еще были отправлены на костер за отрицание Пресуществления, власть Кранмера и его партии росла. Граф Хартфорд, дядя юного принца Эдуарда, и Кранмер одержали верх в совете, а герцог Норфолк вместе со своим сыном графом Сурреем были заключены в Тауэр (декабрь 1546 г.). Суррей был предан суду и казнен, и аналогичная участь была уготована герцогу, если бы не то, что прежде чем смертный приговор мог быть приведен в исполнение, сам Генрих предстал перед Божьим судилищем (28 января 1547 г.). За несколько недель до смерти состояние короля было серьезным, но граф Хартфорд и его приближенные держали болезнь и даже саму смерть в секрете до тех пор, пока не созрели все их планы. 31 января Эдуард VI. был провозглашен королем, и триумф лютеранской партии казался обеспеченным.

О смерти Генриха VIII. все стороны с нетерпением ожидали полного изменения религиозного положения Англии. С одной стороны, те, кто жаждал возвращения к повиновению Риму, считали, что королевское превосходство неизбежно должно оказаться непонятным и невыполнимым в случае такого ребенка, как Эдуард VI. (1547-53); в то время как, с другой стороны, те, кто выступал за более тесное приближение к теологии и практике Виттенберга или Женевы, видели в смерти Генриха и наследовании престола беспомощным молодым королем исключительную возможность для осуществления замыслов, против которых Генрих воздвиг такие грозные барьеры. Для обеих сторон было очевидно, что в лучшем случае Эдуард VI. это могло быть всего лишь орудием в руках его советников, и та часть, которая смогла бы захватить короля и правительственный аппарат, могла бы надеяться сформировать религиозные верования английского народа.

Более чем за год до смерти Генриха VIII Эдвард Сеймур, граф Хартфорд и дядя Эдуарда VI, граф Эссекс, брат Кэтрин Парр, виконт Лайл, лорд-адмирал, а впоследствии граф Уорик, все из которых выступали за религиозные нововведения, неуклонно продвигались к власти, к неудовольствию консервативной части, возглавляемой епископом Гардинером, герцогом Норфолкским и лордом-канцлером Райотсли. Смерть Генриха VIII. это держалось в секрете до

тех пор, пока у графа Хартфорда не созрели все его планы по обеспечению контроля и провозглашению Эдуарда VI. [44] (31 января 1547 г.), тогда десятилетнему мальчику. Генрих VIII. он завещал корону своему сыну, а после своей смерти, не оставив наследников, по очереди своим дочерям, принцессе Марии, дочери Екатерины Арагонской, и Елизавете, дочери Анны Болейн. Своей волей он также назначил совет, члены которого должны были управлять королевством как единым целым до тех пор, пока королю не исполнится восемнадцать лет, но он стремился предотвратить любые серьезные нововведения, разрешив королю отменить все изменения, которые могли быть внесены советом во время его совершеннолетия. Если судить по условиям его завещания, религиозные взгляды Генриха на момент его смерти, очевидно, оставались такими же, какими они были, когда в 1539 году он принял Статут из шести статей, но, в то же время, примечательным фактом является то, что он исключил епископа Гардинера из списка исполнителей своего завещания и назначил наставниками молодого короля двух богословов, хорошо известных своей склонностью к немецкой теологии.

Почти во всех случаях совету исполнителей не удавалось выполнить волю покойного короля. Граф Хартфорд, созданный позже герцогом Сомерсетским, стал протектором с почти королевскими полномочиями, и вместо того, чтобы защищать религиозное поселение, большинство членов совета с самого начала поставили перед собой цель начать более продвинутую политику. На Кранмера как на архиепископа Кентерберийского можно было положиться в поддержке такого курса действий, в то время как из главных людей, которые, как можно было ожидать, должны были выступить против этого, герцог Норфолк был заключен в Тауэр, а лорд-канцлер Райотесли был уволен, чтобы освободить место для более сговорчивого преемника. Епископам, которые считались всего лишь государственными чиновниками, было приказано получить новые поручения. Кранмер подчинился без возражений, как и все остальные, за исключением Гардинера, который усомнился в полномочиях совета отдавать такое распоряжение, по крайней мере, до тех пор, пока верховный глава Церкви не достигнет совершеннолетия. [45]

Те, кого сдерживало репрессивное законодательство Генриха VIII. почувствовали себя свободными возобновить нападки на практику и доктрины Церкви. Королевские проповедники, назначенные для проведения великопостных проповедей, доктор Барлоу, епископ Сент-Дэвидс, Ридли, один из капелланов Кранмера, и другие, не удовлетворившись оскорблениями римского епископа, объявили войну изображениям, реликвиям и даже великопостному посту и воздержанию. Против подобных нововведений Гардинер обратился с возмущенным протестом к протектору и совету, предупредив их, что во время несовершеннолетия короля в Англии не было власти, компетентной изменить религиозное урегулирование, которое было достигнуто Генрихом VIII. Но его протест остался без внимания. Война с изображениями велась энергично, хотя юридически были запрещены только те изображения, которые подверглись насилию, и даже в собственной епархии епископа Гардинера он был бессилен противостоять тем, кто знал, что может рассчитывать на поддержку Защитника.

В июле 1547 года были выпущены две важные публикации: одна - "Предписания Эдуарда VI", другая - "Книга проповедей", составленная Кранмером и выпущенная по разрешению совета. Первый из них предписывал через определенные промежутки времени произносить проповеди против римского епископа, уничтожать оскверненные изображения, святыни, картины и другие памятники суеверий, читать Евангелия и Послания на английском языке, устанавливать ящики для сбора милостыни во всех церквях и сообщать духовенству, что деньги, потраченные на

помилования, паломничества, свечи и другие слепые обряды, теперь следует направлять на поддержку бедных. [46] "Книга проповедей" [47] должна была служить руководством для проповедников в их общественных служениях. Была назначена королевская комиссия, которая должна была настоять на соблюдении этих предписаний, но в Лондоне епископ Боннер сначала отказался подчиниться приказам посетителей, и хотя позже он ослабил свое сопротивление, его отправили в тюрьму в назидание другим. Гардинер смело осудил посещение как незаконное и неоправданное, но совет вместо того, чтобы внять его доводам и увещаниям, приказал его арестовать (сентябрь 1547 года). Во многих местах призывы к удалению изображений привели к бурным беспорядкам, и свободные драки внутри церквей не были редкостью. Чтобы положить конец любым недоразумениям по этому вопросу в будущем, собор распорядился убрать все изображения из церквей (февраль 1548 г.).

По разным причинам Протектор и совет оттягивали созыв парламента как можно дольше, но, наконец, он был созван на заседание в ноябре 1547 года. Как и в случае со всеми парламентами тудоровского периода, были предприняты тщательные шаги для обеспечения того, чтобы шерифы возвращали только тех людей, на которых можно было положиться. Ни от мирян в Палате лордов, многие из которых обогатились за счет разграбления монастырей, ни от недавно назначенных духовных пэров нельзя было ожидать какого-либо эффективного сопротивления, в то время как епископы, которые все еще были убежденными католиками, были лишены способного лидера из-за заключения Гардинера. Примечательно, что в Мессе, отслуженной при открытии парламента, "Gloria", "Creed" и "Agnus Dei" были исполнены на английском языке. Епископы уже получили урок, будучи вынужденными получать новые поручения, как и другие должностные лица короны, поскольку их юрисдикция была приостановлена на время королевского визита и им было запрещено проповедовать за пределами их собственных соборов. Но, чтобы у них не возникло каких-либо сохраняющихся сомнений относительно источника или масштабов их юрисдикции, парламент постановил, что в будущем епископы должны назначаться не путем выборов, а по королевскому патенту, и что все их официальные документы должны выдаваться от имени короля и за его печатью или какой-либо другой печатью, уполномоченной им. [48] Все Акты против ереси, принятые со времен Ричарда II., включая Статут из шести статей, были отменены; большинство новых уголовных преступлений, связанных с государственной изменой, созданных во время предыдущего правления, были отменены; и, хотя отрицание королевского превосходства по-прежнему считалось государственной изменой, было постановлено, что простое выступление против него не заслуживает смертной казни, за исключением случаев третьего преступления.

Вопрос о Благословенной Евхаристии быстро вышел на первый план из-за жестоких проповедей некоторых новых проповедников и непочтительного и святотатственного поведения тех, кто принял их учение. Епископы старой школы требовали принятия мер для предотвращения подобных нападений на самый центр христианского богослужения, в то время как Кранмер и его сторонники были полны решимости настаивать на Причастии обоими видами. По-видимому, были введены две разные меры, которые в конечном итоге были объединены в один Акт, согласно которому было постановлено, что все, кто непочтительно высказывался против Благословенной Евхаристии, должны быть наказаны штрафами и тюремным заключением, и что Причастие должно совершаться в обоих видах, если только необходимость не требует иного. Объединение этих двух актов воедино было умным ходом, направленным на обеспечение поддержки епископов, которые хотели покончить с

непочтительностью к Евхаристии, и примечательно, что из одиннадцати присутствующих епископов пятеро проголосовали против этой меры даже в ее улучшенной форме. [49]

В предыдущее правление уже был принят Закон против колледжей, часовен, гильдий и т.д., Но поскольку большинство из них оставались нетронутыми, было решено пополнить королевскую казну, издав указ об их немедленном роспуске и передав их имущество королю. Это было сделано с общепризнанной целью отвлечь средства от суеверных целей на строительство гимназий, содержание студентов в университетах и оказание помощи бедным; но в действительности собственность гильдий, бесплатных школ и церковных училищ была конфискована, и практически ничего не было сделано для улучшения образования или для оказания помощи бедным. Эдуард VI. обычно его представляют как основателя английских гимназий и колледжей, но гораздо правильнее было бы сказать, что через своих жадных министров он стал их разрушителем. Действительно, он основал несколько колледжей и больниц, но такая благотворительность была лишь жалкой платой за массовое уничтожение более четырехсот процветающих учебных заведений и конфискацию тысяч фунтов стерлингов, завещанных щедрыми благотворителями на образование бедных. [50]

Созыв собрался на следующий день после заседания парламента. Нижняя палата представила епископам четыре петиции, наиболее важной из которых было то, что прокторы духовенства должны быть допущены в парламент или, по крайней мере, что церковное законодательство не должно приниматься до тех пор, пока не будут проведены консультации с духовенством, но епископы были слишком осведомлены о своей беспомощности, чтобы поддержать такое обращение. Сомнительно, чтобы законопроект, касающийся причащения в обоих видах, когда-либо регулярно представлялся в Созыв, хотя позже предложение об отмене канонов, предписывающих церковное безбрачие, было поддержано большинством. Утверждается, и, по-видимому, из надежных источников, что высшие и наиболее образованные представители духовенства согласились на это предложение только под давлением.

1548 год начался для католической партии зловеще. Проповедники, имеющие лицензию архиепископа Кентерберийского и открытую защиту суда, произносили дикие речи против католических доктрин и практик. Памфлеты, по большей части переводы еретических произведений, опубликованных в Германии или Швейцарии, нападающих на Массы, Пресуществление и Реальное Присутствие, публично продавались на рынках без какого-либо вмешательства со стороны властей. В январе была издана королевская прокламация, предписывающая соблюдать великопостный пост, но десять дней спустя был издан указ, запрещающий использование свечей в День Сретения Господня, пепла в Пепельную среду или пальм в Вербное воскресенье. За этим быстро последовал приказ убрать из церквей все статуи, изображения, панно и т.д. Использование Причастия в обоих видах должно было вступить в силу на Пасху 1548 года, и для подготовки к этому была издана королевская прокламация, делающая обязательным английский / Порядок причащения /. Поскольку новый обряд касался только причащения мирян, латинская месса должна была оставаться в употреблении, как и прежде, "без какого-либо изменения какого-либо обряда или церемонии". [51] Духовенству было приказано объявить воскресенье, в которое они предлагали причащать свою паству. После того, как священник сам причащался, причащающиеся, которые не желали идти на исповедь, должны были совершить общую исповедь и причащаться обоими видами, завершая всю службу обычным благословением. Это был хитроумный трюк, призванный подготовить почву для еще больших перемен. Из-за сохранения мессы на латыни ожидалось, что новая

служба Причастия не приведет к серьезным проблемам, и в то же время она приучит людей к тому, что отдельные части мессы читаются на английском языке, и будет означать, что исповедь под нос не нужна и что месса без причастия мирян не имеет особого значения. Совет ожидал, что служба Причастия окажется неприемлемой для многих священнослужителей, и их ожидания оправдались, хотя, как мы увидим, они применили новый метод смягчения проблемы.

Епископ Гардинер, которого держали в тюрьме во время сессии парламента, опасаясь, что его присутствие в Верхней палате может привести к неприятностям, был освобожден в январе 1548 года, но в мае был выдан приказ безапелляционно прибыть в Лондон без промедления. Он подчинился, и некоторое время велись переговоры, пока, наконец, ему не приказали проповедовать против папы Римского, монастырей, исповеди и в пользу английской службы причастия (29 июня). Его убедили не говорить о жертвоприношении во время Мессы или Пресуществлении и предупредили о серьезных последствиях, которые могут последовать в случае его неповиновения; но Гардинер был человеком, которого такими средствами невозможно было удержать от высказывания своего мнения, и, как следствие, он снова был арестован и отправлен в качестве заключенного в Тауэр. Кранмер, который отвергал авторитет папы, потому что был иностранцем, обнаружив, что не может заручиться поддержкой духовенства или университетов — ибо, несмотря на все происходящее, теология Оксфорда и Кембриджа по-прежнему оставалась откровенно консервативной, - пригласил проповедников из-за границы, чтобы помочь отлучить английскую нацию от католической веры. Мужчины, откликнувшиеся на его призыв, образовали разношерстную толпу. Это были немцы, такие как Мартин Бучер и Пол Фаджиус, итальянские монахи-отступники, такие как Петр Мученик (Pietro Martire Vermigli) и Очино, французы, такие как Жан Верон, поляки, такие как Джон Ласко, бельгийцы, такие как Чарльз Утенхове, ученик Ласко, и евреи, такие как Эммануэль Тремеллиус. [52] Приказ о полном изъятии изображений и о проведении службы Причастия на английском языке привел к серьезным беспорядкам даже в лондонских церквях, где новые мнения должны были найти самую сильную поддержку, и по всей стране воцарилось замешательство.

Служба причастия в Англии была, однако, лишь прелюдией к полной отмене мессы. В начале 1548 года Кранмер обратился к епископам с рядом вопросов относительно ценности мессы как религиозной службы, отличной от Причастия. [53] Епископов попросили также сообщить, следует ли продолжать проводить частные мессы по живым и усопшим и какой язык следует использовать. В своих ответах Кранмер и Ридли отдали предпочтение инновациям, и их в целом поддержали Холбич, Барлоу, Кокс и Тейлор. Один из епископов, Гудрич из Эли, выразил свою готовность принять все, что может быть предписано, в то время как остальные епископы заняли консервативную позицию. Но каковы бы ни были мнения епископов в целом, Протектор и Кранмер были полны решимости добиться отмены Мессы. Позже в том же году было проведено собрание епископов для обсуждения нового английского богослужения, которое должно быть заменено прежним. Трудно определить, что именно было сделано на этом собрании. Из обсуждений, которые состоялись впоследствии в Палате лордов, ясно, что епископы не смогли прийти к согласию по поводу Евхаристии, что все, за одним исключением, подписали свои имена под черновиком, составленным при том понимании, что тем самым они не соглашались со взглядами Кранмера, и что епископальный отчет был изменен каким-то авторитетом до того, как он был представлен парламенту, особенно из-за пропуска слова "жертвоприношение" в отношении мессы. Невозможно доказать, что Книга общей молитвы как таковая когда-либо была представлена или одобрена официальным собранием духовенства. [54]

Парламент собрался в ноябре 1548 года. Чтобы положить конец возникшей религиозной путанице, был принят Закон о единообразии, предписывающий всему духовенству пользоваться Книгой общей молитвы. [55] Основная дискуссия была сосредоточена вокруг Евхаристии и Мессы. Епископ Танстолл из Дарема возразил, что отсутствие Поклонения подразумевает, что в Причастии не было ничего, кроме хлеба и вина, утверждение, с которым он не мог согласиться, поскольку верил в Реальное Присутствие Тела и Крови Христа, как духовных, так и плотских. Епископ Вестминстерский Тирлби утверждал, что епископы никогда не соглашались с доктриной, содержащейся в Книге о Евхаристии, а просто позволили ей вынести ее на обсуждение. Защитник горячо упрекнул его за тон и заявление, но Тирлби твердо стоял на своей точке зрения, добавив интересную информацию о том, что, когда Книга вышла из рук епископов, в ней содержалось слово "жертвоприношение" применительно к Мессе, которое с тех пор было опущено. Боннер из Лондона указал, что Книга общей молитвы, содержащая утверждения, осужденные за границей и в Англии как ересь, не должна быть принята. Кранмер и Ридли решительно защищали содержащуюся в нем евхаристическую доктрину. Когда диспут между епископами был завершен (19 декабря 1548 г.), законопроект о единообразии был внесен и зачитан в Палате общин. Из епископов, присутствующих в Палате лордов, десять проголосовали за эту меру, а восемь - против. Гардинер все еще находился в тюрьме, епископ Лландафский, который выступал против Кранмера, отсутствовал в отделе, а некоторые другие не указаны. [56]

Так называемый первый акт о единообразии (1548) заменил мессу в том виде, в каком она веками праздновалась в английской церкви, и заменил ее новой литургией, содержащейся в "Книге общей молитвы". [57] Эта последняя, хотя и полностью отличалась от любого обряда, которому следовали в католической церкви, имела тесное сходство как с самими обрядами, так и с церемониями отправления Таинств в литургии, введенной немецкими лютеранами. Согласно Акту парламента, он должен был вступить в силу в Белое воскресенье, 9 июня (1549 г.). То, что это ожидалось встретить сильную оппозицию, очевидно из запрета на пьесы, песни, стихи и т.д., выставляющего это на посмешище, а также из-за больших штрафов, предписанных тем, кто мог попытаться помешать священнослужителям следовать ему. Конфискация годового дохода вместе с тюремным заключением на шесть месяцев была наказанием, которому подлежал любой священнослужитель, отказывавшийся следовать новой литургии. За второе преступление были предусмотрены полное лишение свободы и тюремное заключение, а третье преступление должно было караться пожизненным тюремным заключением. За воспрепятствование какому-либо священнослужителю принять новую литургию наказаниями были за первое нарушение штраф в размере 10 фунтов стерлингов, за второе - 20 фунтов стерлингов, а за третье - конфискация и бессрочное тюремное заключение. В конце концов парламент удовлетворил угрызения совести Кранмера, разрешив духовенству заключать браки.

Попытка отменить мессу и навязать англичанам новую литургию привела к восстаниям и беспорядкам по всей стране. В Лондоне, где можно было ожидать, что влияние двора должно было обеспечить его быстрое принятие, многие церкви сохранили старое богослужение, несмотря на отчаянные усилия Кранмера и его подчиненных. Епископа Боннера резко упрекнули в том, что он поощрял неповиновение своего духовенства, и поскольку он не смог удовлетворить требования правительства, его отправили в тюрьму. В Девоншире и Корнуолле [58] крестьяне и сельские джентльмены поднялись с оружием в руках, протестуя против новой службы, которую они сравнивали с рождественской игрой, и требуя восстановления мессы, единого Причащения, святой воды, пальм, пепла, изображений. Они настаивали на том, что

Шесть статей Генриха VIII. должны быть приведены в исполнение еще раз и что кардинал Поул должен быть отозван из Рима и удостоен места в совете. В университетах Оксфорда и Кембриджа, где королевские гости и нанятые иностранцы, такие как Питер Мартир, Буцер и Очино, делали все возможное, чтобы декатолизировать эти учебные заведения, произошли бурные волнения, которые взбудоражили как студентов, так и простых людей, и вскорестрана вокруг Оксфорда была охвачена пожаром. Религиозные волнения побудили тех, кто предпочитал небольшие фермы и крепких работников пастбищам и овцам, поднять знамя восстания против новых экономических тенденций и принять руководство норфолкского кожевенника Уильяма Кетта. [59] Благодаря напряженным усилиям Протектора и совета, поддержанных иностранными наемниками, набранными в Италии и Германии для борьбы против Шотландии, эти восстания были подавлены силой, а лидеры, как миряне, так и священнослужители, были наказаны с беспощадной суровостью. Однако беспокойное положение в стране, открытое недовольство католической партии, компромиссы, которые предлагались тем, кто боролся против изоляции, и неудачная война с Францией, в которую была втянута страна, указывали на непригодность Сомерсета для должности протектора. Против него была составлена комбинация графом Уориком при содействии лидеров католической партии. Он был арестован, признан виновным и лишен всех своих должностей (декабрь 1549 г.), а граф Уорик, ставший позже герцогом Нортумберлендским, получил основную долю в новом правительстве.

Кранмер и его иностранные помощники были полны тревоги за будущее своего дела. Они опасались, что новая администрация будет контролироваться Райотесли, экс-канцлером, Арунделами, Саутвеллом и другими видными католиками, что Гардинер и Боннер могут быть освобождены из заключения и что требования многих повстанцев об отмене Книги общей молитвы и восстановлении мессы могут быть удовлетворены. Католическая партия преисполнилась новой надежды; в Оксфорде и по всей стране старые молитвенники и облачения, которые были спрятаны, были снова доставлены, и службы и мессы были исполнены так, как это было на протяжении веков. [60] Но вскоре Уорик показал, что смена правителей не означала никаких изменений в религиозной политике правительства. Гардинер и Боннер все еще содержались в заключении; Райотесли был уволен из совета; многие другие католические дворяне были заключены в тюрьму, а Сомерсет, который, как предполагалось, стал жертвой ненависти католиков, был освобожден из тюрьмы и вновь принят в тайный совет (1550). После бесславной войны с Францией и еще более бесславного Булонского мира правительство почувствовало себя свободным посвятить свою энергию религиозной ситуации внутри страны. Уорик полностью перешел в лагерь партии реформаторов и, проконсультировавшись с ними, решил продолжить антикатолическую кампанию.

Парламент, собравшийся в ноябре 1549 года, был явно радикальным по своим тенденциям. В Палате лордов епископы жаловались, что их авторитет был подорван и что их приказы были сведены на нет. В ответ им было предложено сформулировать предложение о возмещении ущерба, но после того, как такое предложение было представлено, непрофессионалы расценили их требования как непомерные. Вопреки желанию значительного меньшинства епископов была назначена комиссия для составления нового Порядкового номера в качестве дополнения к Книге общей молитвы. Комитет был назначен 2 февраля 1550 года, и, похоже, он завершил свою работу в течение недели. В новом / Ordinal/ [61] (1550) церемонии принятия пострига, второстепенных орденов и иподиакона были полностью опущены, в то время как обряды рукоположения дьяконов, священников и епископов были значительно изменены.

Точно так же, как жертвенный характер Мессы был исключен из Книги общих молитв, точно так же понятие настоящего священства исчезло из формуляров для рукоположения. Несмотря на противодействие значительной части епископов, был принят Закон, предписывающий уничтожить все молитвенники, антифонари, процессии, руководства, ординалии и т.д., Которые ранее использовались на службе Церкви и не были одобрены королевским величеством, а также удалить все изображения, "за исключением любого изображения, установленного или выгравированного на любой могиле в любой церкви, часовне или погосте только для памятника любому королю, принцу, дворянину или другому умершему человеку, который не пользовался общепринятой репутацией и не считался святым". [62] В результате этой меры произошло массовое уничтожение ценных книг и рукописей в личной библиотеке короля в Вестминстере и по всей стране. Королевские гости, которым была поручена трудная работа по обращению Оксфорда в протестантизм, действуя под руководством доктора Кокса, ректора университета или "канцлера", как его называли, разграбили библиотеки колледжа, разорвали и сожгли бесценные рукописи или продали их как макулатуру, и даже зашли так далеко, что потребовали уничтожить окна часовни, чтобы эти прекрасные образцы искусства не могли поощрить верность старой религии, которая вдохновляла их художников и дарителей.

Поскольку было решено полностью отказаться от религиозного консерватизма прежнего правления, было сочтено абсолютно необходимым сместить католически настроенных епископов, чтобы освободить место людям новой школы, на которых правительство могло с уверенностью положиться. Гардинер из Винчестера и Боннер из Лондона уже сидели в тюрьме. Хит Вустерский, отказавшийся согласиться с новым Порядковым номером, был арестован в марте 1550 года, как и День Чичестера в октябре. Танстолл из Дарема, чьи консервативные взгляды были хорошо известны всем, был взят под наблюдение в мае 1551 года и брошен в тюрьму вместе со своим деканом в ноябре следующего года. Вскоре Боннер, Хит, Дэй и Гардинер были приговорены к лишению свободы. Епископ Вестминстерский Тирлби, нанесший большое оскорбление своим бескомпромиссным отношением к Благословенной Евхаристии, был переведен из Вестминстера, где его присутствие было крайне неудобным, в Норвич, а престарелый епископ Войси был вынужден оставить Эксетерскую кафедру, чтобы уступить место более надежному и более активному человеку. В то же время в университетах были предприняты шаги по изгнанию людей, чье влияние могло быть использовано против планов правительства. Престолы Вестминстера и Лондона были объединены и переданы Ридли Рочестерскому, одному из самых способных и продвинутых помощников Кранмера. Хупер, который смотрел на Цвингли как на своего религиозного наставника, был назначен в Глостер; но поскольку он возражал против епископальной присяги и епископского облачения, а также поскольку он настаивал на своем праве на личное суждение настолько, что публично выступал против тех вещей, которые были санкционированы верховным главой Церкви, было необходимо заключить его в тюрьму [63], прежде чем он смог прийти в надлежащее расположение духа для наложения рук Кранмера (март 1551 г.). Понэ был назначен в Рочестер, а после лишения Гардинера - в Винчестер, где его скандальная и публичная связь с женой ноттингемского бюргера [64] не была рассчитана на то, чтобы повлиять на стремление его паствы к новому учению. Скори был назначен в Рочестер, а затем в Чичестер, а Майлз Ковердейл - в Оксфорд.

Рвение новых епископов в стремлении подавить папистскую практику и их готовность предоставить имущество церквей в распоряжение Нортумберленда вскоре показали, что те, кто их выбирал, не ошиблись. По прибытии Ридли в Лондон он провел конференцию с целью убедить духовенство принять новую литургию вместо мессы. Он издал приказ о сносе алтарей и

возведении на их местах "честных столов, прилично накрытых", за которыми можно было бы совершать Причастие. Главный алтарь в соборе Святого Павла был снесен, и на его месте установили простой стол для причастия. Поскольку такое кощунственное нововведение вызвало возмущение значительной части как духовенства, так и народа, совет счел необходимым поручить шерифу Миддлсекса привести в исполнение приказы епископа. Примеру, поданному таким образом в столице, должна была последовать вся страна. В ноябре 1550 года от имени молодого главы Церкви всем епископам были разосланы письма с приказом снести алтари в их епархиях, и за неподчинение этому приказу епископ Дэй был арестован. Хупер, как только его сомнения по поводу епископской присяги и облачения были устранены, с энтузиазмом взялся за реформирование духовенства своих епархий Вустера и Глостера, но только для того, чтобы обнаружить, что ничто иное, как королевский указ, не может избавить их от старых "суеверий" (1552). В то время как массовая работа по разрушению продвигалась вперед, были приняты меры к тому, чтобы ни одна из трофеев, полученных в результате разграбления церквей, не досталась частным лицам. Уорик настаивал на том, чтобы новые епископы передали значительную часть епископских поместий его фаворитам, и были изданы королевские приказы провести инвентаризацию церковного имущества. В течение 1551 и 1552 годов из церквей были изъяты их ценности, а церковная утварь, чаши, ризы, облачения и алтарные полотна были утилизированы, чтобы обеспечить деньгами неимущих членов совета.

Подобные насильственные меры вряд ли могли ни завоевать популярность новой религии, ни привести к догматическому единству. Восстания произошли в Лестере, Нортгемптоне, Ратленде и Беркшире, а свободные бои были засвидетельствованы даже в церквях Лондона. Ходили слухи о заговоре, особенно на севере, где графы Шрусбери и Дерби все еще придерживались католической веры, и опасения по поводу французского вторжения были не совсем беспочвенны. Был издан новый Акт о единообразии [65] (1552), угрожающий духовными и мирскими наказаниями мирянам, которые пренебрегали посещением общей молитвы по воскресеньям и праздникам. Были приняты законы в помощь бедным, оказавшимся в нищете из-за подавления монастырей и массовых огораживаний, а также для утешения женатого духовенства, чьи дети по-прежнему считались незаконнорожденными, была принята вторая мера, легализующая такие союзы. Драки в церквях и на погостах должны были быть подавлены тяжелой рукой. Если духовных наказаний было недостаточно для поддержания порядка, нарушителей следовало лишать уха или клеймить на щеке раскаленным железом.

Хотя, по мнению некоторых, Книга общей молитвы была составлена под руководством Святого Духа, вскоре многие стали считать ее неудовлетворительной. Люди, отвергавшие авторитет папы, потому что он был иностранцем и следовал учению монахов-отступников из Швейцарии, Италии, Польши и Германии, требовали его пересмотра на том основании, что оно, по-видимому, подтверждает Реальное и Телесное присутствие Христа в Евхаристии. Кранмер, который принял Пресуществление во времена Генриха VIII и защищал своего рода Реальное Присутствие в 1549 году, постепенно склонился к учению Кальвина о Евхаристии. Чтобы устранить двусмысленности и трудности старого Молитвенника, было решено подвергнуть его полному пересмотру, посредством которого все, что подразумевало реальное объективное присутствие Христа в Евхаристии, должно быть опущено. Вторая Книга общей молитвы была представлена и одобрена парламентом (1552), и ее использование было разрешено королевским указом. Он должен был вступить в силу в ноябре 1552 года, но в конце сентября, когда некоторые экземпляры Книги уже были напечатаны, совет издал распоряжение о том, что работа должна быть остановлена до тех пор, пока не будут внесены дальнейшие исправления.

Похоже, что новая рубрика, введенная Кранмером, предписывала причащающимся принимать причастие на коленях, а Джон Нокс, который недавно прибыл в Англию и пользовался большим расположением совета, решительно возражал против такого предписания, как привкус папизма. Несмотря на энергичные протесты Кранмера, совет, не имеющий полномочий от парламента или созыва, вынудил его поместить на форзаце знаменитую "Черную рубрику", которая остается в Книге общих молитв до наших дней, за исключением времен Карла II. было внесено изменение, посредством которого "телесное присутствие" было вставлено вместо "реального и существенного присутствия", отвергнутого в первой форме рубрики. [66]

Еще один вопрос, по мнению Кранмера, был необходим для успеха нового религиозного поселения, а именно публикация авторитетного символа веры для Английской церкви. Огромное разнообразие мнений в стране, неистовые призывы таких людей, как Хупер, которые тщетно пытались заставить нежелающее духовенство принять их собственные догматические стандарты, и поразительный успех Тридентского собора в отстаивании католической доктрины сделали необходимым показать английскому народу, что может сделать верховный глава Церкви у себя дома, даже если он был всего лишь беспомощным мальчиком. В 1549 году Кранмер составил серию Статей, которые должны были быть приняты всеми проповедниками в его епархии. Их он представил собранию епископов в 1551 году, а позже по просьбе тайного совета комиссии из шести человек, среди которых был Джон Нокс. Они были возвращены с аннотациями Кранмеру, который, переработав их, умолял совет разрешить их публикацию. Наконец, в июне 1553 года Эдуард VI, за четыре недели до своей смерти, одобрил их и повелел, чтобы они были приняты всеми его подданными. Эти /Сорок две статьи/ представляли собой первую попытку дать английской церкви четкое догматическое вероучение. На титульном листе было указано, что Статьи были согласованы "епископами и другими учеными и благочестивыми мужами на последнем Собрании, состоявшемся в Лондоне в 1552 году от Рождества Христова"; но, несмотря на это очень четкое заявление, теперь практически точно известно, что Статьи никогда не представлялись и не утверждались Собранием. Другими словами, как выразился Гайрднер, [67] титульный лист - это "не что иное, как постыдный образец официальной лжи", к которому прибегли, чтобы обмануть людей и не допустить, чтобы на них повлияла успешная работа, сделанная Отцами Трента.

Герцог Нортумберлендский, дорвавшийся до власти на плечах католической партии, покинул своих бывших союзников и полностью перешел на сторону Кранмера, Ридли и Хупера. Воспользовавшись мирными отношениями Англии с Францией и Шотландией и трудностями императора в Германии, он рискнул всем, чтобы превратить Англию в протестантскую нацию. Он сместил епископов, влияния которых опасался, и наполнил епископскую скамью своими собственными кандидатами. Он разрушил алтари и сжег молитвенники, чтобы показать свое презрение к Мессе и свою твердую решимость искоренить религиозные верования английского народа. Он и его друзья были настолько полны решимости навязать новую религиозную службу, что даже принцессе Марии запретили отслужить мессу в ее присутствии, а ее капелланов привлекли к ответственности за неподчинение королевскому закону. Однажды император действительно счел необходимым вмешаться в защиту своей родственницы и предупредить совет, что, если будут предприняты какие-либо попытки помешать ей совершать богослужения по своему усмотрению, он сочтет необходимым отозвать своего посла и объявить войну (1551). Ситуация была явно неловкой, и совет решил обратиться за советом к Кранмеру, Ридли и Хуперу. Епископы ответили, что, хотя давать волю греху - греховно, на непослушание Марии пока можно не обращать внимания. [68] Совет последовал этому предложению, но позже, когда

руки императора были связаны волнениями в Германии, попытка внушить благоговейный страх принцессе была возобновлена. Мария, однако, проявила истинно тюдоровский дух независимости, и, поскольку заключать ее в тюрьму или обезглавливать было бы опасно, ее не довели до крайностей.

В 1553 году Нортумберленду стало ясно, что Эдуард VI. он не мог долго прожить, и что с его смертью и наследованием престола Марии его собственное будущее и будущее религиозного поселения, за которое он боролся, окажется под серьезной угрозой. Поэтому вопреки воле покойного короля и тому, что он считал желаниями английского народа, поскольку на протяжении всего правления Эдуарда принцесса Мария была большой любимицей нации, он решил обеспечить престолонаследие леди Джейн Грей, внучке сестры Генриха VIII Марии. Такой наследование, по его мнению, гарантировало бы его собственную безопасность и триумф протестантизма, тем более что он позаботился о заключении брака между будущей королевой и его сыном, лордом Гилдфордом Дадли. Когда все было улажено, Верховный судья и два ведущих судебных чиновника короны были вызваны к постели умирающего короля и получили указание составить акт, изменяющий порядок наследования. Они умоляли короля отказаться от такого проекта и указывали, что он незаконен и привлечет всех, кто в нем замешан, к ответственности за государственную измену, но насилие Нортумберленда пересилило их угрызения совести, тем более что их собственная безопасность была гарантирована комиссией за большой печатью и обещанием помилования. Когда документ был составлен, его подписали король, судьи и члены совета. Кранмер колебался на том основании, что он поклялся выполнять волю Генриха VIII, но поскольку ситуация была отчаянной, он, в конце концов, согласился последовать примеру, который был подан (июнь 1553 г.). Проповедникам было поручено подготовить народ к переменам, объявив Марию и Елизавету незаконнорожденными. 6 июля Эдуард VI. умер в Гринвиче, но его смерть держали в секрете до тех пор, пока планы Нортумберленда не созрели окончательно. Четыре дня спустя леди Джейн Грей прибыла в Лондон, и объявление о ее восшествии на престол было встречено на улицах столицы зловещим молчанием.

[1] /Жизнь и смерть Томаса Уолси, написанная одним из его
Слуг/; под ред. Симпсона, 1901. Кавендиш, / Жизнь кардинала
Вулси /, 1885. Крейтон, / кардинал Вулси/, 1888. Тонтон,
/ Томас Уолси, легат и реформатор /, 1902.

[2] O'Donovan, /Assertio Septem Sacramentorum/, etc., 1908.

[3] Id., 118-26.

[4] О бракоразводном процессе см. Харпсфилд, Трактат о мнимом разводе между Генрихом VIII. и Екатерина Арагонская /, (написано в 1556 году, изд. 1878). Надежда, / Первый развод Генриха VIII. как сказано в государственных документах /, 1894. Ehses, /Römische Dokumente zur Geschichte der Ehescheidung/, 1893. Терстон, / Климент VII., Кампеджио и развод / (Американский кат. Кварта. Rev., 1904). Id., / Каноническое право о разводе / (англ. История. Обзор, 1904). Гайрднер, / Новый взгляд на развод / (англ. История. Изд., 1897, также 1892). Фридман, / Анна Болейн/, 2 тома., 1884.

[5] Ehses, указ. соч., 21-7.

- [6] Ehses, указ. соч., стр. xxxiii.
- [7] Id., 14-16.
- [8] Ehses, указ. соч., стр. 28-31.
- [9] /Политическая история Англии/, т. v., 280-1.
- [10] Ehses, op. cit., p. xxxi., sqq.
- [11] Брюер, /Царствование Хена. VIII./, ii., 346-51.
- [12] Ehses, 120-5.
- [13] Брюер, указ. соч., 466-7.
- [14] /Пол. История. Англии/, v., 301.
- [15] /Письма и документы, Генрих VIII./, iv., 64-78.
- [16] Rymer, /Foedera/, xiv., 405.
- [17] Ehses, указ. соч., 163-4.
- [18] Ehses, 167 кв.
- [19] Гайрднер, /Лолларди и Реформация/, i, 300.
- [20] Гайрднер, /История. из англ. ч. в XVI веке/, 114.
- [21] /Письма и статьи/, т., 886.
- [22] Ehses, указ. соч., 200-1.
- [23] Хейл, /Жизнь Реджинальда Поула/, 1910, стр. 88.
- [24] За его предсмертное заявление против королевского превосходства, видео. / Дублинское обозрение / (апрель 1894 г.).
- [25] /Пол. История. Англии/, v., 318.
- [26] /Пол. История. Англии/, v., 318-19.
- [27] Ehses, указ. соч., 212-13.
- [28] Гайрднер, /Лолларди и реформация/, i., 48-52.
- [29] /Пол. История. Англии/, v., 344.
- [30] /Лолларди и Реформация/, i., 424-35.
- [31] Ср. Бриджит, /Жизнь блаженного Джона Фишера/, 1888. Стюарт, / Жизнь Джона Фишера/, 1879. Бейли (Холл), /Жизнь и смерть Джона Фишера/, 1655.

[32] Ср. Ропер, / Жизнь, обвинение и смерть ... сэра Томаса Мора/, 1629 (переиздано в 1903). Бриджетт, / Жизнь и сочинения сэра Томаса Мора /, 1891. Гайрднер, /Лолларди и реформация /, (глава iv., v.).

[33] /Пол. История. Англии/, v., 361.

[34] Ср. Гаске /Генрих VIII. и английские монастыри/. Гайрднер, / Лолларди и Реформация, II./ (глава ii., iii.).

[35] Тернбулл, / Отчет о монастырских сокровищах, конфискованных в Роспуск / и др., 1836.

[36] Гайрднер, / Письма и документы Курицы. VIII./, xi., xii.

[37] Хайле, /Жизнь Реджинальда Поула/ (глава ix.-xi.).

[38] Гайрднер, /Лолларди и реформация/, том ii., 304 кв.

[39] Гайрднер, / История. с англ. Церковь в XVII в./, 177-8.

[40] Гайрднер, /История английской Библии/ (/Лолл. и Ссылка/, ii. 221 кв.м).

[41] /Английские статуты/, 34 и 35 Неп. VIII., с. 50.

[42] Гайрднер, / Немецкие протестанты и Закон о шести статьях/ (соч. цит., ii., 170-220.)

[43] Мерримен, /Жизнь и письма Томаса Кромвеля/, 2 тома., 1902.

[44] Тайтлер, /Англия при Эдуарде VI. и Марии/, 2 тома., 1839.

[45] Гаске-епископ, /Ред. VI. и Книга общей молитвы/, 43-4.

[46] Ср. Додд-Тирни, /Церковная история. Англии/, ii., приложение iii.

[47] Удостоверение личности, приложение iv.

[48] Ли, /ред. VI., Верховный глава/, 39.

[49] Гаске-Бишоп, соч. cit., 69-77.

[50] Лич, /англ. Школы эпохи Реформации /, 1-7.

[51] Гаске-Бишоп, соч. cit., 92-96.

[52] /Кембридж Мод. История/, ii., 477.

[53] Gasquet-Bishop, op. cit., 83 sqq. Диксон, /История Церкви/, ii., 476.

[54] Гаске-Бишоп, соч., глава ix.

[55] Додд-Тирни, ii., приложение. ix.

[56] Гаске-Бишоп, соч., глава x.

[57] /Первый молитвенник короля Эдуарда VI./, 1549 (Вестминстерская библиотека). Проктор-Фрер, / Новая история книги общей молитвы /, 1901.

[58] Розовая труппа, /Западное восстание 1549 года/, 1913.

[59] Рассел, /Восстание Кетта/, 1859.

[60] Гайрднер, /Лолларди и Реформация/, iii., 125-7.

[61] /Форма и порядок принятия и посвящения Архибишопов, епископов, священников и дьяконов/.

[62] /Статистика. 3-я и 4-я, Изд. VI./, с. 10.

[63] Гайрднер, указ. соч., iii., 273.

[64] Ли, указ. соч., 214.

[65] /Статистика. 5-я и 6-я, Изд. III./, с. 50.

[66] Гайрднер, указ. соч., iii., 349-50.

[67] Гайрднер, указ. соч., iii., 376-77.

[68] Гайрднер, указ. соч., iii., 201.

ГЛАВА III

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ В ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ МАРИИ (1553-1558)

См. библиографию, главы i, ii, / Государственные документы/ (Отечественные, иностранные, венецианские). /Дневник Генри Мэчина и др., с 1550 по 1563 год / (под ред. Дж. Г. Николса, 1854). Лингард, / История Англии / (т. v.). Гайрднер, / Лолларди и реформация /, том iv. 1913. Иннес, /Англия при Тюдорах /, 1905. Zimmermann, /Maria die Katholische/, 1896. Стоун, / Мария I., королева Англии /, 1901. Хайле, / Жизнь Реджинальда Поула/, 1910. Zimmermann, /Kardinal Pole, sein Leben, und seine Schriften/, 1893. Ли, /Реджинальд Поул, кардинал-архиепископ Кентерберийский/. /Кембриджская современная история/, том ii., глава xv.

Леди Джейн Грей могла быть провозглашена королевой, но до тех пор, пока Мэри не была надежно заключена в Тауэр, триумф заговора не был гарантирован. Были предприняты попытки убедить ее приехать в Лондон, но, предупрежденная секретными посланиями, отправленными ее лондонскими друзьями, она бежала из своей резиденции в Хандоне в замок в Саффолке, откуда направила письма совету и видным дворянам Англии, утверждая свои права на трон. Со всех концов страны тысячи людей стекались присоединиться к ее знамени, в то время как неистовые призывы Нортумберленда и его коллег не вызвали подлинного отклика даже в самом Лондоне. Нортумберленд, во многом против своей воли, согласился возглавить армию против Марии, которая продвигалась к столице, но после его отъезда члены совета, убежденные, что их дело безнадежно, покинули своего лидера и позволили провозгласить Марию (19 июля.). Нортумберленд сдался на милость новой королевы и был заключен в Тауэр вместе со своими главными приверженцами. 3 августа Мэри официально въехала в Лондон, где ее восторженно встретили горожане. Ее первой заботой было освободить некоторых из тех, кто был арестован во время предыдущего правления, епископов Гардинера, Боннера, Хита и Дэя, герцога

Норфолка и лорда Кортни, последний из которых провел в заключении пятнадцать лет. Как ревностный католик, отслуживший мессу во времена Эдуарда VI. даже с риском для жизни не могло быть никаких сомнений в религиозных взглядах новой королевы, и во многих церквях Лондона и по всей стране английская служба немедленно сменилась мессой. В интервью лорд-мэру Лондона, а затем в публичном обращении, адресованном всем ее подданным, она объявила, что, хотя она намеревалась следовать католической религии, у нее не было желания прибегать к принуждению, чтобы навязывать это своему народу против его воли, и она призвала их жить вместе в христианской гармонии, избегая "новообретенных дьявольских терминов папист и еретик". В знак того, что месть и жестокость не входили в ее программу, она проявила великое милосердие к тем, кто замышлял лишить ее трона, лишь немногие из которых, включая графа Нортумберленда, были казнены. Возможно, в надежде сыграть на чувствах королевы и добиться помилования, Нортумберленд публично объявил о своем возвращении к старой вере и принятии католического учения о Евхаристии.

Карл V, на чей совет полагалась Мария, посоветовал ей осторожно приступить к восстановлению религии в Англии. Многих представителей молодого поколения учили рассматривать верховенство папы как неоправданное вмешательство в независимость Англии, в то время как у тех, кто обогатился за счет разграбления Церкви, были все основания поддерживать эдвардинское поселение. За их участие в содействии заговору против королевы, а также за различные другие преступления, вменяемые им в вину, Кранмер, Ридли, Хупер, Латимер и Ковердейл были заключены в тюрьму; епископ Поне скрылся, а Барлоу совершил побег из страны. Позже все они были лишены своего Зрения. Гардинер был восстановлен на своем престоле в Винчестере и назначен лордом-канцлером, Танстолл - в Дареме, Хит - в Вустере, Дэй - в Чичестере, а Войси - в Эксетере. Иностранным ученым, таким как Питер Мартир, Джон Ласко и их друзья, которых Кранмер привез с собой, чтобы обучать английский народ новой религии, были выданы паспорта и разрешено покинуть королевство. Их примеру последовал Джон Нокс и многие другие женатые священнослужители.

В глубине души Мария ненавидела титул верховного главы Церкви и больше всего на свете стремилась к примирению с Римом. Когда весть о ее восшествии на престол достигла Рима, это наполнило радостью сердце Юлия III. Он сразу же решил послать легата в Англию и избрал для этой должности великого английского кардинала, чья преданность своей стране была сравнима только с его верностью Церкви. Кардинал Поул был назначен легатом со всеми полномочиями, и ему также была поручена работа по примирению между императором и Генрихом II Французским. Карл V не имел ни малейшего желания видеть Поула в Англии на посту главного советника королевы Марии. Он планировал брак Марии со своим старшим сыном, впоследствии королем Испании Филиппом II, и, полностью осознавая, что Поул может воспротивиться такому союзу, считая его опасным как для Англии, так и для религии, он был полон решимости отложить прибытие легата до завершения переговоров о браке.

В октябре 1553 года Мария была торжественно коронована епископом Гардинером в Вестминстерском аббатстве. Она связала себя клятвой сохранять свободы своего королевства и поддерживать права Святого Престола. Четыре дня спустя она присутствовала на мессе Святого Духа при открытии парламента и выслушала обращение, в котором ее лорд-канцлер призывал членов парламента выразить свое раскаяние и отвращение к ереси и расколу, в которых он и они были виновны, вернувшись к единству Католической церкви. Было объявлено, что все новые измены, уголовные преступления и презумпционные наказания предыдущих

царствований были отменены на том основании, что Мария надеялась добиться повиновения своих подданных любовью, а не страхом. Брак Генриха VIII. с Екатериной Арагонской был признан действительным, и, следовательно, Мария была признана законной наследницей престола. Религиозное соглашение Эдвардина, включая Акты о единообразии, Книгу общих молитв, Порядковый номер, Сорок две статьи и разрешение священнослужителям вступать в брак, было отменено, и был принят Закон, запрещающий нарушать религиозные службы или проявлять непочтительность к Евхаристии. Все это законодательство полностью соответствовало пожеланиям Конвокации, которая собралась вскоре после заседания парламента и которая, при незначительном несогласии, осудила Книгу общих молитв и вновь подтвердила веру английского духовенства в доктрину Пресуществления. Хотя королева объявила о своем недовольстве титулом верховного главы и предоставила полную свободу обсуждения этого вопроса, парламент проявил решительное нежелание восстанавливать юрисдикцию папы римского. Не то чтобы у членов церкви были какие-то реальные возражения против изменений с доктринальной точки зрения, но, опасаясь, что возвращение к послушанию Риму может повлечь за собой восстановление церковной собственности, конфискованной или отчужденной во время предыдущего правления, они хотели обезопасить свою собственность до того, как подчинятся папе.

Ибо до сих пор Мария действовала со значительной мягкостью и осмотрительностью в осуществлении своей религиозной программы, которой до сих пор не было проявлено серьезного противодействия. Однако вопросу о ее замужестве было суждено посеять раздор между ней и ее подданными. Император и имперский посол убеждали ее принять руку Филиппа на том основании, что таким браком можно было бы избежать внутренней зависти и раздоров и обеспечить триумф католицизма. Многие члены совета и подавляющее большинство английского народа были против такого союза. Они опасались, что если иностранный правитель станет мужем их королевы, то он по необходимости должен иметь главный голос в английских делах. Поэтому они верили, что Англия будет вовлечена во все войны Испании и что, если бы в результате такого союза родился наследник, Англия, вместо того чтобы быть независимой нацией, могла бы стать простой испанской провинцией. Враги религиозной программы Марии считали, что они видят в браке с испанкой возможность свергнуть ее правительство и восстановить протестантизм в стране. Воспользовавшись непопулярностью этого предложения, они воззвали к патриотизму и любви к независимости английского народа и преуспели в привлечении на свою сторону многих, кто был по крайней мере нейтрален в отношении ее религиозных предложений. Некоторые планировали заключить брак между принцессой Елизаветой и Эдвардом Кортни, оба из которых претендовали на трон, и выставить их соперниками королевы Марии. Французский посол, встревоженный перспективой брака Марии с наследственным врагом Франции, поощрял заговорщиков обещаниями помощи, на самом деле не потому, что Франция желала восшествия на престол Елизаветы, а в надежде, что во время возникшей неразберихи удастся отстоять права Марии, королевы Шотландии, будущей супруги дофина Франции.

Несмотря на петицию, поданную парламентом против брака с испанцами, Мария настаивала на политике, предложенной ей императором. Фламандские посланники прибыли в День Нового 1554 года, чтобы организовать предварительные приготовления. Брачный договор был подписан, и два дня спустя о нем было объявлено мэру и знатнейшим гражданам Лондона. Это послужило сигналом для заговорщиков, которые тайно работали в течение нескольких месяцев, к осуществлению своих замыслов. Вскоре в Лондон пришли новости о том, что сэр Питер Кэрю

восстал в Девоне и захватил Эксетер, что сэр Томас Уайатт поднимает людей Кента и что сэр Джеймс Крофтс отправился в Уэльс, а герцог Саффолк - в Мидлендз, чтобы сплотить силы нелояльности. Но большая часть английского народа была слишком глубоко привязана к своему суверену, чтобы откликнуться на призыв лидеров повстанцев. Движение Уайатта само по себе грозило стать опасным. Когда его войска подошли к воротам Лондона, Мария, проявившая величайшее мужество на протяжении всего кризиса, лично отправилась в Ратушу, чтобы призвать жителей Лондона защитить своего суверена. На ее приглашение откликнулись с энтузиазмом, и когда Уайатту удалось пробиться к Ладгейт-Серкус, он был вынужден отступить и сдаться в плен войскам королевы. Мария, которая до сих пор следовала крайне мягкой политике, чувствовала, что больше не может этого делать и что она должна дать понять своим подданным, что объявлять войну трону - серьезное преступление. Уайатт, герцог Саффолк, отец леди Джейн Грей, и несколько лидеров были преданы суду и казнены. Уже в ноябре леди Джейн Грей, ее муж и Кранмер были приговорены к смертной казни как предатели. Однако приговор не был приведен в исполнение, да и вряд ли был бы приведен, если бы восстание не показало, что враги Марии могут использовать таких опасных претендентов на трон для разжигания нового недовольства. Леди Джейн Грей [1] и ее муж были казнены на Тауэр-Хилл (февраль 1554 г.); несколько других заговорщиков были наказаны только тюремным заключением, и было объявлено о всеобщем помиловании для большей части повстанцев. Обращение Марии с преступниками, как бы ни расценивать казнь леди Джейн Грей, разительно отличалось от того, что можно было бы ожидать при аналогичных обстоятельствах, если бы трон занимал ее отец или даже ее сестра Елизавета. Из признаний некоторых повстанцев, а также из переписки французского посла были получены серьезные доказательства того, что Елизавета была замешана в восстании. Ее вызвали в Лондон, чтобы ответить на выдвинутые против нее обвинения, и, хотя она заявляла о своей невинности, ее заключили в Тауэр. Многие члены совета были убеждены в ее вине, но Мария, отказываясь верить, что ее сестра была посвящена в замыслы заговорщиков, приказала освободить ее.

После того, как условия брачного договора были утверждены парламентом (апрель 1554 г.), Филипп прибыл в Англию, и 25 июля бракосочетание было отпраздновано в Вестминстерском аббатстве. Филипп и Мария были провозглашены "милостью Божьей королем и королевой Англии, Франции, Неаполя, Иерусалима и Ирландии, Защитниками Веры, принцами Испании и Сицилии, эрцгерцогами Австрии, герцогами Милана, Бургундии и Брабанта, графами Габсбургов, Фландрии и Тироля". Император наконец добился своего, и, поскольку присутствие кардинала Поула в Англии больше не могло представлять опасности для его замыслов, последний теперь мог свободно приезжать в Англию. В начале года были предприняты шаги по подготовке Англии к достойному приему папского легата. В марте четверо епископов-реформаторов были лишены своих кафедр на том основании, что они были женаты, а трое других, которые занимали свои должности только по патенту Эдуарда VI, были отстранены. 1 апреля Гардинер рукоположил шесть новых епископов для заполнения вакантных кафедр. Кранмер, Латимер и Ридли были отправлены в Оксфорд для защиты своих взглядов в ходе публичной дискуссии, организованной, несомненно, с целью содействия национальному примирению с Римом. Однако все еще оставались трудности, которые необходимо было устранить, прежде чем кардиналу Поулу будет разрешено приземлиться на английской земле. Настоящим возражением против возвращения Англии в подчинение Римлянам была собственность на церковные земли, и из того, что произошло на двух предыдущих сессиях, было совершенно ясно, что те, кто извлек выгоду из разграбления церковных земель, были

полны решимости отказаться от восстановления. После длительных переговоров Поул согласился, что, хотя папа не может одобрить то, что было сделано, он не будет настаивать на восстановлении церковной собственности.

Когда все было улажено, парламент был созван на заседание в ноябре 1554 года. Шерифам было поручено позаботиться о возвращении людей "мудрого, серьезного и католического склада". Был немедленно принят Закон, отменяющий обвинительный приговор кардиналу Поулу. Легат поспешил в Лондон, где его приветствовали король, королева и парламент. Прощение было принято единогласно в Палате лордов и лишь при одном несогласии в Палате общин с просьбой к королю и королеве добиться от легата отпущения грехов от ереси и раскола для английского народа и примирения нации с Папой римским. Кардинал Поул посетил парламент 30-го числа, чтобы огласить приговор об отпущении грехов, который был принят королем, королевой, лордами и палатой общин на коленях. Это радостное событие было отмечено шествием по улицам Лондона, в котором приняли участие священнослужители, олдермены и горожане. Парламент подал петицию о восстановлении старой юрисдикции духовенства, о подтверждении свободы, предоставленной Церкви Великой хартией вольностей, и о том, что английские богослужебные книги предыдущего правления должны быть преданы огню. Как только стало ясно, что владельцев церковной собственности не следует беспокоить, не составило труда добиться полной отмены всех законов, которые были приняты против римского апостольского престола начиная с двадцатого года правления Генриха VIII. (3 января 1555 г.). [2]

Тесная связь лидеров реформаторов с поздним восстанием, уродливые памфлеты, попавшие в Англию из Франкфурта и Женевы, тот факт, что тайно возносились молитвы о скорейшей смерти королевы, что в одного из королевских проповедников был произведен выстрел, когда он находился за кафедрой, и что поднялась сильная суматоха, которая позже привела к тому, что священник был убит у алтаря человеком, которого Фокс называет "верным слугой Божьим", [3] сделали это необходимым для безопасности короны. и развитие религии, чтобы сурово расправиться с теми, кто сам полагался на преследования для продвижения своих замыслов. Сама Мария, Филипп и кардинал Поул не одобряли применение насильственных мер, но они были отвергнуты решением тех, кто должен был лучше знать характер противников, с которыми им приходилось иметь дело. Был принят Закон, обновляющий законодательство, принятое в правление Ричарда II, Генриха IV и Генриха V. Для подавления ереси Лолларда.

Парламент был распущен в январе 1555 года, и несколько политических заключенных были освобождены из Тауэра. Лидеры еретиков, с которыми, хотя и находились под арестом, обращались с большой мягкостью и допускали такую свободу, что они могли встречаться вместе и публиковать труды и оспаривать религиозную политику Марии, [4] предстали перед судом комиссии под председательством Гардинера. Несколько человек согласились подписать формулу отречения, но большинство, упорствуя в своем сопротивлении, были унижены и переданы для наказания гражданским властям. 4 февраля началась длинная серия сожжений. Джон Роджерс был предан огню в Смитфилде, епископ Хупер - в Глостере, Тейлор - в Саффолке, Сондерс - в Ковентри, и до истечения года около семидесяти заключенных постигла аналогичная участь. В сентябре 1555 года в Оксфорд была направлена комиссия для допроса Латимера и Ридли. Оба отказались признать Пресуществление, жертвенный характер Мессы или превосходство Рима. Они были осуждены, и о них нужно сказать, что они встретили свою судьбу как мужчины. Судьи были назначены папой римским для дачи показаний против

Кранмера. Его обвинили в лжесвидетельстве, потому что он нарушил свою клятву папе, в ереси из-за своего учения против Евхаристии, и в прелюбодеянии. Протокол судебного процесса был направлен в Рим для вынесения окончательного решения, и после тщательного рассмотрения папа отстранил его от архиепископства Кентерберийского и отлучил от церкви. Тем временем теологические взгляды Кранмера подверглись очередному пересмотру. По вопросу о молитвах за умерших, Чистилище и Мессе он был готов признать, что, возможно, ошибался, и даже по вопросу о верховенстве папы он заявил, что готов выслушать аргументы. В своем стремлении избежать наказания он подписывал отречение за отречением, каждое из которых было более всеобъемлющим и более покорным, чем предыдущее, признавая свою вину как гонителя Церкви и возмутителя веры английской нации и моля о прощении монархов, Папы Римского и Бога. Но в конце концов, когда он понял, что его отречение не спасет его и что он оказался лицом к лицу со смертью, он обманул своих капелланов в последний момент, как обманул многих других, отозвав свои предыдущие признания и объявив, что он все еще цепляется за свои еретические взгляды [5] (21 марта 1556 г.).

В Рим было направлено посольство, чтобы сообщить папе Римскому, что Англия вернулась под власть Святого Престола. Посланники также сообщили, что, хотя Марии не удалось добиться восстановления церковных земель, она, по крайней мере, подала хороший пример мирянам-узурпаторам, вернув церковные владения, все еще принадлежавшие короне. Синод, созданный кардиналом Поулом для восстановления дисциплины Церкви в Англии, собрался в ноябре 1555 года. В синоде было решено, что 30 ноября следует отмечать как национальный праздник в память о примирении Англии с Церковью, о том, что указы имели силу в Англии до начала смуты при Генрихе VIII. следует обеспечить соблюдение того, чтобы духовенство помнило о своих обязанностях по месту жительства и проповедованию, чтобы в каждой епархии были созданы семинарии для обучения духовенства, чтобы епископы часто посещали церковь, чтобы был составлен сборник проповедей для руководства проповедниками и чтобы без промедления была опубликована английская версия Священного Писания. [6] Этот новый кодекс конституций, изданный под названием / *Reformatio Angliae ex decretis Reginaldi Pole* /, сам по себе является свидетельством способностей, умеренности и благоразумия папского легата. Несколько месяцев спустя он был рукоположен в епископа и вступил во владение Кентерберийской кафедрой, на которую был назначен после низложения Кранмера. В соответствии со своими планами по полному восстановлению католической религии королева предприняла шаги для обеспечения того, чтобы монашеские учреждения, которые были подавлены во время предыдущих царствований, снова начали появляться в Англии. Картузианцы вернулись в Лондон, серые монахи заняли дом в Гринвиче, доминиканцы завладели собором Святого Варфоломея, а бенедиктинцы обосновались в Вестминстере (1556).

Королева, которая два года назад была полна мужества и надежды, начала терять уверенность в успехе своей работы. Брак с испанкой стал началом ее несчастий, а очевидная зависимость католицизма от испанской помощи привела к падению католической религии в Англии. Разочарованная рождением наследника, покинутая мужем, который нашел достаточно поводов для привлечения своего внимания в Испании и Нидерландах, столкнувшаяся с заговорами, продвигаемыми еретиками и поощряемыми Францией в своих корыстных целях, сомневающаяся в истинных чувствах Елизаветы и почти не имеющая друзей, на советы которых она могла бы с уверенностью положиться, неудивительно, что Мария была склонна к отчаянию. Однако она была полна решимости продолжать начатую ею работу и позаботиться о том, чтобы, по крайней мере, при ее жизни с ересью было покончено тяжелой рукой. К несчастью для

успеха ее проектов, у нее возникли трудности с Римом. Павел IV (1555-59) был человеком сурового, негибкого характера, твердо решившим отстаивать права и вольности Святого Престола. Раздраженный властной политикой Карла V и его сына Филиппа II, он стремился положить конец испанскому владычеству в Неаполе. Отношения стали настолько озлоблены, что испанские силы под командованием герцога Алва пересекли границу Папской области, и Павел IV. вспомнил о своих агентах из территорий Филиппа (1557). Франция решила поддержать папу римского, и вскоре начались активные боевые действия. Филипп, к возвращению которого в Англию Мария так часто тщетно взывала, вернулся в начале 1557 года, но только для того, чтобы попросить Англию присоединиться к нему в войне с Францией.

Положение Мэри было особенно жестоким. Она не могла сопротивляться требованиям своего мужа, особенно после того, как Франция оказала свое покровительство и помощь заговорам, готовившимся с целью ее свержения. Позиция кардинала Поула была еще более жестокой. Он сделал все, что мог сделать человек, чтобы предотвратить начало войны, и когда все его усилия оказались тщетными, он удалился от двора, чтобы ему, легату Святого Престола, не пришлось встречаться с Филиппом, который находился в состоянии войны с папой. Папским приказом (1557 г.) об отзыве всех своих агентов с испанских территорий кардинал оказался лишенным должности легата, к удивлению своих друзей и огорчению королевы. Агенты были отправлены в Рим, чтобы убедить Павла IV. отменить отзыв легата. Однако папа, подумав некоторое время, отказался удовлетворить просьбу, но согласился направить нового легата в лице монаха Уильяма Пето (14 июня 1557 г.), который так мужественно проповедовал против развода Генриха и который теперь был назначен кардиналом, чтобы подготовить его к новой должности. Гонцу, отправленному сообщить эти новости, было отказано во въезде в Англию, хотя Поул, узнавший о том, что произошло в Риме, отказался больше выступать в качестве легата и направил папе строгое, но уважительное письмо с протестом. Как с точки зрения религии, так и с точки зрения политики война во Франции, в которую мужу Марии удалось вовлечь Англию, оказалась катастрофической. Это привело к потере Кале и Гиса (1558), последних английских владений во Франции, увеличению налогов и сильному настроению против Марии и всех ее советников. Недоверие к испанскому союзу привело к недоверию к религии, сторонником которой Филипп провозгласил себя, и помогло продвигать планы тех, кто стремился отождествить патриотизм с протестантизмом. Хотя большая часть народа приняла католическую религию и хотя, по всей видимости, ее восстановление было полным, последние дни Марии были омрачены мыслью о том, что при правлении ее преемницы достигнутое религиозное урегулирование может быть отменено. Придворные и дипломаты уже отказывались от ее присутствия, чтобы завоевать расположение Елизаветы, которая называла себя искренней католичкой, но на чьи заверения нельзя было слишком полагаться. 17 ноября 1558 года Мария скончалась, а несколько часов спустя ее великий советник и друг кардинал Поул был вызван для вручения награды. -----

[1] Тейлор, /Жизнь леди Джейн Грей/, 1908.

[2] Додд-Тирни, ii., приложение. xxv.

[3] Гайрднер, /Еретики рисовали в основном сами/, соч. cit., iv., 305 кв.

[4] Гайрднер, / История. с англ. Церковь в шестнадцатом веке/, 348.

[5] Гайрднер, указ. соч., 370-7. Страйп / Жизнь Кранмера/ (Оксфордское издание работ Страйпа, 1812-24).

[6] Хайле, /Жизнь кардинала Поула/, 476-83.

ГЛАВА IV

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ (1558-1603)

См. библиографию, главы ii., iii. / Публикации Английского католического общества записи /, 1904-14. Страйп, / Анналы Реформации /, 1708-9 (опубликовано полное издание работ Страйпа, Оксфорд, 1812-24, 25 томов; Указательный том, 1828). Бирт, О.С.Б., /Елизаветинское религиозное поселение/, 1907. Meyer, /England und Die Katholische Kirche unter Elisabeth und Den Stuarts/. Джи, / Елизаветинское духовенство и урегулирование религии /, 1898. Ли, / Церковь при королеве Елизавете /, 2 тома., 2-е издание, 1893. Бриджетт, / Правдивая история католической Иерархии /, 1889. Филлипс, / Исчезновение католической Иерархии /, 1905. Джиллоу, /Литературная и биографическая история английских католиков /. Фоули, / Отчеты Общества Иисуса в Английской провинции /, 7 т., 1880. Чаллонер, / Воспоминания священников-миссионеров / и др. (1577-1684), 2 тома., 1803. Камм, / Жизнеописания английских мучеников / (1583-88), 1914. Гилдей, /Английские католические беженцы на континенте / (1558-1795), 1914. Хузенбет, / Уведомления об английских колледжах и монастырях на континенте после роспуска религиозных домов в Англии /, 1849. Нокс, / Отчеты английских католиков по уголовным законам /. /Месяц/ (1900-2).

Через несколько часов после смерти Марии Елизавета была провозглашена королевой в соответствии с условиями завещания ее отца, и в Хэтфилд были отправлены гонцы, чтобы объявить о ее восшествии на престол и сопроводить ее в столицу. Во время правления ее брата ее отношения с Томасом Сеймуром едва не привели к тайному браку и потере ее прав на трон, в то время как при жизни ее сестры разоблачения Уайатта и его последователей и переписка французского посла привели ее в Тауэр по подозрению в государственной измене. Мария, однако, была против суровых мер, тем более что Елизавета выразила свою преданность католической религии и готовность принять новое религиозное поселение. Но в тайне она придерживалась других взглядов, не потому, что была враждебна католической религии, а потому, что оппозиция католицизму казалась лучшим средством отстаивания ее притязаний на корону и сопротивления Марии, королеве Шотландии, которая, с католической точки зрения, была ближайшей законной наследницей престола. Еще до смерти Марии Елизавета поддерживала тесную переписку с теми, кто недружелюбно относился к католицизму и испанским связям, и она выбрала Уильяма Сесила, чьи религиозные взгляды и практика во время правления Марии совпадали с ее собственными, в качестве своего секретаря. Ее восшествие на престол было с радостью встречено по всей Англии, поскольку англичане были рады иметь собственного правителя, чтобы избавиться от испанского господства, которое привело к налогообложению внутри страны и бедствиям за границей. Официальное объявление о восшествии на престол Елизаветы было столь же желанным для Филиппа II, который все еще был союзником Англии, сколь и неприятным для Франции, которая рассматривала Марию, королеву Шотландии, как законного претендента на английский трон. Примечательно, что, давая ключ к пониманию будущей политики Елизаветы, Папе не было направлено никакого официального уведомления о ее восшествии на престол, а верительные грамоты английского посла в Риме не были ни подтверждены, ни отозваны. Павел IV, несмотря на усилия французоз, не желал создавать какие-либо трудности для новой правительницы Англии, объявляя ее нелегитимной или обращаясь с ней иначе, чем с законной правительницей. [1]

Хотя многие из старых советников Марии были сохранены, многие заинтересованные наблюдатели отмечают, что новые члены, выбранные королевой, принадлежали к партии, вероятно, одобряющей религиозные нововведения, и что ее настоящими советниками были не тайный совет, а избранный круг, главными из которых были Уильям Сесил, государственный секретарь, и его шурин Николас Бэкон, назначенный лордом-хранителем печати, оба из которых, хотя внешне и заявляли о своей преданности старой религии при королеве Марии, были хорошо известны своими симпатиями к эдвардианскому режиму. Люди, бежавшие во Франкфурт или Женеву, начали возвращаться и проповедовать толпе свои доктрины, а итальянская церковь в Лондоне подверглась нападению толпы. Внешне в религиозном церемониале не произошло никаких изменений. Была издана королевская прокламация (27 декабря 1558 г.), запрещающая проповедование или использование других публичных молитв, обрядов или церемоний, за исключением тех, которые одобрены законом, до тех пор, пока парламент не примет иного решения, за исключением чтения на английском языке Литании, Заповедей, Символа веры вместе с Посланиями и Евангелиями. [2] Тем не менее антикатолическая партия хвасталась, что новый правитель был на их стороне. Собственные наклонности королевы вскоре стали ясны благодаря ее запрету, адресованному епископу Карлайла Оглторпу, на возвышение Воинства во время мессы, отслуженной в ее присутствии на Рождество (1558), и ее уходу из церкви, когда он отказался подчиняться ее указаниям. Епископ Чичестерский Кристоферсон был арестован за свою проповедь по случаю похорон покойной королевы, а архиепископ Йоркский Хит подал в отставку с поста канцлера.

Коронация королевы была назначена на 25 января (1559 г.), и поскольку ее право на престол могло быть поставлено под сомнение по очень многим пунктам, очевидно, было крайне важно, чтобы церемония прошла в ортодоксальном стиле, чтобы избежать всех возражений ее соперниц. Архиепископ Йоркский и епископы в целом, хорошо осведомленные о намечавшихся религиозных изменениях, отказались принять участие в коронации, хотя в конце концов епископа Карлайлского Оглторпа убедили взять на себя эту задачу, вероятно, в надежде предотвратить еще большее зло. Епископы присутствовали в Вестминстере, чтобы поприветствовать королеву по прибытии и принести присягу на верность, но отказались присутствовать на мессе, как и испанский посол. Обряд был проведен со скрупулезным соблюдением старых правил, а проповедь произнес доктор Кокс, изгнанник из Франкфурта, который порадовал своих слушателей дикой тирадой против монахов, духовенства и существующего идолопоклонства. [3]

Парламент был созван на заседание в январе 1559 года. В Палате лордов правительство столкнулось с тем фактом, что епископы все до единого будут выступать против религиозных изменений, которые должны были быть внесены, но была выражена надежда, что благодаря тщательным указаниям шерифам можно будет вернуть Палату общин, которой можно было бы доверять. [4] Не было никаких трудностей с получением актов, подтверждающих право Елизаветы на престол, тем более что законность брака ее матери, хотя и подразумевалась, прямо не подтверждалась, но законопроект о восстановлении Первых плодов короны встретил значительное противодействие и задержку, особенно со стороны духовных пэров, а другой законопроект о восстановлении тех священнослужителей, которые были лишены этого права в предыдущее царствование из-за несоблюдения ими безбрачия, был отклонен. Однако двумя важными мерами, на которые нацелились министры Елизаветы, были королевское превосходство и повторное введение Книги общих молитв вместо латинской мессы, но с самого начала епископы оказали этим мерам самое решительное сопротивление, и хотя епископов не

поддерживало очень большое количество пэров-мирян, идея навязать стране такие важные изменения вопреки воле объединенного епископата была настолько противна религиозным инстинктам нации, что министры снова и снова оказывались вынуждены отзываться или изменять свои предложения.

Чтобы усугубить их замешательство, Конвокация собралась в феврале (1559 г.) и направила епископам для представления королеве убедительный документ, в котором духовенство без единого возражения подтверждало свою веру в Реальное Присутствие, Пресуществление, жертвенный характер мессы, верховенство Рима и неспособность мирян издавать законы относительно доктрин, дисциплины или таинств Церкви. [5] Это решение Созыва, хотя и вряд ли неожиданное, стало смертельным ударом, нанесенным по мерам правительства, показав, что если парламент предпримет новое религиозное урегулирование, он должен сделать это под свою собственную ответственность и вопреки воле церковных властей. Трудности с принятием двух законопроектов были настолько велики, что, когда наступила Пасха, работа, к которой так стремились королева и ее советники, все еще оставалась незавершенной. Билль о единообразии вероисповедания был отклонен, и хотя Билль о королевском превосходстве был принят двумя палатами в измененном виде, он еще не попал в свод законов. Неудобство, связанное с присвоением титула верховного главы Церкви женщине, многим не нравилось и было неприятно даже самой Елизавете.

На Пасху работа парламента была отложена на несколько недель, и пришлось прибегнуть к хитроумному средству, чтобы завоевать симпатии населения к этим мерам. Был организован диспут между епископами и протестантскими изгнанниками. Сесил позаботился о том, чтобы как в отношении обсуждаемых тем, так и в порядке процедуры последняя сторона имела все преимущества. Вопросы касались использования английского или латыни в религиозных службах, полномочий отдельных церквей изменять свои обряды и церемонии, а также умиловительного характера мессы. Представители католической церкви должны были открывать дискуссию каждый день, но последнее слово всегда оставалось за реформаторами. С самого начала было ясно, что кости были брошены против защитников старой веры, и на второй день католическая сторона отказалась продолжать дискуссию. [6] Их отказ, каким бы оправданным он ни был в данных обстоятельствах, не мог не произвести плохого впечатления. Их противники ухватились за это, чтобы показать, что сторонники Рима ослушались королевы, пали ниц перед апостолами новой религии и что, следовательно, хотя они и были епископами, их нельзя считать надежными проводниками в вопросах религии. Епископы Винчестерский и Линкольнский были арестованы за то, что отказались продолжать диспут, и из-за их ареста католические пэры были лишены двух голосов в Палате лордов в то время, когда судьба старой религии висела на волоске.

Когда парламент собрался вновь, королева объявила о своем намерении отказаться от титула верховного главы Церкви и попросила Палату представителей "разработать какую-нибудь другую форму в отношении примата или превосходства". Был внесен новый законопроект, предоставляющий суверену титул "верховного правителя", но встретил такое же сильное противодействие епископов, как и его предшественники, и был принят вопреки их единодушному желанию. Акт о единообразии, предписывающий использовать Вторую книгу общей молитвы с некоторыми изменениями, встретил еще худший прием, поскольку несколько

мирян присоединились к сопротивлению епископов, и в конце концов он был поддержан только большинством в три голоса. Если бы заключенные епископы были свободны проголосовать против этой меры или если бы пэры-миряне, которым она не понравилась, имели мужество присутствовать на своих местах при разделении, весь ход английской истории мог бы измениться. [7] Поскольку это была религиозная революция, она была совершена. Месса, Пресуществление, Реальное присутствие и римское превосходство, все это принималось без противоречий со времен св. Августина до правления Генриха VIII были упразднены и основана новая церковь, которая имела лишь слабое сходство со старой. И что было еще более экстраординарно, все это было сделано исключительно собранием мирян, вопреки желаниям и призывам объединенного епископата и практически единогласному решению Созыва. "Англиканская церковь, установленная законом" - это парламентское учреждение, созданное и формируемое парламентом изначально и с тех пор зависящее от парламента в вопросах руководства и защиты.

Актом о верховенстве королева была объявлена верховным правителем Церкви в Англии; вся иностранная юрисдикция была упразднена; должен был быть назначен орган уполномоченных для приведения к присяге на верховенство и выполнения церковных функций от имени королевы; должностные лица, отказавшиеся принести присягу, должны были быть лишены ее, а на тех, кто не желал признавать закон, должны были налагаться наказания, варьирующиеся от штрафов до смертной казни. Актом о единообразии английское богослужение, содержащееся во Второй книге общих молитв с некоторыми незначительными изменениями, было сделано обязательным для всех священнослужителей, как и присутствие на этом богослужении для всех мирян. Этот закон должен был быть приведен в исполнение духовными властями под угрозой отлучения от церкви правонарушителей, а гражданскими властями - путем наложения штрафов или тюремного заключения.

Была назначена королевская комиссия (1559 г.) для приведения духовенства к присяге на верховенство и обеспечения соблюдения положений Акта о единообразии. Как и следовало ожидать, внимание уполномоченных было немедленно приковано к епископам. Если бы некоторых из них удалось склонить к подчинению — а правительство не теряло надежды в этом направлении, — их подчинение произвело бы хорошее впечатление на страну; но если, напротив, они будут упорствовать в своей привязанности к Мессе и повиновении папе, их следует убрать, чтобы освободить место для более надежных людей. К их чести следует сказать, что, когда епископам была принесена клятва превосходства, они, за одним исключением, отказались отказаться от взглядов, которые они с таким мастерством и храбростью отстаивали в Палате лордов, и предпочли подвергнуться тюремному заключению и лишениям, чем ввести свой народ в заблуждение подчинением. Епископ Китчин из Лландаффа какое-то время выступал против королевского превосходства. Испанский посол доложил своему хозяину, что собирается последовать примеру своих братьев, но в конце концов подчинился и согласился принести присягу своему духовенству. [8] Религиозные общины, наблюдатели, картузианцы, доминиканцы, бенедиктинцы и несколько общин монахинь, которые восстановили дома в Англии во время правления королевы Марии, были подавлены; их имущество было конфисковано в соответствии с Законом, принятым парламентом последнего созыва, и многие монахи и монахини были вынуждены покинуть королевство. Уполномоченные проследовали по Англии, приводя к присяге духовенство, большая часть которого, по-видимому, подчинилась. По сохранившимся отчетам трудно точно оценить, какое количество духовенства согласилось признать верховенство королевы или отказаться от мессы, но, конечно, неверно утверждать,

что из 9000 получивших пособие священнослужителей в Англии в то время только около 200 отказались от присяги. С одной стороны, беспорядки во время правления Генриха VIII. и Эдуарда VI. это значительно сократило число священников в Англии, в то время как, с другой стороны, тот факт, что несколько священнослужителей не явились в комиссию, что другим было предоставлено время пересмотреть свои взгляды и что даже не все те, кто упрямо отказывался от присяги, были лишены ее, ясно показывает, что списки лишений не дают точного представления о количестве тех, кто не желал принимать изменения. Примечательно, что наибольшее количество отказов было получено среди высших должностных лиц или сановников Церкви, деканов, архидиаконов и канонов, которые, как можно было ожидать, представляли наиболее образованное и образцовое духовенство своего времени в Англии. В университетах комиссары также столкнулись с сильнейшим сопротивлением. Несколько глав колледжей как в Кембридже, так и в Оксфорде, стипендиаты и должностные лица, либо были лишены прав, либо бежали, и на их места были назначены представители новой школы. Но, несмотря на все, что могло сделать правительство, университеты, и особенно Оксфорд, на протяжении большей части правления Елизаветы продолжали оставаться центрами недовольства. [9]

Полное исчезновение старой иерархии в результате смерти, лишений и тюремного заключения открыло путь для назначения епископов, благосклонных к религии. Мэтью Паркер, который был капелланом Анны Болейн и жил частным образом с тех пор, как был отстранен от деканства в Линкольне из-за женитьбы, был выбран для заполнения архиепископства Кентерберийского, оставшегося вакантным после смерти кардинала Поула. Королевские письма с одобрением были выданы в сентябре, и мандат на его посвящение был адресован Танстоллу из Дарема, Борну из Бата и Уэллса, Пулу из Питерборо, Китчину из Лландаффа, а также Барлоу и Скори. Трое первых, однако, отказались выступать, и, по-видимому, даже Китчин не пожелал принимать никакого участия в церемонии. Затем были предприняты поиски новых людей, и они были найдены в лице Барлоу, Ковердейла, Скори и Ходжкина. Но даже сейчас серьезные юридические трудности преграждали путь. Условия для хиротонии архиепископа, установленные 25-м годом правления Генриха VIII, которые не были отменены, не могли быть соблюдены из-за отказа старых епископов и, помимо использования нового Порядкового номера Эдуарда VI. без специального акта парламента его возрождение было явно незаконным; но ситуация была настолько серьезной, что советники Елизаветы убеждали ее исправить допущенные нарушения путем осуществления своей королевской власти. В конце концов, освящение Паркера было проведено в часовне Ламбетского дворца утром 17 декабря 1559 года. История о Голове Клячи - чистая легенда, используемая спорщиками для оспаривания действительности англиканских орденов. Фактически, главный аргумент против этих Орденов взят не из басни о Голове Клячи и не из отсутствия епископских орденов в случае Барлоу, хиротониста Паркера, хотя его хиротония не была доказана, а из использования искаженной формы, которая тогда, как и сейчас, отвергалась католической церковью как недостаточная, и из-за отсутствия надлежащего намерения, подразумеваемого как искажением формы, так и учением тех, кто ее испортил. [10] После того, как трудность с хиротонией Паркера была решена, другие епископы были назначены католической церковью. королева и освящена новым архиепископом, так что до марта 1560 года был достигнут значительный прогресс в установлении новой иерархии в Англии.

С учреждением церковной комиссии (1559) по выявлению и наказанию ереси и в целом по выполнению положений Закона о верховенстве, а также с назначением новых епископов (1559-

60) работа по реформированию веры в Англии шла полным ходом. Тем не менее, новые епископы столкнулись с серьезными трудностями. Из отчетов испанского посла, который имел исключительные возможности ознакомиться с фактами, но с мнением которого по очевидным причинам не всегда можно было согласиться, следовало, что подавляющее большинство людей за пределами Лондона все еще были католиками, и даже в самом Лондоне нельзя было презирать приверженцев старой веры. Однако, помимо его отчетов, из епископальных и официальных писем и документов можно привести достаточные доказательства того, что это изменение не приветствовалось значительной частью населения страны. В качестве наилучшего средства обеспечения соблюдения Закона о верховенстве и Закона о единообразии было организовано посещение обеих провинций. В Лондоне по-прежнему служились мессы, на которые приходило огромное количество людей; в самом Кентербери, в пределах видимости архиепископского дворца, проводились публичные религиозные процессии. В Винчестере, где все еще чтили память о Гардинере, многие священнослужители отказались присутствовать на посещении; миряне благоразумно отсутствовали, когда требовалось их согласие; церкви были пустынные, и даже люди, посещавшие собор, "были развращены духовенством". Епископ Скори в Херефорде описал свой собор "как настоящее гнездо богохульства, распутства, гордыни, суеверия и невежества"; судьи чинили все препятствия на пути его реформ; посты и застолья соблюдались, как в старину; и даже сами мясники, казалось, были настроены против него, поскольку отказывались продавать мясо по четвергам. В Бате и Уэллсе многие судьи открыто проявляли неповиновение, и даже на людей, которые внешне подчинялись, нельзя было положиться. В Норвиче, Или, Солсбери и Чичестере "папизм" все еще был силен среди духовенства, народа и чиновников. В Итоне было необходимо изгнать ректора и всех преподавателей, кроме троих, прежде чем колледж удалось подчинить, а в Оксфорде посетителей заставили признать, что если они исключат стипендиатов, отказавшихся подписываться, и студентов, у которых не будет никакой религиозной службы, кроме мессы, дома опустеют. В северных провинциях, где посещение началось лишь некоторое время спустя, обнаружилось, что дела обстоят еще хуже. Основные представители знати были открытыми католиками, и многие магистраты отрицали, что когда-либо слышали об Акте о Верховенстве, в то время как другие из них "подмигивали и смотрели сквозь пальцы". В Йоркской епархии царил анархия; в Карлайле епископ признался, что не мог помешать публичному проведению мессы; в Дареме епископ написал, что оказался вовлеченным в конфликт с дикими зверями, еще более свирепыми, чем те, с которыми столкнулся святой Павел в Эфесе. В довершение ко всему сообщалось, что общественное сочувствие было на стороне заявивших самоотвод и что многие выражали надежду на то, что нынешние советники ее Величества вскоре могут быть смещены, даже если для этого придется обратиться за помощью во Францию или Испанию. [11]

Епископы и правительство предвидели серьезную опасность не только со стороны католиков. Эти люди, которые, подобно Хуперу, возражали против эдвардинского поселения как недостаточно экстремистского, во время своего вынужденного пребывания во Франкфурте и Женеве более близко подошли к кальвинизму в доктрине и ритуалах. Они с энтузиазмом восхваляли Елизавету за ее нападки на Рим, но придирались к ее религиозной программе, поскольку в ней было слишком много идолопоклонства и папистства. Они возражали против крестов, свечей, облачений, риз, благословений и большей части старых ритуалов, которые были сохранены в Книге общих молитв, и настаивали на том, что до тех пор, пока религия не будет возвращена к состоянию библейской чистоты, английский народ не должен быть

удовлетворен. Какую бы симпатию некоторые из английских политических советников ни питали к пуританам, теоретически они не собирались уступать их требованиям, поскольку такая политика всколыхнула бы все скрытое католичество в стране. Официальная церковь, "установленная законом", должна была быть церковью для нации, стоящей на полпути между Римом и пуританством, своего рода компромиссом между обеими крайностями. Елизавета была полна решимости тяжелой рукой покончить с пуританством, непочтительностью и нелегальной проповедью. В качестве предвкушения того, чего могли ожидать поборники инноваций, к большому неудовольствию архиепископа, она нанесла удар по женатому духовенству, приказав удалить женщин и детей из оград колледжей и соборов (1561).

Нельзя сказать, что именно противодействие Рима ее восшествию на престол вынудило Елизавету создать национальную церковь. Павел IV, чьи недипломатичные и неосмотрительные действия причинили столь серьезное неудобство ее предшественнице, не протестовал против признания притязаний Елизаветы, хотя Франция настоятельно призывала его сделать это. Такой же дружественной сдержанности придерживался и его преемник Пий IV (1559-65). [12] Вскоре после своего посвящения он направил Елизавете любезное письмо, в котором призывал ее вернуться в лоно Церкви. [13] Однако его посланнику не разрешили въехать в Англию, и другой посланник, отправленный в 1561 году пригласить королеву и английских епископов принять участие в Тридентском соборе, не добился большего успеха. Хотя Елизавета обсудила этот вопрос с испанским послом и даже подготовилась к приему папского посланника, необходимые документы о безопасности не были отправлены во Фландрию, и в конце концов было отправлено уведомление о том, что папский посланник не может быть принят, а английские епископы не будут присутствовать на Тридентском соборе. Возможно, из-за дружеского отношения папы были пущены слухи о том, что он не отказался бы принять новую английскую книгу общих молитв, если Елизавета согласится признать верховенство Рима. То, что для такого заявления никогда не было ни малейших оснований, сейчас общепризнано, но в то время это помогло утвердить многих католиков во мнении, что для избежания штрафов и кары для них было законно посещать английскую службу, особенно потому, что они позаботились о том, чтобы присутствовать на мессе тайно, и своими действиями и поведением дали понять, что их присутствие на новом религиозном обряде не было добровольным. Другие, однако, отказались следовать этому мнению, и, чтобы положить конец возникшим разногласиям, была составлена петиция и направлена папе римскому с просьбой разрешить ему присутствовать на Общей молитве, но, хотя просьба была поддержана испанским послом, в разрешении было отказано (1562).

Второй парламент Елизаветы (1563) собрался в то время, когда падение гугенотов, которым Англия оказала помощь, провал заговора, организованного племянниками кардинала Поула с целью свержения правительства Елизаветы, и отчеты церковных комиссаров и епископов, свидетельствующие о том, что презрение к актам превосходства и единообразия все еще было сильным, сделали необходимым принятие более репрессивных мер против католиков. Был принят Закон, озаглавленный "Закон об обеспечении королевской власти королевы", предписывающий приносить присягу превосходства членам Палаты общин, школьным учителям, репетиторам, адвокатам и всем, кто занимал какие-либо церковные должности во время правления Елизаветы, Марии, Эдуарда VI или Генриха VIII, а также всем, кто проявлял свою враждебность к установленной религии, служа мессу или помогая в ее проведении. Отказ принести присягу при первом предложении карался конфискацией имущества и пожизненным заключением, а при втором отказе наказанием должна была стать смерть предателя. Если бы

такой Акт строго соблюдался, это означало бы полное истребление католиков Англии, но Елизавета, обзаведясь оружием, с помощью которого она могла бы терроризировать их, позаботилась о том, чтобы ее епископы не довели их до крайности, тщательно изучив их мнение относительно королевского превосходства. Штрафы и тюремное заключение на этом этапе считались более целесообразными, чем смертная казнь.

Собрание заседало в одно и то же время, но Оно сильно изменилось с 1559 года, когда оно смело заявило о Реальном Присутствии, Пресуществлении, Мессе, верховенстве Папы и независимости Церкви. Последствия лишения епископов, деканов, архидьяконов, каноников и духовенства, а также массовых рукоположений "необразованных ремесленников и некоторых даже людей низменных профессий" Паркером, Гриндалом и другими были ясно видны. [14] Собрание больше не было католическим по тону. Оно было отчетливо пуританским. Было внесено предложение отменить все праздники, кроме воскресенья и "главных праздников Христовых", чтобы не было коленопреклонения при причастии, никаких облачений при совершении Общего богослужения, кроме стихаря, никаких органов в церквях, никакого крестного знамения при крещении и чтобы священника заставляли читать богослужение лицом к народу. Предложение было горячо обсуждено и в итоге было отклонено всего одним голосом. [15] Одной из главных целей, ради которых было созвано Собрание, было разработать новый догматический символ веры для Церкви, "установленный законом". Это был вопрос чрезвычайной важности. Но поскольку необходимо было не утверждать ничего такого, что могло бы оскорбить гугенотов Франции и теологов Швейцарии и Германии или пробудить скрытые католические чувства английского народа, это была также работа чрезвычайной сложности. Другими словами, вероучение официальной Церкви должно носить характер компромисса, и компромиссом это действительно было. Сорок две статьи Эдуарда VI. Были взяты за основу обсуждения. В результате обсуждения они были сокращены до Тридцати девяти, [16] в таком виде они были подписаны епископами и духовенством, прежде чем быть представленными Елизавете и ее министрам на утверждение. В качестве указания духовенству на то, что должность верховного правителя не является sinecurой, Елизавета не разрешала публикацию Статей до тех пор, пока не будет опущена очень важная статья, касающаяся Евхаристии, и пока не будет изменена другая, касающаяся полномочий Церкви изменять обряды и церемонии. То, что при формировании Тридцати девяти статей были задействованы влияния, отличные от доктринальных, очевидно из того факта, что упомянутая конкретная Евхаристическая статья была опущена в 1563 году, чтобы не отпугнуть колеблющихся католиков, и вставлена снова в 1570 году, когда правительство, находившееся в то время в открытой войне с Римом, было полно решимости отвечать ударом на удар. Катехизис, составленный Собранием для использования мирянами, был быстро запрещен Сесилом.

Приняв Тридцать девять статей в качестве своего официального символа веры, Английская церковь "установленным законом" отделила себя от католической церкви и от веры, которая была передана англосаксонскому народу великим римским миссионером Св. Августин. Какими бы двусмысленными ни были формулировки, к которым прибегли авторы Статей, чтобы привлечь последователей, больше не могло быть никаких сомнений в том, что по некоторым основным пунктам доктрины новый символ веры находится в вопиющем противоречии с доктринами, принятыми католическим миром. Папа, духовная власть которого никогда не подвергалась сомнению до времен Генриха VIII, был объявлен неподсудным в Англии. Массовые жертвоприношения (как их называют) были осуждены как богохульные басни и опасные обманы; Пресуществление считалось противоречащим Писанию и открывающим путь

суевериям; доктрина о Реальном Объективном Присутствии Христа была безоговорочно осуждена; созыв Общего Собора был поставлен в зависимость от воли светских князей; подчеркивался тот факт, что такие собрания могли ошибаться и ошибались в прошлом; пять Таинств, а именно Конфирмация, Покаяние, священный сан, Супружество и Соборование были объявлены недопустимыми. Таинства Евангелия и римское учение о Чистилище, Индальгенциях, призывании святых и почитании образов и реликвий были объявлены глупой и тщетной выдумкой, противоречащей Слову Божьему. [17]

Новое репрессивное законодательство, по крайней мере в отношении штрафов и тюремного заключения, строго применялось в отношении католиков, которые все еще были сильной группой, особенно на севере. С восшествием на престол Пия V. (1566-72) дружественное отношение, которого до сих пор придерживался Рим, изменилось. Больше не могло быть никакой надежды на то, что Елизавета изменит свою религиозную политику, как даже ее бывший союзник и сторонник Филипп II. был вынужден признать, и существовала серьезная опасность того, что мнение, которого придерживались некоторые, о том, что католикам должно быть разрешено посещать Общую молитву, было чисто юридической функцией, могло нанести значительный вред. Поэтому папа римский опубликовал решительное осуждение английской службы, и двум английским священникам, Сандерсу и Хардингу, было дано поручение отпустить грехи всем тем, кто понес вину за раскол (1566). Поскольку даже этого было недостаточно, чтобы положить конец всем сомнениям, и поскольку авторитет папского агента Лоуренса Во был поставлен под сомнение некоторыми лицами, в 1567 году была издана официальная Булла о примирении, разрешающая отпущение грехов тем, кто навлек на себя вину в ереси или расколе своим повиновением Актам превосходства и единообразия.

Помимо других соображений, это ясное и определенное заявление об отношении папы к посещению английской службы помогло укрепить спины английских католиков и заставить даже колеблющихся твердо стоять на своем; но в дополнение к этому вопрос о престолонаследии вызвал значительную дискуссию. Елизавета все еще была без мужа, и по причинам, вероятно, лучше всего известным ей самой, она отказалась позволить парламенту принудить ее выйти замуж, хотя отчасти из тщеславия, отчасти из политических соображений она не отказалась принять ухаживания нескольких женихов, как местных, так и иностранных. В глазах католиков Елизавета была незаконнорожденной, и, за исключением завещания ее отца и парламентского подтверждения этого завещания, как незаконнорожденная она не имела никаких прав на трон. Мария, королева Шотландии, внучка старшей сестры Генриха VIII Маргариты, была с юридической точки зрения законной наследницей; но поскольку на момент восшествия на престол Елизаветы она была женой дофина Франции, англичане, как правило, не желали признавать ее притязания точно по тем же причинам, которые заставляли их выступать против брака королевы Марии с Филиппом II Испанским. После смерти ее мужа-француза и ее возвращения в Шотландию мнение начало меняться в ее пользу, и это усилилось в католических кругах, когда она бежала в Англию, чтобы заручиться поддержкой своей двоюродной сестры королевы Елизаветы против шотландских повстанцев (1568). Сильный орган даже в совете поддержал план заключения брака между Марией и герцогом Норфолком и признание их прав и прав их детей на трон после смерти Елизаветы, как лучшее средство избежать гражданской войны и выйти из щекотливого положения, созданного присутствием королевы Шотландии в Англии. Норфолк считался своего рода протестантом, и его поддерживал очень значительный состав совета, но его связи с Филиппом II Испанским, который выступал за этот брак, и с католическими лордами севера, которые, доведенные до

крайности религиозными преследованиями и обращением с Марией в Англии, не отказывались от свержения Елизаветы, он заявил о своем намерении стать католиком. Елизавета, однако, была категорически против этого брака, а Сесил, хотя и делал вид, что одобряет его, поддерживал взгляды своего государя. Ходили слухи о заговорах, особенно на севере. Дворяне Ланкашира встретились и поклялись не посещать английскую службу; графы Нортумберленд и Уэстморленд открыто заявили о своей приверженности католической церкви; позиция Уэльса и Корнуолла была более чем сомнительной, а было хорошо известно, что испанский посол переворачивал небо и землю, чтобы убедить своего хозяина оказать помощь. [18]

Елизавета решила нанести удар немедленно, прежде чем планы заговорщиков созреют. Герцогу Норфолку было приказано явиться ко двору, и вскоре его благополучно поместили в Тауэр (11 октября 1569 года). Графам Нортумберленду и Уэстморленду был отдан безапелляционный приказ немедленно прибыть в Лондон, и поскольку они хорошо знали, какая участь им уготована, они решили поставить свое состояние на шанс успешного восстания. Они обратились за поддержкой к католическим лордам Шотландии, герцогу Альвы и Испании и собрали свои силы для войны. Они вошли в Дарем (10 ноября 1569 г.), где вынесли из собора Книгу общих молитв и стол для причастия, снова установили алтарь и публично отслужили мессу. Они двинулись на юг с целью завладеть королевой Шотландии, которая была заключена в тюрьму в Татбери, но, поскольку их замысел был заподозрен, Марию внезапно перевезли в Ковентри. Были направлены значительные силы, чтобы предотвратить их продвижение на юг, в то время как Морей, регент Шотландии и верный союзник Елизаветы, собрал свои войска на границе, чтобы помешать шотландским католическим лордам прийти на помощь своим единоверцам. Повстанцы, оказавшиеся между двух огней, были полностью разгромлены, и их лидеры поспешили скрыться. Уэстморленда отправили в Нидерланды, где он прожил тридцать лет в изгнании, а Нортумберленда - в Шотландию только для того, чтобы снова продать Елизавете за 2000 фунтов стерлингов и казнить. Было объявлено военное положение, и сотни "бедняков" были преданы смерти. На какое-то время казалось, что неприятности миновали, но внезапно в январе 1570 года, воодушевленный убийством Морей и набегами католических пограничников, лорд Дэйкр поднял восстание и бросился на войска королевы, шедшие из Ноуорта в Карлайл. Он потерпел поражение, и ему едва удалось спастись. Теперь всякому сопротивлению был положен конец, и более восьмисот повстанцев были казнены. Неудача восстания Северян послужила лишь укреплению власти Елизаветы и обеспечила протестантизму прочную опору в Англии.

В то время как в Англии велась подготовка к восстанию, католические представители в Риме, как миряне, так и священнослужители, настаивали на том, чтобы Пий V. издал указ об отлучении от церкви и низложении Елизаветы. Считалось, что такой указ укрепит руки тех, кто работал в интересах Марии, королевы Шотландии, и откроет глаза большому числу католиков, которые твердо стояли на стороне Елизаветы исключительно из побуждений крайней лояльности. Филипп II. не был знаком с планируемым шагом, хотя, по-видимому, французские власти были предупреждены о том, что Рим собирается принять меры. [19] Если бы обратились за советом к королю Испании, он мог бы предостеречь папу от крайностей в отношениях с Елизаветой, и при этом он заручился бы поддержкой тех дома, кто был наиболее близко знаком с английскими делами. В феврале (1570) в Риме был начат процесс против Елизаветы, и 25 числа того же месяца Булла /*Regnans in Excelsis*/, [20] объявляющая об отлучении от церкви и низложении Елизаветы, была передана миру. Если бы оно появилось пятью или шестью месяцами раньше и если бы нашлся способный лидер, способный объединить английских

католиков, - работа, которая не могла быть выполнена ни герцогом Норфолком, ни графами Северными, - результат мог бы быть по меньшей мере сомнительным; но его публикация в то время, когда восстание на севере было подавлено, а Испания, Франция и Нидерланды не желали его выполнять, послужила лишь углублению разрыва между Англией и Римом и подвергла английских католиков еще более жестоким преследованиям. [21] До сих пор католики могли свободно объединяться с умеренными протестантами, чтобы обеспечить мирное наследование престола Марии, королевы Шотландии, без каких-либо подозрений в нелояльности к Елизавете, но с этого времени они оказались в жестокое положение предателей либо по отношению к Папе, либо по отношению к Елизавете, и каждый шаг, сделанный ими в пользу Марии, королевы Шотландии, обязательно должен быть истолкован как нелояльность к своему суверену. Копии Буллы были контрабандой ввезены в Англию, и один человек, Джон Фентон, был признан достаточно храбрым, чтобы рискнуть своей жизнью, прикрепив копию к воротам дворца епископа Лондонского. Он был немедленно взят в плен и подвергнут ужасной смерти, уготованной предателям (8 августа 1570 года).

В то время как антикатолические настроения накалялись, Елизавета созвала парламент на заседание в апреле 1571 года. Поскольку опасности следовало опасаться как со стороны католиков, так и со стороны пуритан, особое внимание было уделено тому, чтобы обеспечить возвращение надежных людей. Было введено несколько мер против католиков-самоотводчиков, у которых было мало сторонников в Палате общин, но в Палате лордов, где герцог Норфолк, который был освобожден, призывал к умеренности и был поддержан небольшой, но решительной группой лордов, настроения были менее бурными. Были составлены и приняты законопроекты, согласно которым получение Булл, сводок или документов из Рима считалось государственной изменой. Наказание в виде премунира было применено ко всем пособникам упомянутых выше преступников, а также ко всем, кто получил четки, кресты, картины и т.д., Благословленные римским епископом или любым лицом, действующим с его разрешения; [22] в то время как тем, кто бежал из королевства, было приказано вернуться в течение шести месяцев под страхом конфискации их имущества. Предлагалось также принудить всех взрослых посещать протестантскую службу и причащаться в установленное время, но последняя часть была отменена, вероятно, по просьбе католических лордов. Каким бы услужливым парламент ни был по отношению к католикам, он не был склонен усиливать позиции епископов против пуритан. Несмотря на отказ Елизаветы разрешить обсуждение Тридцати девяти статей или разрешить их публикацию с санкции парламента, членам комиссии удалось косвенно достичь своей цели, навязав их тем, кто взял самоотвод. Однако Елизавета была полна решимости показать своей верной общине, что она, а не парламент, является верховным правителем Церкви. [23] Она взяла Convocation и епископов под свою защиту и уполномочила их издавать Статьи в переработанном виде, так что тогда действительно действовали две версии Тридцати девяти статей, одна из которых была введена Convocation и королевой, а другая - парламентом.

Чтобы заручиться помощью против Испании, а также отвлечь французов от поддержки королевы Шотландии, Елизавета сделала попытку выйти замуж за герцога Анжуйского, и в то же время партия в пользу Марии решила предпринять новые усилия для заключения брака между Марией и герцогом Норфолком. Ридольфи [24] был жизнью и душой заговора, которому помогали герцог Норфолк и епископ Росс, посол Марии в Лондоне. Была надежда заручиться сочувствием герцога Альвы, Филиппа II и папы римского, никто из которых не желал помочь в свержении правления Елизаветы, но прежде чем удалось предпринять что-либо определенное,

шпионы Сесила принесли ему известие о предпринимаемых шагах. Герцог Норфолк был арестован в сентябре 1571 года и предан суду в январе следующего года. Он был приговорен к смертной казни, но поскольку Елизавета не хотела брать на себя ответственность за его казнь, она подождала, пока это решение не будет утверждено парламентом, после чего его повели на плаху (2 июня 1572 года). Парламент также ходатайствовал о казни королевы Шотландии, но по разным причинам Елизавета отказалась удовлетворить их просьбу.

Хотя новые законы соблюдались строго, из отчетов епископата ясно, что в самом Лондоне, в Норвиче, Винчестере, Эли, Вустере, в епархии и провинции Йорк, да и по всей стране католицизм все еще имел сильную власть. [25] Однако старые марианские священники быстро вымирали. Монастыри и университеты, поставлявшие священников для английской миссии, были либо разрушены, либо перешли в другие руки, так что как друзьям, так и врагам стало ясно, что, если не предпринять что-либо для поддержания численности духовенства, католическая религия в конечном счете обречена на вымирание. Эта трудность приходила в голову многим английским ученым, бежавшим из Оксфорда на Континент, но она была оставлена за доктором Уильямом Алленом, [26] бывшим членом Ориел-колледжа и директором Сент-Мэриз-Холла в Оксфорде, а позже, в 1587 году, кардиналом Римской церкви, принять практические меры для удовлетворения потребностей своих единоверцев в Англии. Он решил основать колледж на Континенте для обучения священников для английской миссии, и поскольку в Дуэ появился новый университет, в котором нашли приют многие из бывших оксфордцев, он открыл колледж в Дуэ в 1568 году. [27] В зависимости от своих личных ресурсов, взносов своих друзей и пенсий, гарантированных королем Испании и папой Римским, он преуспел сверх всяких ожиданий. Студенты стекались из Англии в новый колледж, откуда возвращались по окончании учебы, чтобы укрепить и утешить своих единоверцев дома. Если бы колледж Дуэ мог похвастаться только 160 мучениками, которых он подготовил и отправил в Англию, у кардинала Аллена были бы веские основания гордиться своей работой, но в дополнение к этому многочисленные спорные трактаты о реальных заслугах, выпущенные типографией Дуэ и разбросанные по всей Англии, помогли сохранить католические настроения в стране. В Дуэ также был начат перевод Священного Писания на английский язык, Новый Завет был опубликован в Реймсе (1582), куда колледж был переведен в 1578 году, а ветхий Завет - в 1609 году. В 1576 году Аллен посетил Рим и убедил Григория XIII. основать колледж в Риме для обучения английских священников. [28] Студенты были отправлены в 1576 и 1577 годах, а в 1578 году был открыт хоспис как английская семинария, в следующем году в него были переведены иезуиты. Отец Персонс основал колледж в Вальядолиде (1589), еще один - в Севилье в 1592 году и один - в Сент-Омерсе в 1594 году.

Провал восстания северян, репрессивные меры, принятые парламентом в 1571 году, и предательство фантастических планов Ридольфи не означали исчезновения католицизма в Англии. Напротив, была отчетливая реакция в его пользу, отчасти из-за неспособности протестантских епископов и духовенства поддерживать последовательное религиозное служение, подобное тому, которое они ниспровергли, отчасти из-за отвращения, вызванного фанатичными испарениями пуритан, но прежде всего из-за усилий "священников семинарии", как называли людей, вернувшихся из Дуэ и других колледжей за границей. Старшее поколение духовенства, лишенное прав после восшествия на престол Елизаветы, довольствовалось тайным служением своей пастве и было счастливо до тех пор, пока могло избежать сетей закона; но новые люди, вернувшиеся из Дуэ, были полны решимости снова сделать страну католической или умереть в попытке. Они смело переходили с места на место, призывая

католиков держаться стойко, и, казалось, их не пугали ни тюремное заключение, ни изгнание, ни смерть. Многие из них были арестованы и содержались в тесном заключении, в то время как другие, такие как Томас Вудхаус (1573), Катберт Мэйн (1577), Джон Нельсон и Томас Шервуд (1578), гордились тем, что их считали достойными умереть так, как умер их Учитель. [29]

И их судьба не помешала другим пойти по их стопам. В 1579 году сообщалось, что сто студентов были рукоположены и отправлены в Англию из Рима и Реймса. Результат трудов этих апостольских мужей вскоре стал очевиден. Правительство, встревоженное внезапным возрождением папизма, призвало епископов и должностных лиц приложить новые усилия для его подавления. По всем епархиям были начаты расследования, которые лишь показали, что самоотвод больше не ограничивался Ланкаширом или севером. Епископы были вынуждены с сожалением признать (1577 г.), что паписты "действительно увеличились в численности и упорстве". Они рекомендовали наложить штрафы и предоставили властям список ответчиков и стоимость их имущества. В Йорке архиепископ сообщил, что "более упрямых или своенравных людей я никогда не знал и не слышал о них, несомненно, они примирились с Римом и присягнули Папе", и, что еще хуже, они предпочли быть заключенными в тюрьму, чем слушать разглагольствования архиепископа. Из Херефорда было объявлено, что "восстание свирепствует, посещение церкви вызывает презрение, а Джон Хэрли так громко читает свой латинский папистский букварь (который он не понимает), что это беспокоит как министра, так и народ". В Оксфорде среди юристов, в Придворных гостиницах и в канцеляриях все еще процветали папизм и суеверия. [30]

Что еще хуже, вскоре распространился слух, что иезуиты, одного имени которых было достаточно, чтобы вселять ужас, готовились к вторжению в Англию. Силы вторжения, это было правдой, были небольшими, но они были отборными. Персонс и Кэмпбелл, [31] оба оксфордцы, которые, отправившись в изгнание, присоединились к Обществу Св. Игнатия, было доверено это трудное дело. Правительство, предупрежденное своими шпионами об их миссии, установило наблюдение за портами, чтобы захватить их по прибытии, но двум священникам удалось ускользнуть от бдительности своих врагов, и им удалось благополучно прибыть в Лондон (1580). Известие об их прибытии не удалось сохранить в секрете, и поэтому они решили покинуть Лондон. Прежде чем они разошлись по разным областям, которые они выбрали, чтобы предотвратить искажение их целей в будущем, Кэмпбелл написал открытое письмо, адресованное лордам тайного совета в защиту своих взглядов, которое после публикации стало известно как "Вызов Кэмпбелла". Люди путешествовали по стране от Нортгемптона до Глостера, в то время как Кэмпбелл проповедовал от Оксфорда до Нортгемптона. Они приложили все усилия, чтобы установить небольшой печатный станок, который переставляли с места на место и из которого выпускалось достаточно литературы, чтобы привести в замешательство их противников. Вероятно, самым замечательным томом, опубликованным в иезуитской типографии, была книга Кэмпбелла "Десять причин" [32], адресованная, в частности, студентам Оксфорда, среди которых она произвела большую сенсацию. Наконец, после многих отчаянных побегов Кэмпбелл был схвачен в Лайфорде и заключен в Тауэр. Он вызвал своих противников на публичный диспут, и теперь, когда он был в их руках, измученный своими трудами и тюремным заключением, они решили принять вызов в надежде, что, свергнув его, они смогут поколебать веру его последователей. Но, несмотря на его слабость и немощь, они нашли в нем такого опасного и образованного противника, что правительство сочло разумнее положить конец спору или, скорее, передать его в суд. Даже здесь плененный иезуит показал, что вполне способен постоять за себя перед адвокатами. Он утверждал, что не был виновен ни в какой

государственной измене; он признал королеву своей законной правительницей, но отказался отречься от Буллы о Низложении. Он был признан виновным, приговорен к смертной казни как предатель и был казнен вместе с двумя другими священниками в декабре 1581 года. [33]

Во время дикой тревоги и раздражения, вызванных сообщениями о растущей силе отрекшихся, вторжении семинарских священников и иезуитов и помощи, оказанной Григорием XIII. в связи с восстанием Десмонда собрался парламент (январь 1581 г.). Немедленно был принят Закон, объявляющий государственной изменой обладание или осуществление права отпускать грехи кому-либо или отзываться их из установленной церкви, и аналогичное наказание было применено к тем, кто позволил себе примириться или уйти вместе со всеми пособниками или подстрекателями. За празднование или участие в мессе было предусмотрено наказание в виде штрафа в размере 100 марок и тюремного заключения сроком на один год. Штрафы в размере 20 фунтов стерлингов за лунный месяц должны были налагаться на всех тех, кто отлучался от Общей молитвы, и если их отсутствие длилось целый год, правонарушители должны были быть обязаны предоставить серьезные гарантии за свое хорошее поведение. Все школьные учителя или репетиторы, не имеющие лицензии епископа епархии, были объявлены виновными в годичном тюремном заключении, а лицо, нанявшее их, - в штрафе в размере не менее 10 фунтов стерлингов в месяц. Этот Акт был приведен в исполнение с беспощадной суровостью. Отцы Кэмпбелл, Шервин и Брайант были повешены, нарисованы и четвертованы в Тайберне (декабрь 1581 г.); одиннадцать других священников постигла аналогичная участь до конца следующего года, а два священника и два школьных учителя были повешены, нарисованы и четвертованы в 1583 году. [34] Известие о казни Кэмпбелла и его товарищей по работе произвело глубокое впечатление на страну. В ответ на прозвучавшие протесты Элизабет сначала думала выступить с официальным заявлением, но в конце концов от этой идеи отказались, и Сесил, ныне лорд Берли, анонимно опубликовал две брошюры в оправдание действий правительства. Тюремные были настолько заполнены папистами-самоотводчиками, что, чтобы избежать расходов на их содержание, был разработан план переправки их в Северную Америку, но его не удалось осуществить из-за противодействия испанского правительства. Священники семинарии, однако, не позволили себе отвлечься от своей работы ни из-за ужасов государственной измены, ни из-за отголосков словесной войны, которая велась между лордом Берли и его друзьями, с одной стороны, и доктором Алленом и его друзьями - с другой. Представленный ими катехизис был раскуплен так быстро, что через несколько месяцев его перестали печатать. Значительная часть английской знати все еще придерживалась старой веры. На севере католики были многочисленны и активны, и даже в южных и западных графствах, а также в Уэльсе общественное мнение быстро склонялось в сторону Рима. Если бы священникам семинарии оставили свободу продолжать свою работу, не препятствуя иностранным или английским политическим заговорам на Континенте, трудно сказать, каков был бы результат. К сожалению, под защитой Франции или Испании были вынашены новые заговоры с целью освобождения Марии, королевы Шотландии, и провозглашения ее королевой Англии. Трокмортон, принимавший главное участие в этом деле, был арестован и предан смерти; главные заговорщики, такие люди, как граф Нортумберленд и граф Арундел, были отправлены в Тауэр; тюрьмы были заполнены католиками, и пять священников были казнены в Тайберне (1584). [35]

Заседание парламента (1585) состоялось в то время, когда раскрытие заговора против Елизаветы и известие об убийстве Вильгельма Оранского вызвали большое волнение в стране. Ассоциация, созданная для защиты жизни королевы или мести за ее смерть, была наделена

законодательными полномочиями парламентом. Королева была уполномочена создать специальную комиссию, уполномоченную разбираться со всеми заговорщиками и отстранять от наследования престола всех, в чьих интересах она сама могла быть убита. Был принят Закон, по которому всем иезуитам и священникам семинарии предписывалось покинуть Англию в течение сорока дней под страхом наказания за государственную измену; всем лицам, не имеющим священного сана, обучающимся в какой-либо иностранной семинарии или колледже, было приказано вернуться в течение шести месяцев и принести присягу превосходства в течение двух дней после прибытия, если они не хотят быть наказанными как предатели; все лица, укрывающие священника или помогающие ему, должны были быть признаны виновными в уголовном преступлении; все, кто отправлял своих детей за границу, кроме как по специальному разрешению, должны были быть оштрафованы на 100 фунтов стерлингов за каждое преступление, а все, кто знал о присутствии священника в Англия, и тот, кто не сообщил об этом мировому судье в течение двенадцати дней, мог быть оштрафован и заключен в тюрьму по усмотрению королевы. [36] Этот Акт был разработан для того, чтобы обеспечить изгнание или смерть всех священников семинарии, и если кто-то из них выжил, то это произошло не из-за недостатка бдительности или мягкости правительства. Шпионы были выпущены во все концы Англии, чтобы сообщать о деяниях духовенства и мирян. Были произведены массовые аресты, и огромное количество духовенства было казнено только за то, что они были священниками, а мирян - только за то, что они укрывали священников. Трое были казнены в 1585 году, тринадцать - в 1586-м и семь - в 1587-м. Чтобы добиться осуждения заключенных, хотя закон сделал это осуждение достаточно определенным, но особенно для того, чтобы создать общественное предубеждение против них в умах лояльных англичан, им был задан ряд вопросов, известных как "кровавые" или "беспощадные" вопросы, как, например, "на чью сторону вы бы встали, если бы папа или любой другой человек своей властью начал войну против королевы". [37]

Увольнение испанского посла после раскрытия заговора Трокмортон и помощь, оказанная Англией повстанцам в Нидерландах, помогли усилить враждебность между Англией и Испанией и побудить Филиппа II. предпринять новые усилия для свержения правительства Елизаветы, в то время как в то же время безжалостные преследования католиков в Англии вынудили многих из них, желавших сохранить лояльность, сотрудничать со своими братьями за границей и помогать планам Филиппа. Это неудачное сочетание английских католиков с испанскими политиками сделало больше для того, чтобы омрачить работу священников семинарии и сдержать растущую волну католицизма, чем все, чего могли бы достичь уголовные законы Елизаветы или безжалостные преследования. Большое и растущее число англичан, которые начали дружелюбно относиться к старой вере, были шокированы принятием таких средств, и когда они оказались лицом к лицу с необходимостью выбора между англо-испанской партией и Елизаветой, они решили связать свою судьбу с последней. Раскрытие заговора Бабингтона с целью спасения королевы Шотландии привело к смерти его автора и казни леди, в пользу которой он был спланирован (1587). Известие о казни Марии произвело большую сенсацию как дома, так и за рубежом. Чтобы предотвратить враждебные действия со стороны сына Марии, Якова VI Шотландского, или католических монархов на Континенте, Елизавета, притворившись недовольной своими министрами за приведение приговора в исполнение, приказала арестовать Дэвисона, секретаря совета, и наказать его штрафом в размере 10 000 фунтов стерлингов и заключением в Тауэр. Филипп II. однако такое поведение не обмануло его и на него не повлияли попытки к миру. Вмешательство Елизаветы в дела Нидерландов, нападения ее

моряков на испанские территории и испанские корабли с сокровищами, а также казнь Марии, королевы Шотландии, побудили его предпринять последние усилия для свержения английского правительства. Великая армада готовилась к вторжению в Англию (1588). Но испанским кораблям не суждено было достичь английских гаваней, равно как и испанским солдатам, которых они взяли на борт, чтобы испытать их храбрость и мастерство в конфликте с войсками Елизаветы на английской земле.

Хотя ни в английских, ни в испанских сообщениях нет никаких свидетельств того, что католики в Англии приветствовали Армаду, начиная с лорда Берли [38] и Филиппа II. они были убеждены, что Испания не может рассчитывать на их сотрудничество, и хотя во многих частях страны католики добровольно шли на службу, чтобы бороться с захватчиками, правительство решило отомстить беспомощным жертвам в тюрьме. В течение трех дней шесть священников и восемь мирян были казнены недалеко от Лондона (август); девять священников и три мирянина были казнены в октябре, а до конца года тридцать один человек понес ужасное наказание, уготованное предателям, просто потому, что они отказались подчиниться. Тюремные камеры были настолько переполнены самоотводящимися, что для их содержания были открыты новые дома. Правительство собрало богатый урожай в виде крупных штрафов, наложенных на богатых католиков, и, кроме того, прилагало все усилия, чтобы досаждал им на каждом шагу посещениями по месту жительства в поисках скрывающихся священников. Тем не менее сообщения из страны, особенно из таких мест, как Ланкашир и Чешир, показывали, что паписты все еще были опасно сильны. Была издана новая прокламация против семинарских священников и иезуитов (1591). Девять священников и два мирянина были преданы смерти в предыдущем году (1590), а в 1591 году пятнадцать приняли мученическую смерть, семеро из которых были священниками, а остальные мирянами. На протяжении всего оставшегося периода правления королевы Елизаветы католикам в Англии не разрешалось наслаждаться миром или передышкой. Если они были священниками, то уже по самому этому факту их могли выследить и осудить как предателей; если они были состоятельными мирянами, они разорялись из-за крупных штрафов, налагаемых за неявку на английскую службу, или наказывались тюремным заключением, а если они были слишком бедны, чтобы заплатить штраф, их могли изгнать из королевства за отказа подчиниться. Помимо огромных сумм, взимаемых с католиков в виде штрафов и конфискаций, и количества людей, умерших в тюрьмах либо от заключения, либо от пыток, сто восемьдесят девять человек были казнены за веру при Елизавете, сто двадцать восемь из которых были священниками; и все же, несмотря на это преследование, католики были все еще сравнительно сильны после смерти Елизаветы, и запас духовенства не проявлял признаков истощения. В 1603 году в Англии находилось более трехсот шестидесяти священников, которые заботились о нуждах своих единоверцев.

К сожалению, разногласия среди католической партии в Англии и на Континенте нанесли их делу больший вред, чем преследования Елизаветы. Тесное сотрудничество Аллена и лиц, поддерживавших испанские политические планы по свержению Елизаветы и вторжению в Англию, было столь же неприятно большей части католиков-мирян в Англии, как и многим представителям духовенства. [39] Хотя серьезные споры разгорелись задолго до этого, только после смерти кардинала Аллена в 1594 году кризис достиг апогея. Многие представители светского духовенства горячо возражали против влияния иезуитов, и в Англии и в английских колледжах за рубежом вспыхнули безобразные споры. Предполагалось, что Персонс и его друзья замыслили заговор в пользу наследования престола католиком после смерти Елизаветы, в то время как большинство их противников выступали за наследование престола

Джеймсом VI Шотландским, от которого они ожидали по крайней мере терпимости. Чтобы положить конец тому, что последние считали чрезмерным авторитетом иезуитов, они настаивали на назначении епископа, который взял бы на себя управление английскими делами, но по разным причинам Святой Престол отказался удовлетворить их просьбу. Однако в качестве компромисса Джордж Блэкуэлл был назначен протоиереем (1598) с секретными инструкциями, как говорили, проконсультироваться с Гарнетом, настоятелем иезуитов в Англии. Выбор был исключительно неудачным, поскольку ни с точки зрения благоразумия, ни надежности Блэкуэлл не подходил для той чрезвычайно деликатной должности, которую ему предстояло занять. Светские люди сначала отказались подчиниться его власти и снова обратились к папе римскому, который подтвердил это назначение. Поскольку многие светские люди все еще не желали уступать, некоторые лидеры подверглись порицанию со стороны протоиерея. В Рим было направлено новое обращение. В 1602 году Климент VIII. издал документ, подтверждающий авторитет протоиерея, и, твердо защищая иезуитов от выдвинутых против них обвинений, предупредил Блэкуэлла, что он не должен получать указаний ни от кого, кроме папы Римского или кардинала-протектора Англии. [40] Этот спор нельзя было держать в секрете. Он был известен всему католическому корпусу, и его с большой силой и успехом использовали их противники. Правительство встало на сторону светского духовенства и предложило им средства для передачи своих обращений в Рим, но известие о секретных переговорах между светскими людьми и властями было обнародовано, Елизавета издала новую прокламацию (1602), в которой она объявила, что у нее никогда не было намерения терпимо относиться к двум религиям в Англии. [41] Иезуитам и их приверженцам было приказано покинуть королевство в течение тридцати дней, а их противникам - в течение трех месяцев под страхом наказания за государственную измену. Для претворения в жизнь этого прокламации была назначена новая комиссия с чрезвычайными полномочиями по обеспечению изгнания католического духовенства. Светские люди, выступавшие против протоиерея, воодушевленные проведенным в прокламации различием между двумя классами английских священников, лояльными и нелояльными, решили составить обращение к королеве с заявлением о своей гражданской верности, [42] но до того, как было сочтено, что Елизавета скончалась, и уготованную им судьбу должен был определить новый правитель. -----

[1] Ср. Ф. У. Мейтленд в / Англ. История. Обзор/ (апрель, 1900). Отец Поллен, С.Дж., в / The Month/ (октябрь 1900 г.). Id., /Папские переговоры с Марией, королевой Шотландии/, xxvi.

[2] Уилкинс, /Concilia/, iv. 180.

[3] Бирт, / Религиозное поселение Елизаветинской эпохи/, 36-8.

[4] О конституции Палаты общин, ср. Фруд, /Hist. из англ./, vii., 40-41.

[5] Уилкинс, /Concilia/, iv., 179.

[6] Отчет об этой конференции см. / Английское католическое общество записи /, том i. Foxe, / Акты и памятники/, 1839, viii., 679 кв.

[7] Бирт, указ. соч., 91-2.

[8] Филлипс, /Исчезновение древней иерархии/, 112-114.

[9] Для полного описания отношения духовенства см. Блирт, соч. чит. по, глава iv. Лучшую историю сопротивления и страданий марианских епископов можно найти в книге Филлипса "Вымирание древней иерархии", 1905.

[10] Ср. Эсткорт, /Вопрос об англиканских орденах /, 1873. Барнс, / Папа римский и порядковый номер /, 1898. Смит, С.Дж., / Причины Отклонения англиканских орденов /, 1896. Мойес (в / Tablet/, 1895, февраль-май, сентябрь-декабрь, также 1897).

[11] Ср. Birt, указ. соч., главы iv, v., xii. Кеннеди, / Приходская жизнь при королеве Елизавете/, 1914, глава vii. Фрер, / История Английская церковь в царствование Елизаветы и Якова I. /, 1904, 61-7.

[12] Пыльца, /Папские переговоры/ и др., xlvii-vii.

[13] Додд-Тирни, указ. соч., iii., приложение. cccxi.

[14] Фрер, указ. соч., 60.

[15] Id., op. cit., 99.

[16] Хардвик, /Религиозные статьи/, 1859. Гибсон, /Тридцать девять статей/, 2-е издание, 1898.

[17] См. Ньюман, /Трактат 90/ (/Трактаты для the Times/). Duchesne, /Églises Séparées/, 1896. Лингард, vii., 384 кв. Мойес, / Беседа о преемственности / (C. T. Society, цитируются авторитетные источники). /Табличка / (1911-12).

[18] /Политическая история Англии/, vi., глава xv. (Кризис правления Елизаветы).

[19] Meyer, /England und die Katholische Kirche/, 64.

[20] Напечатано в Dodd-Tierney, iii., приложение ii.

[21] Мейер, указ. соч., 70 кв.

[22] /Уставы/, 13 Изд., с. 2.

[23] /Политическая история Англии/, vi., 363.

[24] Преподобный Дж. Х. Поллен, S.J., /The Month/, февраль 1902г.

[25] Кеннеди, /Приходская жизнь при королеве Елизавете/, глава vii., viii.

[26] Хайле, / кардинал елизаветинской эпохи /, 1914. Нокс, / Письма и мемориалы Уильяма кардинала Аллена /, 1882. / Защита Алленом англ. Католики/, 1913 (Кат. Библиотека, ii.).

[27] Ср. /Английский кат. Беженцы на континенте/, i, 1914. Lechat, /Les Réfugiés anglais dans les Pays-Bas espagnols durant le règne d'Elisabeth/, 1914. Bellesheim, /Wilhelm Cardinal Allen und die Engl. Seminare auf dem Festlande/, 1885.

[28] Фоули, / Отчеты Общества Иисуса в Английской провинции /, ii. /Cath. Английское общество записей /, ii., 1906.

[29] Бед-Камм, /Жизнеописания англ. Мучеников/, ii., 204-49.

[30] Фрер, указ. соч., 206-15.

[31] Лица, /Мемуары Кат. Рек. Общество англ. /, ii., iv., 1906-7. Симпсон, / Эдмунд Кэмптон/, 1896.

[32] Опубликовано в Кат. Серия "Библиотека", том 6, 1914.

[33] Аллен, / Мученичество Эдмунда Кэмптона и его спутников /, под редакцией отца Поллена, 1908.

[34] Беде-Камм, указ. соч., 249 кв.

[35] Бертон-Поллен, /Жизнеописания английских мучеников/, том i, 1583-88, 1914.

[36] /Уставы/, 27 Изд., с. 2.

[37] Бертон-Поллен, указ. соч., xvi. кв.

[38] Бертон-Поллен, указ. соч., xxiv. кв.

[39] Поллен, /Политика английских католиков во время правления Елизаветы Петровны/ (/Месяц/, 1902-4). Закон, / Иезуиты и секуляристы в царствование Елизаветы Петровны / и др., 1889. Изд., / Документы о спорах протоиереев / и др., 1896 (Кэмденское общество). /Русский. Католическое общество звукозаписи /, том ii.

[40] Додд-Тирни, iii., приложение. xxxiv.

[41] Додд-Тирни, приложение. xxxv.

[42] Идентификационный номер, приложение № xxxvi.

ГЛАВА V

КАТОЛИЦИЗМ В АНГЛИИ С 1603 По 1750 ГОД

См. библиографию главы ii., iii., iv. / Календари государственных документов / (Джеймс I., Чарльз I., Содружество, Чарльз II.). Нокс, / Записи английских католиков по уголовным законам /, 2 тома., 1882-84. Чаллонер, / Воспоминания священников-миссионеров и других католиков, погибших в Англии / (1577-1684), 2 тома., 1803. Лилли-Уоллис, / Руководство по закону, особенно затрагивающему католиков /, 1893. Батлер, / Исторические мемуары английских, шотландских и ирландских католиков /, 3 тома., 1819-21 гг. н.э., / Исторический отчет о законах, касающихся римских католиков /, 1795. Willaert, S.J., /Négociations Politico-Religieuses entre L'Angleterre et les Pays-Bas/, 1598-1625 (/Rev. d'Histoire Ecclésiastique/, 1905-8). Кирк, / Биографии английских католиков в восемнадцатом веке / (под редакцией преподобных Дж. Х. Поллена,

С.Дж. и Э. Бертон, 1909). Моррис, / Положение католиков при Джеймсе I. /, 1871. Изд., / Беды наших католических предков /, 1872-77. Пейн, /Английские католики, отказавшиеся от присяги в 1715 году / и др., 1889. Id., / Записи английских католиков 1715 года / и др., 1891. Поллок, /Папистский заговор / и др., 1903. /Положение католической церкви в Англии и Уэльсе за последние два столетия /, 1892. Хаттон, / Английская церковь от восшествия на престол Карла I. до смерти Анны/.

С восшествием на престол Якова I. (1603-25) католики ожидали если не отмены, то хотя бы приостановления действия уголовных законов. Как сын Марии, королевы Шотландии, ради спасения которой католики в Англии и на Континенте так многим рисковали, и как человек, чьи религиозные взгляды, как считалось, больше приближались к католицизму, чем к нонконформизму, была надежда, что он положит конец преследованиям, которые так жестоко велись во время правления его предшественника. Но какими бы ни были чувства, которые он втайне питал или давал выражать, пока был всего лишь королем Шотландии, его мнения внезапно изменились, когда он увидел возможность укрепить свою власть над английским народом и обеспечить нищих последователей, которые сопровождали его в его новое королевство. К сожалению, безмозглый заговор, "заговор прощания", как его называют, организованный с целью захватить короля и заставить его уступить требованиям заговорщиков, предоставил наиболее фанатичным чиновникам великолепный шанс побудить Якова продолжить прежнюю политику репрессий. Два священника по имени Уотсон и Кларк объединились с рядом недовольных, некоторые из которых были протестантами, другие - пуританами, стремившимися обеспечить больше свободы своим единоверцам; но после того, как новости о заговоре достигли ушей протоиерея и Гарнета, провинциала ордена иезуитов, информация была передана совету, и были приняты меры для безопасности короля и ареста заговорщиков. Джеймс полностью осознавал, что католическая община не виновата в насильственных действиях отдельных лиц, особенно учитывая, что он знал или вскоре должен был узнать, что папа предупредил протоиерея и иезуитов, чтобы они препятствовали попыткам противостоять правительству, и предложил отозвать из Англии любого священнослужителя, который может быть сочтен нелояльным. Джеймс откровенно признал свой долг католикам за раскрытие заговора и пообещал депутации мирян, которые прислуживали ему, что штрафы, налагаемые на тех, кто отказывался присутствовать на протестантской службе, взыскиваться не будут. Какое-то время ожидалось, что политика веротерпимости вот-вот восторжествует, и надежды католиков возросли; но осенью (1603 г.), когда поступили сообщения о возвращении епископата, свидетельствующие о том, что католики все еще сильны, и когда начали распространяться тревожные сообщения о прибытии дополнительных священников, замечательном успехе их усилий и растущей смелости отрекшихся, протестантская партия подняла шум и потребовала от правительства неукоснительного соблюдения закона. [1]

Незадолго до заседания парламента в марте (1604 г.) Джеймс решил показать стране, что его отношение к католицизму ничем не отличается от отношения его предшественника. В прокламации (февраль 1604 г.) он выразил сожаление по поводу растущего числа и активности священников и иезуитов, осудил их усилия привлечь новобранцев для Рима, заявил, что он никогда не намеревался даровать веротерпимость, и закончил тем, что приказал всем иезуитам и священникам семинарии покинуть королевство до 19 марта, если они не желают понести наказания, которые были применены против них в предыдущее правление. [2] В своей речи на открытии парламента (март 1604 г.) после объявления о своей приверженности религии, "установленной законом", он подробно изложил свое отношение к Риму. "Я признаю, - сказал

он, - что Римская церковь является нашей матерью-церковью, хотя и осквернена некоторыми немощами и развращенностью, какими были евреи, когда они распяли Христа"; к "тихим и благонамеренным" мирянам, воспитанным в католической вере, он испытывал чувство жалости, а не гнева, но в случае с теми, кто "сменил одежду" или был "мятежными подстрекателями к мятежу", он был полон решимости при необходимости принять меры, которыми можно было бы исправить их упрямство. Духовенство, однако, стояло на другой основе. До тех пор, пока они поддерживали "это высокомерное и невозможное превосходство своего главы Папы, посредством которого он не только утверждает, что является духовным главой всех христиан, но и обладает имперской гражданской властью над всеми королями и императорами, свергая и низлагая князей своей ногой, как ему заблагорассудится, и раздавая и распоряжаясь всеми королевствами и империями по своему усмотрению", и до тех пор, пока духовенство показывало своей практикой, что оно считает достойным, а не греховным восстать против своего законного государя или убить его, если он будет отлучен Папой, им не нужно ожидать никаких последствий. терпимость. [3] Парламент вскоре показал, что он руководствуется старым елизаветинским духом. Был принят Закон, предписывающий строго соблюдать законы, принятые во время последнего правления против иезуитов, священников семинарий и самоотводчиков; все лица, обучающиеся в иностранных колледжах, которые не вернулись и не подчинились в течение одного года, а также все студенты, которые должны выехать за границу для обучения в будущем, должны быть объявлены неспособными наследовать, покупать или пользоваться какими-либо землями, движимым имуществом или ежегодными выплатами в Англии; все владельцы судов, которые должны были вывозить таких пассажиров из страны, должны были быть наказаны конфискацией их судна и тюремным заключением, и если кто-либо осмелится выступать в качестве наставника в католической школе, семья без получения лицензии от епископа епархии и учитель, и его работодатель должны быть оштрафованы на 2 фунта стерлингов за каждый день нарушения закона. [4] Лорд Монтегю, осмелившийся открыто высказать свое мнение в Палате лордов против такой меры, был арестован за свою "скандальную и оскорбительную речь" и отправлен на службу во Флот. Старые уголовные законы и новые применялись с необычайной строгостью. Повсюду работали суды, составляя списки лиц, заявивших самоотвод, и назначая штрафы. Никогда прежде, даже в худшие дни правления Елизаветы, богатым католикам не приходилось платить так много. Множество священников было схвачено и отправлено на побережье для изгнания за границу; один священник был предан смерти просто потому, что он был священником, а двое мирян подверглись аналогичному наказанию за то, что они укрывали священников или помогали им.

Английские католики были возмущены таким безжалостным преследованием. Если бы это было нанесено Елизаветой, от которой они не ожидали пощады, это было бы достаточно жестоко; но исходящее от короля, к которому у них были все основания рассчитывать на терпимость, и который до своего отъезда из Шотландии и после прибытия в Лондон обещал улучшение их положения, это было рассчитано на то, чтобы вызвать очень горькие чувства. Забыв о предупреждениях папы, переданных протоиерею и настоятелю ордена иезуитов, некоторые из наиболее радикальных людей предприняли новый заговор против короля. Лидером этого предприятия был Роберт Кейтсби, джентльмен из Уорикшира, чей отец пострадал за свою приверженность старой вере. Он планировал взорвать здание парламента во время открытия сессии парламента, когда должны были собраться король, лорды и палата общин. Следовательно, его заговор известен как Пороховой заговор. Его последователи должны были быть готовы восстать, когда результаты этого ужасного преступления привели бы правительство

в замешательство. Они должны были схватить детей короля и взять на себя управление королевством. План был настолько порочным и неосуществимым, что трудно понять, как какой-либо человек мог задумать его или побудить других присоединиться к его осуществлению. Однако, к сожалению, Кейтсби заручился поддержкой Томаса Уинтера, Гая Фокса, англичанина, служившего в испанской армии, Джона Райта, Томаса Перси, двоюродного брата графа Нортумберленда, сэра Эверарда Дигби и Фрэнсиса Трешама. Под Палатой общин должна была быть заложена мина, заряженная порохом, которую Фоукс взялся взорвать. Соседний дом был взят под охрану, а подвал, простирающийся под зданием парламента, был арендован. Все было подстроено для уничтожения короля, лордов и палаты общин во время открытия парламента, окончательно назначенного на 5 ноября 1605 года, но Трешем, стремясь спасти своего шурина, лорда Монтигла, отправил ему письмо с предупреждением отсутствовать по этому случаю. Благодаря этому письму заговор был раскрыт, и Гай Фокс был арестован. Другие заговорщики бежали в Уэльс, где надеялись поднять восстание, но в Холбече, где они остановились, их окружили войска шерифа Вустера. В завязавшейся борьбе Кейтсби и несколько его последователей, защищавшихся с отчаянной храбростью, были убиты, а остальные были преданы смерти до конца месяца (ноябрь 1605 г.).

Трудно определить, не зародился ли заговор в умах некоторых министров, которые в своем стремлении к массовому уничтожению католиков наняли агентов, чтобы подстегнуть Кейтсби и его компаньонов, или, по крайней мере, позволили им продолжать свои операции еще долгое время после того, как о замыслах стало известно, но сразу же был поднят шум, что заговор был организован иезуитами Гарнетом, Джерардом и Гринуэем, об аресте которых было издано постановление. Гарнет, несомненно, многое сделал, чтобы убедить Кейтсби не прибегать к возмущению или насилию, и с ним никогда не советовались, разве что в такой туманной форме, что он никак не мог заподозрить, о чем идет речь. Он даже добился от Рима осуждения насильственных мер и сообщил об этом Кейтсби. С Гринуэем консультировались после того, как заговор был подготовлен, но, очевидно, под грифом признания с разрешением, однако, раскрывать его никому, кроме Гарнет, и, согласно собственному заявлению Гринуэя, он сделал все возможное, чтобы убедить Кейтсби отказаться от своего замысла. Затем Гарнет проконсультировался со своим компаньоном-иезуитом, от которого он получил разрешение рассказать об этой тайне в случае острой необходимости и после того, как она станет достоянием гласности. Когда Гарнет и Олдкорн были арестованы, им разрешили вести беседу со шпионами, расположенными в таком положении, что все, что они говорили, можно было подслушать. Гарнет, когда ему сообщили об этом, рассказал свою историю прямо и откровенно. Он был осужден и приговорен к смерти, как и отец Олдкорн. Нет никаких доказательств того, что иезуиты подстрекали заговорщиков к совершению такого преступления. Напротив, как из заявлений заговорщиков, так и иезуитов совершенно ясно, что иезуиты приложили все усилия, чтобы убедить заговорщиков отказаться от своего замысла, и худшее, что можно было сказать о Гарнете, это то, что он не предпринял тех шагов, которые ему следовало предпринять, когда обнаружил, что его совет остался без внимания. [5]

Хотя Блэкуэлл, официальный глава католической церкви в Англии, поспешил опубликовать письмо, призывающее своих единоверцев воздерживаться от любых покушений на правительство (7 ноября 1605 г.), парламент, не пытаясь провести различие между невиновными и виноватыми, решил наказать католиков в целом. Отказавшимся от участия было приказано причащаться не реже одного раза в год под страхом крупного штрафа. Вместо 20 фунтов стерлингов в месяц, взимаемых с тех католиков, которые отказывались посещать

протестантскую службу, король был уполномочен конфисковывать две трети их поместий. Католикам было запрещено присутствовать при дворе, оставаться в Лондоне или в пределах десяти миль от Лондона, если только они не занимались каким-либо ремеслом и не имели постоянного места жительства в другом месте, или удаляться от своих домов более чем на пять миль, если они не получили разрешения двух мировых судей, подтвержденного епископом или заместителем наместника графства. Они не могли практиковать в качестве юристов или врачей, занимать какие-либо должности в армии или флоте, выступать в качестве душеприказчиков, опекунов или администраторов, назначаться в благотворительные организации или школы или выступать в качестве истцов в судах. Штрафы в размере 10 фунтов стерлингов в месяц должны были выплачиваться любым, кто укрывал слугу или посетителя, не посещавшего английскую службу. Чтобы проверить лояльность подданных его Величества, было постановлено, что епископ или два мировых судьи могут вызвать любого человека, подозреваемого в самоотводе, и потребовать от него принести специальную клятву верности, воплощенную в Акте. Если какие-либо лица не благородного происхождения отказывались принести присягу, они должны были быть заключены в тюрьму до следующих квартальных сессий или судебных присяжных, и если на этих собраниях они упорствовали в своем отказе, то тем самым подвергались наказанию в виде премунира. [6]

Как по своему содержанию, так и особенно по форме клятва верности была неприемлемой, и независимо от того, была ли она разработана с намерением расколоть католическую общину или нет, ей удалось добиться такого эффекта. Многие католики думали, что, поскольку их призывали просто отказаться от власти папы, чтобы свергать князей или вести с ними войну, они могли воспринять это как знак гражданской верности, не отказываясь от своего послушания Папе как своему духовному начальнику. Однако другие думали иначе, и, как следствие, разгорелась ожесточенная полемика, которая беспокоила английских католиков почти столетие. Протоиерей Блэкуэлл сначала осудил эту клятву, но на конференции с духовенством, состоявшейся в июле 1606 года, он высказался в ее пользу. Руководствуясь этим мнением, миряне и многие представители духовенства согласились принести присягу. Другая сторона обратилась в Рим за решением, и 22 сентября 1606 года было издано постановление, в котором присяга была осуждена как незаконная. Блэквелл пренебрег публикацией сводки, вероятно, из соображений благоразумия, хотя предполагались и другие основания, и в следующем году из Рима было направлено новое осуждение (август 1607 г.). Тем временем Блэкуэлл сам принес присягу и опубликовал письма, разрешающие католикам действовать аналогичным образом. Поскольку он не желал уходить со своего поста, несмотря на призывы отца Персона и кардинала Беллармина, он был смещен со своего поста, и Джордж Биркхед, или Биркет, был назначен протоиереем (1608). Теперь противоречия приобрели всеобщий характер. Джеймс I. попал в списки с книгой под названием "Апология присяги на верность", в которой он пытался обосновать причины, содержащиеся в папских документах и письмах отца Персона и кардинала Беллармина. Оба писателя ответили на королевский вызов, и вскоре множество других, как католиков, так и протестантов, поспешили принять участие в словесной войне, единственным результатом которой стало лишение посвящения верующих, отвращение колеблющихся от Церкви и ликование врагов католического дела. Биркхед, который был уполномочен отстранять от должности всех священников, не проявивших каких-либо признаков раскаяния в принесении присяги, действовал с большой умеренностью в надежде избежать раскола, но в конце концов он был вынужден воспользоваться полномочиями, которые ему были доверены (1611). [7]

Старые разногласия между иезуитами и значительной частью священников семинарии возобновились как дома, так и на Континенте. Светские люди, возражавшие против контроля, осуществляемого иезуитами в Англии в отношении английских дел в Риме и в иностранных колледжах, продолжали ходатайствовать о назначении епископа. Последовали безобразные споры, и в разгар борьбы обеими сторонами было сделано много такого, что невозможно было отстоять. Святому Престолу было трудно выбрать между различными выдвинутыми планами, но, наконец, в 1623 году доктор Бишоп был назначен епископом Кальцедона /in partibus infidelium/ и ему было поручено управление английской миссией. В эти годы раздоров была завершена одна важная работа, которой суждено было оказать большое влияние на будущее католицизма в Англии, а именно восстановление английской конгрегации бенедиктинцев. Бенедиктинская община была восстановлена в Вестминстере в 1556 году с настоятелем аббатом Фекенхемом, но три года спустя они были изгнаны. Из монахов, принадлежавших к этой общине, только один, дом Бакли, был жив в 1607 году. Перед своей смертью он присоединил двух английских бенедиктинцев, принадлежащих к итальянскому дому, к английской конгрегации, и в 1619 году английские бенедиктинцы на Континенте были объединены с английской конгрегацией папской властью. [8] Дома английских бенедиктинцев на Континенте были расположены в Дуэ (1605), в Дьелуаре (1606), в Париже (1611), Сен-Мало (1611) и Ламспринге в Германии (1643). Члены церкви связали себя клятвой трудиться во имя повторного обращения своей страны, и список бенедиктинских мучеников, погибших за веру в Англии, свидетельствует о том, что их клятва была неукоснительно соблюдена.

В то время как эти прискорбные разногласия ослабляли католиков и приводили их в уныние, уголовные законы применялись с большой строгостью. Один мученик пострадал в 1607 году, трое - в 1608-м, пять - в 1610-м, двое - в 1616-м и пять - в 1618-м. Большое количество священников было заключено в тюрьмы или вывезено за границу. Миряне были разорены тюремным заключением, и особенно высокими штрафами, которые требовал король для покрытия своих собственных расходов. Согласно его собственному заявлению, он получал от штрафов папских самоотводчиков чистый доход в размере 36 000 фунтов стерлингов в год. Парламент и протестантская партия в целом были обеспокоены браком принца Чарльза, наследника престола, и принцессы Елизаветы, его сестры. Считалось, что если бы они вышли замуж в протестантских семьях, религиозные трудности могли бы исчезнуть; но если бы, напротив, они объединились с королевскими домами Франции или Испании, старая битва могла бы возобновиться. Следовательно, брак Елизаветы с курфюрстом Фридрихом Пфальцским, одним из выдающихся поборников протестантизма в Германии, принес большое удовлетворение в то время, хотя позже это привело к серьезным разногласиям между королем и парламентом, когда муж Елизаветы был изгнан из своего королевства во время Тридцатилетней войны.

Независимо от пожеланий своего парламента король стремился добиться для принца Чарльза руки инфанты Марии, второй дочери Филиппа III. короля Испании. Чтобы подготовить почву для такого шага как в Испании, так и в Риме, где, возможно, потребуется подать в суд на освобождение от ответственности, необходимо что-то сделать, чтобы сделать действие уголовного законодательства менее одиозным. Как только начали просачиваться новости о предполагаемом браке с Испанией и о возможности терпимости к католикам, парламент обратился с петицией (1620 г.) к королю с просьбой разорвать дружеские отношения с

Испанией, ввязаться в войну в Германии на стороне своего зятя и строго соблюдать все законы против самоотводчиков. Но король отказался принять совет своего парламента или позволить ему вмешиваться в то, что, по его мнению, было его собственными частными делами. Приготовления к браку продвигались вперед, и в то же время были приняты меры для информирования магистратов и судей о том, что законы, направленные против католиков, следует толковать снисходительно. Говорят, что за несколько недель на свободу было выпущено около четырех тысяч заключенных. Брачный договор был составлен удовлетворительно (1623), должным образом была обеспечена свобода вероисповедания инфанты и дана гарантия прекращения религиозных преследований, но по разным причинам брак так и не состоялся. Парламент пообещал королю выделить средства, необходимые для ведения войны, если только он прекратит переговоры о союзе с Испанией, и на этот раз Джеймс во многом против своей воли последовал совету своего парламента (1624). Была подана новая петиция о строгом соблюдении уголовных законов в отношении священников и самоотводчиков, на которую король был вынужден согласиться. Но едва закончились переговоры с Испанией, как Франции были сделаны предложения о браке принца с Генриеттой Марией, сестрой Людовика XIII, и снова нужно было остерегаться оскорблять чувства католиков. Секретной статьей соглашения с Францией Джеймс обещал предоставить католикам еще большую свободу, чем было обещано им в его отношениях с испанским судом, и в качестве залога своей доброй воли он освободил многих заключенных, которые были осуждены за свою религию, вернул часть наложенных штрафов и дал понять тем, кто отвечает за отправление правосудия, что уголовные акты не должны применяться. В Рим было подано прошение о разрешении, которое, хотя и было предоставлено, должно было быть передано папским нунцием в Париже только при условии, что Джеймс подпишет более четкое заявление о своей будущей политике по отношению к своим католическим подданным. Людовик XIII, раздраженный задержками, допущенными римским двором, не отказывался заключить брак без разрешения, но по очевидным причинам Яков отказался согласиться на такой ход событий. Наконец все трудности были преодолены, хотя и не раньше, чем Джеймс скончался, оставив ратификацию соглашения своему сыну и преемнику. В мае 1625 года Карл по доверенности женился на Генриетте Марии, а в следующем месяце новая королева прибыла в Лондон. [9]

В последние годы правления Якова I. внешняя политика короля сделала абсолютно необходимым смягчение уголовного кодекса. В ходе брачных переговоров с Францией Яков I по секретному соглашению обязался проводить политику веротерпимости, и после его смерти соглашение неоднократно ратифицировалось его сыном и преемником Карлом I. (1625-1649). Но Карл, хотя и был лично хорошо расположен к католикам, был не из тех, кто считает себя связанным какими-либо обязательствами, если их выполнение повлечет за собой серьезные трудности. Во время его восшествия на престол общественное мнение в Англии, отраженное парламентом, было крайне враждебно настроено против веротерпимости. С одной стороны, пуританская партия, которая значительно выросла, несмотря на репрессивные меры Елизаветы и Якова I., была полна решимости привести Церковь в соответствие с кальвинизмом, в то время как с другой стороны, группа способных и образованных людей внутри самой англиканской церкви стремилась к более тесному сближению с католическими верованиями и практиками. И для тех, и для других Библия по-прежнему оставалась в некотором смысле единственным правилом веры, но пуританская партия хотела иметь Библию и ничего, кроме Библии, в то время как Высшие Церковные деятели настаивали на том, что Священные Писания должны толковаться в свете традиционных обычаев христианского мира, и что в вопросах доктрины и

практики некоторая юрисдикция должна быть предоставлена преподавательским авторитетам Церкви. Противники последних настраивали народ против них, поднимая крик об арминизме и папизме и представляя их пособниками Рима и враждебными достигнутому религиозному урегулированию. В результате этого спора, в котором король встал на сторону Лауда и партии Высшей Церкви против пресвитериан и кальвинистов, [10] парламент, поддерживавший пуритан, постоянно требовал исполнения уголовных законов.

В первом парламенте, открывшемся на следующий день после прибытия королевы Генриетты в Англию (1625 г.), королю была представлена петиция с мольбой о строгом соблюдении уголовных законов. Уступая этому ходатайству, Карл издал прокламацию, предписывающую епископам и должностным лицам следить за приведением законов в исполнение, но в то же время он позаботился о том, чтобы дать понять, что взывание штрафов с богатых мирян и заключение в тюрьму или транспортировка священников были бы для него более приятны, чем вынесение смертного приговора. Людовик XIII. и папа горячо протестовал против этого нарушения торжественного соглашения. Карл ответил, что он обязался не применять уголовные законы только для того, чтобы усыпить подозрения Рима и получить разрешение на свой брак. [11] Тем не менее, хотя французский двор королевы был распущен, король сделал все возможное, чтобы предотвратить пролитие крови. Парламентарии, которые боролись за гражданские свободы для себя, были раздражены тем, что их соотечественникам-католикам была предоставлена какая-либо мера свободы. Они подали Чарльзу петицию в то самое время, когда защищали свое собственное положение Петицией о правах (1628), требуя, чтобы священники, вернувшиеся в Англию, были преданы смерти, а дети родителей-католиков должны быть отняты у их естественных опекунов и воспитаны в протестантской религии. [12] Чарльз защищал свою собственную политику веротерпимости на том основании, что она была рассчитана на обеспечение лучшего обращения с протестантскими меньшинствами в других странах, но в то же время он настолько отказался от своей политики не пролития крови, что разрешил смертную казнь иезуиту и мирянину (1628). [13] Однако до тех пор, пока он мог получать деньги от католиков, его не особенно беспокоили их религиозные мнения. Вместо штрафов, к которым они привыкли, он усугубил ситуацию, согласившись не принуждать их присутствовать на протестантской службе при условии, что они будут ежегодно выплачивать сумму, которая будет установлена его уполномоченными в соответствии со средствами отдельных отказавшихся.

Назначение епископа во главе английской миссии (1623), к сожалению, не положило конец прискорбным разногласиям, разделившим католическую партию. После смерти доктора Бишопа его преемником был назначен доктор Ричард Смит (1625), который был посвящен во Франции. Некоторое время после его прибытия дела шли достаточно гладко, но вскоре разгорелись более ожесточенные споры относительно соответствующих прав и привилегий светских и постоянных прихожан, а также обязанности исповедников получать одобрение епископа. Спор стал достоянием общественности, и за короткое время в Англии и Франции литературными поборниками обеих партий было опубликовано множество брошюр. Поскольку пуритан сильно возмущало присутствие епископа в Англии, доктор Смит был вынужден скрываться и в конце концов бежал во Францию, где и умер в 1665 году. Папе было трудно возложить вину или положить конец междоусобице, но ему была предоставлена возможность ознакомиться с фактами дела, когда английский агент, посланный королевой, прибыл в Рим (1633). В свою очередь Урбан VIII решил направить посланника в Англию главным образом для урегулирования разногласий между регулярными властями и светскими, но также для того,

чтобы выяснить истинные чувства двора и страны по отношению к Риму. Человеком, выбранным для этой сложной работы, был Грегори Панцани, [14] оратор, прибывший в Англию в 1634 году и имевший несколько бесед с королем и королевой. Какими бы ни были надежды побудить Лауда и некоторых ведущих епископов рассмотреть вопрос о возвращении к римской верности, главной целью, которую король имел в виду, разрешая резиденцию папского посланника в Лондоне и отправляя английских агентов в Рим, было заручиться помощью Урбана VIII. для своего племянника из Пфальца, и особенно для того, чтобы побудить папу одобрить брак этого племянника с дочерью короля Польши. В результате этих переговоров обе стороны добились очень немногого, и папским агентам в Англии не удалось сгладить разногласия между духовенством.

В 1640 году Лауд опубликовал каноны, составленные Собранием для правительства Английской церкви. С целью снять с себя обвинение в папизме он приказал начать новое преследование, но король вмешался, чтобы предотвратить исполнение этой меры. В то время, когда Карл получал большие суммы денег в качестве компенсации за неявку на протестантские службы, и когда он предвидел, что в грядущем конфликте он может положиться на лояльную поддержку католической знати, у него не было желания раздражать католиков в Англии или оскорблять католические чувства во Франции и в Риме. Однако в 1640 году парламент вернулся к этому обвинению. Присутствие папских агентов в Англии, выплата католической знати 10 000 фунтов стерлингов за помощь королю в его экспедиции против шотландцев и ввод Страффордом католической армии в Ирландию были приведены в качестве аргументов, доказывающих, что невыполнение королем законов против католиков было вызвано иными причинами, чем предполагалось. Действительно, как до, так и после начала Гражданской войны (1642 г.) делу короля был нанесен серьезный ущерб из-за его тайного союза с Римом. На самом деле католики действительно встали под знамена короля, но преследования, которым они подвергались везде, где парламент находился под контролем, сделали для них невозможным действовать по-другому. За годы, прошедшие с 1642 по 1651 год, двадцать одна жертва, включая священников, как светских, так и обычных, а также мирян, была предана смерти за свою религию. [15] Когда, наконец, парламент восторжествовал, началось новое преследование. В 1650 году был принят Закон, предлагающий за поимку священников вознаграждение, аналогичное тому, которое выплачивается за обеспечение ареста грабителей с большой дороги. Были пущены в ход осведомители и шпионы, и в результате их трудов многие священники были схвачены и заключены в тюрьмы или перевезены. Тем не менее, хотя противники короля выдвинули против него одно из своих главных обвинений в том, что он отказался проливать кровь духовенства, они проводили аналогичную политику, когда сами были у власти. За весь протекторат Кромвеля в Англии был казнен только один священник. Но для искоренения католической религии пришлось прибегнуть к другим методам: тюремному заключению, транспортировке и, прежде всего, к крупным штрафам, взимаемым с тех католиков, которые владели собственностью в стране.

От Карла II (1660-1685) у католиков были некоторые основания ожидать улучшения своего печального положения. Они преданно сражались за его отца и пострадали за свою преданность даже больше, чем лоялисты-протестанты. В час поражения они спасли жизнь юного принца и помогли ему спастись от врагов, которые поступили бы с ним так же, как поступили с королем. Помня о своих заслугах и обещаниях, данных Карлом в изгнании, и прекрасно осознавая, что он унаследовал от своей матери, королевы Генриетты, сильную склонность к католической церкви, они надеялись извлечь выгоду из Бредской декларации,

которая обещала свободу совести всем его подданным. Но Чарльз, хотя и втайне поддерживал католиков из-за их верности его отцу и ему самому, был не из тех, кто подвергал бы опасности свой трон ради прошлых заслуг, тем более что его доверенный министр, граф Кларендон, был полон решимости подавлять инакомыслящих, независимо от того, какую веру они могли исповедовать. Несколько католиков, мирян и священнослужителей, встретились в Арундел-хаусе, чтобы подготовить петицию в Палату лордов (1661) об ослаблении уголовного законодательства. Петиция была принята благосклонно, и поскольку в Палате лордов не нашлось никого, желающего защищать применение смертной казни по религиозным мотивам, было сочтено, что законы, по которым быть священником или укрывать священника считалось государственной изменой, могут быть отменены. Но вскоре возникли разногласия даже в самом католическом комитете. Вид присяги на верность, которая могла быть принесена, расширение предлагаемых послаблений, чтобы включить в них иезуитов, и стремление мирян избавиться от штрафов, налагаемых на богатых самоотводчиков, а не от наказаний, назначаемых духовенству, привели к роспуску комитета и отказу от предложенных ими мер возмещения ущерба. [16]

Кларендон был полон решимости сокрушить партию неконформистов, несмотря на обещания, данные им в Декларации Бреды. Он добился принятия ряда законов, Акта о единообразии (1662), Закона о конвенциях (1664) и Закона о пяти милях (1665), известного как Кодекс Кларендона, который, хотя и был направлен в основном против инакомыслящих, помог увеличить тяготы католического общества. Действительно, однажды, в 1662-1663 годах, Чарльз предпринял слабую попытку выполнить свое обещание как католикам, так и неконформистам, объявив о своем намерении обратиться в парламент с просьбой разрешить ему осуществлять полномочия по распределению в отношении Акта о единообразии и других подобных законов, но оппозиция была настолько сильной, что предложенная декларация о снисхождении была отклонена. Ужасный пожар, вспыхнувший в Лондоне (сентябрь 1666 г.) и бушевавший в течение пяти дней, уничтожив за это время большую часть города, привел к новой вспышке антикатолических настроений. Без малейших доказательств пожар был приписан папистам, и соответствующая надпись, помещенная на памятнике, воздвигнутом в память о пожаре, оставалась неизменной до 1830 года. На заседании парламента был назначен комитет для расследования роста папизма, и было выдвинуто требование издать прокламации об изгнании всех священников и иезуитов.

После падения Кларендона (1667) к власти пришли министры Кабалы. Это были Клиффорд, который был убежденным католиком, Арлингтон, который если и не был католиком в то время, то, по крайней мере, имел католические наклонности, Бекингем, Эшли, человек без определенных религиозных убеждений, и Лодердейл, шотландский пресвитерианин (1670). [17] Борьба за наследование испанского престола была близка, и Людовик XIV. так же стремился заручиться поддержкой Англии, как и Карл, чтобы избежать Тройственного союза и господства парламента. Кроме того, его брат Джеймс, герцог Йоркский и предполагаемый наследник английского престола, объявил о своем присоединении к католической церкви, и его пример произвел такое впечатление на короля, что он решил последовать ему, если только Франция пообещает поддержку. Было решено заключить секретный договор с Францией, по которому Карл должен был обязаться открыто исповедовать католическую религию и помогать Людовику в его планах против Голландии и Бельгии, при условии, что Людовик предоставит как деньги, так и людей для подавления беспорядков, которые могла вызвать смена королем религии в Англии. Мирный договор был подписан в мае 1670 года, но как Карл больше беспокоился о субсидиях, чем о смене религии, так и Людовик XIV. предпочитая, чтобы религиозный вопрос не

поднимался до завершения войны против Голландии, было сделано очень мало, если вообще что-либо, за исключением публикации Декларации о снисхождении (1672 г.), в которой Карл в силу своей "высшей власти в церковных вопросах" приостановил действие "всех видов уголовных законов против любого рода нонконформистов и отщепенцев". Этим документом инакомыслящим предоставлялась свобода общественного богослужения, в то время как католикам разрешалось собираться для религиозной службы только в частных домах.

Сильные протестантские настроения были возбуждены в стране слухами об обращении герцога Йоркского, уверенностью в том, что его первая жена, дочь графа Кларендона, на смертном одре стала католичкой, и подозрениями о каких-то тайных переговорах с Францией. На заседании парламента (1673 г.) было выдвинуто требование отозвать Декларацию о снисхождении. Герцог Йоркский убеждал короля твердо отстаивать свои прерогативы, но не как Карл и не как его союзник Людовик XIV. желая спровоцировать конфликт с парламентом в тот конкретный период, король поддался буре, отменив свое первоначальное заявление. Немедленно был внесен Закон об испытаниях, который прошел через обе палаты, несмотря на горячее противодействие герцога Йоркского и лорда Клиффорда Чудли. Согласно условиям этой меры, было предписано, что все гражданские или военные чиновники должны быть обязаны приносить клятву превосходства и верности, причащаться в соответствии с английской службой и делать заявление, "что в таинстве Вечери Господней или в составе хлеба и вина нет никакого Пресуществления во время или после их освящения какими бы то ни было лицами". Джеймс, герцог Йоркский, сложил с себя полномочия лорда-хай-адмирала, и его примеру последовали Клиффорд и большинство католической знати (1673).

С этого времени протестантская партия сосредоточила свои усилия на том, чтобы добиться отстранения герцога Йоркского от английского престола. Карл II. женился на Екатерине Брагансской, от которой не было потомства, и, следовательно, его брат был законным наследником. В то же время всем было ясно, что Джеймс был настолько прочно привязан к католической церкви, что ни страх потерять корону, ни ревностные усилия Стиллингфлита и других выдающихся священнослужителей, скорее всего, не приведут к его повторному обращению в протестантизм. Известие о его предполагаемом браке с Марией, дочерью герцога Моденского, открывавшее перспективу длинной череды католических правителей в Англии, также не было рассчитано на то, чтобы развеять опасения протестантов. После того как граф Шафтсбери был отстранен от должности, он намеренно принялся раздувать пламя религиозного фанатизма в надежде добиться отстранения герцога Йоркского от престола. С этой целью было предложено либо, чтобы Карл добился развода с Екатериной Брагансской, чтобы иметь возможность жениться на какой-нибудь более молодой леди, от которой мог родиться наследник, либо, с согласия парламента, он передал бы право наследования своему незаконнорожденному сыну, герцогу Монмутскому. Как раз тогда, когда в Англии накалялись страсти, негодяй по имени Титус Оутс выступил с историей о папистском заговоре. Оутс, бывший проповедник и служитель Официальной церкви, притворился обращенным в католицизм и получил допуск в английские колледжи в Вальядолиде и Сент-Омере, из которых он был уволен. Действуя совместно с Израэлем Тонге, он состряпал детали заговора, согласно которому папа и иезуиты должны были осуществить убийство короля и свержение протестантской религии. Его история была настолько полна противоречий и нелепостей, что трудно понять, как она могла завоевать доверие среди здравомыслящих людей, но при тогдашнем состоянии общественного мнения Шефтсбери и другие ухватились за нее как за лучшее средство разжечь большую антикатолическую агитацию, которая преградила бы путь к

восшествию на престол герцога Йоркского. Загадочная смерть сэра Эдмунда Годфри, лондонского магистрата, которому Оутс доверил копию своих показаний, и обнаружение некоторой французской корреспонденции среди документов отца Коулмана, личного секретаря герцогини Йоркской, помогли укрепить веру общественности в существование заговора. Когда парламент собрался в 1678 году, обе палаты заявили о своей вере в существование "отвратительного и адского заговора", назначили жалование Оутсу, приказали всем католикам покинуть Лондон и Вестминстер, добились ареста ряда пап-католиков и постановили исключить католиков из Палаты общин и Палаты лордов, потребовав принятия декларации против мессы, Пресуществления и призыва Пресвятой Богородицы (1678). Лишь с величайшим трудом королю удалось добиться освобождения в пользу герцога Йоркского. Было арестовано несколько священников и мирян, один из которых был казнен в 1678 году, одиннадцать в 1679 году, двое в 1680 году и один, distinguished Оливер Планкет, архиепископ Армы, последняя жертва, казненная за религию на английской земле в 1681 году. В дополнение к этому восемь священников были казнены во время волнений просто потому, что они были священниками. [18]

Трижды вносился законопроект об исключении, но он так и не стал законом из-за решимости Карла II. отстаивать права своего брата. Наконец буря страстей начала утихать, и абсурдные заявления Оутса, хотя и подкрепленные свидетельствами таких печально известных наемников, как Бедлоу и Дэнджерфилд, больше не воспринимались как заслуживающие доверия. Шафтсбери был вынужден бежать из Англии; герцог Йоркский вернулся из ссылки, чтобы поселиться при дворе, и до конца правления Карла II. Католики наслаждались сравнительным спокойствием. В феврале 1685 года Карл II. серьезно заболел и вскоре умер, после того как был примирен с католической церковью благодаря помощи отца Хадлстона, который много лет назад помог спасти ему жизнь и пользовался особым покровительством короля.

Восшествие на престол Якова II (1685-88) [19] было встречено подавляющим большинством английского народа, который восхищался его честностью и мужеством, а также сочувствовал ему из-за жестоких преследований, которым он подвергался со стороны своих недобросовестных противников. Он не делал секрета из своей религии и из своего желания отменить уголовные законы, от которых страдали его единоверцы, но в то же время он заявил о своем намерении поддерживать Англиканскую церковь в установленном законом порядке. Землевладельцы-тори и городские власти были одинаково лояльны ему, и первый парламент, который он созвал, был готов сделать все, чтобы удовлетворить его пожелания, при условии, однако, что он оставит религию нетронутой. Когда герцог Монмут прибыл в Англию, чтобы поднять восстание (1685), страна в основном сплотилась вокруг короля, хотя крик о "протестантизме в опасности" использовался для разжигания недовольства.

Жестокие преследования, последовавшие за восстанием, и, прежде всего, "кровавый круговорот" судьи Джеффриса, чье поведение было недостойно его судейского поста, помогли притупить популярность короля. Выбор таких советников, как беспринципный граф Сазерленд, положение, занимаемое при дворе отцом Эдмундом Петре [20], публичное празднование мессы, на которой король оказывал государственную помощь, и начало прямых переговоров с Римом были рассчитаны на то, чтобы вызвать сильную протестантскую оппозицию. Во время восстания король считал необходимым отказаться от Закона о проверке при назначении офицеров и создать хорошо оснащенную постоянную армию, и люди начали беспокоиться, как бы он не вступил в союз с Людовиком XIV и с помощью французских субсидий не попытался сделать себя абсолютным правителем Англии. Парламент собрался еще раз в ноябре 1685 года.

Король всей душой стремился внести изменения в Закон о тестировании, чтобы иметь возможность свободно назначать католиков на ответственные должности, и исключил графа Галифакса из совета, потому что он отказался согласиться с этим предложением. Но по двум вопросам, о сохранении Закона об испытаниях и о постоянной армии, парламент был непреклонен в своем отказе удовлетворить пожелания Якова II, и в связи с этим был отложен (ноябрь 1685 г.).

Большинство видных оппонентов были немедленно уволены со своих должностей. Тот факт, что покойный король принял католическую религию перед смертью, был официально обнародован, и общественности были предоставлены два документа, в которых Карл II объяснял мотивы, побудившие его пойти на этот шаг. Папский нунций в Лондоне был принят при дворе, а лорд Каслмейн был отправлен в Рим действовать в качестве агента Якова II. Доктор Лейберн прибыл в Англию в качестве апостольского викария, за ним последовал другой в лице доктора Гиффарда, а чуть позже Англия была разделена на четыре викариата, над которыми были поставлены четыре викария с полными епископскими орденами и юрисдикцией. Несколько протестантских священников, встревоженных этими мерами, развернули яростную кампанию против папства, особенно в Лондоне, где легко разжигались антикатолические настроения. Король обратился к епископу Лондона с просьбой умерить фанатизм своего духовенства, и поскольку епископ не смог или не захотел удовлетворить эту просьбу, король снова учредил Суд короля Высшей комиссии под председательством ряда епископов и мирян с общепризнанной целью держать духовенство в повиновении.

Поскольку парламент отказался отменить Закон об испытаниях, Яков II решил воспользоваться полномочиями, которыми, как он утверждал, обладал как король. Чтобы компенсировать отсутствие утверждения парламентом, было решено заручиться одобрением судей. С этой целью сэр Эдвард Хейлз, недавно обратившийся в католицизм, был привлечен к суду за то, что принял и сохранил офицерский чин в армии, не сделав необходимых заявлений. Хейлз сослался в качестве своего оправдания на то, что он получил разрешение от короля и, следовательно, не был обязан соблюдать условия Закона об испытаниях. Заявление было принято судьями, и дело против ответчика было прекращено. В результате этого решения Яков II. чувствовал себя свободным наделять католиков гражданскими и военными должностями. Четверо пэров-католиков, лорд Белласис, Поуис, Аранделл Уорддорский и лорд Дувр, были приведены к присяге в качестве членов тайного совета (1687), а позже отец Петре, иезуит, занял место в совете директоров. Для последнего король стремился получить епископство и кардинальскую шапку, но Иннокентий XI не был поклонником опрометчивой поспешности, проявленной Яковом II. ни ради обращения английской нации, ни ради своего союза с Людовиком XIV отказался удовлетворить ни ту, ни другую просьбу. В силу королевских распоряжений католический магистр и три стипендиата были назначены в некоторые оксфордские колледжи.

Партия тори, которая до сих пор была так верна королю, обиделась на благосклонность, проявленную к католической церкви, и поскольку не было никакой надежды получить их одобрение планируемых им мер, Яков II решил обратиться к инакомыслящим. Граф Рочестер был уволен со своего поста, а граф Кларендон был отозван из Ирландии. В апреле 1687 года была опубликована Декларация о снисхождении, предоставляющая свободу вероисповедания инакомыслящим и католикам и отменяющая все религиозные тесты как необходимое условие для вступления в должность. Какое-то время казалось, что король, скорее всего, заручится

поддержкой нонконформистов, особенно после того, как через лордов-наместников различных графств были приняты меры по влиянию на общественное мнение в их округах. Но ненависть раскольников к Риму пересилила их благодарность королю за дарованную им свободу, и они предпочли жить в рабстве, чем позволить католикам разделить с ними преимущества религиозной терпимости. Назначение нескольких католических лордов на самые высокие государственные посты, публичный прием, оказанный папскому нунцию, и попытка навязать стипендиатам Колледжа Магдалины кандидатуру президента-католика усилили чувство неудовлетворенности. В Лондоне вспыхнули опасные беспорядки, и для предотвращения еще более опасных проявлений силы численностью 16 000 человек были сосредоточены на Хаунслоу-Хит. В апреле 1688 года была опубликована вторая Декларация о снисхождении. Постановлением совета, опубликованным несколько дней спустя, духовенству было приказано читать это заявление два воскресенья подряд во всех своих церквях.

Архиепископ Кентерберийский Санкрофт и шестеро его коллег-епископов представили королю петицию с просьбой отозвать это распоряжение духовенству (18 мая 1688 года). Что еще хуже, тысячи экземпляров петиции были немедленно напечатаны и распространены по всей стране. Раздраженный таким противодействием, король вызвал епископов на собор, и поскольку они отказались предоставить гарантии своего присутствия на суде, их отправили в тюрьму. Судебный процесс начался 29 июня 1688 года и завершился оправдательным вердиктом, к великой радости подавляющего большинства английского народа.

Пока Якова II. не имел наследника многие протестанты склонны молчать на том основании, что в его смерти наследство протестантского правителя была обеспечена. Но во время народного волнения, последовавшего за арестом епископов, быстро распространилась весть о том, что королева родила сына. Уже были начаты переговоры с Вильгельмом Оранским, чтобы побудить его взяться за дело протестантизма в Англии, но тот факт, что на престоле родился наследник, придал новый импульс повстанческому движению. Положение дел на Континенте благоприятствовало планам Вильгельма Оранского. Людовик XIV. находился в состоянии войны с императором и папой Римским, а также как Яков II. считался союзником Франции, и от имперских войск нельзя было ожидать противодействия в случае, если Вильгельм решит напасть на Англию. Предпринял ли Яков II смелый курс, пригласив Людовика XIV. чтобы помочь ему, вторжение в Англию из Голландии было бы сопряжено с гораздо более серьезными трудностями, но до последнего момента Яков делал вид, что считает такое вторжение невозможным. Когда, наконец, он осознал серьезность ситуации, он был готов пойти на некоторые уступки, но вскоре, обнаружив, что его бросили очень многие люди, на которых он полагался, некоторые из его собственных родственников и даже собственная дочь, он решил совершить побег из Англии (декабрь 1688 г.).

В течение недель, предшествовавших отъезду Якова II во Францию, жестокие беспорядки произошли в Лондоне, где были атакованы несколько католических часовен, и во многих других ведущих городах. Вильгельм III. лично не одобрял политику религиозных преследований, особенно после того, как он пообещал своему имперскому союзнику мягко обращаться со своими подданными-католиками. Но народное предубеждение против них было настолько сильным, что политика терпимости была почти невозможна. Католики были лишены права пользоваться уступками, сделанными в пользу инакомыслящих, и в Билле о правах (1689) было предусмотрено, что ни один член царствующей семьи, который был католиком или женился на католичке, не мог унаследовать трон, и что любой суверен Англии, ставший католиком или

женившийся на католичке, тем самым утрачивал корону. Католикам запрещалось проживать в радиусе десяти миль от Лондона; магистраты были уполномочены приводить к нежелательной присяге на верность всех подозреваемых папистов; католикам запрещалось хранить оружие, боеприпасы или лошадь стоимостью более десяти фунтов; им запрещалось работать консультантами, барристерами или адвокатами; если они отказывались принять присягу, им не разрешалось голосовать на парламентских выборах; они были лишены права наследования или покупки земли; и им запрещалось отправлять своих детей за границу для получения образования; в то время как священники должны были быть наказаны пожизненным тюремным заключением за служение мессы, а шпионам, добившимся осуждения священников, было предложено в качестве награды 100 фунтов стерлингов. [21]

Во время правления Анны (1702-14) и в начале правления Георга I. преследования продолжались, особенно после неудачного восстания 1715 года, в участии в котором были обвинены многие католики. [22] После 1722 года жестокость преследований начала ослабевать, и католики начали открывать школы и снова объединять свои пошатнувшиеся силы. К счастью, в то время среди них был один в лице Ричарда Чаллонера, который был способен вдохнуть новую жизнь в ряды католиков и завоевать уважение Церкви даже у ее самых ярых противников. Ричард Чаллонер (1691-1781) родился в Лондоне и был обращен в католицизм в возрасте тринадцати лет. Он поступил в колледж Дуэ, в котором проработал двадцать пять лет, сначала как студент, а затем как профессор и вице-президент. Он вернулся в Лондон в 1730 году и с головой окунулся в работу по укреплению веры своих единоверцев во всех частях города. Он ходил под видом мирянина, посещая самые бедные кварталы и служа мессу везде, где мог найти безопасное место. Он уже опубликовал книгу размышлений под названием "Хорошо подумай об этом" (1728), а чуть позже нашел время подготовиться к печати "Христианин, обученный таинствам" и т.д. В 1740 году, во многом против собственной воли, он был назначен коадьютором доктора Петре, апостольского викария лондонского округа. В качестве коадьютора он обязался объехать весь округ, насколько это было возможно в Англии. Но работа епископа не мешала его литературной деятельности. В быстрой последовательности он опубликовал "Гардин души", "Мемуары священников-миссионеров", содержащие Жизнеописания английских мучеников (1577-1681), "Священная Британия", или краткий рассказ об английских, шотландских и ирландских святых, издания Нового Завета (1749), Ветхого Завета (1750) вместе с исправленным изданием (1752).

Помимо всего этого, он основал две школы для мальчиков: одну в лордстве Стэндон, другую в Седжли-парке и одну для бедных девочек в Хаммерсмите. Хотя он не раз подвергался серьезнейшей опасности прервать свою карьеру из-за деятельности охотников за священниками, ему посчастливилось пережить шторм и увидеть, как Первый акт о помощи 1778 года был внесен в свод законов. [23] —————

[1] Фрер, указ. соч., 289-90.

[2] Додд-Тирни, iv., приложение. № iv.

[3] Id., iv., 10-13.

[4] /Уставы/, 1 Иакова, с. 4.

[5] О пороховом заговоре, ср. Джерард, /Каким был Пороховой заговор/, 1897 г. Преподобный Дж. Х. Поллен, /Арест и допрос отца Гарнета/; / Суд и казнь отца Гарнета/ (/Месяц/, июль 1888,

сентябрь 1888). /Месяц/ (октябрь 1878 г., сентябрь-октябрь 1897 г., август 1898 г., август 1904 г.). Сидни, / История порохового заговора/, 1904.

[6] /Статуты 3/, 1 Иакова, с. 4, 5.

[7] Многие документы, относящиеся к этому досадному спору, можно найти в Dodd-Tierney, op. cit., том iv. Приложение. /Мемуары Грегорио Панцани/, под редакцией Берингтона, 1793.

[8] Гильдей, указ. соч., глава vii.

[9] /Политическая история. Англии/, vii., глава v., vi.

[10] Хаттон, /Жизнь Лауда/, 1895. Шоу, / Английская церковь во время Гражданской войны и при Содружестве Наций /, 2 тома., 1900. Нил, / История пуритан/, 4 тома., 1732-8.

[11] Лингард, vii., 157-9.

[12] Лингард, vii., 168.

[13] Бертон-Поллен, указ. соч., xxxvi.

[14] /Мемуары Грегорио Панцани/, 1634-36 и др. Перевод под ред. преподобного Дж. Берингтона, 1793.

[15] Бертон-Поллен, указ. соч., xxxvi.

[16] /Воспоминания Панцани/, 308-11 (Дополнение).

[17] /Политическая история. Англии/, viii., 87.

[18] О заговоре Титуса Оутса, ср. Джерард, /Некоторые эпизоды заговора Оутсов/ (/Месяц/, август 1894). Маркс, /Дальнейший свет на заговор Оутсов/ (/Месяц/, август 1903 г.). Поллок, /Заговор папистов/, 1903. Маркс, /Кто убил сэра Эдмунда Годфри?/ 1905.

[19] Onno Klopp, /Der Fall des Hauses Stuarts/, 1875-9.

[20] Ср. Фоули, /Записи английских иезуитов/, v, vii., /The Месяц/ (1886-87).

[21] Ср. Лилли-Уоллис, / Руководство по законодательству, особо затрагивающему Католики/, 1893.

[22] Пейн, /Записи английских католиков 1715 года/, 1889.

[23] Ср. Бертон, /Жизнь и времена епископа Шаллона (1691-1781)/, 2 тома., 1909 (превосходная биография).

ГЛАВА VI

РЕФОРМАЦИЯ В ШОТЛАНДИИ

Лэнг, / История Шотландии/, 1900-2. Беллесхайм-Блэр, /История католической церкви в Шотландии /, 1887 (пер. с немецкого, 2 Bde., 1883). Форбс-Лейт, С.Дж., / Рассказы шотландских католиков /, 1885. Ред., / Воспоминания шотландских католиков семнадцатого и восемнадцатого веков /, 2 тома., 1909. Уолш, / История католической церкви в Шотландии /, 1874. Граб, / Церковная история Шотландии /, 4 тома., 1861. Доусон, / The Католики Шотландии (1593-1852) /, 1890. Поллен, С.Дж., / Папские переговоры с Марией, королевой Шотландии (1561-67)/, 1901. Ланг, / Тайна Марии Стюарт /, 1901. /Католические трактаты шестнадцатого века / (под редакцией Лоу, 1901). Theiner, /Vetera Monumenta Hib. et Scotorum (1216-1547)/, 1864. /Сочинения Джона Нокса/, (под редакцией Лэйнга), 1855-64. Херклесс, /кардинал Битон/ и др., 1891. Гордон, /Шотландская хроника/, 1867. Тайтлер, /История Шотландии/, 1879.

В Шотландии долгая череда королей-младенцев и слабых регентов помогла увеличить власть лордов за счет короны. В распоряжении короля или регента не было постоянной армии, а ресурсов королевской казны было недостаточно, чтобы позволить правителю прибегнуть к помощи иностранных наемников. В результате король в большей или меньшей степени зависел от лордов, которые были готовы поддержать его, если их собственные требования были удовлетворены, или сформировать частные конфедерации или "банды" против него, если они чувствовали, что сами пострадали. Парламент, в который входили духовные и светские лорды, а также представители низшей знати и городов, не играл очень важной роли в управлении страной. В течение многих лет Шотландия была близким союзником Франции и врагом Англии. Такой союз был одновременно лучшим залогом независимости Шотландии и лучшей гарантией от успешного вторжения Англии во Францию.

Чтобы положить конец спорам относительно первосвященнических прав, на которые претендовал архиепископ Йоркский над Шотландской церковью, Климент III в 1188 году издал Буллу, объявляющую Шотландскую церковь подчиняющейся непосредственно только Апостольскому престолу. [1] Дальнейший шаг был предпринят Сикстом IV. в 1472 году, когда собор Святого Андрея был возведен в ранг митрополии, в подчинение которой были переданы в качестве суфражисток двенадцать епархий: Глазго, Данкелд, Абердин, Морей, Бречин, Данблейн, Росс, Кейтнесс, Кандида Каса, Аргайлл, острова и Оркни. [2] Эта мера вызвала возмущение многих епископов, но особенно епископов Глазго, которые не желали подчиняться юрисдикции собора Святого Андрея даже после того, как было объявлено, что последний в силу своей должности пользовался первосвященническими и законническими полномочиями над Шотландией (1487). В надежде положить конец разногласиям Глазго был преобразован в митрополию с четырьмя епархиями суфражисток: Данкелдом, Данблейном, Галлоуэем и Аргайллом (1492). Предполагалось, что епископы Шотландии избираются капитулами, но на самом деле король или регент обладал решающим голосом при отборе кандидатов, особенно на протяжении большей части пятнадцатого и шестнадцатого веков.

В результате такого порабощения Церкви мужчины назначались епископами без привязки к их пригодности для этой священной должности, а исключительно с намерением обеспечить себя и своих родственников достойным доходом. Так, например, Джеймс, герцог Росс, брат Джеймса IV., был назначен на престол Святого Андрея в возрасте двадцати одного года, и ему наследовал Александр Стюарт, незаконнорожденный сын Джеймса IV., когда ему исполнилось

всего девять лет. То, что верно для церкви Святого Андрея, почти в равной степени верно и для многих других епархий Шотландии, хотя было бы очень неправильно предполагать, что все епископы Шотландии во второй половине пятнадцатого или первой половине шестнадцатого веков были недостойными людьми.

Религиозные ордена мужчин были широко представлены бенедиктинцами, цистерцианцами, францисканцами, доминиканцами, августинцами и т.д., в то время как в большинстве крупных городов были основаны процветающие монастыри. Состояние дисциплины в этих различных учреждениях значительно варьировалось в зависимости от обстоятельств, но, хотя предпринимались серьезные попытки провести реформы, особенно в домах цистерцианцев, францисканцев и доминиканцев, ни на минуту нельзя утверждать, что шотландские монастыри были свободны от самых серьезных злоупотреблений. Возможно, возведение такого множества коллегиальных церквей в Шотландии в пятнадцатом веке было вызвано плачевным состоянием стольких религиозных домов, но если так, то лекарство было почти таким же вредным, как и сама болезнь. Что касается монастырей, капитулов и коллегиальных церквей, школы развивались со значительным успехом, достаточным, по крайней мере, для подготовки студентов к высшему образованию, получаемому в университетах Сент-Эндрюса, основанных Бенедиктом XIII (1410), Глазго, основанного Николаем V. (1451), и Абердина, основанных усилиями ученого и святого епископа Эльфинстона с одобрения Александра VI (1495) и Джеймса IV. Благодаря тесной связи с Францией многие шотландские священнослужители продолжили свое обучение в Париже.

Церковь в Шотландии была сравнительно богата в начале реформационного движения, хотя следует помнить, что из своих средств она была обязана содержать школы, больницы и благотворительные институты. Тем не менее богатство Церкви в Шотландии вместо того, чтобы быть источником силы, на самом деле было источником слабости, и в конце концов оно оказалось одной из главных причин ее падения. Это возбудило алчность голодной знати и заставило ее стремиться разделить разграбление религиозных домов, особенно после того, как пример был подан по ту сторону границы нападением Генриха VIII на английские монастыри. Но прежде чем были предприняты какие-либо шаги по насильственному изъятию церковной собственности, правители и лорды Шотландии приняли другие способы контроля над богатством Церкви и монастырей. Члены королевской семьи или сыновья знати были введены в епископство независимо от их заслуг, и их побуждали обогащать своих родственников, наделяя их частью епархиального имущества. Многие другие представители аналогичного класса были назначены настоятелями религиозных домов исключительно с целью контроля доходов этих учреждений. В некоторых случаях назначенные таким образом лица были всего лишь детьми, почти во всех случаях они были мирянами, и ни в коем случае они ничего не делали для поддержания дисциплины, для культивирования благочестивого духа или для продвижения пожеланий основателей и попечителей монастырских учреждений. То, что было верно для монастырей, было в равной степени верно и для женских монастырей, во многих из которых дисциплина была полностью ослаблена. Было предпринято несколько попыток провести реформацию, но из-за изъятий и особых привилегий, на которые претендовали религиозные дома, такие попытки были обречены на провал, независимо от того, предпринимались ли они епископами или обычными настоятелями. Ничего меньшего, чем посещение папы Римского, в ходе которого посетители могли бы положиться на всю мощь Церкви и государства, было бы достаточно, чтобы положить конец злу, и, к сожалению, вовремя не было предпринято никаких таких шагов, чтобы предотвратить бедствие.

Как и везде, так и в Шотландии, не было ничего необычного в том, что один человек содержал несколько благотворительных фондов, к которым была привязана забота о душах, несмотря на все каноны, которые были приняты против такого вопиющего злоупотребления. Духовенство, следуя примеру столь многих своих начальников, показало себя совершенно недостойным своего положения. Многие из них весьма небрежно относились к проповеди и наставлению своей паствы, совершенно не считаясь с обетом безбрачия священнослужителей, и часто они уделяли больше внимания своим фермам и скоту, чем своим религиозным обязательствам. Достаточно сослаться на постановления епархиальных синодов, проведенных архиепископом Сент-Эндрю Форманом (1515-22) [3], на национальные синоды 1549-1552 годов и на письмо кардинала Сермонеты Папе Римскому в 1557 году [4], чтобы увидеть, насколько ужасными были злоупотребления, процветавшие во всех отделах Церкви в Шотландии в то время, когда само существование католицизма в королевстве балансировало на волоске. Корнем всего этого зла было разрушение независимости Церкви и ее полное подчинение короне и лордам. В результате, когда разразился кризис и большинство лордов перешли на сторону Нокса, они не встретили особого сопротивления со стороны своих недостойных родственников, которых они назначили на доверенные должности не для того, чтобы они могли продвигать религию, а для того, чтобы они могли жить по ней и в конце концов предать ее.

Именно во время правления Якова V. (1513-42) на Континенте и в Англии началась религиозная революция. Генрих VIII. королем Англии был его дядя, и он не оставил камня на камне, чтобы оттолкнуть своего племянника от союза с Францией и от подчинения Риму; но, несмотря на усилия Генриха, Яков V. отказался присоединиться к нападкам Генриха на папу или выслушать предложения о более тесном союзе с Англией. Шотландский парламент, состоявшийся в 1525 году, запретил распространение лютеранских книг в королевстве или проповедь учения Лютера, и папский посланник был направлен к шотландскому двору, чтобы призвать короля твердо стоять на защите Церкви. Ответ Иакова V. был обнадеживающим. Однако вскоре в королевстве начала появляться новая ересь. Патрик Гамильтон, почетный аббат Ферна и близкий родственник некоторых из самых влиятельных семей Шотландии, познакомился с Лютером и Меланктоном во время своих скитаний по Континенту, и по возвращении домой он решил распространять их учение среди своих соотечественников. Он был арестован, предан суду за ересь и передан светским властям, которые приговорили его к смертной казни (1528). Его казнь не положила конец движению в Шотландии. В 1533 году бенедиктинец Генри Форест был приговорен к смертной казни за ересь; в следующем году священника и мирянина постигла аналогичная участь, а перед смертью Джеймса V. несколько других, включая доминиканцев и францисканцев, мирян и священнослужителей, были либо сожжены, либо вынуждены искать спасения в бегстве. Яков V решительно взялся за дело подавления ереси и был поддержан парламентом, который запретил любое обсуждение ошибок Лютера, за исключением тех случаев, когда это могло быть необходимо для их опровержения, и приказал всем, у кого были в распоряжении лютеранские труды, доставить их епископам в течение четырнадцати дней.

Однако политическое влияние благоприятствовало распространению новой доктрины. Это было мечтой Генриха VII, как и мечтой его сына и преемника, укрепить Англию за счет Франции, заключив союз и, если возможно, унию между Англией и Шотландией. Именно в развитие этого замысла Генрих VII. выдал свою старшую дочь замуж за Якова IV, который был убит вместе с большинством своей знати в битве с англичанами на роковом поле при Флоддене (1513). Планы объединения с Шотландией были продолжены Генрихом VIII, особенно после того, как его разрыв с Римом показал ему опасность, которую можно было ожидать с севера в случае, если

французы или император объявят войну в защиту Церкви. При шотландском дворе началось регулярное соперничество между друзьями Рима и Франции и агентами Генриха VIII, последний из которых заботился о поощрении тех, кто одобрял религиозные нововведения. Королева-мать, сестра Генриха VIII, и многие вельможи одобряли планы Генриха, который стремился склонить короля Шотландии присоединиться к нему в борьбе против Рима и который обещал ему в обмен на эту услугу руку его дочери принцессы Марии и дружбу английского народа. Яков V, поддержанный епископами и ободренный посланцами из Рима, отказался ехать на юг для переговоров с Генрихом VIII или как-либо одобрить раскольническую политику своего дяди. В знак того, что Шотландия все еще верна Франции, он женился на дочери Франциска I Французского (1537), а после ее смерти вскоре после прибытия в Шотландию он взял в качестве своей второй жены (1538) Марию де Гиз, дочь герцога де Гиза и сестру кардинала Лотарингского. [5]

Ему умело помогал в борьбе с ересью и английским вмешательством Дэвид Битон, архиепископ Сент-Эндрюс (1539-1546) и кардинал Римской церкви. Последний был одновременно церковником и политиком, лояльным Риму и Франции, искренне защищавшим независимость Шотландии и преисполненным решимости разрушить английские планы, направленные как против религии, так и против свободы Шотландии. Поскольку дружеские увещания и приглашения не возымели никакого эффекта, Генрих VIII решил прибегнуть к войне. Он чувствовал, что может рассчитывать на помощь или нейтралитет многих шотландских дворян, которых он привлек на свою сторону, и вскоре события показали, что эта уверенность не была напрасной. Шотландская армия была обращена в позорное бегство при Солуэй-Мосс, вероятно, больше из-за предательства, чем из-за трусости шотландской знати, и Яков V. был настолько убит горем известием об этой катастрофе, что умер через несколько недель (декабрь 1542 г.), оставив после себя малолетнюю дочь, которая позже станет известна как Мария, королева Шотландии.

После смерти Якова V. граф Арран, который как один из Гамильтонов был следующим после дочери короля предполагаемым наследником престола и который одобрял новую религию и английское влияние, был назначен регентом, несмотря на сопротивление кардинала Битона и духовенства. Генрих VIII. считал, что наступил благоприятный момент для осуществления его планов. Он надеялся, что сможет заключить в тюрьму своего старого врага кардинала Битона, завладеть личностью юной принцессы, устроить брак между ней и своим собственным сыном принцем Эдуардом и сделать себя фактическим сувереном Шотландии. К их стыду, следует сказать, что он убедил ряд шотландских дворян, Дугласов, графов Кассилиса, Гленкэрна, Босуэлла и Ангуса, а также многих других согласиться с его планами и пообещать свою помощь. Не помня о своем долге перед Шотландией, они согласились продать и свою страну, и свою религию за английское золото. Регент был только рад оказать свою помощь, и еще до конца января английские агенты смогли объявить "своему Суверенному повелителю", что кардинал находится в плену. Казалось, все благоприятствовало религиозным переменам и планам союза с Англией. Парламент собрался в марте 1543 года. Он постановил, что всем разрешается читать или иметь в своем распоряжении экземпляр Библии на английском или шотландском языке, и назначил уполномоченных для переговоров с Генрихом о браке Марии с его сыном. Но общественное мнение в Шотландии решительно поддержало религиозную и политическую политику кардинала Битона. Духовенство епархии Святого Андрея отказалось продолжать свое служение до освобождения их архиепископа. Народ поддержал их требования, как и несколько дворян, и в конце концов, несмотря на протесты английской партии среди лордов, кардинал

был отпущен на свободу. Регент, граф Арран, покинул своих бывших друзей, примирился с католической церковью, присоединился к партии кардинала и вдовствующей королевы и приветствовал прибытие французских войск, которые прибыли защищать королевство от английского вторжения.

Шотландская знать на жалованье у Генриха VIII. были убеждены, как и Генрих VIII. он сам заявил, что до тех пор, пока кардинал Битон жив и руководит делами в Шотландии, невозможно продвинуться вперед в деле уничтожения как религии, так и независимости королевства. Несколько шотландских врагов кардинала вступили в сношения с самим Генрихом или с его агентами. Они предложили убить кардинала, если только Генрих пообещает достаточное вознаграждение, и Генрих выразил свое одобрение рассматриваемому шагу. [6] Тем временем кардинал был занят подготовкой планов подлинной реформы Церкви, которые должны были быть представлены национальному синоду, созванному в январе 1546 года, и посещением своей епархии с целью подавления ереси. Джордж Уишарт, бывший преподаватель греческого языка в Монтрозе, вернулся с Континента и начал разжигать религиозную рознь в нескольких городах Шотландии. Он был близким союзником шотландских лордов, находившихся на жалованье у Генриха VIII, и он сам был доверенным гонцом, нанятым Крайтоном, лордом Бранстона, для сообщения английскому двору о планируемом убийстве кардинала Битона и разрушении некоторых религиозных домов в Шотландии. [7] Кардинал, который, вероятно, был осведомлен о его заговорах, а также о его проповедях, добился его ареста и доставил в собор Святого Андрея, где его судили и казнили за ересь (1546). Известие о казни вызвало значительный переполох, особенно в тех центрах, где проповедовал Уишарт, и придало новый импульс движению за убийство кардинала. В мае 1546 года некоторые члены семьи Лесли, у которых были собственные причины для мести, вместе с рядом других сообщников проникли во дворец архиепископа Сент-Эндрюса, обратили в бегство его слуг и сопровождающих и убили его прежде, чем удалось вызвать какую-либо помощь. Убийство кардинала Битона стало непоправимым несчастьем для католической церкви Шотландии. Он был одновременно способным церковником и патриотом, преисполненным решимости отстаивать независимость своей страны от группы проанглийски настроенных предателей, которые были полны решимости изменить религию Шотландии по приказу злейшего врага Шотландии. Джон Нокс, фанатичный священник, перешедший в новую религию, приветствовал убийство кардинала как настоящий триумф Евангелия и как "благочестивый поступок". Он поспешил присоединиться к убийцам, захватившим замок Сент-Эндрюс и которым он проповедовал как первой реформатской конгрегации в Шотландии. [8] Генрих VIII, не менее обрадованный исчезновением своего сильнейшего противника, не замедлил оказать помощь убийцам.

Но убийство кардинала не означало триумфа английской партии. Это лишь обострило чувства подавляющего большинства народа и вынудило регента и вдовствующую королеву более безоговорочно броситься в объятия Франции. Французский флот прибыл в Лейт и заставил убийц, собравшихся в замке Святого Андрея, сдаться. Те из них, кому не посчастливилось совершить побег, были взяты в плен и отправлены на французские галеры. Английская армия во главе с герцогом Сомерсетом вошла в Шотландию, чтобы привести в исполнение английские требования, и особенно для того, чтобы обезопасить личность малолетней королевы. Но хотя это нанесло значительный ущерб Шотландии, особенно нескольким религиозным домам, и хотя оно разгромило силы регента в битве при Пинки (1547), оно было вынуждено повторно пересечь границы, не добившись подчинения нации. В следующем году (1548) новые французские войска прибыли в Англию, чтобы помочь шотландцам в их борьбе против Англии. Шотландский

парламент возобновил союз с Францией, одобрил помолвку молодой королевы с дофином Франции и решил обеспечить безопасность ее персоны, отправив ее во Францию. После нескольких бесплодных попыток англичан закрепиться в Шотландии они были вынуждены в отчаянии отказаться от борьбы и заключить девятилетний мир. Ибо до сих пор союз католицизма и независимости одерживал победу над ересью и английским влиянием (1550).

Убийство кардинала Битона помогло заставить епископов и духовенство осознать опасность своего положения. Они убеждали регента принять суровые меры в защиту церкви и, что было гораздо важнее, попытались привести в порядок свой собственный дом в качестве наилучшей подготовки к конфликту. Джон Гамильтон, брат регента, был назначен архиепископом Сент-Эндрюса вместо кардинала Битона (1547). Он созвал национальный синод в Эдинбурге (1549), на котором присутствовали епископы, настоятели и представители капитулов, религиозных домов и коллегиальных церквей. [9] Хотя присутствие таких людей, как лорд Джеймс Стюарт, незаконнорожденный сын Джеймса V., в качестве настоятеля монастыря Святого Андрея не было рассчитано на то, чтобы внушить доверие к постановлениям ассамблеи, был осуществлен очень полезный план реформ, который, если бы он был приведен в исполнение, мог бы значительно способствовать спасению католицизма в Шотландии. Были приняты суровые законы против сожительства духовенства, их пренебрежения своими основными обязанностями проповеди и наставления своей паствы, а также противотчуждения церковной собственности. Были приняты меры для обеспечения того, чтобы священники регулярно разъясняли основные положения католической доктрины и Священные Писания в своих главных церквях. Еще один синод, состоявшийся в 1552 году, продолжил работу по реформе. Его ссылки на вопрос о браке и на несоблюдение людьми своих религиозных обязанностей, по-видимому, указывают на то, что религия в то время не была в состоянии расцвета. Синоды распорядились опубликовать катехизис и обязали всех священников, которые заботились о душах, объяснять часть из него каждое воскресенье перед основной мессой. В соответствии с этим указом был опубликован превосходный катехизис [10], содержащий очень полное изложение католической доктрины. Если бы это произошло раньше или если бы духовенство уже тогда смогло и захотело объяснить это своему народу, Нокс и его спутники, возможно, столкнулись бы с гораздо более сложной задачей.

Мария де Гиз проявила большие способности во время борьбы с Генрихом VIII. и Защитник. Хотя номинально регентом был граф Арран, именно она руководила его советами и вдохновляла его политику. Французское правительство, не доверяя регенту, который также был следующим претендентом на шотландский престол, вынудило его уйти в отставку, за что он получил взамен пустой титул герцога Шательро, а Мария де Гиз взяла на себя управление Шотландией ради своей малолетней дочери. Относительно способностей новой регентши или ее преданности католической церкви не могло быть расхождений во мнениях, но, к сожалению, она больше стремилась укрепить французское влияние на Шотландию, чем принять необходимые меры для мира в королевстве и подавления ереси. Она наполнила свои крепости французскими подданными, показав тем самым, что, по ее мнению, шотландцам доверять нельзя. В результате она нанесла большое оскорбление местным лордам, возбудила шотландский патриотизм против Франции, как он был возбужден против Англии агрессивной политикой Генриха VIII, и подготовила почву для расторжения союза между патриотизмом и католицизмом, союза, который до сих пор был главным препятствием на пути к успеху английской партии реформаторов.

Шотландцы начали опасаться, что после того, как их молодая королева соединилась браком с королем Франции, Шотландии грозила опасность превратиться во французскую провинцию, и хотя шотландский парламент позаботился о защите независимости страны в брачном соглашении, заключенном в 1558 году, у ведущих людей были серьезные подозрения, что соглашение не возымеет большого эффекта. Кроме того, Марии де Гиз больше нечего было опасаться английского протестантизма, который оказался бессильным после восшествия на престол королевы Марии. Англия теперь была объединена с Испанией, смертельным врагом Франции, и политическим интересам Франции лучше всего отвечало бы сохранение дружественного нейтралитета по отношению к английским протестантам, которые, вероятно, оказались бы более опасными для испанских замыслов, чем для Франции. Считалось также, что такая политика нейтралитета могла бы привести к закреплению английского трона за молодой шотландской королевой, чьи притязания как ближайшей законной наследницы не могли быть подвергнуты сомнению. По этим причинам регент был не прочь разрешить беженцам-протестантам поселиться в Шотландии и разрешить последователям новой религии продолжать свою кампанию до тех пор, пока они не нарушат общественный порядок. В своей переписке с папой римским она уделяла мало внимания религиозной опасности, угрожавшей королевству, и, казалось, больше стремилась получить разрешение взимать налоги с духовенства, чем добиться энергичной реформы злоупотреблений, которые она рисовала в таких мрачных тонах. [11] Шотландские лорды, многие из которых были оскорблены преобладанием французских солдат и французских чиновников, были только рады помочь новым проповедникам и, что еще хуже, настроить своих соплеменников против старой религии, выставляя епископов и духовенство друзьями Франции и врагами независимости Шотландии. Национальный патриотизм теперь использовался для продвижения дела протестантизма теми самыми людьми, которые несколькими годами ранее согласились предать свою страну ради английского золота и изо всех сил стремились сделать Генриха VIII. защитник Шотландии.

Вскоре несколько протестантских беженцев из Англии нашли работу в разных центрах страны, и, воодушевленный политикой нейтралитета регента, человек, которому было суждено стать апостолом Реформации, вернулся на родину (1555). Джон Нокс, [12] который продемонстрировал свою преданность Евангелию, аплодируя убийству кардинала Битона как "благочестивому поступку", и который основал первую реформатскую конгрегацию среди убийц, собравшихся в замке Сент-Эндрюс, после освобождения с французских галер стал пенсионером Эдуарда VI и поселился в одном из северных городов Англии. Вскоре он был назначен королевским капелланом и мог бы получить епископство Рочестера, если бы не выразил мнения, что такая должность несовместима с преданностью истинной евангелической религии. После восшествия на престол королевы Марии он бежал из Англии в Женеву, откуда вернулся в Шотландию в 1555 году. Его жестокие и властные манеры, его экстравагантные обличения своих противников, его искаженное представление их действий и политики, а также его готовность как оратора, так и писателя идеально подходили для руководства революционной партией, если бы в определенные критические моменты его стремление избежать личной опасности не было рассчитано на то, чтобы поколебать доверие его последователей. Его приветствовали многие недовольные дворяне, среди прочих лорд Эрскин, впоследствии граф Мар, лорд Лорн и его отец граф Аргайлл, Мейтленд, лорд Летингтон, граф Гленкэрн, и лорд Джеймс Стюарт, приор Сент-Эндрюс, который, будучи графом Морей, вскоре предал свою сестру, Марию, королеву Шотландии.

Ободренный покровительством таких могущественных покровителей, он свободно и с большим успехом проповедовал в нескольких округах Шотландии. Члены клана были настолько едины со своими лордами, что были готовы следовать их примеру даже в вопросах религии. Епископы и регент, которым об этом процессе должно было быть известно, странным образом забыли о своих обязанностях, и когда, наконец, они набрались достаточно мужества, чтобы вызвать Нокса для выступления в Эдинбурге (1556 г.), они были настолько встревожены силой его сторонников, что отказались от судебного разбирательства. Нокс, воодушевленный их трусостью, открыто проповедовал в столице и даже зашел так далеко, что направил регентше письмо с призывом открыть свой разум для восприятия истины. [13] Однако, бросив этот публичный вызов, он превзошел все ожидания и, не будучи одарен каким-либо особым желанием принять мученическую смерть за веру, внезапно покинул Шотландию и удалился на Континент (1556). В течение многих лет он был лидером во многих ожесточенных и неприличных спорах между английскими протестантскими изгнанниками в Женеве и Франкфурте. Хотя его последователи неоднократно призывали его вернуться, он довольствовался тем, что посылал им письменные призывы твердо стоять в вере или публиковал яростные памфлеты, такие как "Первый звук трубы против чудовищного полка женщин", в которых он пытался доказать, что правление женщин противно природе, противоречит Божьим установлениям и подрывает порядок, равноправие и справедливость. Хотя этот документ был направлен главным образом против Екатерины Медичи, английской королевы Марии и регентши Шотландии Марии де Гиз, он вызвал раздражение у королевы Елизаветы после ее восшествия на престол и не способствовал возвышению апостола Шотландии в ее глазах.

Протестантские лорды, ничуть не смущенные отсутствием Нокса, решили продолжать реализацию своей программы. В декабре 1557 года граф Аргайлл, его сын лорд Лорн, Гленкэрн, Мортон, Эрскин Данский и другие встретились в Эдинбурге и подписали договор, которым они торжественно обязались распространять "Благословенное Слово Божье", поощрять проповедников, защищать новые доктрины даже ценой своей жизни и поддерживать Конгрегацию Христа в противостоянии Конгрегации сатаны. Они обязались ввести Книгу общей молитвы, настаивать на чтении отрывков из Священного Писания на вульгарном языке по воскресеньям и праздникам и назначать проповедников везде, где католическое духовенство не могло или не желало выполнять эту работу. [14] Во многих округах, где правили лорды Конгрегации, были немедленно приняты меры для приведения в исполнение этих резолюций. Столкнувшись с этим революционным шагом, регент и епископы должны были прибегнуть к решительным действиям, но первая была настолько заинтересована в приближающемся браке своей дочери с дофином Франции (1558 г.), что не хотела оскорблять лордов, в то время как примас, как один из Гамильтонов, недолюбливал регентшу за то, что она заменила его брата, и довольствовался мягкими увещеваниями. Лорды, уверенные в своей силе, встретились в ноябре 1558 года и представили регенту петицию, в которой они требовали, чтобы членам Конгрегации было разрешено встречаться в церквях и следовать их собственному ритуалу на вульгарном языке, чтобы Причастие совершалось в обоих видах, чтобы частные лица могли свободно объяснять трудные отрывки из Священного Писания и чтобы духовенство было реформировано. Регент после консультации с примасом согласился на эти просьбы, по крайней мере, в отношении частных религиозных собраний, но отказался удовлетворить другую петицию с требованием отмены всех законов против ереси. [15]

Религиозные споры становились все более и более ожесточенными в течение 1559 года. Лорды Конгрегации осудили злоупотребления духовенства, потребовали разрешения использовать

вульгарный язык во всех публичных религиозных службах, а также при отправлении таинств, и настаивали на допуске низшей знати и народа к голосованию при назначении епископов и пасторов. Чтобы положить конец злоупотреблениям, которые оказались таким полезным оружием в руках противников Церкви, и в то же время дать публичное и официальное выражение вере шотландской нации, национальный синод [16] собрался в Эдинбурге (апрель 1559 г.). В нем еще раз осудили ужасный скандал с наложничеством среди духовенства, установили полезные правила, касающиеся проповеди и назначения епископов, осудили множественность пособий, иногородность и требования со стороны духовенства чрезмерных сборов. Чтобы повысить уровень образования среди духовенства, он постановил, что те, кто представлен к бенефициям, должны проходить проверку и что каждый монастырь должен содержать некоторых своих членов в университетах. В своем исповедании веры синод подчеркивал Реальное Присутствие Христа в Евхаристии, Пресуществление, умиловительный характер жертвоприношения Мессы, достаточность Причастия в одном виде, существование настоящего священства и чистилища, молитвы за умерших, обращение к святым, пост и праздники. В ответ на требования Конгрегации синод указал, что у него нет полномочий изменять обряды и церемонии, которые передавались веками, что, поскольку Церковь является определенно назначенным хранителем и толкователем Священных Писаний, частным лицам не разрешается толковать их по своему желанию, и что при назначении епископов и пасторов правил, изложенных в каноническом праве, вполне достаточно для предотвращения злоупотреблений, если только они соблюдались.

Примерно в то же время Квинтин Кеннеди, бенедиктинский настоятель Кроссрагуэля, оказал огромную услугу религии своим письменным извинением [17] перед католической церковью. Начав с Библии и ее отношения к церковному авторитету, он попытался показать, что по самой природе дела такая книга требовала присутствия официального переводчика, назначенного Богом, что чтение Священных Писаний не было необходимым для спасения, хотя во многих случаях это могло быть полезно, и что авторитет Церкви не должен быть ниспровергнут, даже если существование скандалов среди церковников нельзя отрицать. Обращаясь к своим противникам, он спросил, что было источником всех злоупотреблений и скандалов, в которых они обвиняли Церковь? Не было ли это, спрашивал он, неоправданным вмешательством знати в назначение на церковные должности, вмешательством, которое привело к тому, что даже дети, которые были слишком малы, чтобы держать яблоко в руках, были назначены попечителями густонаселенных приходов, чтобы родственники этих детей могли разбогатеть на доходах, и не были ли виновны в таком поведении те самые люди, которые громче всех осуждали Церковь? На дворян он возложил вину за притеснение Церкви, за назначение недостойных священнослужителей на ответственные должности, за лишение бедных образования и пропаганду тем самым ереси и революции.

По мере продвижения 1559 года положение дел в Шотландии с каждым днем становилось все более тревожным. Проповедники повсюду работали под защитой лордов. Регент и французские власти, которые проявляли фатальную апатию в своих отношениях с шотландскими еретиками, начали осознавать политическую опасность, связанную с таким движением. Французский агент, местье Бетанкур, [18] прибыл в Шотландию в апреле 1559 года, и, независимо от того, было ли это по его совету или нет, регент запретил проповедникам продолжать свои беспорядки. В связи с их отказом подчиниться она вызвала их явиться в Стерлинг для судебного разбирательства (10 мая). Воодушевленные возвращением Нокса, который высадился в Лейте в начале того же месяца, и вооруженными силами, предоставленными в их распоряжение

некоторыми из их главных покровителей, они отказались присутствовать и были объявлены вне закона. Несколько лордов-реформаторов немедленно завладели Пертом и разрушили несколько католических церквей в городе. Когда известие об этом восстании дошло до регента, она собрала свои силы и выступила маршем на Перт, но поскольку в то время ни одна из сторон не стремилась к гражданской войне, было заключено перемирие, и силам регента было разрешено занять город. Из Перта лорды-реформаторы отступили в собор Святого Андрея, где сожгли и уничтожили алтари, картины, статуи и даже священные сосуды, используемые для религиозного поклонения. Церковь аббатства Скон, в которой был коронован длинный ряд шотландских королей, была разрушена; Перт и Стерлинг были захвачены, и до конца июня 1559 года Эдинбург находился в руках лордов Конгрегации. Регентша выступила с обращением от имени короля и королевы Шотландии, призывая всех верноподданных защищать правительство от революционной конгрегации, но ее неудачное предпочтение французским солдатам и чиновникам дало протестантским лордам преимущество, позволив им выдавать себя за патриотов, занятых защитой своей страны от иностранцев. Однако они были вынуждены капитулировать и передать Эдинбург регенту (26 июля).

В начале того же месяца (1559) умер король Франции Генрих II, и ему наследовал Франциск II, муж Марии, королевы Шотландии. Елизавета и ее советники были встревожены открывшейся перед ними перспективой. Мария, королева Шотландии, как ближайшая законная наследница английского престола, была опасным соседом, особенно в то время, когда Англия была повергнута в смятение новой религиозной революцией и когда английские католики могли встать под ее знамена с благословения папы Римского и королей Франции и Испании. Даже при том, что королева Шотландии не прибегала к крайностям, само существование католического королевства в Шотландии, объединенного узами дружбы и заинтересованности с Францией, представляло серьезную опасность для Англии; тогда как, если бы Шотландию удалось склонить к принятию протестантской религии и связать свою судьбу с южным соседом, враги Англии на Континенте могли бы напрасно бушевать. Таким образом, восстание лордов Конгрегации было очень желанным для Елизаветы и Сесила. Это дало им возможность вмешаться в шотландские дела, но не в той бестактной манере, в какой вмешался Генрих VIII. Но как очевидные защитники независимости Шотландии от французского протектората. В этом случае шотландский патриотизм должен был быть поставлен в зависимость от английских политических целей и в то же время от протестантских интересов.

Лорды Конгрегации, понимая, что без посторонней помощи они никогда не смогут победить регента, обратились за поддержкой к Англии. Их петиции были одобрены Сесилом и ведущими советниками Елизаветы, но сама королева не доверяла Ноксу и не любила вступать в союз с открытыми мятежниками. Чтобы придать движению видимость конституционализма, молодой граф Арран, которого привезли во Францию и который тайно принял кальвинизм, был вынужден бежать в Англию. Как близкий претендент на шотландский престол, он был радушно принят при английском дворе, и его заставили поверить, что если он будет действовать благоразумно, то может стать мужем Елизаветы и королем объединенной Англии и Шотландии. Он был отправлен в Шотландию, где ему удалось склонить своего отца, герцога де Шательро, и нескольких других дворян на сторону регента. Полагаясь на защиту Англии, из которой повстанцам были отправлены обильные денежные средства, и на новых членов в их ряды, лорды Конгрегации объявили об отстранении регентши от ее должности (октябрь 1559 г.), хотя они не решались сделать следующий шаг и провозгласить графа Аррана или лорда Джеймса Стюарта сувереном Шотландии. Регент ответил на этот акт восстания походом на Эдинбург, вынудив повстанцев

отступить в Стерлинг (ноябрь), в то время как граф Босуэлл захватил крупные суммы денег, которые переправлялись в лагерь повстанцев из Англии. Английские советники начали понимать, что денег и тайной помощи недостаточно для обеспечения триумфа Конгрегации в Шотландии и что пришло время, когда необходимо принять более решительные меры.

В декабре 1559 и январе 1560 года вооруженные силы были отправлены на север, и адмиралу Винтеру было приказано блокировать Форт от французского флота. Чуть позже было заключено официальное соглашение между герцогом Норфолком, представляющим Елизавету, и лордом Джеймсом Стюартом, уполномоченным Конгрегации. Сначала предлагалось действовать сообща для "поддержания христианской религии", но поскольку эти слова могли вызвать серьезные осложнения на Континенте, было решено заключить союз для защиты древних прав и свобод Шотландии. Английская армия численностью в восемь тысяч человек вступила в Шотландию, и английский флот блокировал крепость Лейт, которая была ключом к столице. Из-за восстаний гугенотов во Франции обещанная помощь не могла быть отправлена, но, тем не менее, захватчики были отброшены при первом же нападении. Однако в июне 1560 года Мария де Гиз, измученная тревогами и заботами своего нелегкого поста, скончалась, и три недели спустя гарнизон был вынужден капитулировать. Английские и французские полномочные представители встретились, чтобы согласовать условия мира. Было решено, что французские солдаты, за исключением примерно ста двадцати человек, должны быть призваны из Шотландии, что ни один иностранец не должен быть назначен ни на какие должности в королевстве, что до прибытия короля и королевы страной должен управлять совет из двенадцати, семь из которых должны были быть выбраны Марией и Франциском, а пять - парламентом, что весь вопрос религии должен быть передан шотландскому парламенту, созванному на заседание 1 августа (1560 г.), и что тем временем обостороны должны соблюдать своего рода религиозное перемирие. Кроме того, было решено, что духовные пэры должны занимать свои места в парламенте, как и прежде, и что их не следует беспокоить в их церковных владениях.

Успешное вторжение английских войск в Шотландию склонило чашу весов в пользу лордов Конгрегации. Теперь они были хозяевами Шотландии, но, если бы епископы и духовенство были ревностными людьми, достойными своего священного сана, дело старой Церкви в Шотландии даже тогда не было бы безнадежным. В то время как Нокс и его друзья напрягали все силы, чтобы укрепить свою работу путем назначения проповедников и суперинтендантов для растущей конгрегации, многие католические епископы и настоятели, некоторые из которых были связаны кровными узами и дружбой с лордами-мирянами, либо довольствовались бездействием, либо перешли на сторону врагов Церкви ради сохранения для себя и своих потомков церковной собственности, которой они управляли. Архиепископ Сент-Эндрюс и примас Шотландии был братом графа Аррана. Хотя сам он был убежденным католиком, он был не тем человеком, который мог бы бороться или внушать доверие в такой критический момент. Архиепископ Глазго Битон уже бежал из королевства; епископ Аргайлла, еще один незаконнорожденный отпрыск дома Гамильтонов, был протестантом или вскоре должен был им стать; Адаму Босуэллу, [19] которого папа назначил годом ранее епископом Оркнейских островов по ходатайству короля и королевы Шотландии, нельзя было доверять, как показало его последующее поведение; Александр Гордон, который утверждал, что является епископом Галлоуэя, хотя он так и не был рукоположен, открыто перешел на сторону врагов Церкви, как и

провинциал доминиканцев , заместитель приора капитула Святого Андрея, и Джон Роу, бывший агент шотландских епископов при Римском дворе. С такими людьми, как они, стоящими на страже интересов католицизма в Шотландии, можно было не сомневаться в результате.

В августе 1560 года парламент собрался в Эдинбурге. Помимо лордов-мирян и представителей мелкой знати и городов, здесь присутствовало несколько епископов и аббатов. Среди этих последних интересно и поучительно отметить присутствие лорда Джеймса Стюарта, внебрачного брата королевы и одного из лидеров Конгрегации, в качестве настоятеля церкви Святого Андрея, лорда Джеймса Гамильтона, сына графа Аррана и последователя Нокса, в качестве аббата Арброата, Джона Стюарта, аббата Колдингема, сына герцога Аргайлла в качестве избранного епископа Брехина, вместе с рядом других мирян, которые, хотя и занимали высокие посты в Церкви, были полны решимости продвигать новое движение ради спасения Человечества. собственность, которую они надеялись заполучить. Дискуссия началась под председательством Мейтленда, лорда Летингтона, шотландского сесила, двуручника, который был даже более опасен, чем открытый враг. Со стороны Нокса и его друзей немедленно была подана петиция о том, что такие доктрины, как Пресуществление, жертвенный характер мессы, Чистилище, молитвы за умерших, достойные подвиги и т.д., которые были навязаны людям духовенством, должны быть отвергнуты. Было подготовлено и представлено ассамблее исповедание веры. Примас и присутствующие католические епископы выразили протест против обсуждения такого документа на том основании, что в соответствии с условиями Договора 1560 года религиозный вопрос должен был быть ранее представлен королю и королеве, а также потому, что договор так и не был подтвержден из-за того, что французские уполномоченные превысили свои инструкции. Несомненно, именно по этой причине большое количество церковных и светских лордов, которые были убежденными католиками, отказались присутствовать в парламенте. Действительно, сторонники старой религии, полагаясь на помощь королевы, казалось, думали, что любое религиозное урегулирование, принятое парламентом, не имеет никакого значения. Однако их отказ обсуждать исповедание веры был воспринят как признак их неспособности опровергнуть его, и исповедь была принята лишь при небольшом количестве несогласных. Позже (24 августа) были сформулированы еще три закона с целью искоренения католицизма в Шотландии. Юрисдикция папы была упразднена, и епископам было запрещено действовать по его указаниям; все предыдущие акты парламента, противоречащие слову Божьему или утвержденному ныне исповеданию веры, были объявлены недействительными; и всем лицам было запрещено праздновать или слушать мессу под страхом конфискации их имущества за первое преступление, изгнания за второе и смертной казни за третье. [20]

/Книга дисциплины/, которая содержала изложение церковной политики шотландских реформаторов, была составлена Ноксом и его сподвижниками. В нем говорилось о проповеди Священного Писания, о двух таинствах - Крещении и Евхаристии, о ликвидации религиозных домов всех видов, об избрании и назначении служителей, пресвитеров и дьяконов, а также о средствах, которые должны быть предоставлены для их содержания и поддержания образования. Хотя отдельные конгрегации были оставлены более или менее свободными в отношении вида религиозной службы, которой следует следовать, Книга общей молитвы, ранее принятая в Шотландии, была отменена, чтобы освободить место кальвинистской книге общего порядка. На генеральных ассамблеях Реформатской церкви (декабрь 1560 -май 1561) были изданы указы об уничтожении религиозных домов и всех признаков идолопоклонства, и были

назначены отдельные лица, которые должны были следить за немедленным исполнением этих указов. [21]

Обе партии в Шотландии инстинктивно обратились к своей королеве. Мария вышла замуж в 1558 году, а в 1559 году ее муж унаследовал трон Франции под титулом Франциска II. Был направлен министр, чтобы проинформировать ее о ходе работы в парламенте, но она отказалась подтвердить условия договора с Англией или санкционировать изменения, которые были внесены декретом. Смерть ее мужа Франциска II (1560) повергла ее в глубокое горе и вынудила задуматься о немедленном возвращении в свое королевство. Она верила, что многие из тех, кто раньше выступал против нее, опасаясь, как бы Шотландия не превратилась во французскую провинцию, теперь могут отказаться от союза с Елизаветой и приветствовать дома своего законного суверена. В то время также не было ничего, что указывало бы на то, что Мария имела какое-либо намерение играть роль поборницы католицизма [22] или рисковать лишиться своего трона в Шотландии или своих притязаний на английскую корону, начав кампанию против новой религии. Годы ее пребывания при французском дворе, где религиозные интересы слишком часто приносились в жертву политическим замыслам, не могли не возыметь своего естественного эффекта. В феврале 1561 года она направила уполномоченных заверить лордов в своем прощении за то, что они сделали, и уполномочить герцога де Шательро и других созвать парламент от ее имени. На собрании знати, состоявшемся в январе 1561 года, ее родной брат, лорд Джеймс Стюарт, был уполномочен лордами принести Марии присягу, в то время как католическая партия, включая графов Хантли, Атолла, Кроуфорда, Сазерленда и некоторых епископов, отправила гонца, чтобы предостеречь ее от Конгрегации и предоставить в ее распоряжение значительные силы на случай, если она решит высадиться на севере. Но Мария, не доверяя мотивам Хантли и его друзей, пренебрежительно отнеслась к их предложениям помощи и приветствовала как своего спасителя и друга человека, который даже тогда не отказывался шпионить за своей сестрой и королевой по приказу Елизаветы. Выбор Марией его в качестве своего доверенного советника не предвещал ничего хорошего для будущего ее правления.

Наконец с тяжелым сердцем Мэри решила покинуть страну, в которой ее удочерили. Поскольку она не желала полностью подтверждать договор с Англией и отказываться от своих притязаний на английский трон, Елизавета отказалась выдавать паспорта через Англию, но под прикрытием густого тумана Марии удалось избежать любой опасности быть схваченной и благополучно высадиться в Лейте (август 1561 г.). В целом люди встретили ее с энтузиазмом, но когда в следующее воскресенье она настояла на том, чтобы отслужить мессу в частной часовне Холируда, ее брату потребовались все усилия, чтобы предотвратить беспорядки. Нокс и его братья осудили такое идолопоклонническое поведение как недопустимое и оплакивали несчастья, которые Бог неизбежно должен излить на страну в наказание за столь тяжкое преступление. Несколько дней спустя Мария выпустила прокламацию, в которой объявлялось, что никакие изменения в религиозном урегулировании не будут вноситься без согласия парламента, но что тем временем не следует предпринимать никаких попыток вмешиваться в дела ее семьи. Был назначен новый тайный совет, двумя главными членами которого были лорд Джеймс Стюарт и Мейтленд, лорд Летингтон, оба одинаково ненадежные. Никому из католических епископов не было предложено место в совете, а католических лордов представляли только графы Хантли и Аргайлл. В Эдинбурге была проведена генеральная ассамблея реформаторов (1561), на которой удалось получить долю церковных пожертвований, и еще одна в 1562 году, на которой Джон Крейг был назначен помощником Нокса в Эдинбурге.

Ибо до сих пор Мария мало что могла сделать для своих единоверцев в Шотландии, да и не похоже, чтобы в этом направлении предпринимались какие-либо серьезные усилия. Тем не менее, ее собственный пример возымел действие. Некоторые из колеблющихся, особенно в Эдинбурге, похоже, вернулись в Церковь. Пий IV, которому не терпелось узнать истинное положение дел, поручил иезуиту Николасу де Гауда (Гуданусу) посетить Шотландию с целью ободрить королеву и пригласить епископов помочь на Тридентском соборе. Он прибыл в Шотландию (июнь 1561 г.). Прождав шесть недель в доме дворянина-католика, он добился тайной встречи с королевой в Холируде. С большинством епископов он даже не добился такого успеха. Хотя он сообщил, что они по большей части католики и люди с добрыми намерениями, некоторые из них, как Синклер из Росса, отказались его видеть, от других он не получил ответа на свои письма, и лишь с величайшим трудом ему удалось коротко побеседовать с епископом Крайтоном в Данкелде. [23] Нет никаких сомнений в том, что епископы были окружены могущественными и бдительными врагами, но кажется странным, что они должны были так полностью исчезнуть в то время, когда Нокс и его противники посредством генеральных ассамблей и других подобных организаций производили впечатление на страну своей силой и активностью. Несмотря на то, что епископы хранили молчание, старая религия не обошлась без способных и энергичных защитников в лице Лесли, который вскоре станет епископом Росса, Квинтина Кеннеди, о заслугах которого уже упоминалось, и Ниниана Винзета, который привел Нокса в замешательство своими трактатами, письмами и публичными диспутами.

В своем отчете отец де Гауда упомянул о неминуемой опасности, в которой оказалась королева из-за ее полной зависимости от своих недостойных министров. Ее брат, лорд Джеймс Стюарт, и Мейтленд, оба враждебно относившиеся к католической религии, были ее главными советниками. Хотя граф Хантли сыграл не очень благородную роль в спорах между регентом и конгрегацией, он был признанным главой католической партии. Он предложил свои услуги королеве, когда она еще была во Франции, но по наущению своего брата она отказалась их принять. После ее возвращения в Шотландию Хантли обнаружил, что к нему относились холодно, а графство Морей, принадлежавшее его семье, было отнято у него и передано его старому сопернику, лорду Джеймсу Стюарту. Во время путешествия королевы на север (август 1562 г.) она отказалась посетить Хантли. Разгоревшийся спор по поводу казни одного из его последователей, который не пожелал открыть ворота замка Гордонов для королевы, заставил Хантли взяться за оружие. Он был свергнут и убит при Корричи графом Морей (1562). На заседании парламента, состоявшемся в мае 1563 года, графы Хантли и Сазерленд и одиннадцать дворян из дома Гордонов были арестованы, а их имущество конфисковано. Свержение этого дворянина, на поддержку которого рассчитывали епископы, помогло укрепить конгрегацию в Шотландии и побудить ее к более строгим преследованиям последователей старой религии. Весной 1563 года некоторые представители католического духовенства, по-видимому, придерживались более прогрессивной политики, но их обвинили в нарушении закона. Примас и еще около пятидесяти человек предстали перед судом в Эдинбурге за проведение мессы и были переданы королевой под стражу. Однако, чтобы показать, что она все еще католичка, Мария направила письмо в Тридентский собор. Оно было зачитано собравшимся Отцам Церкви в мае 1563 года, и оно принесло полное удовлетворение, если мы можем судить по подготовленному ответу. Папские легаты не были против того, чтобы собор вынес приговор об отлучении королевы Елизаветы от церкви, тем самым подготовив почву для притязаний Марии на трон, но противодействие императора и Филиппа II Испанского положило конец этому плану. [24]

Вопрос о замужестве Марии имел первостепенное значение, особенно учитывая вероятность того, что этот брак приведет к наследованию тронов Шотландии и Англии. Папа и французы отдавали предпочтение эрцгерцогу Карлу Австрийскому, которого шотландская знать не любила за то, что он был слишком беден; Филипп II, скорее с целью помешать предполагаемому браку королевы Шотландии с Карлом IX французским, предложил своего собственного сына Дона Карлоса в качестве вероятного жениха, но он не проявил особой серьезности в продвижении проекта, в то время как Елизавета была склонна поддержать своего бывшего любовника Дадли, который был назначен графом Лестером, как говорят, чтобы подготовить почву для его брака с шотландской королевой. Но Мария, сбита с толку и раздраженная различными советами своих друзей, положила конец интригам, выйдя замуж за своего кузена лорда Дарнли, который, как сын графа Леннокса и Маргарет Дуглас, внучки Генриха VII, имел очень серьезные претензии на английский и шотландский престолы. Было запрошено папское разрешение от препятствия кровного родства, но, похоже, что брак был заключен (29 июля 1565 года) до того, как разрешение было предоставлено. [25] Дарнли был молодым человеком приятной внешности, и как католик он был кумиром своих единоверцев в Англии. Его брак с королевой Шотландии пришелся по душе папе римскому и Филиппу II Испанскому, которые поспешили оказать Марии финансовую помощь, а также поздравить ее. Такой союз, как и следовало ожидать, был неприятен протестантской партии в Англии, и особенно неприятен Елизавете, которая предвидела катастрофические последствия, которые могли последовать для Англии от союза двух таких грозных католических претендентов на английский трон.

Граф Морей и другие лорды-реформаторы, понимая, что этот брак, скорее всего, подорвет их влияние, решили взяться за оружие. Поощряемые Елизаветой, графы Морей, Гленкэрн, герцог Шательро и другие подняли восстание, номинально в защиту протестантизма, но на самом деле для поддержания собственного превосходства при дворе. Мария, проявив больше мужества, чем она проявляла до сих пор, собрала свои силы, свергла лордов и вынудила Морей и его сообщников бежать через границу в Англию (октябрь 1565 г.). Эта победа вселила новые надежды в католиков Шотландии. Дарнли начал открыто посещать мессу, как и некоторые вельможи, в то время как королева предприняла шаги для получения назначений на некоторые из вакантных епископств.

Но вскоре новая опасность возникла с неожиданной стороны. Дарнли был тщеславным и глупым юношей, который относился к своей жене без особого уважения. Он хотел быть сувереном Шотландии, обеспечить корону семье Леннокс, за исключением Гамильтонов, и заставить королеву следовать его советам во всех государственных делах. Поскольку его желания не были удовлетворены, он решил отомстить секретарю Марии, Дэвиду Риччио, которого он якобы считал тайным советником Марии. С этой целью он обратился за помощью к реформатской партии, чьи опасения были вызваны религиозной политикой Марии. Была сформирована конфедерация, состоящая из Дарнли, графа Мортон, лорда Рутвена и Линдси по обвинению в убийстве Риччио. Отец графа Леннокса Дарнли, Морей, Аргайлл и Мейтленд Летингтонские, английский посол и, по-видимому, Джон Нокс, были осведомлены о замысле и одобрили его. [26] Когда все было готово к открытию парламента, убийцы ворвались в присутствие королевы и убили ее секретаря почти в ее присутствии (9 марта 1566 года). На следующий день Дарнли издал прокламацию, приказывающую тем, кто собрался в парламент, покинуть Эдинбург, и в тот же вечер граф Морей прибыл в столицу.

Заговорщики договорились провозгласить Дарнли королем Шотландии. С этой целью королеву должны были держать в плену или убить, если она попытается совершить побег, но ей удалось ускользнуть от бдительности своих похитителей и пробраться в Данбар, где к ней присоединились архиепископ Гамильтон, графы Хантли, Атолл и Ботвелл. Она двинулась на Эдинбург, не встретив никакого сопротивления, в то время как убийцы Риччо были вынуждены бежать в Англию. Дарнли бросил своих товарищей-заговорщиков, сообщив королеве подробности заговора. Его дезертирство, однако, не принесло ему желаемой диктатуры, поскольку Мэри простила Морей и Аргайлла и приняла их вместе с Хантли, Атоллами и Ботвеллом в свои советы. Считалось, что рождение наследника престола привело бы к лучшему взаимопониманию между Марией и ее мужем, но, к сожалению, это не привело к результату. Хотя крещение принца было совершено в королевской часовне замка Стерлинг со всей помпой и великолепием католического церемониала (декабрь 1566 г.), Дарнли отказался присутствовать или принимать какое-либо участие в торжествах. Несколько дней спустя Мортон и другие убийцы Риччо были помилованы и им разрешили вернуться в Шотландию.

Графы Морей и Аргайлл и другие ведущие заговорщики были разгневаны на Дарнли за то, что он сообщил королеве о своем участии в заговоре, приведшем к убийству Риччо. Босуэлл, который так много сделал для срыва заговора, ненавидел Дарнли почти так же жаростно, как его самого ненавидели и Дарнли, и граф Леннокс. Во второй половине 1566 года почти все великие лорды Шотландии объединились в конфедерацию или "банду" против Дарнли. Имели ли они в виду просто помочь королеве добиться юридического развода с мужем при поддержке и одобрении парламента, или же они намеревались добиться смерти Дарнли законным или незаконным путем, недостаточно ясно. [27]

Вскоре после крещения принца Дарнли заболел в Глазго оспой. Королева послала к нему своего врача, сама навестила его, а когда ему стало лучше, перевела в уединенный дом за пределами Эдинбурга, где часто проводила часы в его обществе. Судя по всему, было достигнуто полное примирение, и Дарнли в своих письмах выражал свое полное удовлетворение добротой и вниманием своей жены. Внезапно в ночь на 11 февраля 1567 года дом был взорван, и Дарнли был убит. Подозрение указывало на Босуэлла как на исполнителя преступления, и, без сомнения, дело против него было веским, хотя насколько ему помогали и поощряли некоторые другие лорды, навсегда должно остаться тайной. Согласие Мэри или ее причастность к этому замыслу не подтверждены никакими надежными доказательствами, и если бы не ее последующее поведение, маловероятно, что ей было бы предъявлено обвинение в соучастии в убийстве ее мужа. На следующий день после убийства в тайном совете было составлено и направлено во Францию объяснение, в котором говорилось, что был раскрыт заговор против жизни королевы, короля и высшей знати и что жизнь королевы была спасена только по счастливой случайности.

Граф Леннокс, отец Дарнли, публично обвинил Босуэлла в убийстве короля и потребовал привлечь его к ответственности. Был назначен день судебного разбирательства, но поскольку Босуэлл пользовался влиянием в советах королевы и мог и желал прибегнуть к силе, если это было необходимо, собрать доказательства против него было очень трудно. Леннокс безуспешно умолял об отсрочке, и поскольку никто не был готов выступить в качестве доказательства обвинений, Босуэлл был оправдан (12 апреля 1567 года). Несколько дней спустя большинство лордов, собравшихся в Эдинбурге на заседание парламента, встретились в таверне Эйнсли и подписали соглашение (Группа Эйнсли), обязавшись перед Богом защищать Босуэлла, который

был объявлен невиновным в убийстве, и, что еще более странно, обеспечить его брак с королевой. Были опубликованы различные и противоречивые списки подписантов, но из изучения этих различных списков становится достаточно ясно, что большинство великих лордов были присоединены к конфедерации. [28] Как обычно случалось, когда приближался серьезный кризис, Морей отсутствовал в стране.

Босуэлл, под предлогом наказания нескольких банд разбойников, собрал свои силы, одолел небольшую охрану, сопровождавшую королеву в ее путешествии из Стерлинга в Эдинбург, и увез ее саму и Мейтленда в качестве пленников в Данбар (19 апреля). То, что Ботвелл действовал в сговоре с Мэри, не доказано, но, несмотря на советы своего духовника, французского представителя и своих лучших друзей, Мэри согласилась вступить в брак с Ботвеллом. Ее новый муж был протестантом, уже женатым на сестре графа Хантли, с которой он добился развода. Церемонию бракосочетания провел епископ-отступник Оркнейских островов, которому вскоре предстояло доказать такую же нелояльность к своей королеве, как он оказался нечестным по отношению к папе римскому. Такой брак, заключенный при таких обстоятельствах, произвел самое тягостное впечатление среди католиков дома, а также во Франции и в Риме. Это подтвердило их худшие подозрения и заставило их опасаться, что Мария вот-вот оставит религию своих отцов. "С этим поступком, - писал папский посол, которому было поручено прибыть в Шотландию, но который остался в Париже, - столь бесчестным для нее самой, уместность отправки какого-либо посланника прекращается, если только ее Величество действительно, чтобы исправить свою ошибку и вдохновленная Богом, не обратит графа в католическую веру". [29]

Многие лорды, подписавшие облигации, чтобы способствовать браку Ботвелла и Мэри, заявили, что были шокированы, когда узнали, что бракосочетание состоялось. Полагаясь на активное вмешательство Елизаветы, они взялись за оружие, чтобы отомстить за убийство своего короля. Армии королевы и лордов встретились у Карбери-Хилл, где после некоторого обсуждения Мария сдалась лордам, и Босуэллу было позволено совершить побег. Королева сдалась при том понимании, что с ней должны обращаться как с королевой, но вскоре она обнаружила, что ее похитители намеревались лишить ее королевства и, возможно, жизни. В качестве первого шага в разбирательстве она была переведена из Холируда в Лох-Левен (16 июня). Был составлен документ, подтверждающий ее отречение от шотландского престола в пользу малолетнего сына и назначение ее брата, графа Морей, регентом на время несовершеннолетия. До возвращения Морей правительство должно было быть поручено комиссии, состоящей из герцога Шатальро, Леннокса, Аргайла, Атолла, Мортон, Гленкэрна и Морей. Лорд Линдси и сэр Роберт Мелвилл были уполномочены получить подпись королевы, которую им удалось получить только путем угроз и насилия (24 июля 1567 года). Несколько дней спустя молодой принц был коронован, Джон Нокс выступил по этому случаю в качестве проповедника, а епископ-отступник Оркнейских островов - в качестве главного министра. Были предприняты шаги к тому, чтобы Мария не сбежала из заключения, и Босуэлл, бежавший на Оркнейские острова, был вынужден бежать в Данию, где и умер в 1578 году. Морей поспешил вернуться из Франции, побеседовал с королевой в Лох-Левене, принял должность, на которую его назначили, и был провозглашен регентом Шотландии. Против католического духовенства, многие из которых бежали из королевства, были приняты суровые меры. Часовня королевы в Холируде была разрушена, и были приняты меры к тому, чтобы молодой король воспитывался в протестантской религии.

Лорды Шотландии взяли за оружие, чтобы отомстить за убийство Дарнли, но, придя к власти, они не предприняли никаких шагов для привлечения убийц к ответственности по очевидной причине, что любое судебное расследование обязательно должно привести к установлению их собственной вины. Сэр Джеймс Бальфур, который был глубоко замешан в этом деле, был прощен при условии, что он передаст Эдинбургский замок в руки регента. Заседание парламента состоялось в декабре 1567 года. Это подтвердило отречение королевы и назначение Морей. Законы, принятые против католической церкви в 1560 году, были возобновлены. Кроме того, было предписано, что в будущем короли и правители Шотландии должны поклясться поддерживать реформатскую религию и искоренять ересь. Королева потребовала, чтобы ей разрешили защищаться перед парламентом от нападков ее врагов, но регент и совет отказались выполнить ее просьбу. Некоторые из ее друзей, однако, попытались поддержать ее доброе имя, и когда они потерпели поражение в парламенте, они обратились к народу, опубликовав статью в защиту своей правительницы.

Хотя были приняты все меры предосторожности для обеспечения безопасности королевы, ей удалось сбежать из озера Лох-Левен (2 мая 1568 года). В Данбаре ее приветствовали примас Шотландии, Гамильтоны, Хантли, Аргайлл, Ситон, Кассилис и другие, и вскоре она оказалась во главе восьмидесяти тысяч армии. Она заявила, что ее насильственное отречение ничего не стоит и что акты недавнего парламента недействительны. Она призвала всех своих верных подданных встать под ее знамена. Регент, понимая, что, если не будет нанесен внезапный удар, к Марии придет помощь от католиков севера, а также из Франции и Испании, решил немедленно выступить в поход. Армии встретились в Лэнгсайде, недалеко от Глазго (13 мая), где войска королевы были свергнуты. Мария в сопровождении нескольких верных последователей направилась на юг, в сторону Галлоуэя, и, наконец, вопреки советам своих лучших друзей, решила пересечь границу, чтобы ввериться защите английской королевы.

Прибытие Марии в Англию создало большие трудности для Елизаветы. Если бы ей позволили сбежать во Францию, и Франция, и Испания могли бы объединить усилия, чтобы утвердить ее притязания на английское престолонаследие, а если бы она была восстановлена на троне Шотландии, Морей и его друзья не могли ожидать пощады. Поэтому было решено, что Елизавета должна выступить в качестве арбитра между королевой и ее мятежными подданными, чтобы, побудив обе стороны изложить свои претензии Елизавете, чувства между ними могли ожесточиться, и чтобы тем временем разделенная Шотландия оставалась в рабстве. В своем ответе на письмо, полученное от королевы Шотландии, Елизавета сообщила ей, что она не может быть принята при дворе и ей не может быть оказана никакая помощь, пока она не снимет с себя выдвинутые против нее обвинения. Обеим сторонам в Шотландии было приказано прекратить военные действия, но в то же время Сесил позаботился о том, чтобы тайно проинформировать Морей, что ему следует предпринять шаги для укрепления своей власти на всей территории Шотландии. [30]

Мария, отвергая право Елизаветы судить о ее поведении, согласилась с тем, что следует провести конференцию между ее уполномоченными и теми, кто назначен Елизаветой и мятежными лордами. Герцоги Норфолк, Сассекс и сэр Ральф Сэдлер были английскими уполномоченными; епископ Лесли, лорд Ливингстон и лорд Херрис представляли Марию; в то время как Морей, Мортон и Мейтленд из Летингтона, казалось, представляли дело мятежных лордов. Конференция открылась в Йорке (октябрь 1568 года). Несколько дней были потрачены впустую на попытки Мейтленда достичь компромисса, чтобы не было необходимости в

предъявлении обвинений и встречных обвинений, а также на рассмотрение запросов, выдвинутых графом Морей относительно позиции Елизаветы в случае, если обвинения против шотландской королевы будут доказаны. Некоторые из писем, предположительно написанных Марией Босуэллу, были тайно показаны английским уполномоченным, но они, похоже, не произвели большого эффекта на герцога Норфолкского или даже на герцога Сассекского, который, безусловно, не был настроен в пользу Марии предвзято. Последний сообщил, что Морей не может представить никаких доказательств, кроме определенных писем, авторство которых королева Шотландии отрицает. На самом деле Сассекс считал, что, если дело дойдет до суда, обвинителям королевы придется нелегко. [31] Вскоре Елизавета распорядилась перенести место проведения из Йорка в Лондон, и Мария, полагая, что ей будет предоставлена возможность защитить себя перед пэрами и представителями иностранных правительств, приняла это изменение. Она послала епископа Лесли и лорда Херриса представлять ее интересы в Лондоне, но по прибытии они обнаружили, что Марии не разрешат явиться лично, хотя ее обвинители были приняты королевой, а иностранные послы не будут допущены к заслушиванию показаний.

Новая комиссия открылась в Вестминстере (4 декабря 1568 г.). Лорды выдвинули свои обвинения против королевы, обвинив ее в соучастии в убийстве своего мужа. В доказательство этого они предъявили ряд писем, которые, как предполагалось, находились в шкатулке, оставленной Босуэллом в Эдинбурге, когда он бежал из этого города в июне 1567 года. В этой шкатулке лежали восемь писем и несколько сонетов, которые, если они действительно были написаны Мэри, неопровержимо доказывали, что она была заодно с Босуэлом в организации убийства Дарнли. Письма из Шкатулки, рассмотренные в свете ее собственного поведения, стали неопровержимым доказательством вины Мэри. Были ли эти письма подлинными или подделанными, вряд ли когда-либо будет установлено с уверенностью, [32] но, учитывая характер оппонентов Мэри, их хорошо известный талант к двуличию, противоречивые заявления, выдвинутые их свидетелями, и неприличную поспешность, с которой было завершено все расследование, трудно поверить, что доказательства авторства Мэри были убедительными. Уполномоченные, действовавшие от имени Мэри, оказались в крайне невыгодном положении из-за того факта, что их хозяйки не было под рукой для консультации. Как следствие, они допустили много ошибок в своих заявлениях, но были на верном пути, когда потребовали, чтобы копии компрометирующих писем были направлены Мэри для ознакомления. Это требование, хотя и было поддержано французским послом, было отклонено, и Марии так и не дали возможности ответить на главное обвинение, выдвинутое против нее. Было сделано предложение прекратить разбирательство, если Мария согласится отказаться от трона Шотландии в пользу своего сына, и когда она отклонила это предложение, конференция была внезапно прекращена. Морей и его друзья были проинформированы, что "пока против них не было выдвинуто ничего, что могло бы нанести ущерб их чести и верности; а с другой стороны, ими не было в достаточной степени выдвинуто или продемонстрировано ничего против королевы, их суверена, из-за чего королева Англии могла бы составить какое-либо дурное мнение о королеве, своей доброй сестре, за все, что еще было замечено" (январь 1569 г.). [33] Графу Морейскому и его спутникам было разрешено вернуться в Шотландию, и больше ничего не было сделано ни для установления невиновности, ни вины королевы Шотландии. Цель Елизаветы и ее советников была достигнута. Они очернили характер Марии; они вбили клин между ней и ее знатью и позволили Морею вернуться в Шотландию, чтобы править в качестве зависимого от Англии лица.

Чтобы предотвратить попадание королевы Марии в руки католических лордов севера, она была перевезена из Татбери в Ковентри (26 января 1569 года). Что бы ни говорили о поведении Марии в первые годы ее пребывания в Шотландии, или какие бы сомнения относительно ее ортодоксальности ни возникали у папы Римского и католических держав Континента, все неблагоприятное для нее было забыто ими в их сочувствии к ее страданиям и в их восхищении ее силой духа и искренней привязанностью к своей религии. Пий V и Филипп II. были так же глубоко заинтересованы в ее судьбе, как католики Шотландии и Англии. Был разработан план, направленный на то, чтобы способствовать ее браку с герцогом Норфолком и обеспечить ее наследование английского престола, но Елизавета предвосхитила этот план, заключив герцога в тюрьму, подавив восстание северных лордов (1569) и не побоявшись папского отлучения, наложенного на нее в следующем году.

Когда позже был обнаружен новый заговор с той же целью, Норфолк был казнен (1572). Пока Мария была жива в Англии, она была источником постоянной опасности для трона Елизаветы. Английские католики, доведенные до отчаяния уголовными законами, были уверены, что обратятся к ней как к своей законной правительнице, в то время как католические нации на континенте могли прибегнуть к помощи заключенной королевы всякий раз, когда им вздумается посеять беспорядки или, возможно, предпринять попытку вторжения. Какой бы опасной она ни была в тюрьме, она могла бы стать еще опаснее, если бы была свободна совершить побег либо в Шотландию, либо во Францию. В ее смерти заключалась лучшая надежда Елизаветы на мир, и поскольку суровость ее заключения не смогла убить ее, была предпринята попытка побудить шотландцев взяться за работу, за которую англичане боялись браться. [34] Наконец-то была предоставлена возможность привести ее в исполнение и придать этой мере видимость законности. Бабингтон разработал план ее освобождения, [35] с каждой деталью которого шпионы Сесила были хорошо знакомы, если на самом деле они не помогали их организовать. Письма Бабингтон к Марии и ее ответы были преданы гласности и скопированы. Несомненно, Мария знала, что было задумано, но нет никаких доказательств того, что она одобряла убийство Елизаветы. Когда пришло подходящее время, Бабингтон и его сообщники были арестованы и казнены (октябрь 1586 г.), а судьба Мэри была передана на решение парламента. Обе палаты подали петицию о казни королевы Шотландии, но Елизавета, опасаясь последствий и надеясь, что тюремщик Марии Паулет освободит ее от ответственности, не решалась подписать смертный приговор. В конце концов, однако, она преодолела свои угрызения совести, и 8 февраля 1587 года Мария, королева Шотландии, была обезглавлена в Фотерингее. Ее отношение к последнему было достойно похвалы. Она умерла мученицей за свою религию и своей смертью полностью искупила неосторожность и колебания своей юности. Елизавета притворилась, что пришла в ужас от действий своих министров. Ее секретарь был заключен в тюрьму и оштрафован, чтобы доказать Шотландии, Франции и Испании, что королева Англии не несет ответственности за трагедию в Фотерингее.

Тем временем, как обстоят дела с католицизмом в Шотландии? Регент Морей вернулся из Англии в начале 1569 года. Действуя по неоднократным просьбам Генеральной Ассамблеи, он предпринял новые меры против католической церкви. Католические чиновники и профессора были изгнаны из Абердинского университета; несколько священников были арестованы и наказаны, хотя регент не желал выносить смертную казнь, и многие выдающиеся священнослужители и миряне, включая примаса и епископа Лесли, были объявлены вне закона, а их имущество конфисковано. Однако регенту не суждено было долго наслаждаться плодами своего предательства по отношению к сестре. В 1570 году, в то самое время, когда он

участвовал в заговоре с английским правительством, чтобы заставить королеву Шотландии под свою власть, он был застрелен в Линлитгоу одним из Гамильтонов, наследственных врагов его дома.

После его смерти в Шотландии образовались две сильные партии. Большинство дворян, включая герцога Шатальро, Аргайлла, Хантли, Атолла и даже Кирколди и Мейтленда Летингтонских, двух бывших сторонников Морея, встали на сторону своей заключенной королевы и, возможно, преуспели бы в восстановлении ее власти, если бы Елизавета не поддержала Мортон, Мара, Гленкэрна и Рутвена, которых поддерживали Нокс и проповедники. Две английские армии были отправлены в Шотландию, и с помощью английских войск граф Леннокс, отец Дарнли, был назначен регентом (июль 1570 года). Это был не первый случай, когда он пытался уничтожить независимость своей страны, прибегая к помощи англичан, и, перейдя в протестантизм, он был полон решимости броситься в объятия реформаторов. Замок Данбертон все еще находился во владении сторонников королевы. Он осадил его и захватил в апреле 1571 года. Здесь он схватил примаса Шотландии и приказал казнить его после упрощенного судебного разбирательства. Капитул собрался и избрал Роберта Хэя, но он так и не был посвящен, и более трехсот лет собор Святого Андрея был без католического епископа. В сентябре 1571 года Леннокс был убит, и граф Мар был избран регентом. За время своего короткого правления он не смог укрепить свою власть в стране. Агенты Сесила начали с ним переговоры, чтобы побудить его совершить казнь королевы Шотландии, которая для этой цели должна была быть отправлена обратно из Англии, но его внезапная смерть в 1572 году положила конец этому плану.

Ему наследовал граф Мортон, еще один агент Елизаветы. Сначала Мортон не был враждебен католикам из-за споров, возникших между ним и проповедниками по поводу восстановления епископальной формы правления, но позже он принял политику яростного противодействия старой религии. Некоторые священники были казнены; другие арестованы или изгнаны; был составлен список католиков, включая Битона, архиепископа Глазго, Лесли, епископа Росса, и Чисхолма, епископа Данблейна, для запрещения, и были предприняты шаги по отмене католических праздников и удалению из церквей всего, что напоминало о католических богослужениях.

В 1578 году молодой король потребовал отставки Мортон. На его место был назначен совет двенадцати, во главе которого встали графы Аргайлл и Атолл. Елизавета была раздосадована падением своей фаворитки и не прилагала усилий, чтобы скрыть свое раздражение от молодого короля. Казалось, что дружеские отношения между двумя дворами могут быть разорваны, и католическая партия как дома, так и на Континенте преисполнилась новых надежд. В 1579 году Эсме Стюарт, лорд д'Обиньи, племянник бывшего графа Леннокса, прибыл из Франции, где получил католическое образование. Король приветствовал его при дворе и присвоил титул графа Леннокса. Джеймс полностью попал под его влияние, хотя проповедники считали д'Обиньи католическим шпионом. Несмотря на дружбу Елизаветы, Джеймса вынудили установить связь со своей матерью, и когда граф Мортон поднял восстание против такой политики, он был арестован и казнен (1582). Хотя, по-видимому, Леннокс сделал заявление о принятии установленной в Шотландии религии, он тайно пытался добиться взаимопонимания между Марией и ее сыном, добиться освобождения первого из плена и помочь католическому делу. Проповедники были встревожены внезапным и неожиданным ростом папизма. "До того, как этот французский двор прибыл в Шотландию, - сказал Уолтер Белканкваль в одной из своих

проповедей в 1580 году, - было либо мало, либо вообще никого, кто осмеливался признавать себя папистами, ни публично в стране, ни в реформатских городах, ни в королевском дворце. Но с того времени не только паписты внутри королевства начали поднимать головы, но и наши шотландские паписты, которые были за пределами королевства, стекаются домой отовсюду, как саранча, и проявили такую отвагу по отношению к ним, что имеют доступ не только к французскому двору, но и в королевский дворец, на отдельные заседания наших церквей и их генеральных собраний, осмеливаются открыто признавать свое папистство и оспаривать истину, как вопреки законам королевства, так и дисциплине Церкви, вопреки всей практике, которая у нас была раньше ". [36]

Члены Генеральной ассамблеи, раздраженные попыткой короля поддержать епископальную систему правления, были полны решимости сместить Леннокса, которого они считали эмиссаром Рима. Агенты Элизабет тоже были заняты разжиганием недовольства. Заговор, организованный Рутвенем, графом Гоури, графом Маром и другими с целью захвата короля, был успешно осуществлен во время визита Джеймса в замок Рутвена в Гоури (The Gowrie Plot). Его схватили и благополучно поселили в Стерлинге. Граф Арран, пытавшийся спасти своего государя, был взят в плен, и Леннокс был вынужден бежать во Францию (1582).

Какое-то время Мелвилл и проповедники, которые восхищались успешными махинациями Гаури, держали короля в рабстве. Генеральная ассамблея 1582 года выразила свое одобрение тому, что было сделано [37], и возобновила свои нападки на епископальную систему. Джеймсу, однако, удалось совершить побег из заключения; граф Арран был отозван ко двору; Рутвен был объявлен предателем и обезглавлен, а остальные заговорщики были вынуждены бежать в Англию. Джеймс вступил в тесную переписку с некоторыми католическими державами за рубежом и даже зашел так далеко, что обратился к папе за помощью против врагов, которые его окружали (1584). Какое-то время казалось, что вот-вот начнется мощная католическая реакция. Священники, бежавшие из Англии, успешно трудились на поприще шотландской миссии; несколько иезуитов прибыли с Континента, а Франция, Испания и папа вели переписку относительно помощи, которая могла быть оказана Джеймсу и его матери. Но шпионы Елизаветы вскоре узнали о том, что замышлялось. Франция и Испания слишком ревниво относились друг к другу, чтобы предпринять вооруженную экспедицию, без которой успех был невозможен. Были начаты переговоры с целью отделения Джеймса от католической партии и внушения ему недоверия к своей матери. Поскольку он всегда больше стремился обеспечить свое восшествие на английский престол, чем защищать жизнь своей матери или ее религию, он полностью поддался английскому влиянию.

Даже казни его матери в 1587 году было недостаточно, чтобы побудить его к серьезным действиям. Хотя многие шотландские дворяне призывали его объявить войну, он довольствовался гневными речами и протестами, которые остались без внимания. Даже многие пресвитерианские лорды были готовы поддержать его, если бы он объявил войну, и католическая знать, такая как графы Хантли, Эрролл и Кроуфорд, лорд Максвелл и лорд Гамильтон, предложила свою помощь. Также было хорошо известно, что Филипп II. в то время готовился к вторжению в Англию. Если бы Шотландия объявила войну, результаты могли бы быть катастрофическими для Англии, но Джеймс, вместо того чтобы перейти в наступление, принял пенсию от Елизаветы и предложил помочь в обороне королевства. Сначала он попытался примирить католическую партию, восстановив Джона Лесли, епископа Росса, который в течение многих лет был самым ревностным защитником Марии, королевы

Шотландии, на своем престоле и в своих владениях, и назначив изгнанного архиепископа Глазго своим послом при французском дворе. Однако Генеральные ассамблеи, поддержанные Елизаветой, вынудили его принять решительные меры против приверженцев старой религии. В 1593 году было издано воззвание, предписывающее всем иезуитам и священникам семинарии покинуть Эдинбург в течение двух часов под страхом смертной казни, и почти во всех частях Шотландии началась ожесточенная кампания против католической знати и духовенства. Католические лорды, находившиеся в тесной связи с Испанией, были вынуждены взяться за оружие. Их силы были собраны под командованием графов Хантли и Эрролла и одержали полную победу при Гленливете над графом Аргайллом, который был послан против них. Когда весть об этом поражении достигла короля в Данди, он проявил необычную активность. Он собрал большую армию, чтобы наказать своих непокорных подданных, и католические лорды были, наконец, вынуждены бежать из страны. С бегством Хантли и Эрролла (1595) и рассеиванием их войск триумф протестантизма в Шотландии был обеспечен.

Великим лидером в нападении на католическую церковь в Шотландии был Джон Нокс, принадлежавший к Женевской школе и усердно работавший над внедрением кальвинистской системы церковного управления. Положение дел в Шотландии в то время было очень благоприятным для его замыслов. Очевидно, что не могло быть и речи о королевском верховенстве или о создании Государственной церкви по английскому образцу, поскольку королева Шотландии была убежденной сторонницей Римской церкви. Не мог быть принят и принцип парламентского контроля, поскольку шотландский парламент был сравнительно бессилён. Если бы доходы и имущество шотландских епископств и церковных бенефиций остались нетронутыми, демократическая форма правления была бы невозможна, но поскольку голодные лорды Шотландии уже присвоили богатство Церкви, они не были особенно заинтересованы в церковных назначениях. Результатом стало то, что Генеральные ассамблеи, состоящие как из проповедников, так и из мирян, стали признанным руководящим органом новой религии и присвоили себе полный контроль над церковными делами. Епископы, которые были готовы подчиниться, однако, не были отстранены от должности. Они находились под контролем Генеральной Ассамблеи и были поставлены на тот же уровень, что и недавно назначенные суперинтенданты.

Но регенты, правившие Шотландией во время несовершеннолетия Якова VI, не были склонны благосклонно относиться к идее церковной независимости. В 1571 году граф Мар настоял на назначении архиепископа в Сент-Эндрюс без обращения к Генеральной ассамблее, и проповедники немедленно взяли за оружие. Их сопротивлению препятствовал тот факт, что их великий лидер Нокс был слишком болен, чтобы оказать им большую помощь, и в конце концов они были вынуждены принять компромисс, согласно которому старая система церковного управления оставалась практически нетронутой. Архиепископы, епископы, деканы и капитулы были сохранены; епископы должны были избираться капитулами с разрешения и одобрения короля и должны были получать временные должности по королевскому гранту; и все лица, допущенные к бенефициям, должны были обещать повиновение своим епископам. В то же время было решено, что епископы должны подчиняться Общим Собраниям в духовных вопросах, как они подчинялись королю во временных. Была надежда, что с помощью этого компромисса можно было бы обеспечить мир, но через короткое время атака на епископальное правительство возобновилась с еще большей энергией. Появился новый лидер в лице Эндрю Мелвилла, директора колледжа Глазго и друга великого швейцарского реформатора Безы. Несмотря на то, что регент поддерживал дело епископства, Генеральные ассамблеи были

полны решимости продолжать борьбу за его свержение. Принятие в 1580 году "Второй книги дисциплины", предполагавшей свержение епископальной власти, отказ от вмешательства государства и утверждение, что духовная власть исходит только от народа, стало серьезным ударом для молодого короля и его советников; но они нашли некоторое утешение в том факте, что Шотландский парламент вновь подтвердил принцип королевского верховенства и признал авторитет епископов (1584).

Была составлена форма заявления, которую все проповедники должны были подписать под угрозой увольнения. В 1585 и 1586 годах правительство предпринимало серьезные попытки подчинить их себе, но без какого-либо важного результата. Фактически, по предложению Мелвилла Генеральная ассамблея вынесла приговор об отлучении от церкви архиепископа Адамсона (1586), и архиепископ был вынужден подчиниться решению этого органа. С того времени дела шли все хуже и хуже, пока в 1592 году парламент не дал официальную санкцию пресвитерианству, хотя "Вторая книга дисциплины" не была одобрена, и епископы не были лишены своих гражданских должностей. Едва Джеймс вззошел на английский трон, как решил предпринять еще одну попытку навязать Шотландской церкви епископство и королевское превосходство. Он назначил нескольких новых епископов на вакантные кафедры (1603). Поскольку проповедники по-прежнему оказывали сильную оппозицию, Мелвилл был приглашен на конференцию в Хэмптон-Корт (1606), где состоялись жаркие дебаты между представителями пресвитериан и их оппонентами. Мелвилл и его друзья отказались сдаться, и когда первого вызвали предстать перед тайным советом для ответа за некоторые стихи, которые он сочинил, он схватил архиепископа Кентерберийского за рукава своего роше, осудил его как врага евангельской истины и заверил, что будет противодействовать его планам до последней капли крови. Он был арестован и брошен в тюрьму. Парламент поддержал короля (1609); в 1610 году был учрежден Суд Высшей комиссии для рассмотрения дел проповедников, и в том же году кандидаты Джеймса были посвящены английскими прелатами. Но, несмотря на усилия Якова и его преемника Карла I., пресвитерианство все еще продолжало процветать в Шотландии.

Хотя бегство графов Хантли и Эрролла (1595) обеспечило триумф пресвитерианства, многие жители Шотландии, особенно на севере, все еще оставались преданными старой религии. Отцы-иезуиты были неутомимы в своих усилиях, и труды таких людей, как отцы Крейтон, Хэй, Гордон и Аберкромби, были далеки от бесплодия. Тем не менее церковная организация распалась; запас священников, вероятно, был исчерпан, и, если не будут предприняты какие-либо попытки сохранить единство и авторитет, а также обеспечить средствами образования студентов-священнослужителей, существовала серьезная опасность, что католицизм вскоре может исчезнуть. В 1598 году Джордж Блэкуэлл получил должность протоиерея или настоятеля Шотландской миссии и получил ряд консультантов, которые помогали ему в его трудной задаче. Шотландский колледж был основан в Риме Климентом VIII. для снабжения Шотландии священниками (1600). Другой колледж аналогичного типа был основан в Турне в 1576 году доктором Джеймсом Чейном. Позже его перевезли в Пон-а-Муссон и передали под контроль иезуитов, и, наконец, он был доставлен в Дуэ. Старые ирландские фонды в Вюрцбурге и Регенсбурге были захвачены шотландцами и использовались для обучения священников. Шотландские колледжи были также основаны в Париже и Мадриде (переведены в Вальядолид).

Католики Шотландии ожидали некоторой терпимости от Якова I., но они были обречены на разочарование. Король был не в состоянии и не желал положить конец жестоким преследованиям, осуществляемым киркой, целью которой было стереть все следы

католицизма, направив свои атаки против католической знати севера и против иезуитов, один из которых, отец Огилви, был казнен (1516). Точно так же при Карле I. преследования не ослабевали, но, несмотря на все наказания, наложенные на духовенство, многие священники были найдены желающими помочь своим единоверцам в Шотландии. Иезуиты, бенедиктинцы, францисканцы из Ирландии, капуцины и винцентинцы [38] соперничали друг с другом в своих усилиях утвердить веру тех, кто остался верен, и вернуть тех, кто отпал. Во время протектората католики не могли надеяться на пощаду, равно как и восшествие на престол Карла II. сильно изменило их печальное положение. При Якове II. они наслаждались кратким периодом свободы. Часовня в Холируде была открыта снова, и из личных средств короля были выделены некоторые средства на поддержку миссий и иностранных колледжей.

Но благосклонность Якова II. привела к еще большим преследованиям после того, как он был свергнут, чтобы освободить место Вильгельму Оранскому. Во времена правления Вильгельма и Марии, Анны и Георга I. положение шотландских католиков было даже хуже, чем у их собратьев в Англии или Ирландии. Стремясь ободрить как священников, так и мирян, Иннокентий XII в 1694 году назначил епископа Томаса Николсона апостольским викарием Шотландии, и, поскольку он не мог уделять достаточного внимания районам на севере и западе, где католиков все еще было довольно много, доктор Хью Макдональд был назначен апостольским викарием Шотландии в 1726 году. Когда претендент прибыл в Шотландию, католики стеклись под его знамена, и когда он потерпел поражение при Каллодене (1746), они были вынуждены заплатить суровое наказание за свою верность старым правителям. Клань хайлендеров были либо вырезаны в битвах, либо депортированы; католические часовни были закрыты, и последовавшие за этим преследования были настолько жестокими, что казалось, что желания кирка вот-вот исполнятся. Но вскоре события показали, что те, кто воображал, что они видели исчезновение католицизма в Шотландии, были обречены на разочарование. -----

[1] Тейнер, /Ветеринар. Понедельник. Шотландец./, 8.

[2] Id., 465-68.

[3] Робертсон, /Concilia Scotiae (1225-1559)/, cclxx.-cclxxxv.

[4] Пыльца, /Папские переговоры/ и др., 525-30.

[5] Forneron, /Les ducs de Guise et leur époque/, 1877.

[6] Херклесс, /кардинал Битон/, 263 кв.

[7] Id., 289-301.

[8] /Кембриджская современная история/, ii., 556.

[9] Робертсон, /Concilia Scotiae/.

[10] Закон, /Катехизис архиепископа Гамильтона/, 1884.

[11] Пыльца, указ. соч., xxv., xxiv.-vi.

[12] Для получения достоверного отчета о Ноксе см. Лэнг, /Джон Нокс и реформация/, 1905.

[13] Grub, /Есс. История Шотландии/, ii., 45-6.

- [14] Беллесхайм, i., 389.
- [15] Grub, указ. соч., ii., 53-54.
- [16] Уилкинс, /Concilia/, iv., 204 кв.
- [17] Опубликовано в 1558 году. Посвящается племяннику писателя, "Гилберту Мейстеру из Кассиллиса".
- [18] Пыльца, указ. соч., xxxii. кв.
- [19] Пыльца, указ. соч., 56.
- [20] Беллесхайм, указ. соч., i., 424-32.
- [21] Grub, указ. соч., ii., 89 кв.
- [22] Пыльца, указ. соч., xlix. кв.
- [23] О миссии Гауды, ср. Пыльца, указ. соч., liv.
- [24] Пыльца, указ. соч., 162-76.
- [25] Пыльца, указ. соч., lxxxv.-xcviii.
- [26] Лэнг, /Тайна Марии Стюарт/, 54-9.
- [27] Лэнг, /Тайна Марии Стюарт/, 74 кв.
- [28] Ланг, указ. соч., 148 кв.
- [29] Пыльца, указ. соч., 293, cxxvi.-xxxiii.
- [30] /Политическая история Англии/, vi., 272.
- [31] Райт, /Мария, королева Шотландии/, 145.
- [32] Ср. Хосак, / Мария Стюарт и ее обвинители/, 2 тома., 1870-4. Гендерсон, /Письма из шкатулки/, 2-е издание, 1890. Ид., / Мария, королева Шотландии /, 2 тома., 1905. Флеминг, / Мария королева Шотландии /, 2 тома., 1897-8. Нау-Стивенсон, / История Марии Стюарт /, 1883. Лэнг, /Тайна Марии Стюарт/, 1904.
- [33] Лэнг, /Тайна Марии Стюарт/, 160-1.
- [34] Беллесхайм, ii., 129.
- [35] Поллен, /Мария Стюарт и заговор Бабингтона/ (/Месяц/, 1907).
- [36] Grub, указ. соч., ii., 210.
- [37] Граб, указ. соч., ii., 229.
- [38] Беллесхайм, указ. соч., 283-98.

ГЛАВА VII

РЕЛИГИЯ В ИРЛАНДИИ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

/Анналы четырех Учителей / . /Государственные документы/, 11 томов., 1832-5. /Папские письма /, 9 томов. / De Annatis Hiberniae /, том i., Ольстер, 1912; том ii., Ленстер (приложение ii. / Archivium Hibernicum/, том ii.). Брэди, / Преемственность епископов в Англии, Шотландии и Ирландии (1400-1873) /, 3 тома., 1876. Theiner, /Vetera Monumenta Scotorum (1216-1547)/, 1864. Уэрс /Сочинения/, в 2 т., 1729. Wilkins, /Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae/, iii. vol., 1737. /Отчеты заместителя хранителя государственных архивов, Ирландия/. /Отчеты Королевской комиссии по историческим рукописям/. De Бурго, /Гиберния Доминикана/, 1762 год. Гилберт, / Вице-короли Ирландии /, 1865. Удостоверение личности., / Факсимиле национальных рукописей Ирландии /, 4 тома., 1875. Лоулор, / Календарь Реестра архиепископа Свитмана /, 1911. Bellesheim, /Geschichte der Katholischen Kirche in Ireland/, 3 Bde, 1890. Мэлоун, / Церковная история Ирландии от англо-нормандского вторжения до Реформации /, 2 тома., 3-е издание, 1880. Бренан, / Церковная история Ирландии /, 1864. Гогарти, / Рассвет Реформации в Ирландии (I. T. Q.) /, 1913, 1914. Грин, / Создание Ирландии и ее гибель (1200-1600) /, 1908. Бэгвелл, /Ирландия при Тюдорах/, 1885. Уилсон, /Начало современной Ирландии/, 1912.

С начала четырнадцатого века английское могущество в Ирландии находилось в упадке. Ирландские принцы, доведенные до отчаяния поборами и жестокостью чиновников, заняли в целом более враждебную позицию, в то время как знатные нормандские вельможи, получившие земельные наделы в различных частях Ирландии, начали вступать в браки с ирландцами, переняли их язык, их законы, их одежду и обычаи и практически отказались от своей верности суверену Англии.

Из-за гражданской войны, бушевавшей в Англии во второй половине XV века, английские колонисты остались совершенно без поддержки, и, разделившись между собой, Джеральдины отдали предпочтение Дому Йорков, а Ормонды - Дому Ланкастеров, они были почти бессильны противостоять посягательствам местных князей. Не привело к этому и восшествие на престол Генриха VII. совместные усилия по восстановлению английской власти. Прием, оказанный столь многими англо-ирландцами, как мирянами, так и священнослужителями, двум претендентам, Симнелу и Уорбеку, и усилия, которые король был вынужден предпринять, чтобы защитить свой трон от этих претендентов, сделали для него невозможным завоевание страны. В результате сфера английского влияния в Ирландии, или Оседлость, как ее называли, постепенно становилась все более ограниченной. Отчаянные усилия, предпринятые парламентом в Дрохеде (1494, парламент Пойнингса) для защиты английской территории от вторжения путем возведения "двойного рва высотой в шесть футов", являются лучшим доказательством того, что завоевание страны все еще ожидало завершения. [1] В первые годы правления Генриха VIII. Пейл охватывал только части нынешних графств Дублин, Лаут, Мит и Килдэр, или, если быть более точным, он был ограничен линией, проведенной от Дандолка через Арди, Келлс, Килкок, Клэйн, Наас, Килкаллен, Баллимор-Юстас, Раткул, Таллахт и Далки. В пределах этой ограниченной территории жители не были защищены от вторжений и грабежей, если только они не соглашались купить свою безопасность выплатой ежегодной дани соседним ирландским князьям; а за ее пределами, даже в городах, удерживаемых нормандскими поселенцами, и на территориях, принадлежащих нормандским баронам, королевский указ не действовал. [2]

Пришлось прибегнуть к законодательным мерам, чтобы уберечь английских колонистов от полного слияния с коренным населением. Согласно Статутам Килкенни (1367 г.) колонистам было запрещено вступать в браки с ирландцами, перенимать их язык, одежду или обычаи или поддерживать с ними какие-либо деловые отношения, и, что еще хуже, линия разделения должна была быть признана даже в пределах санктуария. Ни один ирландец не должен был допускаться в кафедральные или коллегиальные капитулы или в какие-либо благотворительные организации, расположенные на территории Англии, а религиозные дома были предупреждены о недопустимости приема любых ирландских послушников, хотя они были совершенно свободны принимать английских подданных, родившихся в Ирландии [3] (1367). Этот статут не представлял собой изменения политики в отношении ирландских священнослужителей. С самого начала попытки норманнской колонизации отношения между двумя группами духовенства были очень напряженными. Так, в 1217 году Генрих III. написал своему судье в Ирландию, обращая его внимание на тот факт, что избрание ирландцев на епископские кафедры уже вызвало значительные проблемы, и что, следовательно, в будущем следует позаботиться о том, чтобы никто, кроме англичан, не избирался и не продвигался в капитулы кафедрального собора. Ирландские священнослужители решительно возражали против такой политики исключения и обратились со своими протестами к Гонорию III. который дважды заявлял (1220, 1224), что этот несправедливый указ недействителен. [4] Поскольку папские осуждения не произвели желаемого эффекта, архиепископы, епископы и капитулы, похоже, предприняли шаги, чтобы защитить себя от агрессии, постановив, что ни один англичанин не должен быть допущен в капитулы собора, но Иннокентий IV., следуя примеру Гонория III., осудил эту меру. [5]

Несмотря на торжественное осуждение Святым Престолом этой политики отчуждения, она проводилась обеими сторонами, и линия разделения становилась все более заметной по мере того, как могущество Англии начало приходить в упадок. Петиция, адресованная Иоанну XXII. (1317) ирландскими вождями, поддержавшими вторжение Брюса, свидетельствует о том, что Статуты Килкенни не представляли собой нововведения, и в течение пятнадцатого века неоднократно обновлялось законодательство против ирландских священнослужителей. Разрешение, данное архиепископу Дублина на предоставление ирландским священнослужителям бенефиций, расположенных в ирландских районах его епархии (1485, 1493), служит лишь для того, чтобы подчеркнуть общую тенденцию политики. [6] Точно так же действия доминиканских властей, разрешивших двум настоятелям в Ирландии, одному из домов в Английской черте оседлости, другому - для домов на территориях ирландских принцев [7] (1484), отказ ирландских цистерцианцев признать юрисдикцию своих английских настоятелей, хвастовство Уолтера Уэлсли, епископа Килдэрского и настоятеля монастыря Олд-Коннел (1539), что ни один ирландец не был принят в это учреждение со дня его основания, [8] достаточно ясно доказывают, что отношения между ирландцами и англичанами были напряженными. церковники пятнадцатого века были далеки от гармонии.

Вначале, как было показано, Святой Престол вмешался, чтобы выразить свое неодобрение политике изоляции, принятой как норманнами, так и ирландцами, но позже, когда выяснилось, что примирение невозможно, папа счел меньшим из двух зол позволить обеим сторонам жить порознь. Следовательно, нормандской общине Голуэя было разрешено отделиться от ирландского населения, непосредственно примыкающего к ней, и духовно управляться своим собственным старостой (1484); и Лев X. одобрил требование капитула Святого Патрика в Дублине о том, чтобы ни один ирландец не был назначен каноником этой церкви (1515). [9] Но

хотя Святой Престол, следуя совету тех, кто был в состоянии знать, что лучше для интересов религии, согласился терпеть политику исключения, ясно, что он не одобрял такой ход процедуры. Например, в Дублине, где английское влияние, как можно предположить, ощущалось наиболее отчетливо, из сорока четырех назначений на бенефиции, сделанных в Риме (1421-1520), более половины были назначены ирландцам; в Килдэрской епархии сорок шесть из пятидесяти восьми назначений выпали на долю ирландцев (1413-1521), а за период 1431-1535 годов пятьдесят три бенефиции из восьмидесяти одного были присуждены в Мите священнослужителям, носящим безошибочно ирландские имена. [10] Снова в 1290 году Николай IV. настаивал на том, чтобы архиепископ Дублина назначал в архидьяконство Глендалоха только ирландца, а в 1482 году Сикста IV. поддержал дело Николаса О'Хенисы, которого англо-ирландцы Уотерфорда отказались принять в качестве своего епископа на том основании, что он не говорит по-английски. [11]

Но, хотя законодательно предпринимались попытки разделить ирландцев и англичан, и хотя, как правило, чувства между обеими сторонами накалялись, был один пункт, по которому оба были согласны, и это была лояльность и подчинение папе римскому. То, что ирландская церковь как таковая, как и остальной христианский мир, полностью приняла верховенство папы Римского в период нормандского вторжения, очевидно из присутствия и деятельности папских легатов Гиллеберта Лимерикского, святого Малахии Арма, Кристиана, епископа Лисморского, и святого Лоуренса О'Тула, из частых паломничеств ирландских мирян и священнослужителей в Рим, из тесных отношений с римским двором, которые поддерживал святой Малахия во время своей кампании за реформы, и из действий папы, направившего кардинала Малахию в Рим. Папаро в национальный синод в Келлсе (1152), чтобы вручить паллии архиепископам Армы, Дублина, Кэшела и Туама. Если бы существовали какие-либо сомнения относительно принципов и действий Ирландской церкви, этот вопрос обязательно должен был обсуждаться на Синоде в Кэшеле, созванном Генрихом II. чтобы положить конец предполагаемым злоупотреблениям, существующим в Ирландской церкви (1172), и все же, хотя было установлено, что в своей литургии и обрядах Ирландская церковь должна соответствовать английским обычаям, не было сказано ни слова, которое могло бы каким-либо образом подразумевать, что ирландский народ был менее покорен Папе, чем любая другая нация в этот период. [12]

После того, как норманнам удалось закрепиться в стране, и ирландцы, и норманны были едины в признании римского превосходства. Папа назначал на все епископства, расположенные в пределах Черты Оседлости или за ее пределами; он смещал епископов, принимал их отставки, переводил их с одного престола на другой, приводил их в суд, иногда порицал их и предоставлял им особые полномочия для распределения по супружеским и другим делам. Он назначал во многие аббатства и приораты во всех частях страны, назначал духовных лиц в приходы священников в Рафо, Дерри, Туаме, Килмакдуа и Керри с точно такой же свободой, как в случае Дублина, Килдэра или Мита, и рассматривал дела, касающиеся прав мирян и духовенства в Риме, или назначал судей для рассмотрения таких дел в Ирландии. Он отправил специальных легатов в Ирландию, взимал налоги со всех пособий, назначал сборщиков для обеспечения уплаты этих налогов и выдавал разрешения на нарушения и препятствия.

Фикция о двух церквях в Ирландии, одна из которых англо-ирландская, признающая власть папы Римского, а другая ирландская, угрюмо сражающаяся с папской агрессией, была опровергнута публикацией книг Тайнера / *Vetera Monumenta Hibernorum et Scotorum* / , /

Календари папских писем /, / Календари документов (Ирландия) / и / Annats /. Если бы какой-нибудь писатель, независимо от таких поразительных свидетельств, был склонен возродить подобную теорию, он столкнулся бы с еще одним неприятным фактом: когда английская нация и значительная часть англо-ирландской знати вышли из повиновения Риму, ирландский народ, который, как предполагалось, был враждебен папе, предпочел рискнуть всем, чем позволить отделиться от центра единства. Такая полная и мгновенная смена фронта, будь она исторической, была бы столь же необъяснимой, сколь и беспрецедентной.

Также нет никаких свидетельств того, что лоллардизм или какая-либо другая ересь находили какую-либо поддержку в Ирландии в четырнадцатом или пятнадцатом веках. Во время епископства епископа Ледреда в Оссори (1317-60) как из конституций, принятых на епархиальном синоде, состоявшемся в 1317 году, так и из мер, которые он считал необходимым предпринять, следует, что в городе Килкенни несколько человек поставили под сомнение Воплощение и Девственность Пресвятой Девы, но ясно, что такие мнения были ограничены очень ограниченным кругом и не затрагивали массы людей. [13] Примерно в то же время возник и спор, который велся между Иоанном XXII. а часть францисканцев нашла отклик в провинции Кашел, хотя нет никаких доказательств того, что движение когда-либо принимало сколь-либо значительные масштабы. [14] Точно так же в более поздний период, когда христианский мир был встревожен присутствием нескольких претендентов на папство и теориями, порожденными Великим западным расколом, в Рим были направлены известия о том, что некоторые ирландские прелаты, среди которых были архиепископ Дублина и епископ Фернса, были склонны свести на нет инструкции Мартина V. (1424), но последний понтифик предпринял энергичные меры, чтобы положить конец явлению, которое было вполне понятно, учитывая общий беспорядок того периода. Апелляция Филиппа Норриса, настоятеля Дублина, во время его спора с нищенствующими, к Генеральному совету против решения Папы Римского служит лишь для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что на протяжении всего спора между Папой и Советом Базеля Ирландия оставалась непоколебимой в своей приверженности Святому Престолу. [15] Хотя первая мера, принятая парламентом в Килкенни (1367 г.) и почти каждым подобным собранием, проводившимся в Ирландии в пятнадцатом веке, была направлена на защиту прав и свобод Церкви, все же корень зла, от которого страдала Церковь в этот период, может быть связан с вмешательством королей и князей в церковные дела. Борьба, которую вел Григорий VII. защита свободных канонических выборов в епископства, аббатства и приораты, казалось, была полностью успешной, но на самом деле это привело лишь к смене позиции со стороны светских властей. Вместо того чтобы напрямую претендовать на право выдвижения кандидатуры, они прибегли к другим мерам для обеспечения назначения своих собственных фаворитов. Теоретически избрание епископов в Ирландии зависело от канонов соборных капитулов, но они не должны были приступать к выборам до тех пор, пока не получат / *congé d'élite* / от короля или его заместителя, которые обычно направляли инструкции относительно наиболее подходящего кандидата. В качестве дополнительной гарантии утверждалось, что даже после того, как назначение избранного епископа было подтверждено папой, он все равно должен получить одобрение короля, прежде чем ему будет разрешено вступить во временное владение своим престолом. В результате даже в XIII веке, когда выборы в столицу все еще были правилом, английские монархи стремились оказывать контролирующее влияние на епископские выборы в Ирландии, но временами они встречали энергичное сопротивление со стороны капитулов, епископов, ирландских принцев и Рима. [16]

Однако ближе к концу четырнадцатого века и в пятнадцатом веке, хотя правом избрания по-прежнему номинально пользовались капитулы, в большинстве случаев либо их мнения не спрашивали, либо голосование от имени капитула воспринималось лишь как выражение мнения о достоинствах различных кандидатов. Косвенно, посредством правил канцелярии, касающихся оговорок, или путем прямого резервирования назначения конкретного епископства в связи с конкретной вакансией, папа держал назначения в своих руках. Из-за посягательств гражданской власти и давления, которое оказывалось на капитулы, такая политика была достаточно оправданной, и если бы римские советники были близко знакомы с достоинствами духовенства и имели свободу действий в своих рекомендациях, прямое назначение могло бы привести к хорошим результатам. Но официальные лица в Риме часто зависели в своей информации от ненадежных источников, и им еще больше мешал тот факт, что, если они действовали вопреки желаниям короля, последний мог создать серьезные проблемы, отказавшись восстановить временные полномочия престола. Однако даже в самой Англии нет недостатка в примерах, свидетельствующих о том, что папы не всегда позволяли гражданским властям диктовать себе условия и теоретически не признавали притязаний короля распоряжаться временными правами. [17]

Трудно определить, насколько английским королям удалось повлиять на назначения в ирландские епископства. Что касается Дублина, Мита и Килдэра, то не может быть никаких сомнений в том, что их усилия увенчались успехом. В Арме они также добились назначения англичан в качестве общего правила, а в Кэшеле, Уотерфорде, Лимерике и Корке их рекомендациям, или, скорее, рекомендациям англо-ирландской знати, во многих случаях следовали. За пределами сферы английского влияния, похоже, их предложения не были приняты в Риме. Во всяком случае, несомненно, что, если они добивались исключения ирландцев, их петиции не произвели особого эффекта. В первые годы правления Генриха VIII король, по-видимому, предпринимал более активные меры для утверждения своих притязаний на право голоса при назначении епископов. В папских буллах о назначениях в этот период в Арму, Дублин, Мит, Лейлин, Килмор, Клогер и Росс прямо указано, что они были сделаны / *ad supplicationem regis*/. [18]

К сожалению, некоторые из священнослужителей, которым были дарованы епископства в Ирландии в пятнадцатом веке, обладали весьма слабой квалификацией для столь высокого поста. С одной стороны, Рим во многих случаях не мог близко познакомиться с различными кандидатами, а с другой - влияние английских королей, ирландских принцев и англо-ирландской знати использовалось для продвижения их собственных иждивенцев без учета влияния таких назначений на прогресс религии. Архиепископы Дублина и Армы, а также епископы Килдэра и Мита, как правило, больше интересовались политическими и религиозными делами, чем своими обязанностями духовных правителей. Они часто занимали высшие посты в государстве, и у них было мало времени, чтобы уделять свое внимание управлению своими епархиями. Прогулы были столь же примечательной чертой Церкви в пятнадцатом веке, как и для Официальной Церкви в восемнадцатом, и в этом отношении епископы были самыми злостными нарушителями. Очень часто кафедры также оставались вакантными в течение многих лет, в течение которых королевские чиновники или ирландские принцы, в зависимости от обстоятельств, растрачивали имущество епархии либо при попустительстве, либо против воли епархиальных капитулов. Из архиепископов Ирландии примерно во времена Реформации Джордж Кромер, королевский капеллан, был назначен потому, что он, вероятно, одобрял английские замыслы в Ирландии, и с этой целью был

назначен канцлером Ирландии; Джон Ален, другой англичанин, был рекомендован кардиналом Уолси в Дублин главным образом с целью свержения господства графа Килдэра; Эдмунд Батлер, незаконнорожденный сын сэра Пирса Батлера, был обязан своим возвышением на кафедре Кэшела влиянию могущественных покровителей, а Томас О'Маллали из Туама, Францисканский монах, перешел к своей награде за несколько дней до заседания парламента, которое должно было признать королевское превосходство, и его сменил Кристофер Бодкин, который позволил ввести себя в престол властью Генриха VIII. вопреки воле папы Римского.

Но, несмотря на то, что епископы в целом были столь же ревностны, какими, несомненно, были отдельные люди среди них, у них не было власти пресекать злоупотребления. Покровительство церковным учреждениям, включая приходы, викариатства и капелланства, которыми пользуются миряне, а также капитулам, монастырям, обительщикам, больницам и т.д., делало невозможным для епископа осуществлять контроль над духовенством своей епархии. И нормандская, и ирландская знать были щедры в своих пожертвованиях Церкви, но всякий раз, когда они предоставляли пожертвования приходу, они настаивали на получении взамен полных прав покровительства. Так, например, граф Килдэр был признан законным покровителем почти сорока приходских домов, расположенных в епархиях Дублина, Килдэра, Мита, Лимерика и Корка, и, кроме того, ему принадлежала десятина с огромного количества приходов, разбросанных по большей части Ленстера. [19] Граф Ормонд пользовался такими же правами в Килкенни и Типперэри, как и семья Десмонд на Юге и Де Бургос в Коннахте. О'Нилы, [20] О'Доннеллы, О'Конноры, Маккарти, О'Бирны и множество второстепенных вождей осуществляли церковное покровительство на своих соответствующих территориях. Очень часто эти дворяне в своем желании принести пользу какому-либо религиозному или благотворительному учреждению передавали ему права покровительства, которыми пользовались сами. Таким образом, монастырь Олд, или Грейт-Коннел, в Килдэре контролировал двадцать один приходской дом в Килдэре, девятнадцать в Карлоу, один в Мите и один в Типперэри [21], в то время как знаменитый монастырь Грейс-Дье располагал множеством церковных средств к существованию.

Из-за этих посягательств епископу часто приходилось одобрять назначение пасторов, которые никоим образом не соответствовали своему положению. Миряне-покровители назначали своих собственных иждивенцев и фаворитов, в то время как как церковные, так и мирские покровители больше заботились о получении доходов, чем о рвении и активности пасторов и викариев. Как только в пятнадцатом веке была полностью установлена система резервирования папой незначительных бенефиций, полномочия епископа при назначении на должности в своей епархии стали еще более ограниченными. Церковники, стремившиеся к возвышению, обратили свои взоры к Риму. Если они не могли отправиться туда сами, они нанимали прокурора, чтобы тот подал в суд от их имени, и, вооружившись папским документом, представлялись епископу просто для того, чтобы потребовать установления канона. Таким образом, хотя теоретически епископ должен был быть главным пастырем епархии, на практике у него было очень мало права голоса при выдвижении своих подчиненных и очень мало эффективного контроля над их квалификацией или поведением.

Очень часто мальчикам, не достигшим канонического возраста, предоставлялись пособия для получения орденов, иногда для того, чтобы обеспечить их средствами для продолжения учебы,

но иногда также для обогащения их родственников за счет доходов Церкви. В таких случаях вся работа возлагалась на низкооплачиваемого викария, который прибегал к различным ухищрениям, чтобы пополнить свой мизерный доход. Часто мужчин, живущих в Англии, назначали в приходы или канонические заведения в пределах Черты оседлости, и, поскольку они не могли сами взять на себя личную ответственность, они прибегали к услугам заместителя. Вопреки различным канонам, направленным против множественности бенефиций, в Риме бесплатно предоставлялись разрешения, позволяющие отдельным лицам иметь два, три, четыре или более бенефиций, почти ко всем из которых была привязана забота о душах. В доказательство этого можно сослаться на случай Томаса Рассела, особого фаворита римского двора, который занимал каноническую должность в епархии Линкольна, пребендов Клонметана и Мечей в Дублине, архидьяконства Келлса, церкви Ноббера, постоянного викария собора Святого Петра в Дрохеде и церкви Святого Патрика в Тримере. [22]

Это экстравагантное применение патронажа и резервирования церковных должностей привело к результатам в Ирландии, аналогичным тем, которые оно привело в других странах. Это, как правило, убивало ученость и рвение среди духовенства, делало их небрежными к своему личному поведению, надлежащему соблюдению канонов и надлежащему выполнению своих обязанностей пасторов и учителей. Некоторые из них были откровенно аморальны, и многие из них не обладали достаточной образованностью, чтобы проповедовать или наставлять свою паству. Следует также помнить, что в те времена не существовало специальных семинарий для обучения духовенства. Кандидаты в священники получали любую подготовку, какую они получали, у какого-нибудь члена кафедрального капитула, или в школах нищенствующих монахов, или, возможно, у кого-нибудь из тех ученых священнослужителей, смерть которых особо отмечена в наших Летописях. Перед рукоположением они проходили обследование, но серьезность испытания зависела от многих внешних факторов. Некоторым наиболее выдающимся молодым людям щедрые покровители или доходы от церковных пособий помогли пройти более высокий курс обучения в области теологии и канонического права. Поскольку различные попытки основать университет в Ирландии в четырнадцатом и пятнадцатом веках [23] оказались неудачными, студенты, желавшие получить ученую степень, были вынуждены поступать в Оксфорд, из которого предпринимались различные попытки законодательно исключить "простых ирландцев", [24] в Кембридж, Париж или некоторые другие великие школы Континента. Если судить по большому количеству священнослужителей, которые упоминаются в папских документах как получившие ученую степень, значительная часть священнослужителей в пятнадцатом веке как внутри, так и за пределами Черты Оседлости, должно быть, получила образование за границей. Тем не менее, отсутствие надлежащей подготовки, в ходе которой можно было бы отсеять недостойных кандидатов, в сочетании с неудачной системой покровительства, распространенной тогда в Ирландии, помогло снизить общий тон церковной жизни и создать печальные условия, о которых имеется достаточное доказательство в разрешениях от нарушений, упомянутых в / Папских письмах /.

Как и следовало ожидать при таких обстоятельствах, соборы и церкви в некоторых районах демонстрировали признаки большого пренебрежения как со стороны духовенства, так и со стороны мирян-покровителей. Отчеты в Рим о состоянии соборов Ардага и Клонмакнуаза [25] указывают на печальное положение дел, но они, вероятно, были преувеличены в надежде добиться сокращения сборов, обычно выплачиваемых при назначении на епископскую должность, точно так же, как отчет, приведенный отцом-иезуитом Вольфом о соборе Туама [26], безусловно, был преувеличен архиепископом Бодкином с целью получения папского

признания его назначения в эту епархию. Граф Килдэр представлял церкви Типперэри и Килкенни в руинах из-за притязаний своего соперника, графа Ормонда, в то время как последний, решив по политическим причинам признать королевское превосходство, пытался свалить всю вину на папу римского. Оба утверждения можно расценить как преувеличенные. Но захват епархиальной собственности во время вакантности престолов королем или знатью, частые войны, во время которых церкви использовались как склады и места убежища и обороны, пренебрежение мирян-покровителей вносить свою долю в содержание церковных зданий и беспечность людей, назначенных на крупные и второстепенные должности, многие из которых были смещены в течение пятнадцатого века за отчуждение и ветхость церковной собственности, должно быть, оказали катастрофическое воздействие на соборы и церкви. приходские церкви во многих округах. И все же было бы ошибкой предполагать, что такое пренебрежение было повсеместным по всей стране. Вторая половина четырнадцатого века и особенно пятнадцатый век стали свидетелями великого архитектурного возрождения в Ирландии, в ходе которого чистая готика более раннего периода была преобразована в народный композитный стиль. Было построено много красивых церквей, особенно монастырских, другие были полностью реконструированы, и "в целом не было бы преувеличением сказать, что в Ирландии можно найти монастырь или приходскую церковь, в которых не представлены какие-либо работы, выполненные в этот период". [27]

Исчезновение канонических выборов, вмешательство покровителей-мирян, слишком частое использование папских оговорок и назначение настоятелей-рекомендателей привели к общему падению дисциплины в старых религиозных орденах, хотя нет никаких доказательств того, что злоупотребления были такими общими или серьезными, как их изображают. Даже в то время, когда действовали агенты Генриха VIII. они готовили почву для подавления монастырей, и когда любой человек, который выдвинул бы против них обвинения, мог рассчитывать на благосклонность короля, серьезные обвинения были выдвинуты лишь против нескольких членов менее чем в полудюжине палат. Даже если бы эти обвинения были обоснованы, а обстоятельства, при которых они были выдвинуты, достаточны для того, чтобы вызвать подозрения относительно их исторической ценности, было бы несправедливо возлагать на всю религиозную общину Ирландии ответственность за злоупотребления, которые предполагаются только против руководителей или членов небольшого числа домов, расположенных в Уотерфорде или Типперэри. Задолго до того, как вопрос о разлуке с законной женой побудил Генриха VIII. чтобы начать кампанию в Ирландии против Рима, нищенствующие монахи предприняли определенную программу реформ. В 1460 году епископ Киллалы совместно с монахом-францисканцем Нехемиясом О'Донохью решил ввести Строгое соблюдение во францисканских домах, [28] и с этого времени, несмотря на препятствия со многих сторон, Наблюдателям удалось завладеть многими старыми Монастырскими домами и основать несколько новых монастырей во всех частях Ирландии, но особенно в чисто ирландских районах. Доминиканцы тоже предприняли шаги к тому, чтобы обеспечить соблюдение первоначальных правил и конституций ордена. В 1484 году Ирландия была признана отдельной провинцией, хотя домам в пределах Черты оседлости было разрешено продолжать находиться под властью викария английской провинции, и в то же время была начата великая реформа ордена. Несколько домов сразу же подчинились как внутри, так и за пределами Черты Оседлости, одними из первых из них были Колрейн, Дрохеда, Корк и Югхал. Различные религиозные ордена людей проделали превосходную работу по проповедованию, наставлению людей, созданию школ как для получения образования священнослужителями, так и мирянами,

а также по удовлетворению нужд бедных и немощных. В отчете о состоянии Ирландии, представленном Генриху VIII. признается, что, хотя епископы, ректоры и викарии пренебрегали своим долгом, "бедные братья-попрошайки" проповедовали слово Божье. [29] То, что народ и знать, как ирландская, так и англо-ирландская, в полной мере оценили труды и услуги монахов, видно из количества новых домов, которые они основали для их приема в пятнадцатом веке. Монастыри Лонгфорда, Портумны, Тулска, Буришула, Томастауна и Гола были основаны для доминиканцев; Килконнелл, Аскитон, Эннискорт, Мойн, Адэр, Монаган, Донегол и Данганнон - для францисканцев; Данмор, Наас, Мурриск и Каллан - для августинцев, а Ратмаллен, Франкфурт, Касл-Лайонс и Голуэй - для кармелиток.

Злоупотребления, существовавшие в Ирландской церкви в этот период, возникли главным образом из-за порабощения Церкви, и их можно было бы исправить изнутри, даже если бы не произошло неконституционной революции. На самом деле те, кто называл себя реформаторами, преуспели лишь в том, что перенесли на свою собственную секту основные источники всех предыдущих злоупотреблений, а именно королевское вмешательство в церковные дела и покровительство мирян, и тем самым дали Католической церкви в Ирландии возможность беспрепятственно выполнять свою миссию без внешнего контроля. Следует иметь в виду, что ошибки определенных лиц или учреждений не доказывают, что вся организация была коррумпирована, и что если и были нерадивые и недостойные епископы, то были и достойные люди, такие как блаженный Фаддей Маккарти из Клойна, который, хотя и был изгнан из своей епархии агрессией знати, почитался как святой как в Ирландии, так и за рубежом. Большое количество провинциальных и епархиальных синодов, проведенных в Ирландии в период между 1450 и 1530 годами, ясно показывает, что епископы были более внимательны к своим обязанностям, чем обычно предполагается, в то время как рукописные собрания проповедей, использование комментариев к Священному Писанию и созвучий, внимание, уделяемое Священным Писаниям в дошедших до нас великих ирландских сборниках, и проповеди на ирландском об основных истинах религии, об основных обязанностях христиан и о жизнеописаниях ирландских святых, дают некоторые доказательства того, что духовенство не совсем пренебрегало Священными Писаниями. обязанности их офиса. Если бы духовенство было таким невежественным и аморальным, какими, несомненно, были некоторые из тех, кого насильно отправили в ирландские бенефиции, народ восстал бы против них. И все же, хотя кое-где возникали некоторые неприязненные чувства по поводу временных ограничений, завещаний, сборов, ренты, прав на рыбную ловлю, завещаний и т.д., нет никаких свидетельств какой-либо широко распространенной враждебности по отношению к духовенству, светскому или обычному, или по отношению к Риму. Щедрое гранты, предоставляемые религиозным учреждениям, пожертвования больницам для бедных и немощных, частые паломничества к знаменитым святыням в Ирландии и на Континенте, благотворительный и религиозный характер городских гильдий и, прежде всего, приверженность значительной части народа религии своих отцов, несмотря на серьезные попытки свратить их, достаточно убедительно доказывают, что предполагаемая деморализация Ирландской церкви лишена исторического основания.

Нельзя также сказать, что ирландский народ в тот период был совершенно грубым и некультурным. Хотя большинство их великих школ пришли в упадок, и хотя попытки основать университет потерпели неудачу, обучение, безусловно, не исчезло из страны. Священнослужители и миряне все еще могли получить образование в религиозных домах, кафедральных и коллегиальных церквях, в школах ирландского права и поэзии, а также у некоторых ученых учителей, чьи имена занесены в наши Летописи того периода. Многие

священнослужители, по крайней мере, часто посещали английские университеты или университеты на Континенте. В течение пятнадцатого и шестнадцатого веков можно указать на нескольких выдающихся ирландских ученых, таких как О'Фихели, архиепископ Туамский, который был признан одним из ведущих теологических писателей своего времени, Катал Магуайр, автор "Анналов Ольстера", епископ Уотерфордский Колби, автор нескольких комментариев к Священному Писанию, известный кармелитский проповедник и писатель Томас Скроуп, Патрик Каллен, епископ Клогерский, и его архидьякон Родерик О'Кэссиди, и Филип Норрис, решительный противник нищенствующих, а также доминиканцы Джон Барли, Джоаннес Хиберникус и Ричард Уинчелси. [30] Каталог книг, хранящихся в библиотеке францисканского монастыря в Югале примерно в конце пятнадцатого века, дает некоторое представление об отношении монашеских организаций в целом к образованию. В дополнение к молитвенникам, псалтири, антифониям и мартирологам, в монастыре в Югале было несколько экземпляров Библии с некоторыми основными комментариями к ней, сборники проповедей известных авторов, несколько работ ранних Отцов Церкви и главных богословов Средневековья, Декреты Грациана, Декреталии и различные работы по каноническому праву, духовные хрестоматии, в том числе "Жизнь Христа", а также работы по аскетическому богословию, труды Боэция и различные трактаты по философии, грамматике и другим наукам. музыка и некоторые истории ирландской провинции францисканцев. [31]

Точно так же библиотека графа Килдэра около 1534 года содержала более двадцати книг на ирландском, тридцать четыре произведения на латыни, двадцать два на английском и тридцать шесть на французском, [32] в то время как тот факт, что Манус О'Доннелл, принц Тирконнелл, смог найти время для составления Жития святого Колумбы в 1532 году, и что в еще более поздний период Шейн О'Нил мог вести переписку с иностранцами на изящной латыни, свидетельствует о том, что в этот период обучение не ограничивалось Чертой бедности. Опять же, следует помнить, что именно между тринадцатым и шестнадцатым веками были составлены великие ирландские сборники, такие как "Книга Лекана", "Книга Баллимота", "Лебхар Бреак", "Книга Лисмора" и т.д., И что примерно в то же время были составлены или завершены многие из наиболее важных ирландских анналов, а также переводы известных латинских, французских и английских произведений. [33] —————

[1] Хардиман, / Статут 40-го года Edw. III./, стр. 4.

[2] / Государственные документы, Генрих VIII./, том ii., стр. 1-31 (/ Государство Ирландия и план его реформирования /).

[3] Хардиман, указ. соч., стр. 46-54.

[4] Theiner, /Vetera Monumenta Hibernorum/, etc., pp. 16, 23.

[5] /Календарь Пар. Документы/, an. 1254.

[6] Хардиман, указ. соч., стр. 47-9.

[7] Де Бурго, / Hibernia Dominicana/, стр. 75.

[8] / Государственные документы Генриха VIII./, xiv., № 1021.

[9] Мейсон, / История и древности ... Собора Святого Патрика, Дублин/, 1820, с. xviii.

[10] / De Annatis Hiberniae/, том i., 1912; том ii. (приложение ii. /Архив Hib./ том ii.).

[11] Theiner, op. cit., 487-8.

[12] Уилкинс, / Concilia/, ii., an. 1172.

[13] Карриган, /История Оссори/, i, 45-57.

[14] Theiner, op. cit., 261.

[15] Theiner, op. cit., 371. De Burgo, /Hib. Dom./ 68.

[16] /Ирландская теология. Ежеквартально/, ii., 203-19.

[17] Кейпс, / История Английской церкви в четырнадцатом и пятнадцатом веках/, 1909, с. 222.

[18] Брэди, /Епископская преемственность/ (см. Упомянутые различные епархии).

[19] /Девятый доклад Комиссии по истории. Рукопись./, часть ii., 278.

[20] /Archiv. Гиберникум /, том i, 39-45.

[21] Id., приложение ii., 40.

[22] /Archiv. Hibernicum/, приложение ii., 6.

[23] Джоном де Лехом, архиепископом Дублина (1312); его преемником, Александром Бикнором; графом Десмондом в парламенте в Дрохеда (1465); доминиканцами, 1475; и Уолтером Фитцсимонс, архиепископ Дублина (1485-1511).

[24] Грин, /Создание Ирландии/ и др., стр. 271.

[25] /De Annatis Hiberniae/, i., 155-6.

[26] /Хиб. Ignatiana/, 13.

[27] Чампни, /Ирландская экклезиология. Архитектура/, 1910, стр. 172.

[28] Тейнер, указ. соч., стр. 425, 436. / Анналы Ф. М./, 1460.

[29] /Государственные документы Генриха VIII./, ii., 15.

[30] /Хиб. Дом./, с. 540.

[31] Мэлоун, указ. соч., ii., 206 кв.

[32] О'Грейди, / Каталог ирландских рукописей в Британском музее/, стр. 154.

[33] Грин, указ. соч., стр. 261 кв.

ГЛАВА VIII

ЦЕРКОВЬ В ИРЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VIII. И ЭДУАРДА VI. (1509-1553)

См. библиографию, глава vii. / *Анналы Ф.М.* / (ред. О'Донован), 7 томов., 1851. / *Анналы озера Лох-Ке* / (ред. Хеннеси), 2 тома., 1871. *Theiner, /Monumenta Scotorum/, etc. (/ut supra/).* Моран, / *Spicilegium Ossoriense* /, 3 тома., 1874-85. Публикации Католического общества записи Ирландии, /*Archivium Hibernicum*/, 3 тома., 1912-14. / *De Annatis Hiberniae*/, том i. (Ольстер), 1912. /*Государственные документы*/, 11 томов., 1832-51 (тома ii., iii., /Переписка между правительствами Англии и Ирландии/, 1515-46). Брюер и Гэрднер, /*Календарь писем и бумаг ... царствование Генриха VIII.* /, 13 томов., 1862-92. /*Государственный календарь Документы, Ирландия* /, том i. (1509-1573). / *Календарь государственных документов* / (Кэрю), 1 том, 1515-1574. Моррин, / *Календарь патентных списков* / (Ирландия), 1 том, 1861 (Хен. VIII., Изд. VI., Мэри, Элизабет). Ширли, / *Оригинальные письма и документы, иллюстрирующие историю Ирландской церкви в период правления Эдварда VI, Марии и Елизаветы* /, 1851. / *Хроники Англии, Шотландии и Ирландии Холинсхеда* /, 6 томов., 1807 (/ *Chronicle of Ireland*/, автор Холинсхед; Стэнигерст, 1509-47; Джон Хукер, 1547-86). Д'Алтон, / *История Ирландии*/, том i, 1903. Бэгвелл, / *Ирландия при Тюдорах* /, 3 тома., 1885-90. Bonn, /*Die Englische Kolonisation in Irland*/, 2 Bd., 1896. Беллесхайм, указ. соч. Бренан, / *Церковная история Ирландии* /, 1864. Мант, / *История Ирландской церкви* /, 2 тома., 1840. Киллен, / *Церковная История Ирландии* /, 2 тома., 1875. Кокс, /*Hibernia Anglicana*/ и др., 1689. / *Hibernia Pacata* / (ред. О'Грейди, 2 тома, 1896). Уэра / *Сочинения* / (ред. Харрис, 1764). /*Harleian Miscellany* /, 10 т., 1808- 13. Моран, / *История католических архиепископов Дублина со времен Реформации* /, 1 т., 1864. Ренехан-Маккарти, / *Сборники по истории ирландской церкви* /, том i. (Архиепископы), 1861. Брейди, / *Епископский успех в Англии, Шотландии, Ирландии* /, 3 тома., 1876.

Когда Генрих VIII. взошел на английский престол, хотя он и называл себя лордом Ирландии, он не мог претендовать на большую власть в стране. Пренебрежение его предшественников, ссоры между английскими колонистами, особенно между Джеральдинами и Батлерами, и стремление обеих сторон вступить в союз с ирландскими принцами помешали постоянному завоеванию страны. За пределами очень ограниченной территории Бледной Англии шерифы или судьи не осмеливались, казалось, вершить английские законы; короне не платилось никаких налогов; не могли быть собраны рекруты в войска, и колонисты могли надеяться на относительный мир, только выплачивая ежегодную дань самым могущественным из своих ирландских соседей. Баронство Лекаль в Дауне платило 40 фунтов стерлингов в год О'Нилу из Clandeboy, Лаут платил аналогичную сумму О'Нилу из Тайрона, Мит платил 300 фунтов стерлингов в год О'Коннору из Оффали, Килдэр - 20 фунтов стерлингов О'Коннору, Уэксфорд - 40 фунтов стерлингов Макмерроу, Килкенни и Типперери - 40 фунтов стерлингов О'Кэрроллу из Эли, Лимерик-сити и округ - 80 фунтов стерлингов О'Брайенам, Корк - 40 фунтов стерлингов Маккарти, и так далее. если бы правительство пало, оно согласилось бы ежегодно выплачивать Макмерроу восемьдесят марок из королевской казны. [1]

В первые годы своего правления Генрих VIII. был настолько глубоко заинтересован в своих планах подчинения Франции и в континентальных делах в целом, что мог уделять мало внимания своим владениям в Ирландии. Иногда графа Килдэра заменяли назначением графа Суррея (1520) и сэра Пирса Батлера, претендента на графство Ормонд (1521), и сэра Уильяма Skeffingtona (1529), но, как правило, Килдэру, будь то в качестве депутата или как частному

гражданину, удавалось диктовать политику правительства. Благодаря своим матримониальным союзам с ирландскими вождями, О'Ниллами, Маккарти, О'Кэрроллом из Эли и О'Коннором из Оффали, своим сделкам со многими другими ирландскими и англо-ирландскими дворянами и своей хорошо известной доблести на поле боя, он преуспел в том, чтобы стать гораздо более могущественным в Ирландии, чем английский суверен. Но сам его успех поднял против него множество врагов, возглавляемых его старым соперником графом Ормондом и поддерживаемых большим количеством духовных лиц, включая Аллена, архиепископа Дублина, и светской знати. Различные обвинения против него были направлены в Англию, и в 1534 году он был вызван в Лондон, чтобы ответить за свое поведение. Перед тем как отправиться в свое последнее путешествие в Лондон, он назначил своего сына, лорда Томаса Фитцджеральда (Силкен Томас), в то время двадцатидвухлетнего юношу, возглавить правительство. Последний не обладал ни мудростью, ни опытом своего отца. Слухи о казни его отца, распространяемые врагами Джеральдинов, достигли его ушей, несмотря на искренние мольбы архиепископа Арма Кромера, он сложил государственный меч и призвал своих вассалов отомстить за смерть графа Килдэра (1534).

Восстание Томаса Силкена вынудило Генриха VIII. предпринять решительную кампанию по завоеванию Ирландии. Его надежды завоевать славу и территорию во Франции давно исчезли. Он был близок к полному разрыву с Римом, и были некоторые основания опасаться, что Карл V может высадиться на английском побережье с помощью короля Франции или без нее. Если бы вторжение с Континента было предпринято до завершения завоевания Ирландии, это могло бы привести к полному отделению этого королевства от Англии и его передаче какой-нибудь иностранной державе. Было хорошо известно, что некоторые ирландские принцы поддерживали тесную переписку с Францией и Шотландией, что Силкен Томас надеялся на помощь императора и что, как только Англия окончательно отделится от Святого Престола, многих ирландских и англо-ирландских дворян можно будет побудить выступить заодно с папой против короля-еретика. До сих пор единственным законным титулом короля на господство в Ирландии был предполагаемый грант Адриана IV., и поскольку такой грант обязательно должен был истечь из-за ереси и раскола, необходимо искать новый титул при полном завоевании страны. Обстоятельства были особенно благоприятными для проведения такой работы. Королевская казна была хорошо обеспечена; Англии в настоящее время нечего было опасаться Франциска I или Карла V. Поскольку энергия обоих требовалась для ужасной борьбы между Францией и Империей; на друзей Ормонда и врагов Килдэра, как ирландцев, так и англо-ирландцев, можно было положиться в оказании помощи, и даже ирландских принцев, дружественных Килдэру, можно было умиловить честными обещаниями вознаграждения. Опираясь на все эти соображения, Генрих VIII решил подчинить Ирландию и в то же время положить конец ее религиозной и политической зависимости от Святого Престола.

Уильям Skeffington был повторно назначен заместителем и отправлен для подавления восстания вместе с сэром Пирсом Батлером, который, принимая во внимание передачу ему территорий бывших графов Ормонд, согласился сопротивляться узурпированной юрисдикции папы Римского, особенно в том, что касается назначений бенефициев [2] (1534). Кампания началась в начале 1535 года, но поскольку новый заместитель был физически не в состоянии командовать большой военной экспедицией, лорду Леонарду Грею, шурина графа Килдэра, вскоре было поручено ведение войны. Хотя вначале Силкен Томас добился успеха, известие о том, что слухи о казни графа не соответствуют действительности, убийство архиепископа Дублинского кем-то из последователей Джеральдинов и отлучение от церкви, влекущее за собой

такое деяние, обескуражили его армию и заставили многих из тех, на кого он полагался, покинуть его. Наконец, в августе 1535 года он сдался лорду Грею, который, кажется, пообещал ему сохранить свою жизнь, но Генрих VIII. был не тем человеком, который позволил бы каким-либо обязательствам чести вмешиваться в его политику. После нескольких месяцев содержания в тесном заключении в Тауэре он и его пятеро дядей были повешены, нарисованы и четвертованы в Тайберне (1537). Единственным сожалением короля было то, что молодому наследнику графства Килдэр позволили сбежать, а неспособность поймать сына его собственной сестры стала одним из самых тяжких обвинений, выдвинутых впоследствии против лорда Леонарда Грея. Как бы то ни было, восстание было подавлено; О'Мор из Лейкса, О'Кэрролл из Эли, О'Коннор из Оффали и другие ирландские приверженцы джеральдинов были приведены к покорности, и, таким образом, завоевательная работа была успешно начата.

В 1536 году, в награду за оказанные им услуги и в надежде, что он доведет работу по подчинению до успешного завершения, Леонард Грей был назначен заместителем. Генрих VIII. окончательно отделился от католической церкви и побудил большое количество английских епископов, духовных лиц и дворян отказаться от юрисдикции папы в пользу королевского превосходства. В Англии он во многом был обязан своим успехом присутствию Кранмера в Кентерберийской митрополии и мастерству, с которым его умные советники манипулировали парламентом, чтобы обеспечить его соответствие королевским желаниям. Следовательно, когда он решил отделить Ирландию от ее верности Риму, он решил использовать архиепископа Дублинского и ирландский парламент. К счастью для него, Дублин в то время был пуст из-за убийства архиепископа Алена во время восстания Джеральдин (1534). После тщательного рассмотрения он решил даровать архиепископство Джорджу Брауну, монаху-августинцу, который заслужил королевскую милость, так решительно выступая против брака Генриха с Екатериной Арагонской, что большая часть прихожан дружно встала и покинула церковь. По словам имперского посла, именно Браун руководил тайным бракосочетанием короля с Анной Болейн, и именно по этой причине он был назначен провинциалом английских августинцев и присоединился к комиссии с доктором Хилси, провинциалом доминиканцев, для посещения религиозных домов в Англии. [3] Новый архиепископ получил свое поручение от короля без обращения к папе римскому и свою хиротонию от Кранмера (1536). Браун был во всех отношениях достойным представителем нового духовного диктатора и "нового учения". Его назначение в Дублин было осуждено жителями Линкольна, потому что он отказался от христианской веры. Едва он прибыл в Дублин, как оказался в ссоре с лордом Греем, который относился к нему с нарочитым презрением и принял самые жестокие меры, чтобы охладить его религиозный пыл. Его царственный духовный глава осудил его за высокомерие и неэффективность и предупредил, чтобы он был осторожен, иначе тот, кто сделал его епископом, может лишиться его звания. Его товарищи по работе и партнеры по распространению Евангелия, Стейплс Оф Мит и Бейл из Оссори, осудили его как еретика, алчного лицемера, пьяницу и распутника, который произнес всего две проповеди, с которыми люди были настолько знакомы, что знали, чего ожидать, как только он огласил свой текст. [4]

Перед прибытием Брауна в Ирландию депутат парламента и граф Ормонд предприняли осторожные шаги для обеспечения того, чтобы "рыцарями графства" избирались только заслуживающие доверия люди, в то время как юристы как в Англии, так и в Ирландии усердно работали над разработкой законов, которые, как ожидалось, ратифицирует парламент. Ассамблея, открывшаяся в понедельник, 1 мая, в Дублине, была перенесена (31 мая) в Килкенни, затем в Кэшел (28 июля), затем в Лимерик (2 августа), откуда она снова вернулась в

Дублин. Следующая сессия открылась в сентябре (1536), и после нескольких коротких заседаний и длительных перерывов она была окончательно отложена в декабре 1537 года. Насколько можно судить, в этом парламенте не было представителей, за исключением Оседлости и территорий, находящихся под влиянием графа Ормонда и его приверженцев. Это ни в коем случае не было ирландским парламентом, поскольку ни один ирландец-непрофессионал не принимал в нем участия, и его нельзя было точно описать даже как парламент Лейнстера. Обычно предполагается, что вместе с Актом о лишении прав партии Килдэра все законы, уже принятые в Англии, включая Закон о престолонаследии и королевском превосходстве, акты, направленные против власти римского епископа, против апелляций к Риму и передачи королю Первых плодов и т.д., всегда принимались немедленно и с очень небольшим противодействием, за исключением решительного протеста, поданного архиепископом Арма Кромером. Но изучение переписки, которая велась между властями Дублина и Лондона, показывает совсем иную историю.

Это правда, что 17 мая Брабазон проинформировал Кромвеля о том, что Акт о присоединении Килдэра, Акты о престолонаследии, о королевском верховенстве и о первых плодах уже были одобрены Палатой общин, и что 1 июня депутат написал, что все они, включая Закон против апелляций в Рим, были одобрены парламентом, и что в том же месяце Кромвель выразил благодарность некоторым ирландским чиновникам за то, что они заручились согласием парламента на все эти меры. Но, несмотря на эти заверения в победе, полученные еще до того, как парламент проработал месяц, в программе, должно быть, произошла какая-то очень серьезная заминка. В октябре 1536 года Роберт Коули написал Кромвелю с жалобой на то, что определенные акты были отклонены из-за действий некоторых "главарей или вожаков", которые решили отправить депутацию в Англию, чтобы жестко выступить против них, что Патрик Барнуолл, королевский сержант, был на стороне недовольных и что он заявил в Палате общин, что "он не допустит, чтобы король обладал такой же духовной властью, как епископ Рима, или что он мог распускать религиозные дома". Поскольку ничего нельзя было поделать, заседание было отложено до февраля (1537 г.), когда депутат объявил, что из-за замешательства, вызванного в Палате общин сообщением о возвращении Силкена Томаса, и из-за смелости духовенства из-за религиозного восстания, произошедшего в Англии, никакие меры не могут быть приняты, и необходим дальнейший перерыв. Когда парламент собрался снова, дела у короля все еще шли плохо. Депутат сообщил Кромвелю, что духовенство по-прежнему упрямо; что духовные пары отказались обсуждать какой-либо законопроект, пока они не получат удовлетворительных гарантий того, что духовным попечителям или представителям духовенства следует разрешить голосовать, и что, поскольку парламент отказался принять законопроект, вводящий налог в размере одной двадцатой их годовых доходов с владельцев пособий, он был вынужден отложить заседание до июля. Он предупредил Кромвеля, что, поскольку прокторы и епископы объединились, мало что может быть принято, пока прокторы не будут лишены своих голосов, и он предложил, чтобы в качестве средства преодоления сопротивления духовенства король прислал специального уполномоченного, который присутствовал бы на открытии следующей сессии.

Действуя по этому предложению, королевская комиссия, состоящая из Энтони Сент-Леджера, Джорджа Пуле, Томаса Мойла и Уильяма Бернерса, была направлена в Ирландию (июль 1537 г.) для принятия парламентом следующих актов, а именно актов, лишаящих духовных наставников права голоса и направленных против власти римского епископа, а также актов, устанавливающих для короля налог в размере одной двадцатой части на пособия,

предписывающих использование английского языка и одежды и запрещающих союзы с "дикими ирландцами". В то же время Генри написал депутату и совету, предупреждая их подчиняться инструкциям комиссаров, а также в Палату лордов, приказывая им ратифицировать законопроекты, которые будут представлены, и говоря им, что если кто-либо из членов не пожелает этого сделать, "мы будем смотреть на него нашими королевскими глазами, поскольку его неблагодарность в этом отношении не принесет ему утешения". Когда парламент снова собрался в октябре, духовные наставники были лишены своих голосов, и только тогда Закон против римского епископа мог быть приведен в исполнение. Угрозы королевской мести, по-видимому, произвели такой же эффект на дублинскую ассамблею, как и на английский парламент. Вероятно, как это произошло в Англии, те, кто не мог согласиться с этими мерами, довольствовались тем, что отсутствовали во время обсуждений. [5] Таким образом, истина заключается в том, что архиепископа Кромера поддерживали в его позиции епископы и представители духовенства, и что действия, направленные против юрисдикции папы Римского, были совершены вопреки воле духовенства.

Но включение актов в свод законов не означало, что дело короля восторжествовало. Необходимо предпринять шаги для обеспечения соблюдения законов, противоречащих юрисдикции папы римского. Уже в октябре 1537 года королевские уполномоченные, которые были посланы королем, чтобы внушить страх парламенту, предприняли судебную поездку по юго-восточной части Ирландии, чтобы разобраться в жалобах народа, и особенно для получения оснований для подачи жалоб на духовенство, с тем чтобы позволить правительству преодолеть сопротивление их представителей в парламенте. Во время своего путешествия они провели сеансы в Килкенни, Уотерфорде, Уэксфорде, Нью-Россе, Клонмеле и Типперэри. В сложившихся обстоятельствах нетрудно понять, насколько легко им было найти людей, готовых выступить с обвинениями как против лордов-мирян, так и против духовенства, тем более что комиссары в некоторых случаях, по крайней мере, предлагали пункты жалобы. В Уэксфорде, например, преступление, вменяемое декану Фернского университета и трем другим священникам в том, что они "преследовали" римских быков, имеет очень подозрительный оттенок. Против многих отдельных священнослужителей, включая архиепископа Кэшельского и епископа Уотерфордского, настоятелей и глав нескольких религиозных домов, а также некоторых ректоров и викариев, утверждалось, что они взимали различные поборы, подобно мирянам, что они требовали чрезмерных сборов за свое служение и что они заявляли претензии на рыбацкие плотины и т.д., на которые они не имели права. Если иметь в виду, что епископы, настоятели и главы религиозных домов также были землевладельцами, как и миряне, против которых выдвигались обвинения в почти аналогичных поборах, то изложение жалоб, по крайней мере в этом отношении, было не очень убедительным. По той же причине тот факт, что архиепископ Кэшельский, как говорили, был на лодке, которая ограбила лодку из Клонмела, и что он вызвал беспорядки в последнем городе, что епископ Уотерфордский и Лисморский брали взятки, или что Перселл, епископ Фернский, присоединился к О'Каване в нападении на Фетхарда, не должен вызывать никакого удивления. Серьезные обвинения в безнравственности были выдвинуты только против Джеймса Батлера, цистерцианского настоятеля Инислонага и его монахов, монахов-августинцев Атасселя, кармелитских настоятелей Леди Эбби близ Клонмела и Ноктофера и аббата Дуйска. Даже если бы эти обвинения были правдой, а доказательства ни в коем случае не были убедительными, они служат лишь для того, чтобы подчеркнуть падение дисциплины, вызванное в отдельных религиозных домах вмешательством

в канонические выборы и частым вмешательством со стороны семьи недостойных людей в качестве настоятелей или настоятелей-похвальбухов. [6]

Генрих VIII. стремился завершить завоевание Ирландии еще до того, как порвал с папой, но после отделения Англии от Рима он более ясно осознал опасности, которые могут возникнуть, если ирландские и англо-ирландские принцы не будут приведены к покорности. При существующем положении дел Ирландия вместо того, чтобы вносить какой-либо вклад, была постоянным источником убытков для королевской казны, и, если бы кто-нибудь из его континентальных соперников предпринял попытку вторжения, Ирландия могла бы стать серьезной угрозой независимости Англии. Полное подавление восстания Джеральдин (1535) подготовило почву для более широкого наступления, но неспособность депутата захватить молодого наследника графства Килдэр была столь же неприятна лично королю, сколь и опасна для его планов. Мальчик был тайно увезен его наставником, священником по имени Леверос, который впоследствии был переведен в Килдэрскую епархию и для безопасности был доставлен на территорию О'Брайена из Томонда. Когда Томонду угрожало быстрое продвижение депутата, молодого графа Килдэра передали его тете, леди Элеоноре Маккарти из Корка, которая, выйдя замуж за Мануса О'Доннелла, принца Тирконнелла, привезла мальчика с собой в Донегол (1538).

О'Коннор из Оффали и О'Кэрролл были вынуждены просить мира (1535). В следующем году лорд Грей совершил турне по юго-восточным районам Ленстера, проследовал через Типперэри и направил свой марш против укреплений О'Брайена из Томонда. Отчасти благодаря его собственному мастерству и смелости, отчасти также благодаря предательству одного из О'Брайенов, ему удалось захватить несколько главных крепостей, включая мост О'Брайена. Если бы не мятеж, вспыхнувший среди его солдат, лорду Грею, возможно, удалось бы вынудить О'Брайена пойти на условия, но, как бы то ни было, он был вынужден воздержаться от дальнейших атак и поспешно отступить в Дублин. Вскоре О'Брайен вернул утраченные позиции; О'Коннор из Оффали снова вышел на поле боя, и несчастный депутат, преследуемый своими врагами в тайном совете и обвиняемый королем в том, что ему не удалось завладеть "надеждой Джеральдинов", оказался в величайшем затруднении. Но он был человеком с замечательными военными ресурсами и, хорошо понимая, что неудача должна означать его отзыв и, возможно, казнь, он решил приложить все свои силы для еще одного грандиозного усилия. Пока ирландцы в округах Ленстера были активны, ему было мало смысла предпринимать опасные экспедиции в более отдаленные районы, и по этой причине он обратил свое внимание на О'Коннора из Оффали. Не прошло и нескольких месяцев, как он вынудил Макмерроу, Каванагов, О'Муров, О'Кэрроллов, Макгиллапатриков из Оссори и О'Конноров смиренно просить мира.

Но еще предстояло преодолеть много трудностей, прежде чем он сможет похвастаться окончательной победой. Кон О'Нил, Манус О'Доннелл и многие из их приверженцев все еще представляли угрозу; на Десмонда, О'Брайена из Томонда и дворян Мюнстера, как правило, нельзя было положиться; в то время как ирландцы и англо-ирландцы из Коннахта оказывали лишь скудное уважение королю или его заместителю. Ходили также слухи, что Север и Юг вот-вот объединятся в защиту наследника Джеральдинов, что тайные сношения ведутся с Шотландией, Францией и Империей и что папа полностью сочувствует этому движению. [7] Окруженный недовольными подчиненными, которые почти еженедельно отправляли жалобы в Англию в надежде навлечь на себя немилость, лорд Грей был полон решимости быстро продвигаться вперед, даже несмотря на то, что кампания могла оказаться рискованной. В 1538

году он двинулся на юг и запад, пройдя мимо Лимерика через территории О'Брайена и Клэнрикарда в Голуэй, везде получив подчинение принцев, за исключением О'Брайена и графа Десмонда. В следующем году (1539) он обратил свое внимание на Север, но О'Нил и О'Доннелл, уладив свои разногласия и укрепив себя взаимопониманием с графом Десмондом и приверженцами джеральдинов, двинулись на юг в надежде взяться за руки со своими союзниками. Узнав, находясь в окрестностях Тары, что депутат выступил против них, они отступили к границам Монагана, где были настигнуты и разгромлены в Беллаху близ Каррикмакрасса (1539). Их поражение, похоже, подорвало дух ирландских принцев. Один за другим они начали просить об условиях, так что, прежде чем лорд Грей был отозван в 1540 году, он имел удовлетворение от осознания того, что восстановил английскую власть в стране. Вместо того, чтобы вознаградить своего заместителя за все, что он сделал, Генрих VIII, поверив распространяемым архиепископом Брауном и другими историям о том, что лорд Грей потворствовал побегу молодого Килдэра и поддерживал дело Рима, заключил его в Тауэр, а позже передал палачу (1541).

Тем временем, как обстоят дела с новым архиепископом, которого послали просвещать ирландскую нацию? В июле 1537 года Генрих счел необходимым упрекнуть своего духовного представителя за легкомыслие, тщеславие и небрежность в проповеди чистого слова Божьего и предупредить его, что, если он не проявит себя более активным как в религиозных вопросах, так и в продвижении дела короля, он будет вынужден поставить на его место более честного человека. [8] Архиепископ издал форму молитвы на английском языке для чтения во всех церквях, восхваляя королевское превосходство и осуждая Папу Римского, но это не произвело никакого эффекта. Однажды, когда архиепископ присутствовал на Торжественной мессе в соборе Святого Андрея, настоятель взошел на кафедру, чтобы прочитать молитву, но тут же один из каноников подал сигнал хору продолжать, и архиепископское послание было утеряно для прихожан. В январе 1538 года он признал, что хотя влияние короля должна быть максимально в пределах города и провинции Дублин, но, несмотря на его мягкий призыв, его евангельские наставления, его настоянию на клятвы послушания, и его угрозы резкой коррекции, он не мог вызвать ни один, чтобы проповедовать Слово Божье или просто титул царя; что мужчины, которые проповедовал ранее, пока христиане устали от них, не откроет их губы исключением секрет, когда они дали полную волю своим мнением и тем самым уничтожил плоды труда своего архиепископа; что наблюдательные монахи были самые страшные преступники всего, отказывается принимать присягу и показывая открытое презрение к его власти; он мог не убедить духовенство, чтобы стереть имя Папы от канона мессы и был вынужден послать своих собственных слуг, чтобы проводить эту работу; что папские индульгенции были опубликованы в Ирландии, многие из которых поспешили воспользоваться при соответствии условиям, предусмотренным, в частности, соблюдение поста по средам, пятницам и субботам и, получив Святое Причастие, и чтобы все епископы "короля", кроме него самого были отбиты, чтобы освободить место для этих назначен Рим. [9] Хотя дублинский капитул был тщательно собран, чтобы подготовить почву для избрания Брауна, архиепископ был вынужден пожаловаться, что один из пребендариюв, Джеймс Хамфри, оказал ему сопротивление в лицо, а среди сотрудников собора, которых было двадцать восемь, едва ли нашелся хоть один, "который благоволил слову Божьему". [10]

В письме, отправленном Кромвелю (1538) Агард сообщил ему, что власть римского епископа все еще сильна, что Набожные монахи смело поддерживают ее, что никто не осмеливается сказать что-либо против них, поскольку почти все облеченные властью лица поддерживают

папу, за исключением Брауна, Алена, заведующего реестрами, Брабазона, заместителя казначея, и еще одного или двух человек, не имеющих значения, и что мирским юристам, которые получают королевские гонорары, доверять нельзя. [11] Повсюду по всей стране была одна и та же история. Те, кто должен был подавать пример другим, обращались к монахам за исповедью и были воодушевлены в своей смелости; Нэнгл, который был допущен королем на престол Клонферта, был изгнан Роландом де Бурго, папским епископом, и не осмеливался показываться в своей епархии; никогда еще в стране не было такого количества "бегущих за Римом", четыре или пять епископов вместе с несколькими приорами и аббатами были недавно назначены папой, в то время как монах и епископ, вероятно, Рори О'Доннелл из Дерри, которые были изгнаны из церкви. были арестованы, предстали перед судом и оправданы в Тримере [12], потому что люди, стоявшие у власти, были лицемерами и поклонниками идолов. [13]

Таким образом, с 1536 по 1538 год новое Евангелие в Ирландии добилось небольшого прогресса. Если бы люди, которым было поручено его распространение, были единодушны, они могли бы использовать королевскую власть с некоторым эффектом, но заместитель, архиепископ Дублина и епископ Мита почти постоянно вцеплялись друг другу в глотки. Депутат относился к архиепископу с наигранным презрением, отзывался о нем как о "постриженном монахе" и препятствовал его планам. По словам Брауна и его друзей Алена и Брабазона, депутат подружился с папистами и монахами, преклонил колени в молитве перед святыней Богородицы Трим и поддержал епископа, назначенного Римом, против епископа, назначенного королем. Эдвард Стейплс, бывший протекже кардинала Уолси, который рекомендовал его Риму, был назначен папой в Мит в 1530 году, но, будучи убежденным противником Джеральдинов, он был вынужден бежать в свою страну в 1534 году. Там он принял сторону короля против Климента VII, а по возвращении в Ирландию, после того как он получил резкое предостережение от короля, он взялся проповедовать в пользу королевского превосходства. Но его взгляды не совпадали с взглядами архиепископа Дублинского. Последнему пришлось пожаловаться, что Стейплс назвал его "еретиком и попрошайкой с другими неистовыми оскорблениями", и что, не удовлетворившись этим, он проповедовал в церкви в Килмейнхеме, где "посылки и помилования" использовались так же свободно, как и прежде, и атаковал архиепископа прямо у него на глазах с "таким остервенением, что, я думаю, трехгубый Цербер ада не смог бы произнести это более злобно". Он приукрашивал каждое предложение (из проповедей архиепископа) в такой оскорбительной манере, что каждое честное ухо трепетало, услышав это, и "он увещевал их всех, да, и, насколько это было в его силах, он заклинал их не верить (своему духовному наставнику), что бы он ни говорил, ибо перед Богом он этого не сделает". [14] Епископ Мита ответил, что архиепископ напустил на себя такой вид, что каждый честный человек устал от него, и что он (епископ) пришел к выводу, что "гордость и высокомерие погубили его". лишил его правильного воспоминания о самом себе". В ответ на скрытый намек Брауна на то, что Стейплс попустительствует власти папы римского, последний обвинил архиепископа, которого он назвал своим чистилищем, в отвращении к Мессе и помолился о проведении расследования. [15] Была предпринята попытка уладить ссору, но архиепископ был далек от того, чтобы быть довольным тем, что его авторитет не был поддержан. [16]

Ибо до сих пор Реформация практически не продвинулась вперед в Ирландии, и, по-видимому, епископы, духовенство и простой народ все еще были сильны на стороне Рима. Но во время успешной военной экспедиции, предпринятой лордом Греем в центр, юг и запад Ирландии в 1538 году, он утверждал, что добился большого успеха. В марте 1538 года О'Коннор Оффали подал прошение, пообещав в то же время не признавать юрисдикцию римского понтифика и не

позволять другим признавать это. [17] Граф Ормонд и семья Батлеров в целом были привержены делу короля из-за их оппозиции Джеральдинам. О'Кэрролл из Эли согласился принять предложение короля о мире, но нет никаких доказательств того, что он соглашался с религиозной программой короля. В Лимерике, согласно рассказу самого депутата, мэр и корпорация принесли присягу королевского превосходства и отказались от власти папы римского, как и епископ, который, кроме того, пообещал побудить свое духовенство последовать этому примеру. Точно так же в Голуэе, заверил он короля, он поклялся мэру, корпорации и епископу сопротивляться узурпированной юрисдикции римского епископа. [18] Но что касается достоверности этого отчета, следует помнить, что ему в очень важных деталях противоречит другой официальный отчет о разбирательстве, написанный очевидцами, что действия депутата в этом случае были принижены и принижены тайным советом, что Браун обвинил Грея в смещении, когда он находился в окрестностях Лимерика, епископа, назначенного королем, чтобы освободить место для францисканского монаха, предоставленного папой римским, [19] и в поддержке мэра Лимерика, который был ярким приверженцем католицизма. Джеральдины, что, согласно тому же источнику, пока Грей был в Голуэе, он по-королевски принимал епископа, вероятно, Роланда де Бурго, "который изгнал представителя короля из епископства Клонферт", и что, наконец, по мнению Роберта Коули, экспедиция Грея имела целью не столько расширение территории короля, сколько формирование Лиги джеральдинов среди ирландцев и англо-ирландцев Юга и Запада для поддержки О'Нила и О'Доннелла. [20]

Важно иметь в виду, что высшие английские чиновники в Ирландии в этот период были разделены на две фракции: одна поддерживала депутата, а другая пыталась добиться его падения, обвинив его в чрезмерном дружелюбии по отношению к папистам и джеральдинам. Лидерами последней секции и, согласно заслуживающему доверия свидетелю, единственными людьми во власти, которые поддерживали кампанию против папы римского, были Браун, Ален, распорядитель списков, Брабазон, заместитель казначея, и один или двое других, среди которых можно было бы назвать Эйлмера, верховного судью. [21] Они были раздражены сообщениями об успехе лорда Грея в 1538 году, и как бы они ни пытались принизить это, они чувствовали, что, если они не смогут совершить что-то выдающееся для дела короля, триумф депутата будет обеспечен. В начале декабря 1538 года было получено сообщение, содержащее "рекламу распространения Слова Божьего, отмены узурпированной власти римского епископа и искоренения идолопоклонства". [22] Члены совета, враждебно настроенные к лорду Грею, сразу же увидели возможность одержать знаменательную победу. Если они не могли проникнуть на Север или Запад, они решили совершить экскурсию в "четыре графства над Курганом", чтобы утвердить верховенство короля, "но также взимать первые плоды и двадцатую часть с других королевских доходов". Покинув Дублин в конце декабря, они направились сначала в Карлоу, где их принимал лорд Джеймс Батлер, а оттуда в Килкенни, где их приветствовал граф Ормонд. В День Нового года архиепископ выступил с проповедью перед большой аудиторией, изложив королевские (или, скорее, Кромвелевские) предписания (1536 г.), несколько копий которых были предоставлены епископам и высокопоставленным лицам епархии для использования духовенством. Нечто подобное было сделано в Росссе, Уэксфорде и Уотерфорде, за исключением того, что в последнем месте они повесили монаха в его рясе и приказали оставить его труп на виселице "как зеркало для всех остальных его братьев, чтобы они жили по-настоящему". Затем они посетили Клонмел, в котором, по их собственному рассказу, добились своего наибольшего успеха. "В Клонмелле с нами были два архиепископа и

восемь епископов, в присутствии которых милорд Дублинский проповедовал о продвижении верховенства короля и низложении римского епископа. И когда его проповедь закончилась, все упомянутые епископы при всей открытой аудитории принесли клятву, упомянутую в Актах парламента, касающихся престолонаследия и верховенства короля, передо мной, королевским канцлером; и многие другие присутствующие сделали то же самое ". [23]

Хотя, как будет видно, у этого отчета, вероятно, были какие-то основания, в нем есть много такого, что, по-видимому, указывает на то, что его авторы были виновны в грубом преувеличении. Прежде всего, следует отметить, что, хотя документ озаглавлен "Совет Ирландии - Кромвелю", он подписан только Брауном, Аленом, Брабазоном и Эйлмером, заклятыми врагами депутата и теми самыми людьми, которые осудили его за преувеличение своего успеха в предыдущем году. Во-вторых, в нем говорится только в общих чертах, не приводя никаких подробностей об именах архиепископов или епископов, которые, как утверждается, присутствовали, хотя такие детали имели бы первостепенное значение. В-третьих, как видно из переписки того периода, Браун не привык скрывать свои заслуги, и все же в личном письме, написанном Кромвелю неделю спустя, он просто заявляет, что в течение месяца, проведенного им в Мюнстере, "он не только проповедовал и излагал слово Божье, но и моего господина, Королевское высочество в высшей степени благу цель". [24] Наконец, не следует забывать, что, хотя Браун и его друзья утверждают, что были удостоены чести присутствовать епископами со всей провинции Мюнстер, однако в то время граф Браун и его друзья были удостоены присутствия епископов со всей провинции Мюнстер. Десмонд и его приверженцы, О'Брайен из Томонда, Маккарти и почти вся ирландская и англо-ирландская знать провинции, за исключением фракции Ормонда, которая контролировала лишь часть юго-восточного Мюнстера, все еще были лояльны Риму. Таким образом, целью отчета, по-видимому, было уничтожить влияние депутата и эффект его победы, показав, чего добились и могли бы добиться его противники, если бы только их руки не были связаны действиями вышестоящего лица, состоявшего в союзе с папистами и врагами короны. Любому, кто знаком с жалкими интригами и мелочной завистью, выявленными в официальной переписке того периода, не составит труда поверить, что авторы этого отчета без колебаний отступили бы от истины.

Хотя Браун, подобно своим хозяевам Кромвелю и Кранмеру, был склонен быстро продвигать свои радикальные планы реформ, все же, хорошо зная о настроениях в Дублине и по всей стране, он боялся обидеть их, сразу перейдя к крайностям. Сначала он удовлетворился произнесением "беды", или формы молитвы за короля как верховного главу церкви, за принца Эдуарда, за депутата, совет и знать, а также за усопших верующих. Однако, воодушевленный массовым нападением на изображения и паломнические святыни, начавшимся в Англии (1538), он решил провести аналогичную работу в Ирландии в том же году. Но такая работа оказалась настолько неприятной для людей, что он был вынужден отрицать, что у него было какое-либо намерение снести изображение Богородицы Трим или Святого Креста в Типперэри, хотя в своем письме Кромвелю он признал, что "его совесть послужила бы ему, если бы он притеснял таких идолов". [25] В августе того же года лорд Батлер доложил Кромвелю, что викарий Честера объявил в присутствии депутата, архиепископа и нескольких членов совета, что король приказал установить изображения снова и что они должны быть восстановлены. поклонялись, как и прежде, после чего Помощник шерифа промолчал, но некоторые другие ответили, что если бы викарий не был защищен присутствием Помощника шерифа, они "крепко держали бы его за пятки", поскольку он заслуживает сурового наказания. [26] В октябре лорд Грей, архиепископ Дублина, и другие присутствовали на заседаниях в Трине, посвященных суду над

епископом и монахом-францисканцем, и, к немалому возмущению архиепископа, лорд Грей посетил храм Богоматери Трим, чтобы помолиться перед образом. [27] Поощрение, оказанное Брауну и его друзьям инструкциями Кромвеля (декабрь 1538 г.), укрепило их в желании продолжить свою кампанию "за низвержение идолов и искоренение идолопоклонства". Храм Богоматери в Тримере был разрушен; Посох Иисуса был публично сожжен; Крест Баллибогана был сломан, и была создана специальная комиссия для поиска и уничтожения изображений и реликвий. [28] Даже депутат, которого обвинили в покровительстве идолам и папизму, уже разорил кафедральный собор Дауна, монастырь Килли и коллегиальную церковь Голуэя, хотя, по всей вероятности, это действие было предпринято не столько из презрения к обычаям Церкви, сколько в надежде собрать деньги для выплаты жалованья своим войскам и заручиться благосклонностью короля.

В Англии Генрих VIII. почти сразу после отделения от Рима обратил свое внимание на подавление монастырей и религиозных домов. Этот шаг был предпринят им отчасти потому, что религиозные ордена были самыми сильными и энергичными сторонниками папы римского, а отчасти также потому, что он хотел обогатить королевскую казну за счет разграбления имущества монастырей. В Англии, однако, соблюдалась некоторая форма правосудия; но в Ирландии не было назначено никакой комиссии для отчета о состоянии монастырей или обителей, и им не было предоставлено никакой возможности защититься от клеветнических заявлений чиновников, которые жаждали завладеть их землями и доходами. По оценке ДАН-де-Бурго, были в Ирландии во времена Генриха VIII. двести тридцать одна дома каноников Святого Августина, тридцать шесть домов, принадлежащих премонстратенам, двадцать два - рыцарям Святого Иоанна, четырнадцать - тринитариям или монахам-скорбящим, девять - бенедиктинцам, сорок два - цистерцианцам, сорок три - доминиканцам, шестьдесят пять - францисканцам, двадцать шесть - отшельникам Св. Августин, двадцать пять - кармелиткам и сорок три - различным общинам монахинь. [29] Хотя во многих деталях это краткое изложение далеко от точности, его можно рассматривать как дающее довольно правильное представление о количестве религиозных домов в тот период. Многие из этих учреждений обладали огромными богатствами, полученными по большей части от земель и церковного покровительства. Согласно декларации, составленной в 1536 году, годовой доход религиозных домов в Миде был определен в размере 900 ирландских фунтов стерлингов, в Дублине - в 900 фунтов стерлингов, в Лауте - в 600 фунтов стерлингов, а в Килдэре - в 255 фунтов стерлингов. Считалось, что если бы были предприняты шаги по немедленному подавлению домов в пределах этих четырех графств, король мог бы получить годовой доход в размере 3000 фунтов стерлингов, но если бы соответствующие общины получили предупреждение об опасности, считалось, что король потерял бы из этого 1000 фунтов стерлингов. [30]

По приказу Генриха в 1536 году были предприняты шаги для получения одобрения парламента на подавление монастырей, но, хотя аббатство Святого Вольстана близ Лейкслипа, принадлежащее регулярным каноникам Святого Виктора, было подавлено, как духовные, так и мирские пары вместе с прокторами духовенства оказали решительное сопротивление нападению на религиозные учреждения. Они лучше английских чиновников знали работу, которую выполняли многие из этих учреждений в области религии, образования и гостеприимства, а также для утешения бедных и немощных. Однако в октябре 1537 года был принят закон о подавлении Бектива, собора Святого Петра рядом с Тримом, Дуйском, Дуликом, Холмпатриком, Балтинглассом, Тагмолином, Данброди, Тинтерном и Баллибоганом. Их земли, дома и имущество, как правило, должны были переходить к королю, а аббатам и настоятелям

назначалась пенсия. [31] Вместе с ними были подавлены восемь аббатств, упомянутых в специальной комиссии при великой печати. [32]

Другие религиозные дома, встревоженные ходом судебных разбирательств как в Англии, так и на родине, начали вырубать древесину на своих участках, избавляться от своего имущества, прятать ценную церковную утварь и сдавать в аренду свои фермы. Архиепископ Браун и другие направили Кромвелю срочные обращения с просьбой немедленно издать приказ о подавлении монастырей. Генрих VIII. и Кромвель был не прочь согласиться с этими требованиями, особенно учитывая, что некоторые нищенствующие были очень ревностны в защите прав папы римского; и соответственно королевское поручение было адресовано архиепископу Дублина, Джону Алену канцлеру, Уильяму Брабазону вице-казначей, Роберту Коули распорядителю списков и Томасу Кьюсаку, уполномочивающее их провести работу по подавлению (апрель 1539 г.). "По сведениям заслуживающих доверия лиц, - говорилось в нем, - совершенно очевидно, что монастыри, аббатства, приораты и другие религиозные или постоянные места в Ирландии в настоящее время находятся в таком состоянии, что в них практически не уделяется внимания восхвалению Бога и благополучию человека; постоянные жители и монахини, живущие там, настолько пристрастились, частично к своим собственным суеверным церемониям, частично к пагубному поклонению идолам и пагубным доктринам римского понтифика, что, если не будет оперативно предоставлено эффективное средство, не только слабые низшие слои населения, но и все остальные будут подвержены риску. , но весь ирландский народ может быть быстро заражен к своему полному уничтожению такими людьми". Чтобы предотвратить такое бедствие, король решил взять в свои руки религиозные дома и распустить монахов и монахинь, с этой целью он приказал уполномоченным уведомить о его пожеланиях глав религиозных домов, принять их заявления об отставке и сдать их имущество, предложить тем, кто добровольно сдался, пособие или пенсию и "задерживать и наказывать тех, кто придерживается узурпированной власти римского понтифика и упорно отказывается сдавать свои дома". [33] Следует отметить, что из условий этой комиссии ясно, что религиозным домам не могло быть предъявлено никаких серьезных обвинений в злоупотреблениях, иначе в указе, приговаривающем их к исчезновению, им было бы предъявлено обвинение в чем-то более серьезном, чем приверженность их собственным суеверным церемониям, поклонению идолам и римскому понтифику. Месяц спустя Ален, Брабазон и Коули были назначены для обследования и оценки арендной платы и доходов распущенных монастырей, выдачи договоров аренды на двадцать один год как духовных, так и временных объектов, сохранения для короля посуды, драгоценностей и украшений, а также назначения монахам и монахинь пенсий на их содержание. [34]

Хотя многие члены тайного совета Ирландии обращались более одного раза для такой комиссии, но когда слухи достигли Дублина, который он был предоставлен, запрос был направлен советом к Кромвелю, прося его пощадить аббатство Св. Марии в Дублине, Церкви Христовой, Грейс-Дье, Соналл, Келлс (Колорадо. Килкенни), и следующих, на земле, среди прочего, что "в них молодые люди и дети, как дети, Господа и иже с ним как добрый человек и женщина любезен, воспитан в добродетели, обучения и английского языка и поведения, к великому стоимость указанного дома, то есть, женщина как раз у этой земли, по большей части, в женском монастыре, и человек, вроде и в иных домов." [35] эта петиция набрала, но недостаточное внимание, и неудивительно; потому что, хотя архиепископ Дублинский согласилась с ней, он написал в тот же день Кромвель просить его о землях Грейс-Дье, [36] и, в соответствии с письмом на имя Кромвеля другого видного ирландского чиновника, депутат в это

время "получил от настоятеля Св. Марии аренды все хорошее жилье в монастыре, и из хозяйств Ballyboghil и portmarnock по соглашению, очевидно, имел в виду обмануть короля."

Едва было получено поручение, как Браун и его товарищи со всей серьезностью взялись за выполнение возложенной на них задачи. Настоятели большинства монастырей, расположенных в Черте Оседлости или на территориях, где доминирует фракция Ормонда, сдали свои дома по первому зову. Не было пощажено ни аббатство Святой Марии, которое просило о пощаде на том основании, что оно оставляло открытым дом для бедняков, ученых и сирот [37], ни приорат Коналла, который хвастался, что, хотя он находился среди диких ирландцев, у него никогда не было братьев, если только они не принадлежали к "самой английской нации". [38] В течение 1539, 1540 и 1541 годов почти все монастыри на территориях, находящихся под юрисдикцией короля, были подавлены. Среди общин и учреждений, которые пострадали, были церковь Святой Марии и аббатство Святого мученика Фомы, дома кармелитов, доминиканцев и францисканцев Дублина; Больница Святого Иоанна, августинцы и францисканцы Нааса, приораты Коналла и Клэйна, больница Каслдермотта, доминиканцы Ати; францисканцы Нового аббатства, кармелиты Клонкарри, аббатство Балтинглас и Колледж Мейнут, Приорат Святого Иоанна в Килкенни вместе с домами Святого Иоанна в Килкенни. Францисканцы и доминиканцы, а также Больница для прокаженных близ того же города, Джерпойнт, Инистодж, Келлс (штат Килкенни), кармелиты Лейлин-Бриджа, Ноктофера, Терлса, Клонмела, августинцы Каллана, Типперэри и Фетхарда, францисканцы Кэшела и Клонмела, монастырь Дуйск, аббатство Хор, Килкул и Инислонаг, Меллифонт, аббатство Пресвятой Девы Марии близ Трима, а также Келлс, аббатство Приораты Святого Фехина в Форте и Маллингара, больница святого Иоанна Иерусалимского в Килмейнхеме, а также несколько других религиозных домов в Лауте, Дандолке, Дрохеде, Уотерфорде и Карлоу. В то же время большинство монастырей, находившихся в английской сфере влияния, отказались от своих домов и имущества, одним из последних, кто сделал это, был знаменитый монастырь Грейс-Дье. [39]

Как правило, всякий раз, когда дом подавлялся, настоятелю назначалась пенсия, которая выплачивалась из десятины некоторых церковных средств к существованию в дар монастырю или приорату. Размер пенсии в некоторой степени зависел от стоимости имущества, которым владел конкретный дом. Аббат Дублинского монастыря Святого Фомы Мученика получил 42 ирландских фунта стерлингов, аббат Меллифонта - 40 фунтов стерлингов, приор Форте - 50 фунтов стерлингов, аббат Джерпойнта - 10 фунтов стерлингов, настоятельница Грейс-Дье - 6 фунтов стерлингов, аббатиса Грейн - 4 фунта стерлингов, а настоятельница Термонфешена - 166,8 фунтов стерлингов и т.д. Гранты также предоставлялись членам репрессированных общин, но очень часто они были очень небольшими. Из общины Меллифонт один получил 4 фунта стерлингов, два - 3 6,8 фунта стерлингов, два - 2 13,4 фунта стерлингов, шесть - 2 фунта стерлингов и два - 1 фунт стерлингов, в то время как пятеро из общины Гранард получили 13,4 фунта стерлингов, а некоторые из других учреждений получили только 4 фунта стерлингов. Многие настоятели и религиозные деятели просто отказались от привычки своего ордена, чтобы стать светскими священнослужителями и принять дом священника в некоторых церквях, над которыми их община пользовалась правом покровительства. [40]

Задолго до прибытия комиссии по борьбе с коррупцией началась борьба за долю в награбленном. В этом соревновании лидировали заместитель шерифа, архиепископ Браун, и главные члены тайного совета. Джон Ален, распорядитель свитков, был первым, кто извлек

выгоду из разграбления религиозных домов: получив во владение собственность монастыря Святого Вольстана (1536), лорд Грей закрепил за собой имущество монастыря Грейн. Граф Ормонд и семья Батлеров, как правило, обогащались за счет земель монастырей, расположенных в юго-восточной части Ирландии, как и множество голодных чиновников и джентльменов в разных частях Ирландии, таких как Коули, Алены, Сент-Леджеры, Лутреллы, Планкетты, Диллоны, Ньюдженты, Престоны, Бермингемы, Таунли, Эйлмеры, Флеминги, Вайсы, Юстасы, Брабазоны и т.д. [41] Даже Патрик Барнуолл, который так сопротивлялся, яростно подавляя монастыри в 1536 году, не смог удержаться от соблазна разделить добычу. Он закрепил за собой значительную часть земель и привилегий монастыря Грейс-Дье. Таким образом, англо-ирландская знать была подкуплена, чтобы добиться согласия с религиозной политикой короля, и получила возможность передать своим потомкам огромные территории, которыми они должны были править как наследственные землевладельцы еще долгое время после того, как происхождение их титула было забыто. Аналогичным образом, чтобы положить конец противодействию городских властей, у которых были все основания жаловаться на подавление домов, которые так много делали для благотворительности и образования, крупные гранты были предоставлены корпорациям Дублина, Уотерфорда, Лимерика, Клонмела и др. Богатые купцы, у которых были деньги для инвестирования, не замедлили выступить с предложением арендовать участки монастырской земли и тем самым заложить основы новой так называемой аристократии. Золотые и серебряные украшения, священные сосуды, колокола и церковная утварь обычно продавались в пользу короля, но чиновники никогда особенно не заботились о том, чтобы получить надлежащую прибыль. Из частичного отчета, предоставленного комиссарами в 1541 году, следовало, что от продажи драгоценностей, реликвариев, картин и товаров монастырей они получили более 2500 фунтов стерлингов (ирландских), из которых они отдали около 500 фунтов начальству, слугам и т.д., и сохранили 375 фунтов стерлингов на дорожные расходы. [42] С подачи графа Десмонда, О'Брайена Томондского, О'Доннелла и др. была начата более решительная кампания по полному разрушению религиозных домов, и особенно тех, которые принадлежат нищенствующим, не только в Черте оседлости, но и по всей Ирландии. Было дано специальное поручение (август 1541 г.) графу Десмонду и другим лицам "провести инвентаризацию, распустить и передать на ответственное хранение все религиозные дома в Лимерике, Корке, Керри и Десмонде". В обмен на свою деятельность граф Десмонд был вознагражден несколькими пожалованиями монастырских земель, и даже О'Брайен не считал ниже своего достоинства участвовать в нагребленном. В некоторых местах, как, например, в Монагане, францисканские монахи были преданы смерти. Но в ирландских округах, как правило, указ о подавлении не приводился в исполнение, и даже в английских частях страны подавление монастырей не означало исчезновения монахов. Францисканцы и доминиканцы, в частности, похоже, были почти столь же многочисленны в конце правления Генриха VIII, как и до того, как он предпринял свою кампанию против Рима.

Вся история этих печальных лет изложена Четырьмя Мастерами поразительно, хотя и слегка преувеличенно. "Ересь и новое заблуждение, - говорят они, - возникли в Англии из-за гордыни, тщеславия, алчности и корысти, а также из-за многих странных наук, так что жители Англии перешли в оппозицию папе и Риму. ... Они называли короля главным главой Церкви Божьей в его собственном королевстве. Новые законы и статуты были приняты королем и советом в соответствии с их собственной волей. Они уничтожили ордена, которым было разрешено владеть мирским имуществом, а именно монахов, каноников, монахинь, Скорчившихся монахов

и четыре нищенствующих ордена, а именно Братьев-миноров, братьев-проповедников, кармелитов и августинцев, и светлости и средства к существованию всех них были конфискованы для короля. Они разрушали монастыри и продавали их крыши и колокола, так что от Арана Святых до Икийского престола не было ни одного монастыря, который не был бы разрушен, за исключением нескольких в Ирландии, на которые англичане не обратили внимания. Впоследствии они сожгли изображения, святыни и мощи святых Ирландии и Англии; они также сожгли знаменитое изображение Марии в Тримере, которое раньше творило чудеса, исцеляя слепых, глухих, калек и людей, пораженных всевозможными болезнями; они сожгли Посох Иисуса, который находился в Дублине и который творил чудеса со времен Святого Патрика и был в руках Христа, когда Он был среди людей. Они также назначали архиепископов и епископов для себя, и хотя великими были гонения римских императоров на Церковь, вряд ли когда-либо были такие великие гонения со стороны Рима, как это, так что невозможно пересказать или передать их описание, если оно не должно быть передано тем, кто это видел". [43] Летописцы могли бы добавить факт, замеченный выдающимся протестантским историком, что "вместо того, чтобы направлять свои доходы [монастырей] на улучшение Церкви или расходовать их на обеспечение религиозного или светского совершенствования людей любым другим способом, очевидно, мало заботясь об обеднении Церкви, он [Генрих VIII.] не по назначению использовал эти доходы для собственного удовлетворения или обогащения своих фаворитов". [44]

В самом начале своего правления Генрих VIII. он мечтал о полном порабощении Ирландии, но только после успешного подавления восстания Джеральдинов (1534-1575) реализация этих мечтаний, казалось, была в пределах измеримой досягаемости. Смелость и военный гений лорда Леонарда Грея позволили Фэйру включить всю Ирландию в сферу английской юрисдикции, пока не возник религиозный кризис, усложнивший ситуацию. Многие ирландские принцы были оскорблены доктриной королевского превосходства, нападками на изображения, паломничества, реликвии и т.д., а также отчаянными усилиями, которые предпринимались, чтобы полностью изгнать монахов и монахинь. В 1537 и 1538 годах слухи о великой конфедерации достигли ушей английских чиновников. Было заявлено, что Кон О'Нил, Манус О'Доннелл, О'Брайен из Томонда, Де Бургос из Коннота и граф Десмонд объединили усилия, чтобы защитить молодого Гаррета Фитцджеральда и власть папы римского. Говорили, что гонцы постоянно ездили из Ирландии в Шотландию и из Шотландии в Рим. В 1539 году сообщалось, что ирландские принцы относились с уважением к Генриху VIII. как еретику, лишившемуся всех титулов на лордство Ирландии, что они были полны решимости поддерживать авторитет папы Римского, что они ожидали помощи от императора, от Франции и от Шотландии, и что в случае попытки вторжения даже на англо-ирландцев из Оседлости нельзя было положиться из-за их привязанности к Папе римскому и джеральдинам. [45]

Но успешные экспедиции как против Севера, так и против Юга, предпринятые наместником в 1539 году, по-видимому, положили конец любой согласованной обороне и повергли ирландских принцев в состояние полной беспомощности. Один за другим они спешили заявить о своей покорности, принять титулы, почести и деньги от короля и согласиться владеть своими территориями по королевскому патенту. Уже в 1534 году граф Ормонд принял религиозную политику Генриха VIII. в надежде одержать победу над своими старыми соперниками, Джеральдинами. Три года спустя (1537) Макгиллапатрик из Оссори честно пообещал отменить узурпированную юрисдикцию папы римского, чтобы на его территориях говорили на английском языке и отправить своего сына воспитываться со знанием английского языка и

обычаев. В обмен на это он получил королевский грант на свои земли и владения, был назначен бароном Колтхилла и Каслтона, и ему было обещано место в Палате лордов, милость, которую он получил в 1543 году, когда был назначен пэром [46] с титулом барона Верхнего Оссори. Брайан О'Коннор из Оффали и его соперник Кахир заявили о своей покорности в марте 1538 года. Они отказались от юрисдикции папы римского, согласились передать свои земли королю и отказаться от всех претензий на дань или черную ренту со своих соседей из Бледнолицых. Брайан О'Коннор получил титул барона Оффали. За ним последовали граф Десмонд (1541), Макуильям Берк, О'Брайен из Томонда, Манус О'Доннелл (август 1541) и, наконец, Кон О'Нил (1542). Все они, вместе с множеством мелких вождей и иждивенцев, отреклись от власти папы, приняли повторные пожалования своих земель от короля, просили английские титулы и не считали ниже своего достоинства принимать подарки в виде денег и мантий. Кон О'Нил стал графом Тайроном, его сын Мэтью - бароном Данганноном, О'Брайен - графом Томондом, его племянник Донох - бароном Ибрикеном, Макуильям Берк - графом Кланрикардом, в то время как рыцарские звания свободно распределялись среди мелкой знати. [47] Хотя в умах ирландских вождей, возможно, существовала определенная путаница относительно мирской и духовной юрисдикции папы Римского, особенно учитывая, что папы, похоже, претендовали на особый суверенитет в Ирландии, все же невозможно предположить, что они могли действовать добросовестно, подписывая документы о подчинении, к которым они приложили свои подписи. То, что они признавали опасные и еретические тенденции религиозной политики Генриха, достаточно очевидно из переписки 1537-39 годов, и следует признать, что они никогда не предпринимали каких-либо серьезных усилий для выполнения условий этих соглашений. Вполне возможно, что, подобно английской знати, они лично были готовы согласиться с религиозной политикой Генриха VIII ради обеспечения себе хороших условий, но они сочли невозможным что-либо предпринять из-за противодействия огромной массы народа. Генрих VIII. признал, что он не в состоянии усилить свою власть в случае с О'Брайеном, О'Доннеллом, О'Нилом, Макуильямом Берком и т.д., и поэтому он посоветовал своим должностным лицам стремиться расположить их к себе добротой и убеждением, а не силой. В частности, они должны были попытаться "незаметно убедить их" подавить религиозные дома на их территориях, но в то же время не предпринималось никаких попыток "оказывать на них чрезмерное давление каким-либо энергичным образом". [48] О'Брайен из Томонда и Десмонд не отказывались участвовать в разграблении монастырей, но, как правило, представления вождей лишь незначительно влияли на положение дел в том, что касается религии.

Новый заместитель, Энтони Сент-Леджер (1540), был вполне приспособлен для того, чтобы воспользоваться военными успехами лорда Грея. Будучи королевским уполномоченным три года назад, он имел достаточную возможность ознакомиться с состоянием Ирландии, характерами главных лидеров и стимулами, с помощью которых они могли поддаваться искушению признать власть короля Англии. Он полагался на дипломатическое, а не военное давление, и добился такого полного успеха, что в 1542 году тайный совет смог сообщить, что в Ирландии воцарился мир. Уже в 1537 году Ален, Распорядитель Списков, обратил внимание королевских уполномоченных на тот факт, что многие ирландцы рассматривали папу Римского как временного суверена Ирландии, а короля Англии - только как повелителя Ирландии в силу папской власти, и посоветовал им, что Генрих должен быть провозглашен королем Ирландии Актом парламента. Этот совет был горячо одобрен Стейплзом, епископом Мита (1538), и был одобрен депутатом и советом в письме, адресованном Генриху VIII. в декабре 1540 года. [49] Это

предложение было принято королем, который уполномочил Сент-Леджера созвать парламент для его осуществления (1541).

Парламент собрался в июне 1541 года. Сколько членов присутствовало в Палате общин или какие конкретно округа были представлены, доподлинно неизвестно; но, по всей вероятности, депутаты были назначены только от восточных и южных графств и городов. В Палате лордов присутствовали два архиепископа вместе с двенадцатью епископами, графами Ормондом и Десмондом, а также ряд виконтов, лордов и баронов, почти все из которых принадлежали к англо-ирландской фракции. О'Брайен из Томонда не присутствовал, но он послал заместителей представлять его; О'Доннелл и О'Нил держались в стороне от слушаний; а Донох О'Брайен, Макуильям Берк, Кахир Макарт Кавана, О'Рейли, Фелим Роу О'Нил из Clandeboy и Кедах О'Мор присутствовали лично, но им не разрешили принимать активное участие в слушаниях или голосовать. [50] Сент-Леджером был внесен законопроект о даровании Генриху VIII титула короля Ирландии. Он был трижды прочитан в Палате лордов за один день. На следующий день он был принят Палатой общин. Было решено, что монарха следует именовать "Генрих VIII". милостью Божьей король Англии, Франции и Ирландии, Защитник Веры и Англиканской Церкви, а также Ирландии, Верховный Глава на земле". Сообщалось, что прокламация была встречена радостными возгласами в Дублине, где в честь этого радостного события была объявлена измененная всеобщая амнистия. Отчет о произошедшем, несомненно, произвел большое впечатление на тех принцев, которые все еще держались в стороне, так что к концу 1542 года даже Кон О'Нил заключил позорный мир с правительством.

В то время как вопросы королевского верховенства и юрисдикции папы обсуждались в парламенте (1536-157 гг.), епископы и прокуроры духовенства навлекли на себя гнев Брауна и английских чиновников в целом своим мужественным сопротивлением новым предложениям, показав тем самым, что они не сочувствуют антиримским мерам. Также нет никаких оснований предполагать, что какая-либо значительная часть из них заняла иную позицию, хотя покорность их английских собратьев не могла не произвести на них определенного эффекта, особенно учитывая, что некоторые из них сами были англичанами, и многие из них, должно быть, получили образование в каком-нибудь из английских университетов. В дополнение к Брауну, который хвастался тем, что был всего лишь "королевским епископом", единственными людьми, которые, как можно доказать, принимали активное участие в пропаганде новых взглядов, были Эдмунд Стейплс из Мита и Ричард Нэнгл, епископ, которого Генрих VIII пытался внедрить в Клонферт (1536). Первым из них был англичанин, назначенный папой римским (1529) по просьбе Генриха VIII. Как и следовало ожидать, он встал на сторону короля против графа Килдэра, и когда в Ирландии началась борьба между друзьями и противниками королевского превосходства в Ирландии, он присоединился к первым. Как и многие другие реформаторы, он проявил свою заботу о Евангелии, взяв себе жену и присвоив для собственного пользования церковные блага, но нет никаких свидетельств того, что его усилия оказали какое-либо влияние на многочисленное духовенство. Ричарду Нэнглу из Клонферта противостоял Роланд де Бурго, епископ, назначенный папой римским для Клонфертского престола (февраль 1539 г.). Браун объявил, что намерен лично нести свет Евангелия везде, где понимают английский, и что он получил суфражиста в лице доктора Нэнгла, епископа Клонферта, чтобы излагать Слово Божье и дело короля на ирландском языке. [51] Из-за состояния открытой вражды, существовавшей между Брауном и Стейплсом, архиепископ не рассматривал последнего как товарища по работе. Но, очевидно, в тот период это были единственные три епископа, на которых Генрих VIII мог хоть как-то положиться. Аналогичным образом, в документе, составленном в 1542 году и

озаглавленном "Некоторые приемы реформации Ирландии", только Браун и Стейплс упоминались как сторонники Евангелия или как способные "наставлять ирландских епископов этого королевства, заставляя их отказаться от всех папистских доктрин и излагать в каждой из своих епархий истинное Слово Божье". [52]

Но хотя ни один из ирландских епископов, назначенных папой, за единственным исключением Стейплса из Мита, не предпринял никаких активных шагов, чтобы помочь королю, немногие из них смело выступили на ристалище в защиту Римского престола, и многие из них, подобно своим английским братьям, пытались тянуть время в надежде, что буря скоро утихнет. [53] Эдмунд Батлер, незаконнорожденный сын сэра Пирса Батлера, впоследствии графа Ормонда, похоже, присоединился к остальным членам своей семьи в признании королевского превосходства. Он занял место в тайном совете, выступал посредником между правительством и графом Десмондом, подписал в качестве свидетеля документ, которым последний отказался от власти папы римского, принял для себя часть имущества упраздненного францисканского монастыря в Кэшеле и присутствовал в парламенте 1541 года. [54] Хью О'Серваллен из Клогера был назначен папой римским в 1535 году, но в 1542 году он отправился в Лондон в качестве капеллана Кона О'Нила, отказался от своих Булл о назначении, принес присягу, запрещенную Генрихом VIII, и принял королевский патент своей епархии вместе с пенсией в размере 40 фунтов стерлингов в год. [55] Излишне говорить, что он был отвергнут папой, который назначил другого на его место и был изгнан со своего престола. Лорд Грей сообщил, что Джон Куинн из Лимерика принес присягу королевского превосходства в 1538 году [56], но его оппоненты в совете так часто заявляли о склонности депутата к Риму даже во время этого путешествия, что ему было бы трудно поверить, если бы имя епископа Лимерика не появилось среди свидетелей подчинения графа Десмонда. [57] Хотя его позиция в тот период была по меньшей мере сомнительной, несомненно, что он остался верен Риму, как только обнаружил раскольническую тенденцию нового движения, поскольку правительство сочло необходимым попытаться сместить его в 1551 году путем назначения того, кто, вероятно, был более сговорчивым.

Тот факт, что некоторые епископы отказались от религиозных домов, настоятелями которых они были, как, например, Эдмунд Ньюджент из Килмора, Майло барон из Оссори и Уолтер Уэлсли из Килдэра, [58] и приняли пенсии от короля в качестве компенсации за потери, понесенные ими в результате подавления монастырей, вызывает серьезные подозрения в их ортодоксальности, хотя это не доказывает, что они признали королевское превосходство. Барон, несомненно, поддерживал тесные связи с правительственными чиновниками, а Ньюджент, похоже, был смещен папой римским. Опять же, несколько епископов, Роланд де Бурго из Клонферта, Флоренс Кирван из Клонмакнуаза, Юджин Макгиннесс из Дауна и Коннора и Тэди Рейнольдс из Килдэра [59], отказались от Булл, полученных ими из Рима, и приняли пожалования своих епархий от короля. Такой шаг, однако, не является решающим доказательством нелояльности к Святому Престолу. В течение многих лет между королями Англии и Папой Римским велись острые споры относительно временных полномочий епископств. Папы утверждали, что имеют право назначать как духовных, так и временных людей, и выразили эти претензии в Буллах о назначении. Короли, со своей стороны, заявили о своей юрисдикции над временными органами, и для защиты своих прав они настояли на том, чтобы избранный епископ отказался от папского гранта в обмен на королевский грант. Такой обычай был хорошо известен до того, как в Англии проявились какие-либо раскольнические тенденции, и соблюдение его не доказывало бы, что вовлеченные епископы рассматривали короля как источник своей духовной юрисдикции. Главный момент, который следует учитывать

в случае с епископами, отказавшимися от своих монастырей или своих Булл, заключается в том, какую клятву, если таковая была, они были обязаны принести. Если бы они согласились принести присягу в форме отречения, предписанной королем ирландским епископам, их ортодоксальность не могла бы быть защищена должным образом, но вполне возможно, что, как у Генриха VIII. не желая доводить дело до крайности с ирландскими принцами, он, возможно, придерживался столь же благоразумной политики в отношении епископов и удовлетворился присягой на верность.

Генрих VIII, полностью осознавая важность привлечения епископов на свою сторону. позаботился о том, чтобы назначить своих собственных кандидатов, как только появилась вакансия. Поступая таким образом, он надеялся заручиться покорностью духовенства и народа и получить для себя пошлины, уплаченные ранее Риму. В течение десяти лет, между 1536 и 1546 годами, он назначил Доминика Тирри в Корк, Ричарда Нэнгла в Клонферт, Кристофера Бодкина, уже епископа Килмакдуа, в Туам, Александра Деверо в Фернс, Уильяма Миг в Килдэр, Ричарда О'Феррала, покойного приора Гранарда в Ардаг, Энеаса О'Хернана (или О'Хеффернана), покойного прецептора Эни, в Эмли, Джорджа Даудалла, покойного приора Арди, в Арму, Коната О'Ферралама. Сайгейл, капеллан Мануса О'Доннелла в Эльфине, и Корнелиус О'Ди, капеллан О'Брайена из Томонда, в Киллалоу. Хотя не может быть никаких сомнений в том, что некоторые из них получили свои назначения в награду за признание королевского превосходства, трудно определить, насколько они были привержены религиозной политике Генриха VIII. Несомненно, что никто из них, за возможным исключением Нэнгла, не принимал активного участия в продвижении дела Реформации в Ирландии, как только они поняли реальные проблемы, стоящие на кону, и что тот факт, что им в каждом отдельном случае противостоял законный епископ, назначенный папой, лишал их возможности многое сделать, как бы они ни стремились подчиниться воле короля. [60]

В этот критический период в истории Ирландии папа Павел III. находился в тесной переписке с несколькими ирландскими епископами и князьями-мирянами. Снова и снова официальные лица Ирландии жалуются на "гонцов в Рим", на положения, предоставленные папой ирландским епископствам, на гонцов, курсирующих туда-сюда между Ирландией и Римом, и на сотрудничество папы в организации Лиги Джеральдинов в 1538 и 1539 годах. Следует, однако, отметить, что глупое письмо, приписываемое Робертом Уэром Павлу III., в котором он, как предполагается, предупреждал О'Нила, что он и его советники в Риме обнаружили из пророчества святого Лазериана, что всякий раз, когда Церковь в Ирландии падет, Римская церковь падет также, является чистой подделкой, опубликованной только для дискредитации Папы и Римского престола. [61] Несомненно, Павел III. был серьезно обеспокоен развитием движения, которое угрожало вовлечь Ирландию в английский раскол, и стремился побудить епископов и принцев твердо противостоять королевскому господству. В 1539 году в Рим поступили сообщения о том, что Джордж Кромер, архиепископ Армы, который сопротивлялся мерам, направленным против папы Римского в 1536-38 годах, уступил, и в результате управление престолом было передано (1539) Роберту Уошопу, выдающемуся шотландскому богослову, проживавшему в то время в Риме. Какие доказательства были приведены в пользу вины Кромера, неизвестно, но несомненно, что в официальной переписке того периода будут тщетно искать какие-либо доказательства того, что Кромер признавал либо в теории, либо на практике церковное главенство Генриха VIII. Он держался в стороне от заседаний тайного совета, никогда не проявлял ни малейшего сочувствия к действиям архиепископа Дублинского, и хотя его имя фигурирует в некоторых списках духовных пэров в парламенте 1541 года,

официальный отчет Сент-Леджера с уверенностью свидетельствует о том, что он не присутствовал. [62] Вполне возможно, что архиепископ не был согласен с политическими планами, согласно которым ирландские принцы и король Шотландии должны были объединиться для свержения английской власти в Ирландии, и по этой причине король Шотландии желал его смещения, чтобы освободить место для своего агента при римском дворе.

Новый администратор Армы Роберт Уошоуп, хотя и страдал слабым зрением, был признан одним из самых способных теологов своего времени. Он принимал видное участие в религиозной конференции в Вормсе (1540) и в Ратисбонском сейме (1541). Он присутствовал на Тридентском соборе во время его предыдущих сессий и оказал очень ценную помощь, особенно в связи с указами об оправдании. Дата его хиротонии не может быть установлена с уверенностью. Вероятно, он не был освящен до тех пор, пока известие о смерти Кромера (1543) не достигло Рима. В 1549 году он отправился в Шотландию и, по-видимому, высадился на побережье Донегола в надежде склонить О'Нила и О'Доннелла к сотрудничеству с французами и шотландцами. Однако его усилия не увенчались успехом. Обнаружив, что О'Нил и Джордж Даудалл донесли на него правительству, который был назначен королем на кафедру Армы, он вернулся в Рим, где ему были предоставлены полномочия легата в Ирландии, но он умер через несколько месяцев, прежде чем смог предпринять какую-либо попытку вернуть себе управление своей епархией. [63] Перед смертью Кромера Генрих VIII вопреки желанию некоторых членов своего совета в Ирландии, которые выступали за выдвижение кандидатуры сына лорда Делвина, выбрал Джорджа Даудалла, покойного приора Арди, своим преемником в Арме. Даудолл отправился в Лондон вместе с Коном О'Нилом и получил от короля ежегодную пенсию в размере 20 фунтов стерлингов вместе с обещанием архиепископства Армы. [64] Хотя он, должно быть, дал удовлетворительные гарантии королю по вопросу королевского превосходства, Даудалл в глубине души все еще был сторонником Рима, и, как мы увидим, он на некоторое время покинул Ирландию, вместо того чтобы согласиться с отменой мессы и другими радикальными религиозными нововведениями, которые были предприняты в правление Эдуарда VI. [65]

По настоятельной просьбе Роберта Уошоупа Павел III решил послать некоторых учеников св. Игнатия в Ирландию, чтобы побудить духовенство и народ твердо стоять на защите своей религии. Святой Игнатий лично составил свод специальных инструкций для руководства теми, кто был избран для этой важной миссии. Два священника, назначенных для этой работы, Пасхасий Броет и Альфонсус Сальмерон, вместе с Франциском Сапатою, который вызвался сопровождать их, достигли Шотландии в начале февраля 1541 года, и, подкрепив себя рекомендательными письмами от короля Шотландии, адресованными О'Нилу и другим, они высадились в Ирландии примерно в начале Великого поста. Их отчет плохо отзывался о религиозном состоянии страны в тот период. Они не могли не отметить тот факт, что все великие князья, за одним исключением, отреклись от власти папы и отказались поддерживать с ними какие-либо сношения, что пасторы пренебрегли своим долгом и что люди были грубыми и невежественными, хотя в то же время не отказывались прислушиваться к их наставлениям. Во многих деталях этот неблагоприятный слух был вполне обоснован, особенно в отношении знати, но следует помнить, что эти иезуиты пробыли в стране всего несколько недель, что они были совершенно незнакомы с манерами и обычаями народа и что для них было бы невозможно получить достоверную информацию о религиозном состоянии Ирландии в ходе такого

короткого визита. Следует также отметить, что они возложили ответственность за провал своей миссии на короля Шотландии, который не выполнил своих обещаний. [66]

В последние годы правления Генриха VIII Сент-Леджер продолжал свои усилия по подчинению страны не силой, а убеждением. Религиозный вопрос не выдвигался на первый план, и, за исключением предоставления монастырских земель и владений, похоже, было сделано очень мало. Письма депутата содержат восторженные отчеты о его успехах. В ходе жаркой полемики, которая бушевала между ним и Джоном Аленом, канцлером, в 1546 и 1547 годах, различных отчетов, направленных в Англию, достаточно, чтобы показать, что за пределами Черты оседлости английские власти добились незначительного прогресса. Хотя Сент-Леджер смог представить совету поразительное свидетельство о своем успехе, и хотя ирландские принцы послали письмо с похвалой Генриху VIII. [67] (1546), нет недостатка в доказательствах того, что политика Генриха увенчалась лишь частичным успехом. Согласно письму, отправленному архиепископом Брауном в 1546 году, ирландский народ не примирился с английскими методами правления, и, по словам канцлера, королевский указ не действовал в ирландских округах. Ирландцы, которые делали вид, что покоряются, не сдержали своих торжественных обещаний. Они по-прежнему следовали своим собственным местным законам, независимо от английских статуты, и король не мог вступить во владение аббатствами или землями аббатств, расположенными на их территории. Даже совет, который пытался защитить депутата от этих нападков, был вынужден признать, что законы его Величества не действовали в ирландских округах. [68] Один из последних шагов, предпринятых советом по предложению Генриха VIII. это было назначение вице-регента в спиритуалах для духовенства, который предоставлял разрешения, подобные тем, которые были предоставлены в Англии Кранмером, чтобы помешать ирландцам обращаться в Рим за такими разрешениями. [69]

Генрих VIII. умер с осознанием того, что сделал для покорения Ирландии больше, чем кто-либо из его предшественников. "Политика, которая была разработана, - пишет Кьюсак, лорд-канцлер Ирландии, - для отправки графов Десмонда, Томонда, Кланрикарда и Тайрона, а также баронов Аппер-Оссори, О'Кэрролла, Макгенниса и других в Англию, была большим подспорьем в наведении порядка в этих странах; ибо никто из тех, кто приезжал в Англию, не причинял вреда подданным Королевского Величества. Победа графа Десмонда была победой остального Мюнстера с небольшими потерями. Провозглашение О'Брайена графом сделало всю эту страну послушной. Возведение Макуильяма в графство Клэнрикард сделало всю эту страну при нем такой послушной, какой она является сейчас. То, что Макгиллапатрик стал бароном Верхнего Оссори, сделало его страну послушной; и то, что они получили свои земли под Дублином, является для них таким залогом, что они не потеряют их из-за умышленной глупости". [70] Однако в том, что касалось религии, изменений было очень мало. Месса была отслужена, и таинства совершались, какраньше. Кое-где некоторые епископы и духовенство, возможно, были склонны тянуть время в вопросе о королевском превосходстве, но какие бы документы они ни подписывали, или какие бы назначения они ни принимали от агентов Генриха, подавляющее большинство принцев, епископов, духовенства и народа не имели желания отделяться от вселенской Церкви. Генрих VIII. однако он непреднамеренно оказал огромную услугу религии в Ирландии, подготовив почву для уничтожения королевского вмешательства в епископальные и другие церковные назначения и ужасного злоупотребления покровительством мирян, которое было проклятием католической церкви в Ирландии на протяжении веков. После того, как все эти злоупотребления были перенесены на небольшую группу английских чиновников и англо-

английских жителей, которые объединились в протестантскую секту, Католическая церковь, наконец, была свободна выполнять свою мирную миссию без каких-либо препятствий изнутри.

Восшествие на престол Эдуарда VI. не внесло заметных изменений в ирландские дела. Заместитель Сен-Леджер был сохранен на своем посту, как и большинство старых чиновников. В состав совета были добавлены несколько новых членов, в том числе Джордж Даудалл, архиепископ Армы, и были приняты меры для сбора доходов от запрещенных монастырей и религиозных домов. Заместителю, лорду-канцлеру и епископу Мита было дано королевское поручение предоставить полномочия и диспенсации в таком же объеме, как и архиепископу Кентерберийскому. Из условий этого поручения ясно, что королевские советники были полны решимости извлечь некоторую финансовую выгоду из королевского превосходства. Плата за разрешение на заключение брака без объявления оглашения была установлена в размере 6,8 пенсов (около 3-4 фунтов стерлингов), за брак в запрещенное время - в 10 пенсов, за брак в запрещенное время и без оглашения - в 13,4 пенса, а за бракосочетание без приходской церкви договаривающихся сторон - в 5 пенсов. [71] Аналогичным образом был отправлен приказ о том, чтобы тарелка и украшения собора Святого Патрика были отправлены каким-нибудь заслуживающим доверия посыльным в Бристоль, где их передадут казначею монетного двора. Это распоряжение, должно быть, не было выполнено полностью, потому что семь месяцев спустя (январь 1548 г.) декана собора Святого Патрика попросили передать для использования монетным двором "тысячу унций пластинчатых крестов и тому подобных вещей", которые оставались у него на руках. [72]

С самого начала правления Эдуарда Протектор поставил перед собой цель свергнуть Католическую церковь в Ирландии, отменив мессу и насаждая лютеранское или, скорее, кальвинистское учение о Пресуществлении и Реальном присутствии Христа в Евхаристии. / Предписания/ Эдуарда VI. и / Проповеди/ Кранмера были направлены для руководства архиепископом Дублина и теми, кто, как и он, должен был поддерживать религиозные нововведения. Аналогичным образом, английское богослужение причастия (1548 г.) и Первая книга общей молитвы (1549 г.) были сделаны обязательными в тех округах, где говорили на английском языке или понимали его. Как и в Англии, большим предметом споров в Ирландии в первые годы правления Эдуарда была Благословенная Евхаристия. Шотландский проповедник был послан в Ирландию в 1548 году, чтобы подготовить почву для отмены Мессы, нападая на Реальное Присутствие Христа в Таинстве Алтаря. Архиепископ Дублина, ранее известный своими радикальными наклонностями, выступил против подобных доктрин, и на него были направлены жалобы в совет. Ему было предъявлено обвинение в том, что он сдавал в аренду или иным образом распоряжался большей частью имущества своей епархии своим детям и фаворитам, в том, что он не изложил / Предписания / и / Проповеди / его Величества, в том, что он оклеветал депутата и поддерживал тайные связи с графом Десмондом и другими ирландскими принцами, а также в том, что он не произнес ни одной проповеди в период с ноября 1547 г. по сентябрь 1548 г., когда он воспользовался случаем, чтобы обрушиться с критикой на шотландского проповедника, который осудил "злоупотребление мессами и церемониями епископа Рима". [73] Примерно в то же время депутат считал своим долгом упрекнуть казначея Церкви Христа за то, что он отказался разрешить проведение в этой церкви английской службы Причастия, и предупредить его о наказании, уготованном ему, если он будет упорствовать в своем упрямстве.

Но если Браун несколько запаздывал с адаптацией к новым теориям, то его соперник, Стейплс из Мита, который до сих пор гордился своими консервативными тенденциями, поспешил на помощь правительству. Он отправился в Дублин, чтобы поддержать шотландского проповедника в его нападках на мессу и Благословенную Евхаристию, но, если верить его собственному рассказу, его пребывание в Дублине было едва ли менее приятным, чем прием, который ожидал его по возвращении в Мит. Его друзья заверили его, что страна ополчилась против него с оружием в руках. Одна дама, ребенка которой он крестил и назвал в свою честь, пыталась изменить имя своего ребенка, поскольку "не хотела, чтобы он носил имя еретика". Джентльмен не позволил бы подтвердить своего ребенка тому, кто отверг Таинство Алтаря. Многие люди, услышавшие, что епископ собирается проповедовать в Наване в следующее воскресенье, заявили о своем намерении отсутствовать, чтобы не узнать о ереси. Священник, которого он сам продвигал по службе, пришел к нему в слезах и, попросив разрешения свободно высказывать свое мнение, сообщил ему, что люди ненавидят его с тех пор, как он принял сторону еретиков и проповедовал против Евхаристии и Святых, что проклятий, изливаемых на него, больше, чем волос на его голове, и что ему не мешало бы быть осторожным, поскольку его жизнь в опасности. [74]

Сэр Эдвард Беллингем сменил Сент-Леджера на посту заместителя и прибыл в мае 1548 года. В первые месяцы своего пребывания в должности он был занят борьбой с О'Коннорами из Оффали, О'Кэрроллами и другими, которые снова угрожали Бледнолицым. Его усилия увенчались значительным успехом, и в течение 1549 года он оказался в состоянии продолжить религиозную кампанию. Из наведенных справок он узнал, что во всех Мюнстере, Томонде, Коннахте и Ольстере сохранились монастыри и другие религиозные учреждения, и что они по-прежнему придерживаются старых религиозных обычаев. [75] Он написал секретарю Протектора, прося его сообщить своему учителю о нехватке добрых пастырей в Ирландии, "чтобы просветить сердца стада Христова Его самым истинным и непогрешимым словом", позаботившись в то же время рекомендовать Протектору назначить священнослужителей, привезенных из Англии, на вакантные епископства, чтобы государственные фонды могли быть освобождены за счет отмены их пенсий. Мэру и корпорации Килкенни было приказано проследить за тем, чтобы священники города собрались для встречи с депутатом и членами совета. Они пообещали, что все духовенство должно присутствовать в обязательном порядке, но, как мы увидим, инструкции сэра Эдварда Беллингема и его коллег произвели лишь незначительный эффект даже в самой цитадели Ормондов (1549). Уолтер Коули был направлен с поручением в епархию Кэшела "упразднить идолопоклонство, папизм, причастие мессы и тому подобное", но он пожаловался, что архиепископ, вместо того чтобы присутствовать и помогать ему, задержался в Дублине, хотя его предупредили, что его присутствие необходимо. [76] Правда в том, что, хотя архиепископ, как один из Дворецких, был готов пойти на многое, поддерживая политику Эдуарда VI, у него не было намерения участвовать в кампании против Мессы или Благословенной Евхаристии. [77] Последнее, написанное этим прелатом (февраль 1548 г.), в котором он высоко оценил поведение Уолтера Коули, сыгравшего такую заметную роль в подавлении монастырей и захвате церковной собственности, часто цитируется как доказательство того, что он был решительным сторонником Реформации, но такое заявление мог сделать только тот, кто не смог понять разницу между ормондизмом и протестантизмом, а также отношения как Коули, так и архиепископа к первому.

Беллингем был отозван в Англию в 1549 году, и вскоре после его отъезда в Ирландии вспыхнули новые беспорядки. Десмонд и О'Брайен считались ненадежными; союз между двумя великими

соперничающими семьями Ормондов и Десмондов не был невероятным, и, что еще хуже, в Дублин пришли новости о том, что Роберт Уошоуп, папский архиепископ Армы, прибыл на Север, чтобы заключить союз между О'Доннеллом, О'Ниллом, шотландцами и французами (1550). Даудалл, который был введен в Арму королевскими властями, сообщил о присутствии своего соперника в Иннишоуэне, и О'Нил и Манус О'Доннелл пообещали оказать сопротивление захватчикам. Совет поспешил поблагодарить северных вождей за их отказ вести переписку с французскими эмиссарами, сопровождавшими Уошоупа, и предупредил их, что французы намеревались довести ирландцев до состояния рабства и что французская знать настолько дика и свирепа, что было бы гораздо лучше жить под турецким игом, чем под властью Франции. [78]

В июле 1550 года Сент-Леджер снова был отправлен наместником в Ирландию. Ему было поручено "излагать Божье служение в соответствии с нашими (королевскими) постановлениями на английском языке во всех местах, где жители или достаточное их количество понимают этот язык; там, где жители его не понимают, английский должен быть переведен на ирландский язык до тех пор, пока люди не научатся понимать английский". Но, как обычно, финансовая сторона Реформации не была забыта. Заместителю было приказано отдать распоряжение о том, чтобы не производилась продажа или отчуждение каких-либо церковных товаров, колоколов, церковных и свободных церковных земель без королевского согласия, и чтобы в каждом приходе были составлены описи таких товаров, украшений, драгоценностей и колоколов, церковных или свободных церковных земель и всех других земель, переданных какой-либо церкви, "чтобы какие-нибудь похотливые люди не присвоили их". [79] По прибытии в Дублин Сент-Леджер обнаружил, что дела находятся в очень неудовлетворительном состоянии. "Я никогда не видел эту землю, - писал он, - настолько запущенной, потому что в фортах [там] столько же блудниц, сколько солдат, и [в течение] этих трех лет не было ни одного богослужения, ни причастия, ни еще какой-либо другой службы, поскольку в том месте была произнесена только одна проповедь, которую произнес епископ Мита, который в то время испытывал так мало благоговения, поскольку с тех пор он не очень спешил проповедовать там". [80] Снова поползли слухи о том, что французы и шотландцы собираются устроить диверсию в Ирландии. Большой французский флот был частично разбит у берегов Ирландии, и некоторые агенты Джеральдин в Париже открыто хвастались, что ирландские принцы были полны решимости "либо выстоять, либо умереть за поддержание религии и продолжение служения Богу в том виде, в каком они получили его от своих отцов". [81]

Хотя Сент-Леджер не замедлил принять меры по противодействию иностранному вторжению, он не пренебрег полученными инструкциями о введении Книги общей молитвы вместо мессы. Он раздобыл несколько экземпляров английского богослужения и разослал их в разные части страны, но вместо того, чтобы перевести его на ирландский, он перевел его на латынь для использования в тех районах, где не понимали английского, возможно, в надежде, что таким образом он сможет обмануть людей, заставив их поверить, что это все та же Месса, к которой они привыкли. Однако, по-видимому, новая литургия встретила упорное сопротивление. В Лимерике, хотя городские власти, как сообщалось, были настроены благосклонно, епископ Джон Куинн отказался дать свое согласие на предлагаемые изменения, и по всей стране в целом депутат был вынужден признать, что было трудно внедрить новую религию в умы людей. Он потребовал, чтобы к народу в целом было обращено прямое королевское повеление принять это изменение, и чтобы ему самому было дано специальное поручение обеспечивать соблюдение литургии. [82]

Официальный приказ о введении английской службы был направлен Сент-Леджеру в феврале 1551 года и обнародован в начале марта. Епископ Лимерикский Куинн был вынужден сложить с себя временные полномочия своего престола, чтобы освободить место Уильяму Кейси, от которого ожидали большей уступчивости. Ряд епископов и духовенства были вызваны на конференцию в Дублин для рассмотрения изменений. На этой конференции партия реформаторов встретила сильнейшее противодействие со стороны примаса Армы. Хотя Джордж Даудалл принял первосвятительский престол из рук короля и пытался объединить верность Риму и Генриху VIII, у него не было намерения поддерживать еретическое движение, целью которого была отмена мессы. С самого начала правления Протектора он занял враждебную позицию по отношению к предлагаемым изменениям, о чем свидетельствует дружеское письмо-предупреждение, адресованное ему лордом-наместником Беллингемом. [83] Примас непоколебимо защищал юрисдикцию римского епископа и отказывался признать, что король имел какие-либо полномочия проводить такие радикальные реформы в силу своей должности. Обнаружив, что его слова не произвели никакого эффекта на депутата, он покинул конференцию вместе со своими суфражистками, за исключением Staples of Meath, и отправился в свою епархию, чтобы призвать народ и духовенство к стойкости. Затем Сент-Леджер передал королевское поручение Брауну, который заявил, что подчиняется королю "как Иисус Христос подчинялся кесарю, во всем справедливо и законно, не задавая вопросов "почему", поскольку мы признаем его нашим истинным и законным королем". [84]

Хотя Сент-Леджер притворялся убежденным сторонником новой религии, все же, по словам архиепископа Брауна, он удовлетворился официальным обнародованием королевских приказов. Сам он по прибытии в Ирландию публично присутствовал на мессе в Церкви Христа, "к утешению слишком многих себе подобных папистов и к разочарованию исповедующих слово Божье". Он разрешил проводить мессу, использовать святую воду, сретенские свечи и тому подобное в епархии Предстоятеля и в других местах без протеста или наказания. Казалось, он даже принял сторону примаса на совете и отправил послание графу Тайрону "следовать советам этого доброго отца, мудрого сенатора и благочестивого епископа, моего господина Примаса во всем". Он зашел так далеко, что подарил архиепископу Дублина ряд книг, написанных в защиту мессы и Пресуществления, и когда архиепископ осмелился возразить ему по поводу недостатка рвения к слову Божьему, единственным ответом, который он получил, было: "Идите, идите, ваши религиозные вопросы омрачат все". [85] Главной целью Сент-Леджера было умиротворение страны и расширение могущества Англии, которые, как он хорошо знал, будут поставлены под угрозу любой активной кампанией против Мессы.

Сент-Леджер был отозван, и сэр Джеймс Крофтс, который был отправлен со специальным поручением в Ирландию несколькими месяцами ранее, был назначен его заместителем (апрель 1551 года). Его инструкции относительно Книги общей молитвы и описи конфискованной церковной утвари были сформулированы в тех же выражениях, что и у его предшественника. [86] С самого начала стремясь примирить примаса Даудалла, он направил ему почтительное письмо (июнь 1551 г.), в котором обращал его внимание на уважение, оказываемое Самим Христом и святым Петром императорской власти, предлагая свои услуги в качестве посредника между примасом и его противниками Брауном и Стейплсом, и предупреждая его о вероятности гораздо более серьезных изменений, которым он (заместитель) пообещал по возможности противостоять. [87] На это сообщение примас отправил немедленный ответ, в котором предложил встретиться со своими оппонентами на конференции, хотя и не мог надеяться на достижение соглашения, поскольку их "суждения, позиции и совесть были разными". [88]

Конференция проходила в аббатстве Святой Марии в присутствии депутата. Архиепископ Дублина Стейплс из Мита и Томас Ланкастер, которые были вторгнуты в Килдэрскую епархию королевской властью, присутствовали, чтобы защитить новое учение от примаса. Обсуждались месса и Пресвятая Дева. Стейплс занял ведущую роль на стороне реформаторов, и, как и предвидел Даудолл, соглашения достичь не удалось. Примас апеллировал к условиям клятвы верности Папе Римскому, принесенной как им самим, так и его оппонентами при их посвящении, но Стейплсу не составило труда заявить, что он отказывается считать себя связанным этой клятвой. Собрание закончилось без какого-либо результата. [89] Даудалл, направив заявление лорду-канцлеру о том, что он никогда не сможет быть епископом там, где была отменена Святая месса, бежал из Ирландии. Браун немедленно написал графу Уорику, умоляя его передать Дублину все первосвященнические права, которыми до сих пор пользовалась Арма, в то время как депутат запросил инструкции относительно вакантного престола Армы (ноябрь 1551 г.). [90] Даудалл был лишен своей епархии, и первенство было перенесено в Дублин (1551).

Тем не менее Крофтс был вынужден признать, что Реформация в Ирландии практически не продвинулась вперед. Епископы и духовенство не оказали ему никакой поддержки, и, несмотря на все, что он мог сделать, "старые церемонии" были продолжены. Он умолял своих друзей в Англии прислать надежных людей из Англии, чтобы заполнить вакантные епископства и изложить "действия короля", или, если они не могли этого сделать, прислать несколько ученых мужей, чтобы остаться с ним, советами которых он мог бы лучше направлять "слепых и упрямых епископов". Кафедры в Арме, Кэшеле и Оссори в то время были вакантны, и, как указал депутат, для реформаторов было жизненно важно назначить надежных священников. Кранмер выдвинул четырех священнослужителей на престол Армы, из которых король выбрал Ричарда Тернера, викария в Кенте. Но он отказался от этой чести, предпочтя подвергнуться риску быть повешенным повстанцами, чем отправиться в Арму, где ему пришлось бы "проповедовать на стенах и в партере, потому что люди не понимают по-английски". Кранмер попытался переубедить его, напомнив, "что если он потрудится выучить ирландский язык (что при усердии он может сделать через год или два), то его доктрина станет более приемлемой не только для его епархии, но и для всей Ирландии". Несмотря на эту великолепную перспективу, Тернер упрямо отказывался, и в конце концов Арма была предложена некоему Хью Гудейкру и принята им. [91] Кашел, по-видимому, считался еще более безнадежным, и поскольку никто, на кого правительство могло положиться, не был готов пойти на риск, престол оставался вакантным до конца правления Эдуарда VI. Хотя Крофтс был решительно сторонником новой религии, у него хватило безрассудства предложить назначить Томаса Лавероуса, наставника и бывшего защитника юного наследника Килдэра, в Кэшел или Оссори. "Благодаря учености, благоразумию и хорошей жизни, - писал он, - он самый кроткий человек в этом королевстве и лучше всего умеет проповедовать как на английском, так и на ирландском языках. Я слышал, как он произносил такую проповедь, какой, по моему простому мнению, я не слышал уже много лет". [92]

Но поскольку Лаверус был хорошо известен как не только джеральдинец, но и убежденный папист, рекомендация депутата была отвергнута, и престол Оссори был передан Джону Бейлу. Последний был бывшим монахом-кармелитом, который, по его словам, был избавлен от невежества и слепоты папизма светским лордом, хотя, по словам других, "его жена Дороти приложила такую же большую руку к этому счастливому делу, как и Господь". Из-за его жестоких икрамольных проповедей он был брошен в тюрьму, из которой был освобожден

Кромвелем, у которого он снискал большое расположение своими непристойными и оскорбительными пьесами, направленными против доктрин и практик Церкви. После падения своего покровителя в 1540 году Бейл счел необходимым бежать с женой и детьми в Германию, откуда он вернулся в Англию после смерти Генриха VIII. Он был человеком значительных способностей, "не придававшим большого значения истине, если бы он мог только усилить врагов папства", и настолько грубым и вульгарным в своем языке и идеях, что его работы были справедливо охарактеризованы тем, чей протестантизм не подлежит сомнению, как "навозная куча". [93]

Освящение Гудейкра и Бейла было назначено на февраль 1553 года, и посвящающими прелатами должны были стать Браун, Ланкастер, который был вторгнут королем в Килдэр, и Юджин Магеннис из Дауна. Во время самой церемонии освящения возникла особая трудность. Хотя Первая Книга общей молитвы была легализована в Ирландии королевским указом, Порядковый номер и Вторая книга общей молитвы никогда не применялись на основании аналогичного ордера, и их использование не было ни обязательным, ни законным. Однако Бейл потребовал, чтобы за ними следили. Когда декан Церкви Христа настоял на использовании римского порядкового номера, избранный епископ назвал его "тупоголовым деканом и болваном, который заботится только о своем брюхе", а когда Браун осмелился предложить отложить церемонию до принятия решения, на него напали как на "апикурея", единственной целью которого было "использовать доверенных лиц любого епископства в своих корыстолюбивых целях". Жестокость Бейла превзошла все ожидания, вплоть до выдачи обычного хлеба для службы Причастия. [94]

Гудейкр по английским законам был архиепископом Армы, но угрожающее отношение Шейна О'Нила лишило его возможности когда-либо иметь удовольствие увидеть свой собственный собор. Бейлу, однако, повезло больше. Он направился в Килкенни, где начал уничтожать изображения в церкви Святого Каниса и выступать против мессы и Благословенной Евхаристии, но только для того, чтобы обнаружить, что его собственный капитул, духовенство и подавляющее большинство людей были едины в своем противостоянии ему. -----

[1] / Государственные документы, Курица. VIII./, ii., 9.

[2] / Государственные документы/, ii., 197.

[3] Гаске, /Генрих VIII. и английские монастыри/, стр. 51.

[4] /Государственные документы/, ii., 465, 539; iii., 1, 5, 8, 29, 35, 65. Бэгвелл, штат Айова, 379 кв.

[5] Этот отчет о парламенте, 1536-7 гг., взят из книги Брюера "Письма и документы, иностранные и отечественные", Генрих VIII. /, тома x, xi, xii. Ссылки можно найти под соответствующими датами.

[6] Отчет о работе этой Комиссии см.

/Письма и бумаги Генриха VIII./ xii., часть ii., стр. 294-316.

[7] /Письма и документы Курицы. VIII./, xii., часть i., № 1447; часть ii., 159.

- [8] /Государственные документы/, ii., 465-6.
- [9] /Письмо Брауна Кромвелю/, Id., 539-41.
- [10] /Письма и документы Генриха VIII./, xiii., часть первая., № 961.
- [11] /Государственные документы/, ii., 570.
- [12] Id., iii., 6.
- [13] Id., ii., 516. /Письма/ и др., xii., стр. 1, 159, 658, 769; xiii., стр. 1, 1420.
- [14] /Государственные документы/, iii., 1-3.
- [15] /Государственные документы/, iii., 8, 29, 31.
- [16] /Письма и документы/, xii., ч. 2, № 64.
- [17] /Государственные документы/, ii., 560.
- [18] Грей Генриху VIII, 26 июля 1538 г. Id. iii., 57 кв.
- [19] Браун - Кромвелю, iii., 122-4.
- [20] Id., 63-65.
- [21] /Государственные документы/, ii., 570.
- [22] /Государственные документы/, iii., 110.
- [23] Id., iii., 18.
- [24] /Государственные документы/, iii., 122.
- [25] /Государственные документы/, iii., 35.
- [26] Id., iii., 95.
- [27] Id., iii., 103.
- [28] /Анналы Ф. М./, 1537; /Лох-Се/, 1538 (правильная дата, 1538-9).
- [29] /Hib. Доминиканская республика/, стр. 726-52.
- [30] /Письма и документы Хен. VIII./, том xi., № 1416.
- [31] /Ирландские статуты/, i., 127-32.
- [32] /Государственные документы/, ii., 438.
- [33] /Календарь патентных списков, Ирландия/, i, 55.
- [34] /Календарь патентных списков, Ирландия/, i, 54-55.
- [35] /Государственные документы/, iii., 130.
- [36] /Письма и документы/, xiv., 1-я часть, № 1006.

[37] /Государственные документы/, iii., 142-3.

[38] /Письма и документы/, xiv., часть 1, № 1021.

[39] О сдаче см. / Календарь патентных списков /, i., 53-9. / Календарь государственных документов, Ирландия (1509-73) /, 56-58.

[40] О пенсиях, выплачиваемых религиозным деятелям, см. / Женихи Генриха VIII./ (Приложение к Седьмому отчету Государственного ректората). /Календарь патентных списков, Ирландия/, i., 59 кв.

[41] Об этих грантах см. / Женихи Генриха VIII. Седьмой отчет Д. Хранителя П. Р., Ирландия./

[42] /Письма и документы/, xvi., № 775.

[43] Под 1537 годом. Дата неверна.

[44] Мант, /Церковная история Ирландии/, 1846, ii., 713.

[45] /Государственные документы/, iii., 56-7, 136-7, 147, 175-6.

[46] /Государственные документы/, ii., 514-5.

[47] Ср. /Государственные документы/, том iii. /Письма и бумаги Генриха VIII./, xiii.-xvii. /Календарь документов, Ирландия (1537-41) / . /Календарь рукописей Кэрю/, том i.

[48] /Государственные документы/, iii., 332-3.

[49] Ср. /Государственные документы/, ii., 480; iii., 30, 278.

[50] /Письма и документы/, xvi., № 935. Существует явное расхождение между этим документом и официальным отчетом Сент-Леджера (/ Государственные документы/, iii., 305) в отношении присутствующих священнослужителей.

[51] /Государственные документы/, iii., 123.

[52] Id., 431.

[53] Гогарти, /Рассвет Реформации в Ирландии/ (/Ir. Th. Кварта./, viii.).

[54] Ср. /Государственные документы/, том iii., 427 кв. м., /Письма и документы Хен. VIII./, xvi. с. 225, /Куриные женихи. VIII./ (157, 387).

[55] /Государственные документы/, iii., 429.

[56] /Письма и документы/, xii., часть 1, № 1467.

[57] Id., xvi., стр. 225.

[58] Ср. /Женихи Генриха VIII./, № 104, 108, 147.

- [59] Ср. Удостоверение личности, № 187, 262-3, 378.
- [60] Об этих назначениях см. / Календарь патентных списков/, i, 1536-46.
- [61] Бриджит, /Грубые ошибки и подделки/, 1890, 244.
- [62] /Государственные документы/, iii., 305.
- [63] Ср. Стюарт-Коулман, /Исторические мемуары Армы/, xi., Моран, /Спец. Оссириенсе /, i., 13-32.
- [64] /Государственные документы/, iii., 429.
- [65] Стюарт-Коулман, xi. Гогарти, /Документы, касающиеся примаса Даудалла/, (/Archiv. Hib./, тома i., ii.).
- [66] Хоган, /Гиберния Игнатиана/, 1880, 6-8.
- [67] /Государственные документы/, iii., 562. Весьма вероятно, как по внутренним, так и по внешним признакам, что это письмо является подделкой.
- [68] /Государственные документы/, iii., 555-66.
- [69] Id., 580 кв.
- [70] /Документы Кэрю (1515-74)/, 245-6.
- [71] /Календарь патентных и завершающих рулонов/, i, 150.
- [72] Ширли, /Оригинальные письма и документы/, 3, 31.
- [73] Ширли, /Оригинальные письма и документы/, 18, 20.
- [74] Id., 22-25.
- [75] Ширли, /Оригинальные письма и документы/, 22.
- [76] Id., 32-5.
- [77] Ширли, /Оригинальные письма и документы/, 35. Ренехан-Маккарти, / Сборники по истории ирландской церкви /, том i, 239.
- [78] /Календарь государственных документов/ (Ирландия), i, 107.
- [79] /Календарь статей Кэрю/, i., 226-7.
- [80] Ширли, указ. соч., 41-2.
- [81] Бэгвелл, /Ирландия при Тюдорах/, i., 352.
- [82] Ширли, указ. соч., 47-8.
- [83] /Архив. Хиб./, i., 260.

[84] Ср. /Архив. Хиб./, i., 264-76. Сох, /Hib. Anglicana/, 288-90. Отчет о Конференции явно искажен. Вероятно, это связано с пером Роберта Уэра.

[85] Ширли, указ. соч., 54-60.

[86] /Calendar Carew Papers/, i., 231.

[87] /Archiv. Heb./, ii., 245.

[88] Id., 246.

[89] /Archiv. Hib./, ii., 246-55. (Очень неполный отчет о диспуте.)

[90] Ширли, указ. соч., 58-61.

[91] Бэгвелл, указ. соч., i., 369.

[92] Ширли, указ. соч., 62.

[93] Уэрс /Сочинения/, i., 416-17.

[94] Из его собственного рассказа в /Vocacyon of John Bale/ и др. (/Харл. Ошибка./, vi.).

ГЛАВА IX

ЦЕРКОВЬ В ИРЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЫ (1553-1603)

См. библиографию, ii. Гамильтон, / Календарь государственных документов Ирландии /, 4 тома. / Календарь государственных документов / (Кэрю), 6 томов., 1867-73. /Archivium Hibernicus/, vols. i., ii., iii. (1912-14). Моран, Специи. Оссор. Id./, Издания / Commentarius de Regno Hiberniae/ (Ломбард), 1863, и / Analecta / (Пот), 1884. O'Sullivan, /Historiae Catholicae Iberniae Compendium/ (ed. Келли), 1850 год. Bruodin, /Passio Martyrum/, 1666. Molanus, /Idea togatae constantiae . . . cui adjungitur tripartita martyrum Britannicarum insularum epitome/, 1629. Ширли, указ. соч. Брэди, / Государственные документы, касающиеся Ирландской церкви во времена королевы Елизаветы /, 1866. Cotton, /Fasti Ecclesiae Hiberniae/, 6 vols., 1851-78. Хоган, /Описание Ирландии и др., 1598/, 1878. О'Дэли-Михан, / Возвышение, преумножение и изгнание Джеральдинов, графов Десмондов / и др., 1878. Спенсер, /Вид на государство Ирландия /, 1633. Линч-Келли, /Cambrensis Eversus/ и др., 3 тома., 1848. /Liber Munerum publicorum Hiberniae/, 1152-1824, 2 vols., 1848. Гилберт, / История города Дублина /, 3 тома., 1859. Удостоверение личности., / Факсимиле Национальных рукописей Ирландии /, 4 тома., 1875. Лодж, / Desiderata Curiosa Hibernica / и др., 2 тома, 1772. /Pacata Hibernia/, 1633.

Смерть Эдуарда VI. (6 июля 1553 г.) и восшествие на престол королевы Марии на некоторое время положили конец кампании против католической церкви. Партия графа Нортумберленда предприняла слабую попытку в Ирландии, как и в Англии, обеспечить престолонаследие леди Джейн Грей, но их усилия не возымели никакого эффекта. 20 июля тайный совет Англии направил официальный приказ о провозглашении королевы Марии вместе с объявлением о том, что она уже провозглашена в Лондоне королевой Англии, Франции и Ирландии, Защитницей Веры и на земле Верховной Главой Церквей Англии и Ирландии. [1] Этому приказу незамедлительно подчинились в Дублине и в главных городах Ирландии. В Килкенни лорд Маунтгаррет и сэр Ричард Хоут приказали отслужить благодарственную мессу, а когда Бейл

отказался допустить такое идолопоклонство, они сообщили духовенству, что больше не обязаны подчиняться епископу. Мария была провозглашена в Килкенни (20 августа), и на следующий день духовенство и народ овладели собором Святого Каниса. Толпы горожан продолжили атаковать дворец епископа, так что мэру Килкенни лишь с величайшим трудом удалось спасти свою жизнь, отправив его ночью в Дублин под охраной вооруженного эскорта. Из Дублина Бейлу удалось бежать в Голландию, откуда он направился в Базель, где провел свое время, клеветая на католическую религию, ирландское духовенство и народ.

Вскоре после коронации королевы Марии сэр Томас Сент-Леджер был отправлен в Ирландию в качестве заместителя с инструкциями немедленно предпринять шаги для полного восстановления католической религии. Примас Даудалл был отозван из ссылки и восстановлен на своем престоле в Арме; первенство, которое было отнято у Армы при предыдущем правлении из-за враждебного отношения Даудалла к религиозным нововведениям, было восстановлено, и ему были предоставлены различные субсидии, чтобы компенсировать понесенные им убытки.

[2] В апреле 1554 года Даудоллу и Уильяму Уолшу, бывшим настоятелям цистерцианского аббатства Бективе, было дано королевское поручение отстранить священнослужителей, вступивших в брак, от их бенефиций. В силу этого поручения Браун из Дублина, Стейплс из Мита, Томас Ланкастер из Килдэра и Трэверс, которые были вторгнуты в епархию Лейлина, были отстранены. Бейл из Оссори уже сбежал, и Кейси из Лимерика также удалось совершить свой побег. О'Серваллен Клогерский, низложенный папой римским, был изгнан из своей епархии, и во дворце Ламбет перед кардиналом Поулом было начато расследование, чтобы определить, кто был законным архиепископом Туама. Кристофер Бодкин, епископ Килмакдуа, был назначен королем в Туам в 1536 году, в то время как два года спустя Артур О'Фриджил, каноник Рафо, получил тот же престол по распоряжению папы. На допросе у кардинала Поула было доказано, что, хотя Бодкин и заразился расколом, он сделал это скорее из страха, чем по убеждению, что он всегда был суровым противником ереси и что в городе и епархии Туама новые взгляды не добились прогресса. По-видимому, в результате расследования было заключено соглашение, согласно которому Бодкину было разрешено сохранить владение Туамом. [3] Другим епископам было разрешено сохранить свои кафедры без возражений, что явилось явным доказательством того, что их ортодоксальность не вызывала сомнений.

Вместо тех, кто был смещен, англичанин Хью Карвен был назначен в Дублин, Уильям Уолш, один из королевских уполномоченных, - в Мит, Томас Лавероус, бывший наставник молодого Гаррета Фитцджеральда, - в Килдэр, Томас О'Фихил, августинский отшельник, - в Лейлин, а Джон О'Тонори, постоянный каноник церкви Св. Августин - Оссори, в то время как Джон Куинн из Лимерика, который был вынужден отказаться от престола Лимерика во время правления Эдуарда VI, по-видимому, был восстановлен. Выбор Карвена на должность архиепископа Дублина был особенно неудачным. Каким бы образованным он ни был или каким бы выдающимся ни было его происхождение, он не отличался непоколебимостью своих религиозных принципов. Во время правления Генриха VIII. он приобрел дурную славу своей публичной защитой королевского развода, а также своими нападениями на папское превосходство, хотя, как и Генрих, он был убежденным сторонником Реального присутствия Христа в Евхаристии и Пресуществления. Как истинный придворный, он сразу же изменил свое мнение после восшествия на престол королевы Марии и был вознагражден повышением в должности в Дублине и назначением лордом-канцлером Ирландии (1555). Упраздненный Кафедральный капитул Святого Патрика был восстановлен в "первозданном виде"; были

назначены новые сановники и каноники, и большая часть конфискованного имущества была возвращена. [4]

Мессы и католические церемонии были восстановлены без каких-либо возражений в тех церквях Дублина и Ленстера, в которых была введена английская служба. Новый архиепископ провел в Дублине провинциальный синод (1556), чтобы стереть все следы ереси и раскола. Примас Даудалл ранее созвал синод Северных провинций в Дрохеде для проведения аналогичной работы. На этом собрании было постановлено, что все священники, пытавшиеся вступить в брак во время смут предыдущего правления, должны быть лишены своих пособий и отстранены от должности; что духовенство, принявшее еретические обряды в религиозных празднествах и при отправлении Таинств, должно быть допущено к помилованию в случае, если они раскаются в своих преступлениях и смогут доказать, что их падение было вызвано страхом, а не убеждением; что все древние обряды и церемонии Церкви в отношении крестов, образов, свечей, кадил, канонических часов, мессы, отправления таинств, дней поста, праздников, святой воды должны быть соблюдены, и освященный хлеб должен быть восстановлен; что Книга общей молитвы и т.д. Должна быть сожжена, и что примас и епископы провинции должны назначить инквизиторов в каждой епархии, которым духовенство должно доносить на тех, кто отказывается следовать католическому богослужению и церемониям. Были также приняты меры, чтобы положить конец злоупотреблениям в связи с раздачей пособий мирянам и детям, с назначением священнослужителей на приходы и высокие должности Святым Престолом по ненадежной рекомендации местной знати, с чрезмерными сборами, взимаемыми некоторыми представителями духовенства, с пренебрежением к тем, в чьи обязанности входило вносить вклад в ремонт приходских церквей, и с отказом некоторых священников носить подобающую священническую одежду. [5]

В июле 1556 года лорд Фитцуолтер был отправлен в Ирландию в качестве заместителя. "Наш упомянутый депутат и Совет, - согласно королевским инструкциям, - должны своим собственным хорошим примером и всеми другими возможными для них благими средствами продвигать честь Всемогущего Бога, истинную католическую веру и вероисповедание, ныне по великой милости Божьей и особой благодати восстановленные в наших королевствах Англии и Ирландии, а именно они должны отстаивать честь и достоинство Святейшества Папы Римского и Апостольского престола в Риме, и время от времени быть готовыми с нашей помощью и светской силой, по просьбе всех духовных служителей и ординариев там, наказывать и подавлять всех еретиков и Лоллардов, а также их последователей". проклятые секты, мнения и ошибки". Им также было приказано оказывать помощь комиссарам и должностным лицам, которых кардинал Поул в качестве папского легата намеревался вскоре направить с визитом к духовенству и народу Ирландии. [6] По прибытии нового заместителя в Дублин он официально отправился в Церковь Христа, чтобы присутствовать на мессе, после празднования которой он получил государственный меч от своего предшественника перед алтарем и принес присягу в присутствии архиепископа. "Когда это было сделано, зазвучали трубы и забили барабаны, а затем лорд-наместник преклонил колени перед алтарем, пока / Te Deum/ не закончился". [7]

Новому заместителю было поручено принять меры для созыва заседания парламента в следующем году, чтобы дать юридическую санкцию на восстановление католической религии и разобраться с церковным имуществом, которое было конфисковано. Возможно, в надежде вернуть некоторые из них Церкви, архиепископу Дублина, епископу Килдэра и ряду священнослужителей и мирян было дано поручение "навести справки о чашах, крестах,

украшениях, колоколах и другом имуществе, принадлежащих приходским церквям или часовням в графстве Дублин, и о продаже их любому лицу или лицам, о цене, в чьих руках они тогда оставались, а также в чьем владении находились дома, земли и доходные дома, принадлежащие этим церквям". Аналогичные поручения были выданы другим для графств Дрохеда и Лаут, Килдэр, Карлоу, Уэксфорд, Килкенни, Мит, Уэстмит, Уотерфорд, Типперэри, Лимерик, Корк и "для графства Коннот". [8]

В июне 1557 года состоялось заседание ирландского парламента. Буллу об отпущении грехов за ересь и раскол зачитал архиепископ Дублина, преклонив колени, в то время как лорд-наместник, официальные лица и прихожане, как пэры, так и простолюдины, преклонили колени вокруг него. Когда эта церемония была закончена, все удалились в собор, где было пропето благодарственное / *Te Deum* /, и все поклялись в знак своего искреннего раскаяния отменить все законы, которые были приняты против Святого Престола. Акты, ущемляющие права папы римского, принятые с 1529 года, были отменены. Титул верховного главы церкви, как было заявлено, "никогда не был и не мог быть справедливо приписан или признан каким-либо королем или суверенным правителем, и никоим образом король или суверенный правитель тех же королевств не мог или не мог быть законно востребован, оспорен или использован". "Всем Буллам, разрешениям и привилегиям, полученным до 1529 года или в любое время после, или которые впоследствии будут получены от Римского престола, не содержащим материалов, противоречащих или наносящих ущерб авторитету, достоинству или королевскому превосходству этих упомянутых королевств или законам этого королевства", разрешалось "приводить в исполнение, использовать и оспаривать в любом гражданском суде Ирландии и других стран". Юрисдикция епископов была восстановлена, законы против ереси, принятые в правление Ричарда II. и Генриха IV. были возобновлены, и выплата Первых плодов была отменена. Однако были приняты меры к тому, чтобы воспользоваться разрешением, предоставленным Святым Престолом, согласно которому те, кто получил во владение имущество церквей и монастырей, не должны подвергаться беспокойству, хотя было постановлено, что ни один из мирян, получивших такие гранты, не мог ссылаться на права освобождения, которыми пользовались некоторые из их бывших владельцев, против юрисдикции епископов, и что, несмотря на Уставы *Mortmain*, те, кто тогда владел "поместьями, доходными домами, приходами, десятиной, пенсиями или другим имуществом по наследству", могли завещать или оформлять их любому духовному органу в королевстве, такой пункт должен иметь сила закона в течение двадцати лет. [9]

Ни с какой стороны не было оказано ни малейшего противодействия восстановлению католического богослужения, и, следовательно, не было необходимости прибегать к преследованиям. Во время этого правления протестантов Ирландии не преследовали ни огнем, ни пытками. "По правде говоря, Реформация не была посеяна в Ирландии, и не было повода поливать ее кровью мучеников; настолько, что несколько английских семей, друзей Реформации, удалились в Ирландию как в безопасное убежище; где они наслаждались своим мнением и богослужением в уединении без уведомления или домогательств". [10] Тем не менее, несмотря на такое терпимое отношение как официальных лиц, так и народа Ирландии, абсурдную историю, впервые упомянутую в брошюре, напечатанной в 1681 году, до сих пор можно найти во многих книгах, посвященных правлению Марии. Согласно этой истории, королева назначила группу уполномоченных для проведения массовых преследований в Ирландии, и она доверила этот документ одному из уполномоченных, некоему доктору Коулу. По пути в Ирландию последний задержался в Честере, где его встретил мэр, которому он доверил

цель своей миссии. Хозяйке гостиницы, подслушавшей разговор, удалось украсть комиссионные и заменить их колодой карт. Доктор Коул добрался до Дублина и поспешил на встречу с лордом-депутатом и советом. "После того, как он произнес речь, рассказывающую, по какому поводу он пришел, он вручает коробку лорду-наместнику, который велит открыть ее, чтобы секретарь мог прочитать поручение, там не было ничего, кроме колоды карт с валетом треф сверху". Доктор Коул заверил их, что "у него было поручение, но он не знал, как оно пропало". Затем лорд-наместник ответил: "Давайте поручим нам еще одно поручение, а мы тем временем перетасуем карты". Гонец быстро вернулся в Англию, "и, прибыв ко двору, получил еще одно назначение, но, задержавшись ненадолго на берегу, дошел до известия, что королева мертва. И таким образом Бог сохранил протестантов Ирландии". [11] Эта нелепая выдумка впервые была упомянута в брошюре, написанной известным фальсификатором Робертом Уэром в 1681 году, и была перепечатана в его "Жизни" архиепископа Брауна (1705). Его принятие более поздними авторами, несмотря на его очевидную глупость и отсутствие подтверждения ни официальными документами того периода, ни какими-либо современными авторитетами, может быть объяснено только их религиозными предрассудками. [12]

Но хотя Мария восстановила мессу и вновь подтвердила юрисдикцию папы Римского, ее политическая политика в Ирландии мало чем отличалась от политики ее отца или брата. Она была так же полна решимости, как и Генрих VIII, привести страну в соответствие с английскими законами и увеличить тем самым ресурсы казны. Это правда, что она позволила молодому Гаррету Фицджеральду, нашедшему убежище в Риме, вернуться в страну, что она вернула ему его поместья и удостоила его места в тайном совете. Брайан О'Коннор из Оффали также был освобожден из тюрьмы и ему разрешили вновь посетить свои территории. За то время, пока Сент-Леджер занимал свой пост, он следовал старой политике усиления английского влияния путем примирения, а не силой. Но граф Сассекс был иного мнения. Он собрал свои войска и совершал набеги на ирландские округа, к принцам и жителям которых он питал глубочайшее презрение. Именно во время правления Марии план английских плантаций был впервые введен в действие путем переселения коренных ирландцев с больших территорий Лейкса и Оффали, чтобы освободить место для английских поселенцев. И все же, несмотря на военные походы Сассекса, ситуация в стране становилась все хуже и хуже, так что примас Даудолл смог написать тайному совету Англии (1557 г.), что "на моей памяти это бедное королевство никогда не было в худшем состоянии, чем сейчас, за исключением того времени, когда О'Нил и О'Доннелл вторглись в Черту Оседлости и сожгли большую ее часть. Север так же не вписывается в рамки, как и раньше, ибо шотландцы правят так, как им заблагорассудится, не только в тех землях, которые они недавно узурпировали, но и в Тайной жизни. О'Муры и О'Конноры разрушили и сожгли Лейкс и Оффали, сохранив некоторые форты". [13]

После смерти королевы Марии в ноябре 1558 года английский трон унаследовала ее сестра Елизавета. Хотя она тщательно скрывала свои протестантские симпатии и даже заявляла о своей искренней привязанности к старой религии во время правления своего предшественника, большинство людей верили, что грядут важные перемены. Как только известие о ее провозглашении достигло Ирландии в начале декабря, небольшая группа чиновников, попавших в опалу во время правления покойной королевы, поспешила выразить свои поздравления и выдвинуть свои требования о повышении. Сэр Джон Ален, бывший лорд-канцлер и главный уполномоченный по роспуску монастырей, написал Сесилу, чтобы выразить свою радость по поводу повышения последнего, приложил "памятный знак" и напомнил ему о том, что он (Ален) перенес за предыдущие пять лет. Сэр Джон Бейгенолл, бывший губернатор

Лейкса и Оффали, вспоминал тот факт, что он сильно проиграл и был вынужден бежать во Францию за сопротивление папскому господству. Он подал прошение о предоставлении бесплатной фермы стоимостью 50 фунтов стерлингов в год. Епископ Стейплс в письме Сесилу постарался указать, что он был лишен своей кафедры из-за женитьбы и навлек на себя личную неприязнь кардинала Поула, потому что осмелился молиться "за душу своего старого хозяина (Генриха VIII.)". [14] Однако некоторое время никаких изменений не происходило, и католическое богослужение продолжалось даже в Дублине, как во времена королевы Марии. Лорд-наместник Сассекс отправился в Англию в декабре 1559 года и доверил государственный меч архиепископу Дублина исэру Генри Сидни, оба из которых принесли присягу перед главным алтарем в Церкви Христа после того, как в их присутствии была отслужена месса.

Но решительная антикатолическая политика нового правительства вскоре дала о себе знать в Англии, и хотя министры были более осторожны в том, что касалось Ирландии, считалось, что там следует что-то предпринять, чтобы уменьшить влияние Рима. В инструкциях, выданных лорду-наместнику (июль 1559 г.), ему было сказано, что "депутат и Совет должны представить служение Всемогущему Богу перед своими глазами, и упомянутый депутат и все остальные члены этого совета, которые являются подданными этого королевства Англии по рождению, действительно используют обряды и церемонии, установленные законом, по крайней мере, в их собственных домах". [15] В проекте инструкций в том виде, в котором они были подготовлены, был добавлен еще один пункт: "чтобы другие уроженцы этой страны не могли иным образом использовать то же самое, кроме как по своему усмотрению, они должны быть утилизированы, и при этом ее Величество не намеревается нарушать закон". судите о них иначе, чем хорошо, и все же для лучшего примера и назидания молитвы в Церкви будет хорошо, если упомянутые члены совета, родившиеся в этой стране, время от времени будут при удобном случае использовать литанию на английском языке либо в своих домах, либо в церквях с чтением послания и Евангелия на том же языке и десяти заповедей ". [16] Хотя Сесил собственноручно вычеркнул этот пункт, это помогает показать, что правительство опасалось доводить ситуацию в Ирландии до крайности.

По возвращении граф Сассекс нанес обычный государственный визит в Церковь Христа, где, по-видимому, после мессы была исполнена английская литания (вероятно, предписанная Генрихом VIII). В связи с этим празднованием Роберт Уэр в 1683 году распространил историю о том, что духовенство, недовольное изменениями в литургии, решило прибегнуть к позорному самозванству, чтобы предотвратить дальнейшие нововведения. В следующее воскресенье, когда архиепископ и его заместитель присутствовали на Мессе, один из них приложил губку, смоченную кровью, к голове знаменитой статуи Исккупителя, и по лицу изображения потекла кровь. Внезапно во время службы трикстер и его сообщники подняли крик: "Смотрите, образ нашего Спасителя обливается кровью". Несколько простых людей, удивленных этим, пали ниц с четками в руках и помолились образу, в то время как Ли, который был виновен в обмане, все время кричал: "Как Он может выбирать, кроме как потеть кровью, в то время как ересь теперь пришла в Церковь?" Среди сцен величайшего возбуждения архиепископ приказал провести допрос; уловка была раскрыта; Ли и его сообщники были наказаны тем, что их заставили "стоять на столе со связанными ногами и руками в течение трех воскресений, а преступление было написано на бумаге и приколото к их груди"; и, чтобы завершить историю, недавний автор добавляет: "Протестанты торжествовали, римская партия была посрамлена, и приказам Карвена разбить статую подчинились без возражений". [17] Излишне говорить, что для такой истории нет оснований. Впервые она увидела свет в сборнике грубых изобретений "Охота на

римскую лисицу", опубликованном Робертом Уэром в 1683 году, и не подтверждается никакими современными свидетелями. Это не было известно сэру Роберту Уэру, из чьих бумаг автор якобы позаимствовал это; это не было известно сэру Дадли Лофтусу, который посвятил себя изучению ирландской истории и который, будучи племянником архиепископа Дублинского при Елизавете, имел бы исключительные возможности ознакомиться с фактами, равно как и архиепископу Паркеру, которому, по словам Уэра, был немедленно направлен полный отчет. [18] Автора этой книги использовали для разжигания страстей в Англии и Ирландии, чтобы предотвратить восшествие на престол Якова II., и в качестве прикрытия для своих подделок он притворился, что использует рукописи своего отца.

До сих пор католическая религия была единственной, признанной законом в Ирландии, и, следовательно, когда елизавета поручила наместнику позаботиться о том, чтобы ее подданные английского происхождения в Ирландии пользовались английской службой в своих частных домах, она позаботилась пообещать, что никто из них не будет подвергнут импичменту или преследованию за выполнение ее приказов. [19] Но ее заместителю было поручено созвать парламент в Ирландии "для принятия таких законов, которые недавно были приняты в Англии / с соответствующими изменениями /". [20] Парламент собрался в Дублине 11 января 1560 года. Согласно отчетам [21], было избрано семьдесят шесть членов, представляющих несколько графств и районов. Дублин, Мит, Уэстмит, Лаут, Килдэр, Карлоу, Килкенни, Уотерфорд, Уэксфорд и Типперэри были представлены единственными округами, каждый из которых вернул по два члена. Из представленных округов семнадцать были расположены в Ленстере, восемь - в Мюнстере, два - Атенри и Голуэй - в Коннахте, и только один, а именно Каррикфергус, был расположен в Ольстере. Двадцать три временных пэра были вызваны занять свои места, все они принадлежали к англо-ирландским семьям, за исключением О'Брайена из Томонда и Макгиллапатрика из Аппер-Оссори. Согласно записи, хранящейся в офисе "Роллс-Ройс", три архиепископа и семнадцать епископов заняли свои места, отсутствовали только Клогер, Дерри, Рафо, Килмор, Дромор, Клонмакнуаз, Ахонни, Килмакдуа, Килфенора и Майо. Арма была вакантна, поскольку примас Даудалл умер в августе 1558 года, а его преемник был назначен Римом только в феврале 1560 года. Но по многим причинам невозможно поверить, что двадцать епископов, упомянутых в этом списке, присутствовали в Дублинском парламенте. В лучшем случае это всего лишь довольно неточный отчет о тех, кто был вызван занять свои места, о чем свидетельствует тот факт, что для семи епархий имена епископов не возвращены; и что Даун и Коннор представлены как пославшие двух епископов, хотя обе епархии были объединены более века. Если иметь в виду, что согласно отчетам в Государственной бумажной конторе, четыре архиепископа и девятнадцать епископов представлены как присутствовавшие в парламенте 1541 года, [22] хотя в своем официальном отчете королю депутат прямо заявил, что присутствовали только два архиепископа и двенадцать епископов; [23] а также что были обнаружены грубые ошибки в списках духовных пэров, которые, как предполагается, присутствовали в парламентах 1569 [24] и 1585 годов, [25] любому непредвзятому уму будет очевидно, что отчет по парламенту 1560 года нельзя признать точным.

До сих пор не обнаружено достоверных сведений о работе парламента 1560 года. Заседание совета состоялось 11 января, на следующий день было отложено до 1 февраля, когда оно было распущено. [26] Однако более вероятно, что это продолжалось до 12 февраля. Согласно рукописям Лофтуса, парламент был распущен "по причине [его] отвращения к протестантской религии и их церковному правлению". "В самом начале работы этого парламента, - согласно другому авторитетному источнику, - доброжелатели Ее Величества обнаружили, что большая

часть знати и простых людей разделились во мнениях относительно церковного правительства, что вынудило графа Сассекса распустить их и отправиться в Англию, чтобы проконсультироваться с Ее Величеством о делах этого королевства". [27] Это последнее утверждение подтверждается тем фактом, что граф Сассекс определенно покинул Ирландию в феврале 1560 года. И все же, согласно дошедшим до нас сведениям, именно эта ассамблея дала протестантизму его первую юридическую санкцию в Ирландии. Он отменил верховенство папы и вернул королеве полную духовную юрисдикцию, которой пользовался Генрих VIII. и Эдуард VI., обязал всех лиц, занимающих церковные или светские должности, приносить клятву королевского превосходства под страхом лишения, наложил наказание в виде конфискации всего имущества за первое преступление на тех, кто выступал в пользу папы, наказание, предусмотренное для / *praemunire* / в случае второго такого преступления, и смерть за третье преступление, и предписал использовать Книгу общей молитвы во всех церквях королевства. Любой священнослужитель, отказывавшийся следовать предписанной форме богослужения, подлежал конфискации годового дохода и отправлению в тюрьму за первое преступление, за второе - полному лишению свободы и произвольному заключению, а за третье - пожизненному заключению. Миряне были обязаны присутствовать на службе под угрозой отлучения от церкви и штрафа в двенадцать пенсов, который церковные старосты должны были взимать с их имущества. Короне были возвращены первые плоды, и формальность канонического избрания епископов была отменена. На будущее в случае вакансии право назначения принадлежало непосредственно суверену. [28]

Принимая во внимание тот факт, что города и графства, из которых были возвращены члены церкви, упорно сопротивлялись введению английской службы, что большинство пэров-мирян цепко держались за Мессу, некоторые из них, как граф Килдэр, были обвинены в этом преступлении через несколько месяцев после роспуска парламента, и что епископы, за одним или двумя исключениями, выступили против изменения, остается только удивляться, как такие меры могли получить санкцию парламента. Согласно хорошо поддерживаемой традиции, они добрались до свода правил только обманным путем, поскольку были спешно завершены в праздничный день, когда большинство членов думали, что сессия проводиться не будет. Позже, когда были высказаны возражения против такого метода, депутат, как говорят, заставил сопротивляющихся замолчать, заверив их, что это всего лишь формальности, которые должны остаться мертвой буквой. [29]

Иногда говорят, что ирландские епископы того периода признали титул Елизаветы как "верховного правителя спиритуалов" и отказались от Мессы в пользу Книги общих молитв. Однако ничто не могло быть дальше от истины. За единственным исключением Карвена, от которого ничего лучшего нельзя было ожидать, учитывая его прошлые вариации, нельзя с уверенностью доказать, что кто-либо из епископов оказался нелояльным к оказанному им доверию. Есть некоторые основания для подозрений в случае с Кристофером Бодкином из Туама и Томасом О'Фихилом, оба из которых были представлены как принявшие присягу, но настоятельная рекомендация первого Святому Престолу иезуитом отцом Дэвидом Вулфом и тот факт, что современные авторы последовательно обходят стороной последнего в их перечислении протестантских епископов, ясно показывают, что их промах, если такой промах мог быть, был более или менее непреднамеренным. Тот факт, что некоторые епископы, как, например, Роланд Фитцджеральд из Кэшела, Лейси из Лимерика, Уолш из Уотерфорда, Де

Бурго из Клонферта, Деверо из Фернса, О'Фихил из Лейлина и Бодкин из Туама, были назначены в правительственные комиссии, не доказывает, что они перестали быть католиками, точно так же, как назначение Брауна в аналогичную комиссию во время правления королевы Марии [30] не доказывает, что он перестал быть протестантом. То, что ирландские епископы оставались верны вере, ясно из некоторых официальных документов того периода. В 1564 году двое уполномоченных, которые были назначены для обеспечения соблюдения Актов королевского превосходства и единообразия богослужения, сообщили, что в Ирландии есть только два достойных епископа, а именно Адам Лофтус, который вторгся в Арму, но не осмеливается посещать свою епархию, и Брейди, который был назначен королевой в Мит. "Остальные епископы, - говорят они, - все ирландцы, нам больше ничего не нужно говорить". В следующем году было объявлено, что Карвен Дублинский, Лофтус и Брэди были единственными епископами, усердствовавшими "в провозглашении славы Божьей и истинной христианской религии"; а в 1566 году сэр Генри Сидни сообщил, что, за исключением Лофтуса и Брэди, он не нашел никого другого, "желающего реформировать свое духовенство, или преподавать какую-либо полезную доктрину, или служить своей стране или общественному благу в качестве магистратов". [31] В документе [32], составленном одним из шпионов Сесила в 1571 году, епископы провинции Лофтус и Брэди заявили, что "не желают реформировать свое духовенство". Арма, Кэшель и Туам описаны как / Католики и конфедераты /, в то время как в провинции Дублин Лофтус, Дейли, Кавена и Гафни, трое последних из которых были вторгнуты королевой в Килдэр, Лейлин и Оссори, описаны как протестанты, как и Деверо из Фернса, в ортодоксальности которого могут быть некоторые сомнения, хотя, к сожалению, о его порочной жизни может быть очень мало сведений.

Едва были приняты Акты о королевском верховенстве и единообразии, как ряду судей и должностных лиц было поручено привести к присяге верховенство. Из епископов, находившихся в сфере английской юрисдикции в тот период, Карвен уже поддержал эти меры, Уильям Уолш из Мита немедленно отказался, как и Томас Левероус из Килдэра (февраль 1560 г.). [33] Позже, когда лорд-наместник вернулся из Лондона, была предпринята еще одна попытка убедить этих епископов изменить свое мнение, но безуспешно. В ответ заместителю епископ Килдэрский заявил, что вся юрисдикция исходит от Христа, "и поскольку Христос не считал правильным наделять духовной властью женщин, даже Свою собственную Благословенную Мать, как, спросил он, можно верить, что королева Англии является верховным правителем Церкви?" Вслед за этим депутат пригрозил ему лишением прав и, как следствие, потерей доходов, если он не подчинится, но епископ напомнил ему слова Священного Писания: "Какая польза человеку от приобретения всего мира, если он понесет потерю своей собственной души?" [34] Он был изгнан с престола и некоторое время преподавал в частной школе в графстве Лимерик, но он вернулся в свою епархию, где и умер близ Насса (1577). [35] Епископ Мита продолжал выступать против религиозной политики правительства. В 1565 году уполномоченные снова вызвали его, но "в тот же день он открыто заявил перед всем народом, что никогда не будет общаться или присутствовать там, где должна совершаться служба, поскольку это было против его совести и слова Божьего". Поскольку он был человеком, "пользующимся большим авторитетом среди своих соотечественников, от которого они полностью зависят в вопросах религии", его бросили в тюрьму, [36] где он томился в тяжких страданиях до 1572 года, когда ему удалось бежать во Францию. Позже Святой Престол предоставил ему средства, чтобы он мог продолжить свое путешествие в Испанию. Он умер среди своих братьев-цистерцианцев в Алькале в 1577 году. Джон О'Тонори, который был

назначен в "Оссори" после поспешного бегства Бэйла, похоже, тоже оскорбил правительство. Хотя последний предпочел посвятить себя историческим исследованиям после восшествия на престол Елизаветы, а не довериться нежной милости жителей Килкенни, его соперник, похоже, не рассматривался правительством как законный епископ Оссори. Его имя действительно фигурирует в списке церковных комиссаров, назначенных в 1564 году, [37] но, похоже, это была ошибка со стороны официальных лиц или, возможно, приманка, брошенная, чтобы побудить О'Тонори подчиниться. Во всяком случае, достоверно, что в 1561 году епископство Оссори было возвращено как вакантное, и было предложено возложить это назначение на декана Килкенни, [38] а в июле 1565 года, перед смертью О'Тонори, в инструкциях, составленных для сэра Генри Сидни и исправленных Сесилом, ее Величество сказано, что "епископство Оссори долгое время было вакантным". [39] Поскольку это может относиться только к смерти Бейла, который умер в 1563 году, ясно, что О'Тонори был назначен настоятелем. в том, что касалось министров Елизаветы, они были заключены в квадратные скобки с Уолшем и Левеузом. Если бы правительство могло это сделать, аналогичные меры были бы приняты против епископов в других частях Ирландии, но, столкнувшись с Шейном О'Нилом на Севере и угрозой объединения всех сил Джеральдинцев на Юге, было сочтено благоразумным не провоцировать кризис яростной антикатолической пропагандой в тех частях страны, которые еще не подверглись английскому влиянию. [40]

Были назначены уполномоченные для приведения к присяге епископов, судей и высших должностных лиц, мировых судей и т.д. В Килдэре (1560) и должностных лиц в Уэстмите. [41] Но до тех пор, пока не найдутся епископы, готовые занять место тех, кто отказался принять новые законы, никакого прогресса добиться не удастся. Карвен Дублинский, следуя своему старому правилу принимать религию суверена как истинную, подчинился Акту превосходства и Акту единообразия. В соответствии с указаниями королевы он убрал картины и статуи из церкви Христа и собора Святого Патрика, замазал картины и фрески на стенах, чтобы скрыть все признаки "идолопоклонства" и подготовить почву для тщательно подобранных библейских текстов. Однако он не был счастлив в своем новом положении. Он подал прошение о переводе из Дублина в Херефорд, обосновывая свое требование тем фактом, что "он был человеком, чей герб наиболее сурово подходил короне ни в Англии, ни в Ирландии". [42] Но его прошение не было удовлетворено. Два года спустя Адам Лофтус, который, хотя и был номинальным архиепископом Армы, боялся посещать свою епархию, обвинил Карвена в серьезных преступлениях, которые ему было стыдно раскрывать, и, вероятно, в результате этого королева поручила своему заместителю побудить его уйти в отставку, пообещав ежегодную пенсию в размере 200 фунтов стерлингов (1563). [43] Но Карвен, опасаясь, что "уход архиепископа и неполучение другого" может заставить людей поверить, что он был обделен, смело выступил за лучшие условия. Затем Хью Брейди, епископ королевы Мит, атаковал его. По его словам, все в Дублине, от архиепископа до мелких каноников, были "бессловесными собаками", "живыми врагами истины", "не учили и не кормили никого, кроме самих себя" и "замаскированными лицемерами". [44] Поскольку это не произвело никакого эффекта, он написал еще раз, требуя, чтобы власти "вызвали домой старого нерентабельного рабочего", петицию, в которой его поддержал Адам Лофтус. [45] Наконец их молитвы были услышаны, и Карвен был переведен в Оксфорд. Когда ему сообщили о его отзыве, он просто выразил пожелание, чтобы он мог получить "арендную плату Оксфордского епископства за последние полгода" и чтобы ему разрешили быстро переодеться, чтобы "он мог заготовить огонь на зиму и сено для своих лошадей". [46]

Престол Армы, освободившийся после смерти примаса Даудалла, был передан папой римским Донату О'Тейджу (февраль 1560 г.). Последний был освящен в Риме и прибыл в Ирландию, вероятно, ближе к концу того же года. Летом 1561 года он присутствовал в Арме с армией Шейна О'Нила, которого он призвал смело идти вперед против сил депутата. Излишне говорить, что такой предстоятель был неприемлем для Елизаветы, которая решила назначить некоего Адама Лофтуса, в то время капеллана графа Сассекса. Лофтус был молодым человеком всего двадцати восьми лет от роду, который произвел благоприятное впечатление на королеву как своей красотой, так и ученостью. В капитул Армы были немедленно отправлены письма с приказом каноникам избрать его, но поскольку они отказались подчиниться приказу, ничего не оставалось, кроме как назначить его по письменному патенту (1562). Поскольку он не осмеливался посетить большую часть своей епархии, он подал заявление и получил должность декана дублинского собора Святого Патрика, и примерно в то же время он стал свататься к своему брату, чтобы тот мог получить дом священника в Данбойне. В 1563 году Элизабет подумывала сменить его на Килдэра, а в 1566 году депутат рекомендовал его в Мит, полагая, что "он с благодарностью примет обмен и охотно вложит свое поместье, чтобы значительно увеличить свой доход". Но Лофтус всем сердцем стремился заполучить архиепископа Дублина. Снова и снова он выдвигал самые разрушительные обвинения против Карвена, чтобы добиться его отстранения, хотя, когда отстранение было организовано, он, к своему удивлению, узнал, что власти намеревались продвинуть не его самого, а его товарища по работе, Хью Брейди из Мита. В апреле 1566 года, когда он подумал, что у Брейди нет шансов добиться успеха в Дублине, он рекомендовал его на это назначение, но в сентябре, когда он узнал, что существует опасность того, что его рекомендации последуют, он написал Сесилу, чтобы предупредить, что "если его чести будет угодно ненадолго приостановиться, он может показать все, что угодно, за исключением того, что это ради Церкви Божьей, не хотел бы разглашать любыми способами, но меньше всего письменно, зная, что дело, как он знает, не должно идти дальше". Брейди, узнав, что Лофтус уехал в Англию, написал Сесилу, чтобы тот остерегался верить любым обвинениям против него, которые могут быть выдвинуты примасом. Он вернулся в ноябре, но безуспешно, только для того, чтобы обнаружить, что Шейн О'Нил так разорил свою епархию, что она стоила не более 20 фунтов стерлингов в год. Он подал прошение о том, чтобы ему разрешили уйти в отставку, "ибо, - сказал он, - ни это [Арма] ничего не стоит для меня, ни [я] не могу принести в этом никакой пользы, поскольку все это принадлежит ирландцам". Наконец, в 1567 году его желания были удовлетворены, и он стал архиепископом Дублина. Но он все еще был недоволен. Поскольку епархия, по его словам, стоила всего 400 ирландских фунтов стерлингов в год (более 30 000 фунтов стерлингов) и располагала всего двумястами сорока акрами мужской земли, он настоял на том, чтобы ему разрешили занять вместе с ней пост декана Святого Патрика, однако королева категорически отказала в этой просьбе. [47] В Дублине он продолжал ту же политику - забирать все для себя, своих родственников и иждивенцев, пока, наконец, капитул, устав от его назойливости, не вынудил его пообещать больше ни о чем не просить. К счастью, его гарантия была занесена в протокол, поскольку вскоре он появился снова, чтобы попросить о последней услуге.

На место доктора Уолша из Мита, отказавшегося принести присягу превосходства, был назначен Хью Брэди (1563). В своих письмах Сесилу он жаловался, что оплата его гонораров и расходов на хиротонию разорит его, что духовенство и миряне его епархии выступают против него с таким упрямством, что он "предпочел бы быть священником на жалованье в Англии, чем епископом Мита в Ирландии", и что, если ее Величество не простит долги, на которые она

претендует, он должен потерять всякую надежду, поскольку он был очень беден и вынужден принимать гостей по-королевски, "ибо у этих людей, - писал он, - будет либо то, либо другое, я имею в виду, что они будут есть мое мясо и пить или же я сам. Отношения, существовавшие между Лофтусом Арма-ским и епископом Мита, были самыми натянутыми. Когда Брейди узнал, что Лофтус назначен настоятелем церкви Святого Патрика, он обратился с возмущенным протестом к Сесилу, но поскольку и Лофтус, и он сам стремились стать архиепископом Дублина, оба объединились, чтобы напасть на Карвена, чтобы добиться его смещения. Лофтус выдвинул серьезные обвинения против Брэди в 1566 году, но как только он достиг цели своих желаний, а именно своего повышения в Дублине, он без колебаний присоединил свое имя к весьма хвалебной похвале трудам и квалификации Брэди (1567). [48]

Элизабет назначила в Килдэр некоего доктора Крейка в противовес доктору Левероусу. Новый епископ был далек от того, чтобы довольствоваться оказанной ему честью. В письме своему покровителю, лорду Роберту Дадли, он жаловался, что испытывает постоянные и ежедневные мучения из-за того, что является епископом в епархии, где он не может ни проповедовать людям, ни которые не могут его понять, и где ему некому помочь. Ему удалось добиться для себя места декана собора Святого Патрика в Дублине, и он был сильным претендентом на епископство Мит. Не довольствуясь своими доходами, он продал большую часть епископальных земель в Килдэре, так что довел епархию "до самого постыдного состояния бедности". [49] Наконец, он отправился в Англию, чтобы обратиться к королеве с прошением об освобождении от уплаты его гонораров, но его бросили в тюрьму Маршалси, из которой он был освобожден всего за несколько месяцев до своей смерти. [50] Дональд Кавена был назначен королевой в Лейлин (1567), где он посвятил себя главным образом обогащению за счет распоряжения епархиальным имуществом; а Джон Деверо, который, по словам Лофтуса, был совершенно непригоден из-за того, что был лишен деканства в Фернс "за признание в блудодеянии", [51] был назначен епископом Фернс (1566).

С такими людьми, как они, стоящими во главе нового религиозного движения, было почти невозможно добиться успеха. Несмотря на различные королевские комиссии, назначенные в период с 1560 по 1564 год для обеспечения подчинения Актам Превосходства и Единообразия, народ по-прежнему цепко держался за старую веру. Хотя Елизавета и ее советники стремились уничтожить католическую религию в Ирландии, они сочли неосмотрительным делать это немедленно ввиду угрожающего отношения О'Нила и нескольких других ирландских и англо-ирландских дворян. В случае с Актом о единообразии было прямо установлено, что в местах, где люди не понимают ирландский, служба может читаться на латыни, и поскольку в то время даже жители Килдэра не знали английского, [52] из этого следовало, что за пределами Дублина Книга Общей молитвы не была обязательной. Действительно, за пределами Дублина, Мита, Килдэра и части Армы, похоже, было предпринято очень мало попыток привести эти законы в исполнение. Из проекта инструкций, составленного для сэра Генри Сиднея в 1565 году, совершенно ясно, что за пределами территории Оседлости не принимались ревностные меры для обеспечения соблюдения новых доктрин, и что даже внутри Оседлости власти не были склонны доводить дело до крайностей. В различных соглашениях, заключенных между Шейном О'Нилом и Элизабет, от О'Нила не требовалось отречься от папы Римского. Считалось гораздо более благоразумным проводить политику терпимости до тех пор, пока английская власть не будет поставлена на прочную основу, и что, если это однажды будет достигнуто, религиозный вопрос можно будет решить без особых трудностей.

Хотя лорд-наместник был уполномочен наказывать тех, кто отказывался посещать английскую службу, тюремным заключением (1561), [53] в следующем году он был вынужден сообщить, что люди были "лишены дисциплины" и "совершенно лишены религии", что они приходили "на богослужение как на майскую игру", что к министрам относились с презрением из-за их жадности и недостатка квалификации, что "мудрые больше боятся нечестия распущенных профессоров, чем суеверия заблуждающихся папистов", и что не что иное, как парламентский декрет неукоснительное применение могло бы исправить это зло. [54] Уполномоченные, которые были назначены для обеспечения соблюдения религиозных нововведений, сообщили в 1564 году, что люди были настолько привязаны к своим старым суевериям, что их нельзя было заставить услышать новое Евангелие, что судьи и адвокаты, однако, пообещали обеспечить соблюдение законов, что они предупредили их сначала не вмешиваться в дела простой толпы, а только "с одним или двумя хвастливыми массовиками в каждом графстве", и что, за исключением Карвена, Лофтуса и Брейди, все остальные епископы были ирландцами, о которых больше ничего говорить не было необходимости ". [55] В документе, представленном тайному совету Англии лордом-наместником и советом Ирландии (1566 г.), дается хороший отчет о прогрессе и результатах так называемой Реформации. Они сообщили, что Карвен, Лофтус и Брэдди были усердны в своем пастырском служении, но что "тем не менее, это [работа] продвигается медленно в пределах указанных ими трех епархий из-за прежних ошибок и суеверий, укоренившихся в сердцах людей, и из-за [из-за] нехватки средств к существованию, достаточных для достойного развлечения хорошо отобранных и образованных викариев среди них, поскольку эти средства к существованию, будучи большей частью присвоенными пособиями, находящимися во владении королевского величества, сдаются в аренду фермерам с предоставлением или резервированием очень небольших стипендий или развлечений для викариев или викариев-викариев, помимо разрушения алтарей, а также церквей, повсеместно находящихся в руинах, а некоторые и вовсе разрушены. И за пределами их упомянутых епархий, отдаленных частей Мюнстера, Коннахта и других ирландских стран и их границ порядок еще не может быть так хорошо восстановлен вместе с остатками, пока страны не будут сначала приведены к более гражданскому и добросовестному повиновению ". [56]

В Дублине, где можно было ожидать, что правительство сможет привести в исполнение свои указы, люди отказались подчиниться, и даже в 1565 году, после того как несколько комиссий завершили свою работу, было признано, что каноники и духовенство собора Святого Патрика все еще были папистами. В Мите епископ королевы получил такой плохой прием, что заявил, что предпочел бы быть получающим стипендию священником в Англии, а не епископом Мита. "О, в какое море неприятностей, - писал он, - я попал, со всех сторон поднимаются бури; безбожные юристы не только заклятые враги истины, но и из-за отсутствия надлежащего исполнения закона ниспровергатели страны; оборванное духовенство упрямо и по невежеству слепо, так что надежды на их исправление почти не остается; простую толпу из-за постоянного невежества, как я нахожу, вряд ли удастся завоевать". *angustiae undique*". Но пока Брейди был вовлечен в море трудностей, католики Мита сплотились вокруг своего законного епископа, доктора Уолша. Согласно отчету Лофтуса, отдавшего приказ о его аресте (1565), "он пользовался большим авторитетом среди своих соотечественников и от которого в вопросах религии они полностью зависели". Лофтус подал прошение об отзыве из Армы, потому что для него это ничего не значило и он не мог принести в этом никакой пользы, поскольку это касалось ирландцев; а Крейк, которого назначили в Килдэр, объявил, что не может обратиться к людям,

потому что они не знакомы с английским языком, и у него нет ирландских священнослужителей, которые помогли бы ему в распространении нового Евангелия. [57]

В 1564 году было назначено несколько групп уполномоченных для посещения определенных частей Лейнстера, Мюнстера и Коннахта для обеспечения соблюдения Актов верховенства и единообразия, и примерно в то же время было издано королевское постановление о наложении штрафа в размере двенадцати пенсов за каждое правонарушение на тех, кто отказывался посещать протестантскую службу по воскресеньям и праздникам. Действовали ли эти уполномоченные или нет, неясно, но, несомненно, уполномоченные, назначенные для Оседлости, предприняли серьезную попытку выполнить свои инструкции. Они собрали присяжных, выбранных из приходов, расположенных в сфере английского влияния ", и после вынесения нескольких своих вердиктов они обнаружили множество серьезных нарушений, совершенных против законов и судопроизводства ее Величества. Но среди всех своих выступлений они не выдвинули ничего против знати и высокопоставленных джентльменов, которые, тем не менее, презирали самые благочестивые законы и процедуры ее Величества более явно, чем кто-либо другой, и поэтому они решили вызвать их к себе и представить им определенные статьи, за которые они требовали, чтобы дворянство отвечало своей честью и долгом без присяги. Остальные джентльмены ответили на свои клятвы. И когда они представили свои несколько ответов, они обнаружили, по их собственному признанию, что большая часть из них постоянно, начиная с последнего созыва парламента, посещала мессу и другие службы и церемонии, запрещенные законами и предписаниями ее Величества, и что очень немногие из них когда-либо принимали Святое Причастие или использовали такой вид общественной молитвы и богослужения, который в настоящее время установлен законом ". "После чего, - добавил Лофтус, - я когда-то имел в виду (поскольку они настолько связаны дружбой и союзом друг с другом, что мы никогда не сможем исправить их обычным порядком, предусмотренным законом) назначить каждому из них, в соответствии с тяжестью их многочисленных проступков, кругленькую сумму денег, которая будет выплачена в пользу вашего Величества, и связать их надежными узами и признаниями в дальнейшем неукоснительно соблюдать самые благочестивые законы и предписания вашего Величества. Но для этого они являются знатью и главными джентльменами Английской черты оседлости, и притом наибольшего числа; я счел нужным не иметь с ними дальнейших дел до тех пор, пока об этом не станет известно соизволению вашего Величества ". [58] Пока ее Величество требовала, чтобы дворяне Черты оседлости сражались против Шейна О'Нила и других ирландских вождей, она была слишком благоразумна, чтобы настаивать на строгом принятии ее религиозных нововведений.

В 1560 году Пий IV решил направить в Ирландию специального комиссара в лице ирландского иезуита отца Дэвида Вулфа, уроженца Лимерика, которого генеральный директор Общества настоятельно рекомендовал Святому Престолу. Комиссару было поручено посетить епископов, духовенство и высшую знать страны и призвать их к стойкости; он должен был составить списки подходящих кандидатов на епископство, реорганизовать некоторые религиозные дома и больницы и основать гимназии, где молодежь страны могла бы получить хорошее образование. Он покинул Рим в августе 1560 года и прибыл в Корк в январе 1561 года. Согласно его отчету, люди тысячами стекались к нему, чтобы послушать его проповеди, получить отпущение грехов и добиться повторного признания недействительных браков. Поскольку до сих пор он был в состоянии заверить римские власти, что ересь не получила распространения в массах. Из Корка он отправился в Лимерик, а из Лимерика направился через Коннаут. В ходе этого путешествия он узнал много положительного о Бодкине, архиепископе Туама, и Роланде Де

Бурго из Клонферта. Он посетил большую часть страны, за исключением Черты оседлости, и, поскольку не смог туда поехать, уполномочил одного из священников отпускать грехи по закрытым делам, особенно по преступлениям ереси и раскола. В 1568 году он был арестован и брошен в тюрьму вместе с архиепископом Армы Кригом. Пий V. поручил своему нунцию в Испании обратиться за добрыми услугами к Филиппу II. чтобы добиться их освобождения, но, очевидно, представления испанского правительства не возымели действия. Однако в 1572 году отцу Вольфу удалось совершить побег из тюрьмы, и перед отплытием в Испанию он имел счастье получить смиренную покорность Уильяма Кейси, который был возведен Эдуардом VI в сан епископа Лимерика. Из Тарбета папский комиссар отплыл в Испанию. Позже он снова вернулся в Ирландию и активно помогал Джеймсу Фицморису. Предполагается, что он умер в Испании в 1578 или 1579 году. [59]

Отцу Вулфу было специально поручено рекомендовать Святому Престолу тех священников, которых он сочтет подходящими для назначения на вакантные епископства. Это был вопрос первостепенной важности, и поэтому он уделил ему особое внимание. Томас О'Херлихи был назначен в Росс (1561); Дональд Макконгейл или Магонгейл, спутник его путешествий, был назначен в Рафо (1562); доминиканцы О'Харт и О'Крин были предоставлены епархиям Ахонни и Элфин в том же году по его просьбе, и за то время, пока он оставался в Ирландии, его советам относительно назначения в епископы, как правило, следовали. Ему также было поручено основать грамматические школы по всей стране, и он недолго пробыл в Ирландии, пока не осознал необходимость что-то сделать для образования, и прежде всего для воспитания кандидатов в священники. В 1564 году он получил от Пия IV. булла / Dum exquisita/, [60] уполномочивающая его самого и архиепископа Арма строить колледжи и университеты в Ирландии по образцу и со всеми привилегиями университетов Парижа и Лувена. С этой целью они были уполномочены использовать доходы монастырей и благотворительных организаций, а также использовать церковную собственность в целом. К сожалению, из-за беспокойной обстановки в стране и последующего ареста как архиепископа, так и папского комиссара осуществить этот план было невозможно.

В предыдущих заседаниях Тридентского собора архиепископ Арма принимал ведущее участие. Когда Совет открылся для своих заключительных сессий в январе 1562 года, Ирландию представляли О'Херлихи из Росса, Макконгейл из Рафо и О'Харти из Ахонри. Эти люди не были простыми праздными зрителями происходящего. Они присоединились к теплым дискуссиям, которые велись относительно Жертвоприношения во время Мессы, Причащения в обоих видах, источника епископальной юрисдикции и обязанности епископа проживать по месту жительства, строительства семинарий и супружеских препятствий. Говорят, что главным образом благодаря их усилиям удалось сохранить препятствие в виде духовных отношений. [61] После их возвращения были предприняты попытки созвать провинциальные синоды для обнародования постановлений Тридентского собора. В 1566 году, по-видимому, некоторые из прелатов Коннаута собрались и провозгласили их в провинции Туам; в 1587 году епископы Клогера, Дерри, Рафо, Дауна и Коннора, Ардага, Килмора и Ахонни вместе с большим количеством духовенства встретились в епархии Клогера с аналогичной целью, а в 1614 году синод, созданный в Килкенни, провозгласил их от провинции Дублин. [62]

В 1560 году и в течение нескольких лет после этого положение дел в Ирландии было настолько угрожающим, что Елизавета и ее советники больше заботились о сохранении плацдарма в стране, чем об отмене Мессы. На Севере Шейн О'Нил унаследовал престол после смерти своего

отца (1559) и, казалось, был полон решимости в полной мере отстаивать права О'Нилов на всю провинцию Ольстер. Граф Килдэр отказался отказаться от Мессы и поддерживал тесную переписку как со своим родственником графом Десмондом, так и с несколькими ирландскими вождями. Существовали опасения, что против Елизаветы может быть образована великая католическая конфедерация и что Шотландию, Францию, Испанию и папу римского можно будет склонить к оказанию помощи. [63] Поэтому лорду-наместнику были даны инструкции побудить графа Килдэра приехать в Лондон, где его можно было бы задержать, и расшевелить второстепенных принцев Ольстера, чтобы ослабить власть О'Нила. Задерживая таких людей, как графы Килдэр, Десмонд и Ормонд, в Лондоне, разжигая соперничество и раздоры среди ирландцев, и, прежде всего, завладевая детьми как англо-ирландской, так и ирландской знати и привозя их в Англию для получения образования, можно было надеяться, что Ирландия станет как англизированной, так и протестантской. [64]

Однако самым насущным вопросом было сокращение штата Шейна О'Нила. Сначала Елизавета была склонна примириться с ним, но граф Сассекский в надежде одолеть его силой объявил его предателем и выступил против него с большими силами (1561). Он захватил Арму, завладел собором и превратил его в мощную крепость. Вскоре появился О'Нил в сопровождении законного архиепископа, который призвал ирландские войска противостоять захватчику. Английская армия потерпела сокрушительное поражение, и после провала нескольких попыток подавить О'Нила силой депутат решил попробовать другие методы. Он нанял человека по имени Нил Грей для убийства О'Нила и ознакомил Элизабет с тем, что он сделал, [65] но О'Нилу посчастливилось ускользнуть от убийцы. В конце концов О'Нила убедили отправиться в Англию (1562 г.), где он был вынужден согласиться на определенные условия; но, поскольку он обнаружил, что его обманывали на протяжении всех переговоров, по возвращении он почувствовал себя свободным заявить о своих притязаниях на Ольстер. Елизавета не отказалась уступить почти всем его требованиям, вплоть до отстранения Лофтуса от архиепископства Армы и разрешила назначить собственную кандидатуру О'Нила. Граф Сассекс, однако, был против мира. Будучи вынужден против своей воли прийти к соглашению с О'Нилом (1563), он решил еще раз прибегнуть к методу убийства. Помощник шерифа прислал О'Нилу отравленное вино в знак своей доброй воли [66], и только по счастливой случайности О'Нил и его друзья не были убиты. Новому заместителю шерифа, сэру Генри Сидни, удалось настроить О'Доннелла и других ольстерских принцев против О'Нила, пообещав им защиту Англии. Потерпев поражение в битве с О'Доннеллом в 1567 году, Шейн бежал за помощью к шотландцам Антрима, которым он нанес не одно серьезное поражение, и, находясь с ними, был атакован и убит. С его исчезновением власть ирландцев в Ольстере была сломлена, и наконец был подготовлен путь к покорению северной части Ирландии.

На юге Ирландии молодой граф Десмонд занимал особенно сильное положение, но, к сожалению, лично он был слаб и колеблющийся, и, натравливая графа Ормонда на него, Елизавета смогла удержать его в подчинении Англии, использовать против Шейна О'Нила и помешать ему принять участие в национальной или религиозной конфедерации. В 1567 году граф был арестован и отправлен в Лондон, где содержался в качестве пленника. Хотя лорд-наместник позволил епископу Лейси принять себя в Лимерике с соблюдением полного католического церемониала, все же назначение протестантских уполномоченных для управления территориями Десмонда и вторжение королевского архиепископа в Кашел (1567) ясно дали понять, что правительство намерено навязать народу новую религию. Примерно в то же время папа предпринял шаги по укреплению католиков Мюнстера, назначив Мориса

Фитцгиббона, настоятеля цистерцианского монастыря в Майо, на вакантный престол Кашел. Новый архиепископ поддерживал тесную переписку с партией Десмондов в Ирландии и с Филиппом II Испанским. По прибытии в Ирландию (1569) он обнаружил, что Джеймс Фицморис, двоюродный брат графа Десмонда, организует конфедерацию для защиты католической религии. Маккарти Мор, О'Брайены из Томонда, сыновья графа Клэнрикарда и сэр Эдмунд Батлер пообещали свою помощь. Новый архиепископ прибыл в Кашел, завладел его собором, несмотря на присутствие королевского нарушителя, и даже зашел так далеко, что заставил последнего присутствовать на торжественной мессе в соборе. Это единственное основание для версии о том, что он подвергся личному насилию по отношению к Маккагуэллу или что тот захватил его в плен и привез пленником в Испанию. [67]

Граф Сидни собрал свои силы, чтобы выступить против повстанцев, а граф Ормонд был прислан из Англии, чтобы отвести своего брата сэра Эдмунда Батлера от союза с Десмондами. Архиепископ Кашел был отправлен в Испанию за помощью к Филиппу II. (1569), и он привез с собой документ, якобы подписанный тринадцатью архиепископами и епископами, а также большинством ведущих ирландских и англо-ирландских дворян в Лейнстере, Мюнстере и Коннахте, в котором просил короля Испании помочь им в защите католической религии и предлагал признать своим сувереном любого испанского или бургундского принца, которого Филипп II. возможно, пожелает выдвинуть. [68] Тот факт, что папа Римский опубликовал в феврале 1570 года Буллу / *Regnans in excelsis* /, объявляющую об отлучении от церкви и низложении королевы Елизаветы, воодушевил католиков Мюнстера, но, несмотря на этот приговор, архиепископу не удалось получить какой-либо эффективной помощи ни от Испании, ни от папы Римского. Не обескураженный неудачами своего агента, Фицморис выпустил прокламацию, адресованную прелатам, принцам и лордам Ирландии, в которой объявил, что он поднял оружие против правителя-еретика, который был отлучен и низложен Папой римским, что большая часть английских католиков подняла восстание или готова восстать, что он был назначен папой римским генерал-капитаном ирландских католических войск и что им надлежит встать под его знамена для защиты католической веры, подавления всех лжеучителей и раскольнических служб, а также для защиты католицизма. и избавить свою страну от ереси и тирании. [69] Фицморис, однако, разочаровался в своих надеждах. Граф Ормонд поспешил в Ирландию, чтобы удержать территории Батлеров для королевы. Многие из его сообщников покинули его или были свергнуты, и после долгой борьбы он был побежден и вынужден подчиниться (1573-74).

В 1575 году Джеймс Фицморис бежал из Ирландии, чтобы обратиться за помощью к некоторым католическим правителям Континента. Однако его прошения не увенчались большим успехом в Париже, Лиссабоне и Мадриде, и только от папы Григория XIII. он получил какие-либо обещания предоставить людей и оружие. Английский авантюрист по имени Стакли уже интриговал с папой римским, чтобы получить небольшую армию и флот для высадки в Ирландии, и знаменитый английский богослов и полемист Николас Сандер, [70] который работал при римском дворе от имени английских изгнанников, также одобрил эту попытку. Экспедиция началась в 1578 году, но когда Стакли, находившийся под верховным командованием, достиг Лиссабона, он объединил свои силы с силами короля Португалии в нападении на мавров, в ходе которого он был убит, а его армия уничтожена. Усилиями Сандера и нунция в Мадриде Фицморису удалось снарядить небольшой корабль, и в 1579 году в сопровождении Сандера в качестве папского представителя он прибыл в Дингл. Он сразу же обратился с призывом к народу присоединиться к нему в борьбе за веру против монарха-еретика. Подавляющее

большинство дворян были настолько напуганы уже примененными к ним наказаниями и страхом потерять все свое имущество в случае очередного поражения, что прокламация встретила лишь слабый отклик. Ормонд присоединился к сэру Уильяму Пелхэму в борьбе против повстанцев, как и несколько старых врагов Джеральдинов. Сам Фицморис был убит в начале кампании Берками из Каслконнелла, и хотя граф Десмонд наконец решил взяться за оружие, надежды на успех больше не было. В течение многих лет Пелхэм, а затем и лорд Грей де Уилтон продолжали этот путь с безжалостной жестокостью; урожай и скот были уничтожены в надежде уморить голодом рассеянных последователей Десмонда, а отряд, состоящий из испанцев и итальянцев, был вырезан после того, как они согласились сдать крепость Дунанор. Виконт Балтинглас поспешил ополчиться против депутата и с помощью Фиаха Макхью О'Бирна нанес тяжелое поражение лорду Грею при Гленмалуре (1580). Но в конце концов восстание было полностью подавлено, а граф Десмонд был схвачен и убит (1583). Двумя годами ранее Николас Сандер, представитель папы Римского, скончался в лесу близ Лимерика после того, как принял последние причастия из рук епископа Киллалоу. [71]

После смерти Шейна О'Нила министры Елизаветы сочли целесообразным созвать второй парламент (1569). К сожалению, не сохранился список членов, вернувшихся из районов и округов, но из дошедшего до нас отчета о вступительных дебатах становится ясно, что были приняты самые тщательные меры предосторожности, чтобы собрать собрание. Были созданы новые районы, которые до сих пор не признавались корпорациями; назначенные правительством шерифы и заместители вернулись в качестве достойных лиц, чтобы заседать в парламенте, и в большом количестве случаев английские чиновники и юристы, которые никогда не видели избирательных округов, которые они должны были представлять, были возвращены шерифами по наущению депутата и его агентов. [72] Из списка пэров может показаться, что двадцать три архиепископа и епископата заняли свои места, но список настолько полон вопиющих неточностей, что на него нельзя полагаться. В лучшем случае он отражает просто число тех, кто имел право заседать, и был полностью основан на списке, составленном для парламентов 1541 и 1560 годов. [73]

На заседании парламента Джеймс Стэнихерст, регистратор Дублина, был назначен спикером. С самого начала было очевидно, что, несмотря на все его усилия, правящая партия, скорее всего, столкнется с серьезной оппозицией. Сэр Кристофер Барнуолл решительно возражал против методов, которые были приняты для сбора ассамблеи, но, хотя судьи, когда к ним обратились, поддержали его возражения по двум пунктам, они приняли решение не в его пользу по жизненно важному вопросу, а именно, по выбору английских чиновников, которые никогда не видели избирательные округа, которые они должны были представлять. Поддержанный решением судей, лорд-депутат и спикер подавили все возражения. Был принят закон о лишении Шейна О'Нила титула О'Нил и о закреплении за ее Величеством графства Тайрон и других графств и территорий Ольстера. Духовные пэры решительно сопротивлялись предложению о строительстве школ, которые должны были финансироваться за счет церковной собственности, но в конце концов эта мера была принята. Он постановил, что в каждой епархии должны быть созданы бесплатные школы за счет епархии, что зарплата должна выплачиваться епископами и духовенством, что школьные учителя должны быть англичанами или, по крайней мере, английского происхождения, и что их назначение должно осуществляться лордом-наместником, за исключением епархий Арма, Дублин, Мит и Килдэр, в которых назначение учителей должно находиться в руках архиепископа или епископа. Исключения ясно указывают на то, что только на королевских епископов можно было

положиться в проведении образовательной политики правительства, и это было подчеркнуто еще более явно законом, уполномочивающим заместителя назначать на все церковные должности в Мюнстере и Коннахте. В Палате общин был внесен законопроект о ремонте церквей за государственный счет. [74]

Постепенное расширение английского влияния как на Севере, так и на Юге позволило Елизавете и ее советникам сбросить маску терпимости и принять более активные меры по насаждению новой религии. Епископ Уолш из Мита уже был брошен в тюрьму (1565), из которой он сбежал в 1572 году и бежал в Испанию; епископ Левероус был изгнан со своей кафедры в Килдэре, хотя из-за влияния его покровителя, графа Килдэра, ему было разрешено закончить свои дни в его собственной епархии; Епископ Лейси из Лимерика был признан лордом-наместником (1562) "упрямым и непослушным человеком в вопросах религии" и как совершивший преступления, в результате которых он лишился своего епископства по законам королевства. Некоторое время Лимерик считался пустующим, но угрожающее отношение джеральдинов сделало невозможным вмешательство в дела его епископа, и когда лорд-наместник посетил город в 1567 году, он даже позволил епископу принять себя с соблюдением всех католических церемоний. Однако, когда власть Южной конфедерации была сломлена, епископ Лейси был лишен своего престола, насколько это позволял патент royal letters, и Уильям Кейси, кандидат от Эдуарда VI. был передан во владение. Последний подчинился папе римскому и выразил сожаление по поводу своих преступлений в присутствии Дэвида Вулфа. Хотя, по-видимому, он снова пал, ему не доверяли те, кто его назначил, о чем свидетельствует тот факт, что шотландец по имени Кэмпбелл был поставлен над ним в 1585 году для выполнения "духовных функций епископства". [75]

Папа назначил Доната О'Тейджа архиепископом Армы в 1560 году, а после его смерти Ричард Криг был назначен его преемником. Последний был уроженцем Лимерика, окончившим Лувен, и в то время, когда Дэвид Вулф выдвинул его на пост ирландского архиепископа, он содержал школу в своей родной епархии. Получив посвящение в Риме в 1564 году, он прибыл в Ирландию ближе к концу того же года только для того, чтобы быть арестованным и брошенным в тюрьму, из которой ему удалось сбежать на Пасху (1565). Он вернулся в свою епархию, но вскоре оказался в конфликте с Шейном О'Нилом. Архиепископ был англо-ирландцем, который отстаивал верность королеве и считал О'Нила и его последователей одновременно мятежниками и, в некотором смысле, дикарями. Вместо того чтобы поощрять людей О'Нила продолжать борьбу, он проповедовал о долге послушания, чем привел О'Нила в такую ярость, что поначалу был склонен изгнать примаса из Армы. Однако он сжег Арма-ский собор не из ненависти к архиепископу, как иногда представляется, а потому, что англичане использовали его в качестве крепости. Отношения между духовным и светским правителем Ольстера улучшились, и Криг обратился к депутату с петицией о разрешении продолжить католические службы в церквях (1566). Он был снова схвачен в начале 1567 года и предан суду. Присяжные отказались вынести против него вердикт, и они, и обвиняемый были заключены в тюрьму в Дублинском замке. Архиепископ снова ускользнул от своей охраны, и только после того, как граф Килдэр пообещал сохранить ему жизнь, его местонахождение было обнаружено. В декабре 1567 года он был помещен в Лондонский Тауэр, где его держали взаперти, хотя ему все еще удавалось поддерживать связь с Римом и со своей епархией. Несмотря на заступничество испанского посла и несмотря на тот факт, что он страдал от тяжелых физических недугов, он оставался пленником до своей смерти в октябре 1585 года. Поскольку граф Килдэр дал

гарантию, что его жизнь будет сохранена, казнить его было сочтено неблагоприятным, но, согласно достоверным свидетельствам, его смерть была вызвана ядом. [76]

Томас О'Херлихи был назначен епископом Росса по рекомендации отца Вулфа в 1561 году, и после хиротонии он присутствовал на Тридентском соборе. По возвращении в Ирландию он принял активное участие в поощрении Джеймса Фицмориса и был отправлен сопровождать архиепископа Кэшельского в поисках помощи у Филиппа II Испанского. Он был схвачен в 1571 году и отправлен в Лондонский Тауэр, где его продержали в плену около трех с половиной лет. Он снова вернулся в свою епархию и усердно трудился не только в Россе, но и в различных округах Юга до своей смерти в 1579 или 1580 году. [77] Морис Фитцгиббон, архиепископ Кашел, отправился в Испанию в качестве представителя южных джеральдинцев и их союзников. Не сумев получить никакой помощи от Филиппа II, он в разное время пытался заинтересовать короля Франции, герцога Анжуйского и герцога Алва ирландскими делами. Хотя он определенно находился в Шотландии, где был арестован в 1572 году, сомнительно, вернулся ли он когда-нибудь в свою епархию. Согласно одному авторитетному источнику, он был схвачен в Мюнстере и содержался в плену в Корке до своей смерти в 1578 году, но более вероятно, что он умер в Порту. [78]

После подавления восстания Джеральдин и после того, как против Елизаветы был издан указ об отлучении от церкви, против епископов и духовенства были приняты еще более жестокие меры. Францисканец, епископ О'Хели, был схвачен вместе с другим членом своего ордена в Килмаллоке, и оба были преданы смерти (1578 или 1579). Эдмунд Таннер, который был назначен в Корк в 1574 году и которому были доверены специальные факультеты в провинциях Дублин и Кашел, был арестован вскоре после своего прибытия в Ирландию и брошен в тюрьму. Однако ему удалось сбежать, и он продолжал свои труды в различных частях Мюнстера и Ленстера до своей смерти в 1578 или 1579 году. Николас Скерретт, выпускник / Collegium Germanicum/ в Риме, был назначен в Туам в октябре 1580 года. По прибытии в Ирландию он был брошен в тюрьму, и, сумев сбежать от своих похитителей, он пробрался в Испанию. Он умер в Лиссабоне в 1583 или 1584 году. Морис Макбрайен был назначен в Эмли в 1567 году по рекомендации отца Вулфа. На ранних этапах восстания Десмонда он предпринял активные шаги по продвижению католической конфедерации. В этот период не исключено, что он отправился в Испанию, чтобы заручиться сотрудничеством Филиппа II, но вернулся в Ирландию, был схвачен в 1584 году и два года спустя умер в тюрьме в Дублине. Питер Пауэр, или де ла Поер, был предоставлен папе римскому Фернсу в 1582 году. Он был арестован, и, находясь в тюрьме, его заставили подчиниться, но после освобождения, сокрушенный проявленной слабостью, он смело признал свою ошибку и был арестован еще раз. Как долго его держали под стражей, точно неизвестно, но из письма епископа Киллалое явствует, что с ним обращались предельно сурово. Он умер в Испании в 1587 году. [79]

В 1581 году Дермот О'Харли был назначен архиепископом Кашеля. Он был выдающимся студентом Лувена, а затем профессором канонического права в Реймсе. Едва он добрался до Ирландии, как правительственные шпионы вышли на его след. Некоторое время он оставался в окрестностях Дрохеды, а затем удалился в замок барона Слейна, откуда проследовал через Каван и Лонгфорд в свою епархию. Однако, узнав, что барону Слейну грозит опасность за то, что он оказал ему помощь, он сдался своим преследователям. Его привезли в Дублин, в ходе чего он признался, что был архиепископом, назначенным папой римским, но отрицал, что приехал в Ирландию, чтобы разжигать раздоры или поощрять изменнические заговоры. По

крайней мере, однажды его подвергли ужасным пыткам, чтобы добиться от него некоторых порочащих признаний. По совету Уолсингема его ступни были обуты в жестяные сапоги, и его держали над огнем. Поскольку он по-прежнему отказывался подчиняться, его судил военный трибунал и вынес приговор. В июне 1584 года он был повешен в Дублине. [80] Эдмунд Макгоран, который был переведен из Арды в Арму в 1587 году, искренне посвятил себя задаче побудить католических принцев Ольстера защищать свою религию и свои территории. Он был убит во время битвы между Магуайром из Фермана и англичанами в 1593 году. [81] Редмонд О'Галлахер, епископ Деррийский, был особенно активен во всей провинции Ольстер, и его защитники были настолько могущественны, что в течение многих лет правительственные агенты боялись арестовывать его, но в конце концов он был убит вместе с тремя своими священниками солдатами из гарнизона Лох-Фойл (1601). [82]

В первые годы правления Елизаветы правительство из соображений благоразумия воздерживалось от принятия насильственных мер, способствующих смене религии. Но после 1570 года произошли решительные перемены, и особенно после 1580 года преследования продолжались с большим ожесточением. Многие священнослужители, как светские, так и обычные, были преданы смерти. Среди последних несколько иезуитов, приехавших в страну, чтобы помочь продолжить работу, начатую отцом Дэвидом Вулфом, францисканцами и доминиканцами, преследовались с неослабевающей суровостью. Иногда они были преданы смерти солдатами без какой-либо формы судебного разбирательства, иногда их казнили в соответствии с объявлениями о военном положении, а иногда им разрешалась форма судебного разбирательства. Но того факта, что они были священниками, было достаточно, чтобы обеспечить их осуждение. Несколько мирян были казнены за отказ сменить религию, за укрывательство священников или за то, что они учились в некоторых католических колледжах на Континенте. Хотя Генрих VIII, несмотря на то, что ему удалось разрушить многие религиозные дома, все же на большей части Севера, Запада и Юга Ирландии закон не соблюдался, и даже в округах, где господствовали англичане, несколько монастырей владели жалкое существование, отчасти благодаря доброте некоторых дворян, отчасти также благодаря королевским льготам. Но с постепенным порабощением страны во время правления Елизаветы были приняты более решительные меры по подавлению подобных институтов. Согласно декларации, представленной властям Лондона (1578), "были конфискованы тридцать четыре аббатства и религиозные дома с принадлежащими им очень хорошими землями, которые никогда не обследовались до 1569 года", а также "семьдесят два аббатства и монастыря, скрытых от ее Величества". [83] Из декларации о доходах, представленной в 1593 году, видно, что подавление этих домов и конфискация их имущества помогли значительно укрепить королевскую казну. Из владений в Ирландии, которые ранее принадлежали религиозным домам Англии, королева ежегодно получала в круглых цифрах 538 фунтов стерлингов, из земель, принадлежащих святому Иоанну Иерусалимскому, 776 фунтов стерлингов, из владений монастыря Томастаун - 551 фунт стерлингов, из владений аббатства Святой Марии в Дублине - 329 фунтов стерлингов, а из монастырей и других религиозных домов Ирландии - 4716 фунтов стерлингов. [84] Разрушение монастырей, однако, не означало исчезновения нищенствующих орденов. Они все еще продолжали оставаться в стране, так что в худшие дни семнадцатого века с францисканцами и доминиканцами приходилось считаться как с самыми опасными противниками религиозной политики английского правительства.

Только в случае с одним епископом, печально известным Милером Магратором, Елизавета смогла добиться подчинения. Он был монахом-францисканцем, который, будучи послан в Рим

ходатайствовать о передаче вакантной кафедры Дауна и Коннора брату Шейна О'Нила, предпринял шаги, чтобы добиться этого назначения для себя (1565). Обнаружив по возвращении, что он не может надеяться на получение каких-либо доходов от своей епархии из-за противодействия О'Нила, он подал прошение королеве (1567) и получил в качестве награды епархию Клогера, а позже архиепископство Кашел (1570). Большую часть своего срока полномочий архиепископа он занимал кафедры Уотерфорда и Лисмора, а когда он сложил с себя полномочия в 1607 году, то получил грант Ахонства и Киллалы. Делая вид, что шокирован терпимостью, проявляемой к католикам, и особенно к католическим чиновникам, и стремясь к тому, чтобы законы исполнялись со всей строгостью, он принимал меры, чтобы предупреждать духовенство всякий раз, когда возникала опасность ареста. Однажды, когда он был в Лондоне, узнав, что против священников готовится налет, он написал своей жене, чтобы предупредить епископа Маккрэга из Корка, чтобы тот немедленно скрывался и отослал священников, которые укрылись в его собственном дворце в Кэшеле, чтобы у него не было неприятностей. Официальные лица Дублина объявили его предателем, пьяницей и расхитителем церковных ценностей. Он продавал или сдавал в аренду имущество своих епархий, держал в своих руках большое количество благотворительных фондов исключительно ради получения доходов, назначал своих собственных сыновей, дочь и невестку в приходы, чтобы обеспечить им доход, не строил школ и позволял церквям разрушаться. Его дети не делали секрета из того факта, что они католики, и сам архиепископ, казалось, считал, что, хотя протестантизм был полезен ему при жизни, старая религия была бы предпочтительнее после смерти. В 1608 году полномочия были предоставлены архиепископу Кэшел Керни за освобождение Маграта от вины в ереси и расколе. Несколько лет спустя он умолял монаха-францисканца добиться его примирения с Римом, пообещав, что со своей стороны, если папа потребует этого, он публично отречется от протестантизма. Эта его просьба была тепло рекомендована Святейшему Престолу владыкой. Бентивольо, временный нунций в Брюсселе, но любовь архиепископа к доходам Кэшеля и других его епископств и бенефиций, похоже, оказалась сильнее его желания помилования, поскольку он продолжал обогащать себя и своих друзей за счет Государственной церкви до своей смерти в 1622 году. Его современники верили, что на смертном одре он отрекся от своих заблуждений и был примирен с Церковью одним из своих бывших религиозных братьев. [85]

Разрушение религиозных домов и университетских церквей во время правления Генриха VIII, Эдуарда VI и Елизаветы нанесло тяжелый удар по ирландскому образованию. То тут, то там по всей стране духовенство и миряне ухитрялись преподавать в школах и давать своим ученикам основательные знания классиков, а также языка, литературы и истории своей страны. Но богословские колледжи были закрыты; Оксфорд и Кембридж больше не были безопасными местами обучения для ирландских священнослужителей, и если не предпринять что-либо немедленно, существовала серьезная опасность, что, когда епископы и духовенство, которые тогда работали, уйдут из жизни, они не оставят никого, кто мог бы занять их места. К счастью, тесные и прямые связи между Ирландией и католическими странами Континента подсказали возможный метод предотвращения такого бедствия, а именно создание ирландских колледжей в Риме, Франции, Испании и Нидерландах. Своим существованием эти учреждения были обязаны усилиям ирландских епископов и священников, а также щедрой помощи пап и государей Испании и Франции. Они поддерживались за счет пожертвований отдельных благотворителей, грантов из папской казны или королевских казначейств Испании и Франции, а также за счет взносов студентов, некоторые из которых были достаточно богаты, чтобы нести собственные расходы, в то время как другие были рукоположены в священники до того, как

покинули Ирландию, чтобы иметь возможность содержать себя за счет своих / гонораров / за посещение месс.

В Испании ирландские колледжи были основаны в Саламанке, Севилье, Алькале, Сантьяго-де-Компостелла и Мадриде. Колледж в Саламанке был основан отцом Томасом Уайтом, С.Дж., уроженцем Клонмела, с одобрения Филиппа II., в 1592 году под названием / El Real Colegio de Nobles Irlandeses /. Король Испании выделил щедрые пожертвования, и управление колледжем было возложено на иезуитов. Вскоре после его основания от имени О'Нила и О'Доннелла поступили жалобы на то, что администрация колледжа проявила лишь скудное внимание к заявлениям студентов из Ольстера и Коннахта (1602 г.). Жалоба, которая, по-видимому, обоснована списками зачисления, в которых можно найти имена очень немногих студентов из этих провинций. Те, кто явился в Саламанку, дали клятву вернуться к работе в ирландской миссии после завершения учебы, и для того, чтобы они могли это сделать, им была предоставлена определенная сумма денег из королевской казны Испании для покрытия расходов на поездку в Ирландию. Многие из самых выдающихся ирландских епископов и священников семнадцатого века были людьми, получившими образование в Саламанке. [86] Колледж в Компостелле был основан в 1605 году, частично финансировался Филиппом III и находился в ведении иезуитов. Он служил вспомогательным учреждением Саламанки, и его студентов отправляли туда для получения богословского образования. Колледж Непорочного Зачатия в Севилье был обязан своим происхождением (1612 г.) некоторым представителям ирландского светского духовенства. Он был очень щедро одарен Филиппом III. который передал его под контроль иезуитов в 1619 году. Чтобы помочь студентам, ирландские купцы, которые в тот период вели оживленную торговлю с Севильей и Кадисом, обязались выплачивать колледжу определенный процент с каждой поставляемой ими бочки вина, в то время как Павел V. разрешил рыбакам провинции Андалусия ловить рыбу шесть воскресений или праздничных дней при условии, что они направят результаты своего труда на поддержку Ирландского колледжа. Колледж в Мадриде был основан отцом Теобальдом Стэплтоном (1629) и использовался главным образом как хоспис для приема ирландских священников, завершивших свое обучение и приехавших в испанскую столицу, чтобы получить деньги, гарантированные королем, которые позволили бы им вернуться в Ирландию. В 1657 году Джордж де Пас-и-Сильвейра, состоявший в родстве по материнской линии с Макдоннеллами из Антрима, основал колледж в Алкале, в основном для студентов с Севера Ирландии. Согласно указанию основателя, избрание ректора было передано в руки студенческого сообщества, что привело к серьезным беспорядкам и, в конечном итоге, к закрытию колледжа. Ирландский колледж в Лиссабоне был обязан своим существованием деятельности иезуитов, в частности отца Джона Холинга. Он был открыт в 1593 году, но только два года спустя благодаря доброте испанского дворянина была приобретена постоянная резиденция, настоятелем которой был назначен отец Уайт, С.Дж. В Лиссабоне была открыта община ирландских отцов-доминиканцев, а также женский монастырь доминиканских монахинь.

Ирландские студенты получили дружеский прием не только в Испании, но и в испанских Нидерландах. С середины шестнадцатого века несколько студентов-священнослужителей из Ирландии бежали в Лувен для получения образования, но только в 1623 году архиепископу Дублина Мак-Магону удалось основать отдельное учебное заведение, знаменитый / Collegium Pastorale / для подготовки светских священников для ирландской миссии. Из своих личных средств он учредил шесть стипендий в колледже, и по его серьезной просьбе Пропаганда выделила еще шесть стипендий. Колледж был официально утвержден Урбаном VIII в 1624 году,

и Николас Эйлмер был назначен его первым ректором. Хотя многие из самых способных ирландских епископов и священников карательных времен получили образование в пастырском колледже, все же Ирландия в еще большем долгу перед другим ирландским учреждением в Лувене, ирландским францисканским колледжем Святого Антония Падуанского. По ходатайству Флоренс Конри, архиепископа Туамского, сам францисканец и преданный сторонник Северных вождей Филиппа III. рекомендовал проект ирландского францисканского колледжа своему представителю в Нидерландах и выделил этому учреждению щедрое пожертвование. С благословения и одобрения Павла V. колледж был официально открыт в 1609 году, и его успех был настолько велик, что вскоре он стал ведущим центром ирландской миссионерской деятельности. Здесь нашли пристанище ирландские ученые, такие как Джон Колган, Хью Уорд, отец Муни, Бонавентура О'Хьюсси, Хью Маккагуэлл и др., а из ирландской типографии в Лувене было выпущено большое количество катехизисов, религиозных трактатов и исторических трудов, которые оказали неоценимую услугу религии и Ирландии. Другим очень важным учреждением в Лувене был Ирландский доминиканский приорат, известный как Святой Крест, основанный в 1608 году. Семинария для обучения светских священников была открыта в Антверпене в 1629 году в результате усилий и щедрости отца Лоуренса Седжрейва и его племянника отца Джеймса Тэлбота. Он поддерживался за счет доходов, выделяемых ему его основателями, за счет грантов папского нунция в Брюсселе и за счет пожертвований ирландцев, мирян и священнослужителей. В Турне отцом Кристофером Кьюсаком была основана семинария для ирландских священников, и ее студенты посещали лекции в колледже, принадлежащем иезуитам. Почти все ирландские заведения в Нидерландах продолжали свою работу до тех пор, пока не были разрушены в смутный период, последовавший за началом Французской революции.

Во Франции ирландские студенты также нашли радушный прием и дом. Колледжи, полностью предназначенные для их использования, были открыты в Париже, Дуэ, Лилле, Бордо, Тулузе и Нанте. Можно сказать, что Ирландский колледж в Париже был основан в 1578 году, когда отец Джон Ли и несколько товарищей из Ирландии поселились в Коллеж Монтегю. Позже дружественный дворянин Джон де л'Эскалопье предоставил в их распоряжение специальный дом, и отец Ли стал первым ректором новой семинарии, которая была официально признана Парижским университетом в 1624 году. Позже был приобретен Ломбардский колледж, а также нынешний дом на Ирландской улице. Колледж в Париже пользовался особым расположением ирландских епископов, о чем свидетельствует тот факт, что в 1795 году более трети ирландских студентов-священнослужителей на Континенте проходили обучение во французской столице. Семинария в Дуэ была основана отцом Ральфом Кьюсаком в 1577 году. В то время Дуэ принадлежал испанским Нидерландам, и ирландская семинария участвовала в безграничной щедрости королей Испании. Ирландская семинария в Лилле была основана также отцом Кьюсаком и находилась под контролем капуцинов. Хотя он предназначался в основном для студентов из провинции Ленстер, особое внимание уделялось ирландскому языку, без знания которого ни один человек не мог быть назначен ректором. Семинария в Бордо была основана (1603) отцом Диармудом Маккарти, священником епархии Корка, а позже она получила специальные гранты и привилегии от королевы-регентши Анны Австрийской. Та же добрая благотворительница предоставила дом для ирландских студентов в Тулузе (1659), а несколько лет спустя в Нанте была основана семинария для ирландских студентов.

В самом начале правления Елизаветы вопрос о предоставлении священников для ирландской миссии привлек серьезное внимание римских властей. Григорий XIII. организовал создание

ирландского колледжа в Риме и предоставил средства для его поддержки, но поскольку в то время готовилась экспедиция для оказания помощи Джеймсу Фицморису в его борьбе в Ирландии, проект был отложен, а деньги были направлены на цели войны. В 1625 году ирландские епископы обратились с петицией к Святому Престолу, молясь об учреждении ирландского колледжа в Риме. Кардинал Людовизи, в то время кардинал-протектор Ирландии, решительно поддержал эту петицию. Он снял дом для размещения нескольких студентов, и в 1628 году колледж был открыт. В своем завещании кардинал щедро пожертвовал средства на содержание колледжа, а также выразил пожелание, чтобы он был передан на попечение иезуитов. Они пришли к власти в 1635 году и руководили делами колледжа незадолго до подавления Общества. [87]

Елизавета и ее советники не замедлили увидеть опасность разрешения ирландской молодежи получать образование в Риме, Франции или на территориях короля Испании. В течение многих лет английскому правительству советовали принять меры по созданию хорошей системы английских школ как лучшего средства завоевания страны. Высказывалось предположение, что с подавлением монастырей и массовой конфискацией их имущества Генрих VIII мог бы что-то предпринять. или Эдуард VI. для развития образования. [88] Но эти надежды были обречены на скорое разочарование. Доходы религиозных домов, которые служили центрами обучения для мальчиков и девочек страны, поступали в королевскую казну или в карманы нечестных уполномоченных, и на их месте не было построено никаких учебных заведений. Депутат действительно сообщил каноникам собора Святого Патрика в Дублине, что их церковь должна быть преобразована для лучшего использования, а именно в университет, но обещание было дано только для того, чтобы побудить их сдаться без борьбы. Ценная церковная утварь, кресты и т.д. были переплавлены и переданы монетному двору. [89]

В начале правления Елизаветы было сделано предложение выполнить обещание Генриха VIII. преобразовав собор Святого Патрика в университет. Архиепископ Карвен решительно возражал против такого предложения, номинально на том основании, что университет послужит лишь предлогом для ирландских повстанцев отправить своих сыновей в столицу изучать секреты Пейла, но на самом деле потому, что он опасался, что проект повлияет на его собственный доход. В разное время и в различных формах этот план выдвигался еще раз. Сэр Джон Перротт стремился обозначить свой срок полномочий в качестве лорда-наместника созданием университета в Дублине, но архиепископ Лофтус, который как архиепископ Армы поддерживал преобразование собора Святого Патрика в университет, изменил свое мнение, как только добился своего перевода в Дублин, горячо воспротивился проекту наместника. Однако, когда ему удалось сохранить собор Святого Патрика для своих родственников и иждивенцев, он выдвинул другое предложение, а именно, чтобы Дублинская корпорация передала место, где находился старый монастырь Всех Святых, под создание университета. Корпорация согласилась с этим предложением, и в 1592 году Елизавета даровала ей хартию. Затем был опубликован призыв к подписчикам, и за короткое время было собрано около 2000 фунтов стерлингов, среди подписчиков были многие англо-ирландские католики. В 1593 году Тринити-колледж был открыт для приема студентов. Хотя архиепископ при обсуждении этого вопроса с Дублинской корпорацией, большинство членов которой по-прежнему были католиками, и депутат при обращении за выделением средств на возведение зданий позаботились о том, чтобы не поднимать вопрос религии, все же Тринити-колледж с самого начала был задуман как оплот протестантизма, а также английской власти в Ирландии. Елизавета уже многое сделала для продвижения дела новой религии, завладев детьми англо-

ирландской или ирландской знати и привезя их в Англию, чтобы они воспитывались как протестанты и англичане, [90] и была надежда, что Тринити-колледж при поддержке епархиальных школ сделает для лучшего класса нации то, что Оксфорд и Кембридж делали для несчастных детей вождей, которые были похищены во имя религии и государственной мудрости. Новый колледж поставил перед собой задачу в точности выполнять пожелания своих основателей, а взамен за свою уступчивость получил крупные пожертвования от английской короны, главным образом в виде пожалований конфискованных территорий в разных частях Ирландии. [91]

Однако, несмотря на все принятые меры, комиссии, штрафы, казни, дарование почестей и назначений, епархиальные школы и похищение детей, Реформация продвинулась лишь незначительно. Правда заключается в том, что представители Елизаветы в Ирландии не имели полномочий исполнять ее желания в отношении религии, да и сама Елизавета не желала разжигать всеобщее восстание, пытаясь наказать дворян-мирян за их вопиющее пренебрежение к ее постановлениям. Так, в 1585 году Уолсингем отправил протестантскому архиепископу Армы (Лонгу) четкие инструкции о том, что джентльмены из Бледнолицых должны быть освобождены от принесения присяги на верность, [92] а в 1591 году сэр Джордж Кэрю сообщил лорду-наместнику Фицуильяму, что королева недовольна им, потому что "она опасается, что он слишком прямолинеен в вопросах религии", и что он (Кэрю) попытался оправдать депутата, указав, что из-за снисходительности правительства "они из Бледнолицых обнаглели". В свое время Елизавета написала депутату и совету, обвиняя их в пренебрежении продвигать интересы новой религии (1599), в то время как уже в следующем году она проинструктировала лорда Маунтджоя не вмешиваться с какой-либо суровостью или насилием в вопросы религии, пока могущество Англии не установится настолько прочно, что такое вмешательство сможет быть эффективным. Причину такого нерешительного отношения понять нетрудно. Елизавета опасалась, что всеобщая атака на религию как таковую станет лучшим средством побудить всех католических дворян забыть о своем личном соперничестве и объединиться в одну великую национальную конфедерацию. Такой поворот событий мог оказаться катастрофическим для английских интересов в Ирландии, и поэтому были приняты меры к тому, чтобы обеспечить определенную терпимость к дворянам и объяснить наказания, налагаемые на духовенство, тем, что они были наложены не из-за религии, а из-за их предательских замыслов. Это очень ясно выражено в письме сэра Джорджа Кэрю тайному совету в 1600 году. На жителей Уотерфорда поступили жалобы за их полное и открытое пренебрежение к новой религии, и Кэрю было поручено наказать за такое неповиновение. Он написал, что "разберется с вопросом религии так хорошо, как только сможет", и что он постарается обвинить лидеров движения в государственной измене, потому что, добавил он, "если хотя бы частично окажется, что их наказание связано с религией, это разожжет большой пожар в этом королевстве". [93]

В 1576 году Хью Брэди, протестантский епископ Мита, доложил лорду-наместнику, что состояние Существующей Церкви плачевно, что священники, хотя и лишены средств к существованию, продолжают существовать за счет добровольных пожертвований народа, что церкви пришли в упадок, что под рукой нет служителей, которые могли бы обратиться к народу на их родном языке, и что для исправления этого положения дел следует направить англичан в качестве епископов для организации нового религиозного органа, а шотландцев следует попросить выступить в качестве проповедников. [94] Когда такое положение дел существовало в Бледных округах, легко видеть, что протестантизм еще мало продвинулся среди ирландского

народа. Два года спустя лорд-судья Друри и сэр Эдвард Файтон, казначей, объявили тайному совету, что по прибытии в Килкенни протестантский епископ Оссори сообщил им, "что не только самые знатные люди этого города (поскольку по большей части они склонны к папизму) упрямо отказывались приходить в церковь и что их ни в коем случае нельзя приводить туда слушать богослужение со своими женами и семьями (как они обязаны делать по указанию ее Величества), но что почти все церкви, часовни или приделы в пределах его владений". епархии были полностью разрушены и пришли в упадок, и ни прихожан, ни других лиц, которые обязаны их ремонтировать и обустраивать, никакими средствами нельзя было завоевать или побудить к этому". Лорд-судья и его компаньон вызвали к себе главных людей Килкенни и обязали их выплатить по 40 фунтов стерлингов каждому, "чтобы они и их жены должным образом каждое воскресенье и праздничные дни посещали церковь и слушали божественную службу". [95]

Уотерфорд был не менее плох. В 1579 году сэр Уильям Пелхэм сообщил, что Мармадюк Миддлтон, назначенный Елизаветой епископом, встретил плохой прием в Уотерфорде, "отчасти из-за презрительного и упрямого поведения мэра и его братьев этого города, а отчасти со стороны духовенства этой церкви". Декан Уотерфорда вел себя особенно неприятно, и из-за его поведения Пелхэм рекомендовал лишить его сана в качестве примера гражданам, которые были "самыми высокомерными папистами, живущими в этом штате". Епископ Миддлтон больше всего хотел, чтобы его выслали из Уотерфорда, где, как он опасался, его жизнь была в опасности. Он сообщил, что Уотерфорд был передан "римским гонцам и монахам", что духовенство и народ объединились, чтобы воспрепятствовать самым благочестивым действиям ее Величества, что "в самом Риме было не больше суеверий", чем в городе, которым он правил, и что большинство занимающих протестантские должности были немногим лучше, чем "вудкерн". [96] Даже к концу правления Елизаветы Уотерфорд все еще оставался, как и тогда, когда она взошла на трон, убежденным католиком. Тайный совет Англии предупредил сэра Джорджа Кэрю, что, хотя "дурные наклонности ирландского народа в большинстве мест этого королевства, и особенно жителей Уотерфорда, в вопросах религии" были прекрасно известны, и хотя к ним проявлялась большая терпимость, чтобы у них не было повода для восстания, "все же что-то должно быть сделано, чтобы подавить самонадеянность и наглость народа". Ибо архиепископ Кашел (Маграт) объявил, "что в Уотерфорде есть определенные здания, возведенные под видом богаделен или больниц, но на самом деле они предназначены и публично заявляются для использования в монастырях и подобных религиозных домах, и что монахов и папистских священников открыто принимают и содержат в них ... и они открыто служат мессу, как правило, во многих местах, как будто они не испытывают благоговения или страха перед каким-либо исключением, которое может быть сделано для них". Примечательно, однако, что, указывая на степень английского влияния в то время в Ирландии, члены тайного совета предупредили президента Мюнстера, что они "не считают целесообразным предпринимать какие-либо экстраординарные действия или устраивать какие-либо беспорядки для расследования или наказания их за Мессу или любые другие папистские суеверия, если только они таким образом открыто не продемонстрируют миру наглость и презрение к власти ее Величества". [97]

В 1597 году, когда лорд Боро был назначен лордом-наместником, Елизавета поручила ему осторожно навести справки о состоянии религии, о чем нам сообщили, - писала она, - "имела место печально известная небрежность, заключающаяся в том, что религиозные порядки соблюдаются лишь в немногих частях нашего королевства; и что достойно сожаления, даже в наших очень бледных английских приходах нет чиновников и учителей, а в очень больших

городах собрания многие не только не приходят в церковь или на богослужение, но [им] даже охотно подмигивают. на то, чтобы использовать всевозможные папистские церемонии". Она приказала ему изучить причины "этого общего отступничества", посмотреть, что делали Церковные комиссары все эти годы, и высказать свое мнение относительно того, как "это общее отступничество можно было бы реформировать каким-нибудь удобным способом, а не так беспечно терпеть, как если бы она даровала терпимость к папству". [98] Три года спустя (1600 г.) сэр Джордж Кэрю представил весьма мрачный отчет о прогрессе новой религии. "Если испанцы все-таки придут сюда, - писал он, - я не знаю ни одной части королевства, которая поддержала бы королеву, и сами города взбунтуются вместе с первыми. Ибо невероятно видеть, как оклеветана наша нация и религия, и то ужасное повиновение, в котором все королевство пребывает по отношению к римским священникам, чьи отлучения от церкви внушают им больший ужас, чем любой другой земной ужас вообще. До недавнего времени, хотя горожане всегда были упрямыми папистами, все же /для проформы/ мэры и олдермены ходили в церковь. Но сейчас мэры не проявляют такого внешнего послушания, и это означает, что королевский меч берет самоотвод, что, на мой взгляд, недопустимо. Тем не менее, я не считаю нужным особо настаивать на этом в это беспокойное время. Что касается месс и подобных незначительных отклонений здесь, то они не имеют большого значения. Мне не слишком интересно их понимать, чтобы они не использовались презрительно и публично в нарушение законов королевы. Но я не желаю, чтобы мэры городов и корпоративных поселков баллотировались с таким явным презрением".

Нет ничего странного и в том, что новая религия так мало продвинулась в Ирландии. Помимо того факта, что ирландцы в душе были истинными католиками, средства, принятые для осуществления их отступничества, не были такого рода, чтобы обеспечить успех. Английские монархи, их официальные лица в Дублине и часть англо-ирландской знати стремились завладеть церковной собственностью и покровительством, и как только они достигли своей цели, они проявили лишь скудное уважение к притязаниям религии. Англичане были посланы в качестве архиепископов или епископов, которые не могли проповедовать на языке, понятном народу, и у которых не было другого желания, кроме как обогатить себя, своих детей и своих родственников. Архиепископ Браун подал пример в этом направлении, и этот пример не остался незамеченным для его преемника Адама Лофтуса, который был настолько жаден в ходатайствах о назначениях, что его капитул был вынужден потребовать от него обещания, что он больше ничего не будет искать. Архиепископ Арма Лонг (1584-89) растратил имущество епархии до такой степени, что его преемник едва имел доход в 120 фунтов стерлингов в год и не имел дома, который мог бы дать ему кров. Милер Маграт обогатился на Кэшеле, Эмли, Уотерфорде и Лисморе, Киллале и Ахонри. Двадцатью приходами Эмли управлял он сам; двадцатью шестью управляли его сыновья, дочери и близкие родственники; девятнадцать остались вакантными; люди, "более пригодные для содержания свиней, чем для служения в церкви", были назначены на какие-то средства к существованию, и "в двух епархиях (Кэшель и Эмли) не было ни одного проповедника или хорошего служителя, который учил бы подданных их обязанностям перед Богом и Его Величеством". Крейк из Килдэра, Кавена из Оссори и Аллен из Фернса были обвинены в отчуждении епархиальной собственности своих соответствующих епархий. За единственным исключением Брейди, протестантского епископа Мита, против которого Лофтус заявил, что может выдвинуть такие обвинения, которые ему не хотелось бы озвучивать, вряд ли кто-либо из людей, назначенных Елизаветой в ирландское епископство, был достоин своей должности. Лофтус был бедным придворным; у Маграта не было религии,

кроме как зарабатывать деньги и потакать своей страсти к крепким напиткам; Шотландец Найт, которого послали в Кэшел присматривать за ним, был смещен из-за публичного пьянства; Деверо был назначен в Фернс, хотя, по словам Лофтуса, он был лишен деканства из-за признанной безнравственности; Ричард Диксон был лишен своей кафедры в течение года после назначения королевой за явную супружескую измену, а Мармадюк Миддлтон из Уотерфорда был переведен в Сент-Дэвид. он был обвинен в "тяжких проступках", самым серьезным из которых была публикация поддельного завещания, и был дисквалифицирован Судом Высшей комиссии. С такими людьми, ответственными за работу по "реформированию" духовенства и народа Ирландии, неудивительно, что Реформация добилась столь незначительного прогресса. [100]

Люди, в чьи руки перешли собственность и покровительство Церкви, не предприняли никаких шагов, чтобы позаботиться о ремонте церковных зданий или предоставить духовенство для проповеди новой религии. В некоторых случаях их пренебрежение было вызвано тем, что они сами были католиками по своим симпатиям, а в других случаях потому, что они не хотели нести никаких расходов. Как следствие, церкви лежали в руинах и без крыш, и никаких религиозных служб не проводилось. Немногие английские священники с хорошей репутацией в своей стране осмеливались приезжать в Ирландию, разве что, возможно, в надежде получить епископство в Бледных округах, и, как следствие, приезжавшие люди имели "некоторую дурную репутацию", из-за чего они были вынуждены покинуть свою страну. Следовательно, для того, чтобы обеспечить служителей для распространения нового Евангелия, было необходимо рукоположить тех, кто был готов получать ордена в качестве средства к существованию. Поэтому неудивительно, что Эдмунд Спенсер описал ирландское протестантское духовенство того периода как "плохое, распущенное и крайне неупорядоченное". "Какие бы беспорядки, - пишет он, - вы ни видели в Англиканской церкви, вы можете найти в Ирландии и многое другое, а именно грубую симонию, жадную алчность, невоздержанность, беспечную леность и вообще всю беспорядочную жизнь обычного священнослужителя. И, помимо всего этого, у них есть свои особые чудовищности; ибо все ирландские священники, которые сейчас живут в церкви, в некотором смысле являются простыми мирянами, за исключением того, что они приняли священный сан, но в остальном они идут и живут как миряне, занимаются всеми видами земледелия и другими мирскими делами, как и другие ирландцы. Они не читают Священных Писаний, не проповедуют людям, не причащают". Хороший отчет о разношерстной толпе, привлеченной для проведения реформаторской работы, дает Эндрю Троллоп, сам английский юрист и протестант. Хотя он ссылаясь, в частности, на Мюнстер, его отчет можно считать по существу правильным для остальной Ирландии. "По правде говоря, - писал он, - они [духовенство] таковы, что не заслуживают того, чтобы жить. Ибо они будут считаться не министрами, а священниками. У них не будет жен. Если бы они остались там, это было бы хорошо; но у них будут блудницы ... И, имея большой опыт и какой-то необычный след среди этих парней, я не могу понять, что больше всего из них любит - распутных женщин, карты, кости или выпивку. И когда им по необходимости приходится идти в церковь, они носят с собой книгу Общих Молитв на латыни, изложенную и разрешенную ее Величеством. Но они мало читают об этом или вообще ничего не читают, или умеют хорошо читать, но они рассказывают людям историю о Богородице, или о Святом Патрикe, или о каком-нибудь другом святом, о котором страшно говорить или слышать, и невыносимо страдать, и делают все возможное, чтобы отвратить людей от Бога и их князя и от их должного послушания им обоим, и склонить их к

дьяволу и Папе Римскому ". В 1576 году лорд-наместник направил в Англию отчет "о плачевном состоянии Церкви" в Ирландии. "Есть, - писал он, - в этой епархии [Мит] двести двадцать четыре приходские церкви, из которых номером сто пять, руководство для мелких владений; ни один пастор или священник-резидентов на любой из них, и очень простая и к сожалению священник по большей части назначается ними, в том числе священники только восемнадцать были найдены в состоянии говорить по-английски, остальные-ирландцы министров, вернее ирландские разбойники, имея очень немного латыни, и меньше учиться и вежливость. . . . Во многих местах стены церкви не разрушено; очень немногие из приделов покрыты; окна или двери, которые были разрушены или испорчены. . . . Если это состояние церкви в населенный епархии, и лучшую систему управления страной это свой мир, как в правду, легко ли Вашему Величеству в догадках в каком случае остальное, где мало или нет Реформации либо религии или манеры имеет еще было посажено и по-прежнему среди них. . . . Должна ли я писать к Вашему Величеству, что портить было, и archbishoprics, которых насчитывается четыре, и из епископств, о чем есть лет тридцати с небольшим, отчасти прелаты сами, частично царьки, их гибельной соседей, я должен сделать слишком долго клевета это мое письмо. Но ваше Величество, можете мне поверить, на всей земле, где исповедуют Христа, нет Церкви, находящейся в столь плачевном положении".

Спенсер провел резкий контраст между католическим духовенством и служителями нового евангелия. "Это великое чудо, - писал он, - видеть разницу между рвением папистских священников и служителей Евангелия. Ибо они не жалеют о том, чтобы уехать из Испании, из Рима и из Реймса, путем долгого труда и опасного путешествия сюда, где, как они знают, их ожидает смертельная опасность, и никакой награды или богатства не найти, только для того, чтобы привлечь людей к Римской Церкви; тогда как некоторые из наших праздных служителей, имея таким образом открытый им путь к кредиту и оценке и имея жизнь в стране, предложенную им без труда и без опасности, не захотят ни того же, ни какой-либо любви к Богу, ни религиозного рвения, ни всего того добра, которое они могут сделать, работая в Римской Церкви. завоевывающие души для Бога, вырывайтесь из их теплых гнезд, чтобы посмотреть на Божью жатву". [101]

Но хотя попытки отвратить Ирландию от католической веры не привели к каким-либо существенным результатам, все же нельзя было отрицать тот факт, что Елизавета пошла дальше в деле подчинения страны, чем кто-либо из ее предшественников. Свержение Джеральдинов и их союзников на Юге, создание плантации английских гробовщиков на землях графа Десмонда, захват страны Мак-Магона и попытка создания плантации Клэндбоя, назначения президентов Мюнстера и Коннахта, превращение нескольких графств в земли шира, назначение шерифов для обеспечения соблюдения английского закона и размещение гарнизонов в нескольких частях страны - любому вдумчивому ирландцу стало ясно, что, если не предпринять немедленных шагов, полное уничтожение их страны будет лишь временным шагом. вопрос нескольких лет. На Севере Хью О'Нил, сын Мэтью О'Нила, считался самым могущественным дворянином провинции. Как и его отец, в юности он был англичанином О'Нилом, и по этой причине он был пожалован графом Тайроном (1585) и получил большую часть территорий Шейна Гордого. Но он не доверял англичанам, как и они не доверяли ему. Вероломный захват Хью О'Доннелла, размещение английского гарнизона в Портморе вдоль реки Блэкуотер и военные приготовления, начатые сэром Генри Багеном, сделали для него очевидным, что правительство нацелено на полное свержение ирландских вождей.

Укрепив себя союзами с Хью О'Доннеллом, Магуайром и главными дворянами Севера, он поднял оружие, захватил крепость Портмор, осадил Монаган и нанес очень серьезное поражение английским войскам при Клонтибрете (1595). Какой бы ни была его скрытая цель, О'Нил выдвинул вопрос религии на первый план. Английские официальные лица уже отмечали, что О'Нил, хотя и вырос в Англии, был приверженцем "римской церкви". В своих переговорах с правительством после поражения английских войск при Клонтибрете и О'Нил, и О'Доннелл требовали, чтобы "все люди имели полную свободу совести". Аналогичные требования были выдвинуты другими вождями Ольстера, а позже и всей ирландской знатью в Коннахте, Лейнстере и Мюнстере. В ответ на эти требования комиссары объявили, что в прошлом королева терпимо относилась к исповеданию католической религии, и "поэтому, по всей вероятности, она продолжит в том же духе". Когда весть об этих переговорах достигла Англии, Елизавета была недовольна. Просьба о свободе совести была охарактеризована как "нелояльная". О'Нилу должны были сообщить, что "это было более позднее нелояльное соглашение, заключенное между ним и другими повстанцами без каких-либо разумных оснований или причин, чтобы подтолкнуть их к этому, особенно учитывая, что ни против кого из них не было возбуждено дело о столь необоснованном и нелояльном требовании, как право нарушать законы, которые ее Величество никогда не предоставит ни одному подданному". [102]

Хотя переговоры продолжались еще некоторое время, ни одна из сторон не стремилась к миру. Елизавета и ее чиновники стремились заручиться поддержкой англо-ирландцев из Оседлости и определенной части ирландской знати. К сожалению, она добилась слишком большого успеха. Большинство англо-ирландской знати, хотя и оставались преданными католической вере, предпочли принять веротерпимость от Елизаветы, а не сражаться бок о бок с О'Нилом за полное восстановление своей религии. [103] О'Нил и О'Доннелл обратились за поддержкой к Испании и Риму. У Испании они попросили оружия, солдат и денег, которые позволили бы им продолжить борьбу. У папы они также попросили материальной помощи, но вдобавок потребовали, чтобы он переиздал Буллу об отлучении от церкви и низложении Елизаветы, изданную Григорием XIII, чтобы он объявил их войну религиозной, в которой все католики должны принять сторону ирландских вождей, чтобы он отлучил от церкви католических дворян, взявшихся за оружие в защиту королевы, чтобы он предоставил им полные права покровительства, которыми пользовались в Ольстере их предшественники, и чтобы он не назначал духовных лиц на вакантные кафедры без их одобрения. [104]

Эти просьбы были решительно поддержаны в Риме Питером Ломбардом (1601), который позже был назначен архиепископом Армы, и в результате Климент VIII решил направить нунция в Ирландию в лице Людовико Мансони (1601). Филипп III. король Испании, наконец, согласился направить войска в Ирландию, но вместо того, чтобы высадиться на Севере, где О'Нил и О'Доннелл были всемогущи, испанский десант под командованием дона Хуана дель Аквилы прибыл из Кинсейла и овладел городом (сентябрь 1601 г.). В течение трех лет, предшествовавших прибытию испанцев, северные вожди добивались поразительных успехов. Они разгромили маршала Багеналя при Желтом Броде (1598), разгромили войска сэра Коньерса Клиффорда у гор Керлиу (1599) и расстроили все планы графа Эссекса, которого Елизавета специально прислала, чтобы подчинить их. Однако едва испанцы заняли Кинсейл, как их осадил новый депутат, лорд Маунтджой, и Кэрю, президент Мюнстера. Они отправили срочное сообщение с просьбой к О'Нилу и О'Доннеллу выступить к ним на помощь, и вопреки собственному здравому смыслу они решили выступить на юг на помощь своим союзникам. Тем не менее, если бы они удовлетворились окружением английских войск, как советовал О'Нил,

они могли бы добиться успеха, но вместо того, чтобы придерживаться политики выжидания, они решили атаковать совместно с испанскими войсками. В результате они потерпели полное поражение (1602). О'Нил повел остатки своей армии к Ольстеру; О'Доннелл был отправлен за дальнейшей помощью в Испанию, из которой он так и не вернулся, а Аквила сдал Кинсейл и другие крепости, в которых стояли гарнизоны испанцев. Кэрю опустошил всю провинцию Коннахт, в то время как Маунтджой двинулся на Ольстер, чтобы усмирить северных повстанцев. Известие о смерти О'Доннелла в Испании, дезертирство многих его товарищей по оружию и полное уничтожение скота и посевов Маунтджоем вынудили О'Нила сделать попытку заключить мир. Ему были предложены условия, и были приняты все меры, чтобы скрыть от него смерть королевы Елизаветы. Он решил встретиться с Маунтджоем и сделать свое заявление (1603). -----

[1] /Календарь патентных списков/, i., 304.

[2] Id., i., 315.

[3] Моран, /История архиепископов Дублина/, 52-54. Брэди, /Епископская преемственность/, ii., 133 кв.

[4] /Календарь патентных списков/, i., 327-335.

[5] Линч-Келли, /Cambrensis Eversus/, ii., 780 кв.

[6] /Календарь статей Кэрю/, i., 252-53.

[7] Id., 258.

[8] /Календарь патентных списков/, i., 169-70.

[9] /Ирландские статуты/, том i., 239-74.

[10] /Библиотека. Munerum/, i., 38.

[11] Сох, /Hib. Англиканская/, 308-9.

[12] Бриджитт, /Грубые ошибки и подделки/, 217-21.

[13] /Календарь документов, Ирландия/, i, 140.

[14] /Календарь документов, Ирландия/, i, 151-52.

[15] /Календарь статей Кэрю/, i., 279-80.

[16] Ширли, указ. соч., 90-1.

[17] Бэгвелл, /Ирландия при Тюдорах/, ii., 354.

[18] Бриджитт, /Грубые ошибки и подделки/, 229-36.

[19] Ширли, указ. соч., 91.

[20] Сох, /Hib. Англ./, 313.

[21] Возвращение напечатано в /Трактатах, касающихся Ирландии/, ii., 134-38.

- [22] / Государственные документы/, iii., 306-7.
- [23] Id., 305.
- [24] Литтон Фолкинер, /Очерки, касающиеся Ирландии/, 236.
- [25] Келли, /Диссертации по истории ирландской церкви/, 363.
- [26] /Lib. Mun./, ii., стр. 6, 10.
- [27] Брейди, /Ирландская реформация/, 32, 33.
- [28] /Ирландские статуты/, i., 275-320.
- [29] Ср. Линч-Келли, /Cambrensis Eversus/, ii., 19-23. Пот, /Analecta/ (изд. Моран, 1884), 235-7.
- [30] /Календарь патентных списков/, i., 303-4.
- [31] Ширли, указ. соч., 140, 234, 265.
- [32] Брейди, /Ирландская реформация/, 169-73.
- [33] /Женихи Елизаветы/, № 199.
- [34] Мейсон, /История Святого Патрика/, 162.
- [35] Моран, /Spicil. Ossor./, i., 83.
- [36] Ширли, указ. соч., 220.
- [37] /Женихи Елизаветы/, № 666.
- [38] Ширли, указ. соч., 101.
- [39] Id., 207.
- [40] См. Письмо Дж. А. Фруда в книге Брейди "Ирландская реформация", 173-80.
- [41] /Женихи Елизаветы/, № № 198, 221, 223, 363.
- [42] Ширли, указ. соч., 94.
- [43] Id., 125.
- [44] Ширли, указ. соч., 162.
- [45] Id., 201, 226.
- [46] Id., 249-250.
- [47] Ср. Ширли, соч. цит. по.., 98-9, 120, 184, 214, 239, 242, 272, 278, 295.
- [48] Ширли, соч. цит. по.., 130, 135, 180, 189, 271, 313 кв.
- [49] Уэрс /Сочинения/, том первый, стр. 391.
- [50] Ширли, соч. цит. по.., 96, 104, 106, 122.

[51] Id., 271.

[52] Id., 95.

[53] /Календарь государственных документов/ (Ирландия), i, 171.

[54] Ширли, указ. соч., 117 кв.

[55] Ширли, указ. соч., 139.

[56] Id., 233 кв.

[57] Ширли, соч. цит. по..., 160-3, 135-6, 220, 279, 95.

[58] Ширли, указ. соч., 195-96.

[59] Ср. Хоган /Гиберния Игнатиана/, 10-24. Моран, /Архиепископы Дублина/, 77-83. /Кал. Государственные документы/ (Ирландия), i., 255, 472, 524.

[60] /Спец. Оссор./, i., 32-8.

[61] Cf. Theiner, /Acta genuina S. Concil. Триада./, в 4 т., 1875.
Беллесхайм, указ. соч., ii., 142-44.

[62] Ренехан, /Архиепископы/, 435 кв. м. Моран, /Архиепископы Дублина/, 441 кв.

[63] /Кал. из документов Кэрю/, i., 297, 301 кв.

[64] Id., 292, 297, 310 кв. /Кал. государственных документов/ (Ирландия), 188.

[65] /Сборник государственных документов/, i., 179.

[66] Id., 233.

[67] Ренехан-Маккарти, указ. соч., i., 241 кв.

[68] /Спец. Оссор./, i., 59-62.

[69] /Календарь статей Кэрю/, i., 397-400.

[70] Джиллоу, /Биб. Дикт. англ. Католики/, v., 476.

[71] /Спец. Оссор./, i., 94.

[72] /Дневник Хукера/ (напечатано в "Литтоне Фолкинере" / "Очерки, касающиеся Ирландии"/, 237 кв.м).

[73] Id., 235-6.

[74] Ср. /Ирландские статуты /, i., 312 кв. / Календарь документов Кэрю /, ii., 334 кв.

[75] Ср. / Календарь статей Кэрю/, i., 347. Ширли, указ. соч., 206-7. Брэди, /Ер. Преемственность /, ii., 43. Уэр / Сочинения/, i., 511.

[76] Ср. /Spicil. Ossor./, i, 38, кв. Ширли, соч. цит. по..., 164, 171, 176, 287, 306, 324. / Анализы Дэвида Рота / (изд. Моран), 1884, xlv.

[77] О'Саллеван, / Исторический сборник. Кат. Ибер. / (под ред. Келли), 1850, 108-111.

[78] Ренеханс /Архиепископы/, 241 кв. Брэди, указ. соч., ii., 5 кв. /Спец. Оссор./, i, 83.

[79] Ср. Брэди, указ. соч., Анализ Рота (см. выше), 381 кв. / Спец. Оссор./, i., 82 кв.м.; iii., 35 кв. м. /Ir. Есс. Запись/, i., ii.

[80] Ср. "Анализ" Рота (Введение), xiii. кв.

[81] Брэди, указ. соч., 221-3.

[82] / Анналы Ф. М./, 1601.

[83] /Кал. Документы Кэрю/, ii., 137.

[84] Ид., iii., 494.

[85] Ср. /I. E. Record/, (1884). Бэгвелл, соч. цит., iii., 462-69. /Archiv. Hib./, i., 277-311.

[86] О'Догерти, /Студенты Ирландского колледжа, Саламанка, 1595-1700/, (/Архив. Hib./, ii., iii.).

[87] Об ирландских колледжах на континенте, ср. Бойль, /Ирландский колледж в Париже (1578-1901)/. Мерфи, / Колледж ирландских францисканцев в Лувене/, (/ Журнал R.S.A., I./, 1898). Proost, /Les réfugiés anglais et irlandais en Belgique/, etc. (/Messenger des Sciences historiques/, 1865), Daumet, /Notices sur les établissements religieux anglais, écossais et Irlandais/, etc., 1912. /Ирландская церковь. Летопись /, vii., viii., ix., x. Хоган, / Ирландские достойные шестнадцатого века/, 1886. /Католическая энциклопедия/ (арт. Ирландский колледж, Рим — монсеньор. О'Риордан).

[88] /Государственные документы/ (Ирландия), iii., 30.

[89] Ширли, указ. соч., 13, 31.

[90] Грин, /Создание Ирландии и ее гибель/, 401-439.

[91] Стаббс, / История Дублинского университета /, 1889. Херон, / Конституционная история Дублинского университета /, 1847. /Календарь Тринити-колледжа/, 1833 год.

[92] /Кал. Государственные документы/ (Ирландия), ii., 588.

[93] /Кал. Документы Кэрю/, iii., 58, 316, 356, 469.

[94] /Кал. Государственные документы/, ii., 92-93.

[95] /Документы Кэрю/, ii., 144.

[96] /Кал. Государственные документы/, ii., 229, 235, 245.

[97] /Документы Кэрю/, iii., 457-8.

[98] /Документы Кэрю/, iii., 213.

[99] Id., 387-8.

[100] Ср. Ширли, указ. соч., 95, 271. Уэр, /Работы/, i. (в разделе "упомянутые епархии"). Бэгвелл, указ. соч., iii., 459 кв. Моран, /архиепископы Дублина /, 163 кв.

[101] Ср. Спенсер, указ. соч. (ред. Морли, 1890), 123-28, 202 кв. / Кал.

Государственные документы / (Ирландия), iii., 424, 427, 428. Бэгвелл, указ. соч., iii., 459 кв.

[102] /Кал. Документы Кэрю/, iii., 105, 133, 151-3.

[103] О'Саллеван, указ. соч., 140 кв.

[104] Ср. Каган, /Некоторые документы, относящиеся к Десятилетней войне/ (/Arch. Hib./, ii., 274 кв.).

ГЛАВА X

ЦЕРКОВЬ В ИРЛАНДИИ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ СТЮАРТОВ (1604-1689)

См. библиографию, главы vii.-ix. / Календарь государственных документов Ирландии / (Джеймс I.), 5 томов., 1872-80. Там же (Чарльз I.), 5 томов. / Календарь Кларендонских газет /, 2 тома., 1869-72. Карт, / История жизни Джеймса, герцога Ормонда/ (1610-88), 3 тома., 1736. Французский, /Исторические сочинения/, 2 тома., 1846. /Отчет о францисканских рукописях. /, i., 1906. Рассел-Прендергаст, / Отчет о документах Carte в Бодлианской библиотеке /, 1871. Гилберт, / Современная история Ирландии / (1641-52), 1879-80. Бэгвелл, / Ирландия при Стюартах /, 2 тома., 1909. Прендергаст, /Кромвелевское поселение в Ирландии /, 2 изд., 1875. Леки, / История Ирландии в восемнадцатом веке /, новый имп., 1913. Коффи, / О'Нил и Ормонд /, 1914. Данлоп, / Ирландия в составе Содружества /, 2 тома., 1913. Мюррей, /Революционная Ирландия и ее заселение /, 2 тома., 1911. Булджер, / Битва при Бойне/, 1911. Берк, /Ирландские священники в каторжные времена/ (1660-1760), 1914.

Известие о смерти королевы Елизаветы и восшествии на престол Якова I. стало долгожданным облегчением для огромного числа католиков Ирландии. Как сын Марии, королевы Шотландии, и, в некотором смысле, потомок ирландских королей Шотландии [1], он пользовался

благосклонностью как в Черте Оседлости, так и за ее пределами. Будучи королем Шотландии, он поддерживал связь с Папой римским, с католическими монархами Континента и с О'Нилом, и даже после своего провозглашения в Лондоне он пообещал некоторым ведущим католическим лордам, что они могут рассчитывать по крайней мере на терпимость. Однако, не дожидаясь никаких подобных обещаний, католики в ведущих городах Востока и Юга открыто исповедовали свою религию. В Килкенни, Томастауне, Уотерфорде, Уэксфорде, Кэшеле, Корке, Лимерике и т. Д. Они захватили церкви, отменили протестантскую службу везде, где она была введена, и восстановили мессу. Джеймс Уайт, генеральный викарий Уотерфорда, особенно выделился как лидер этого движения в юго-восточной части Ирландии. [2]

Лорд Маунтджой оказался в трудном положении. Он не был уверен в религиозной политике короля, но в конце концов решил подавить католическое движение силой. Он направился на юг, в Килкенни, а оттуда в Уотерфорд, где у него была беседа с доктором Уайтом. Повсюду церкви были возвращены протестантам, хотя намекали, что мессу все еще можно было бы отслужить в частном порядке, как во времена Елизаветы. В Корке положение дел было гораздо серьезнее, и было необходимо снять оружие с конвейера, прежде чем мэра и горожан можно было убедить подчиниться. Со всех сторон поступали сообщения о том, что страна кишит иезуитами и священниками семинарий, что они подстрекают людей взяться за руки с королем Испании и отказаться от своей верности Якову I. Эти слухи были беспочвенны, о чем свидетельствует тот факт, что большинство городов Лейнстера и Мюнстера, которые считались сугубо католическими, и пальцем не пошевелили, чтобы помочь О'Нилу в его войне против Елизаветы. Но они были пущены в обращение, чтобы настроить короля Якова против своих ирландских подданных-католиков и отучить его от политики терпимости, которую, как говорили, он одобрял. Лофтус, архиепископ Дублина, и Джонс, епископ Мита, поспешили предостеречь короля от политики терпимости. Они возложили всю вину за недавнюю войну на иезуитов и семинарских священников и поставили под сомнение лояльность католической знати Оседлости. Они призвали его Величество ясно дать понять "даже на заре своего правления", что он готов "поддерживать истинное поклонение и религию Иисуса Христа", дать народу понять, что "он никогда не допустит и не потерпит того, что в своем благочестивом рвении он так сильно ненавидит", изобрести какие-либо средства предотвращения заговоров и целей иезуитов и священников семинарий, которые "ежедневно приходят из-за морей, открыто уча, что король, желающий конфирмации папы, не является законным королем", послать несколько "ученых и благоразумных проповедников" в главные города, и заставить людей "некоторыми умеренными совместными действиями приходить в церковь, чтобы услышать их проповеди и увещевания". [3]

В качестве средства распространения нового Евангелия среди ирландского народа было рекомендовано "насадить ученое служение и реформировать злоупотребления духовенства"; изгнать из королевства всех епископов, иезуитов, священников семинарий и монахов, не допускать юристов в коллегия адвокатов или в тайный совет, если они не посещают протестантскую службу, и заставить всех шерифов, мэров, мировых судей, регистраторов, судей и должностных лиц принести присягу превосходства. Кроме того, Лофтус и Джонс настаивали на том, что родителям-католикам следует запретить отправлять своих детей в Дуэ и Реймс и принудить их отправлять их в протестантские епархиальные школы. Они сообщили, что, хотя епископ Мита открыл школу в Тримере за большие деньги для себя, ее посещали только шесть учеников, и что, когда учителя начали молиться в школе и демонстрировать желание

приводить своих учеников в церковь, ученики ушли, а учителя, хотя и выпускники Университета, остались без какой-либо работы. [4]

Поскольку Джеймс проявлял большое нежелание предпринимать какие-либо активные меры против католиков, Брункер, президент Мюнстера, Лайонса, протестантский епископ Корка и другие члены Совета Мюнстера издали прокламацию (14 августа 1604 г.), предписывающую "всем иезуитам, семинариям и священникам-массовикам любого рода, которые остаются в пределах одного из корпоративных городов провинции", уехать до последнего дня сентября и не возвращаться в течение семи лет. Любым лицам, принимающим или освобождающим таких преступников, угрожало тюремное заключение во время соизволения его Величества и штраф в размере 40 фунтов стерлингов за каждое подобное правонарушение, а "всякий, кто доставит лорду Президенту и Совету тела любых иезуитов, семинарий или священников-месси", было обещано вознаграждение в размере 40 фунтов стерлингов за каждого иезуита, 6 3 шилл. 4д. фунтов стерлингов за каждого священника семинарии и 5 фунтов стерлингов за каждого священника-месси. Опасаясь, однако, что его действия могут вызвать неудовольствие короля, Броункер позаботился написать Сесилу, что города Юга переполнены священниками семинарий, которые публично служат мессу в лучших домах "даже на глазах у всех людей", и что он откладывал принятие мер до тех пор, пока они не начали смело заявлять, что его величеству угодно "терпеть их идолопоклонство". [5]

Сэр Джон Дэвис, уроженец Уилтшира, который был назначен генеральным солиситором Ирландии благодаря своему поэтическому таланту, не выступал против политики репрессий, но в то же время твердо придерживался мнения, что до тех пор, пока сама протестантская церковь в Ирландии не будет реформирована, не может быть никакой надежды на обращение ирландского народа. В письме Сесилу (февраль 1604 г.) "ему сообщили, - говорит он, - что церковники по большей части по всему королевству - всего лишь идола и шифры, и такие, которые не умеют читать, если они нуждаются в помощи своего духовенства; и все же большинство из тех, среди которых много служивых людей и несколько мальчиков-наездников, не лишены двух или трех льгот на каждого, поскольку Суд факультетов квалифицирует всевозможных лиц и исключает всякого рода отсутствие местожительства и множественность. ... Церкви разрушены и рухнули на землю во всех частях королевства. Здесь нет ни богослужения, ни крещения детей, ни принятия таинств, ни христианского собрания, нет, ни разу в году; одним словом, религиозных проявлений не больше, чем у татар или каннибалов". По его мнению, не было смысла просить епископов Черты Оседлости провести расследование злоупотреблений, поскольку они сами были посвящены в них. "Но если дело действительно должно быть сделано, пусть из Англии будут высланы посетители, такие, которые никогда не слышали, чтобы корова говорила, и не понимают этого языка, чтобы они могли изучить злоупотребления Суда факультетов, симонианские контракты, ветхость и запустение церквей; чтобы они могли узнать истинную ценность пособий, и кто получает прибыль и для чьих нужд; лишить этих служащих и неграмотных кернов, которые сейчас занимают эти должности, и поместить некоторых из бедных ученых Колледжа, которые являются образованными и ревностными протестантами; вывести других из той части Шотландии, которая граничит с Северной Ирландией, которые могут проповедовать ирландский язык, и переселить других из Англии и поместить их в Черту английского языка". [6]

Наконец, уступив советам, которые сыпались на него со всех сторон, Яков I. решил изгнать иезуитов и священников семинарии в надежде, что, когда они будут изгнаны, людей можно

будет побудить подчиниться и настоять на соблюдении условий Акта о единообразии. Он издал прокламацию (4 июля 1605 г.), опровергающую слухи о том, что он намеревался "предоставить свободу совести или веротерпимость к религии" своим ирландским подданным, и осудил такое сообщение как клевету на него самого, "как будто он был более небрежен или менее осторожен в управлении Ирландской церковью, чем теми другими церквями, за которые он несет высшую ответственность". Он приказал "всем иезуитам, священникам семинарии или другим священникам вообще, созданным и рукоположенным любой властью, полученной или притворяющейся полученной от Римского престола", покинуть королевство до конца декабря. Все священники, отказавшиеся повиноваться или осмелившиеся приехать в Ирландию после этой даты, и все, кто принимал или помогал таким лицам, должны были быть арестованы и наказаны в соответствии с законами и статутами этого королевства, и всем людям было рекомендовано "приходить в свои несколько приходских церквей или часовен, чтобы слушать богослужение каждое воскресенье и праздничные дни" под угрозой наказания за неповиновение. [7]

Королевское воззвание не произвело практически никакого эффекта. Иезуиты и семинарские священники остались и даже увеличились в числе за счет вновь прибывших из континентальных колледжей и из Англии, где закон соблюдался более строго. Нельзя было также заставить видных граждан, мэров и олдерменов главных городов, приходить в церковь, потому что они предпочитали платить штраф в двенадцать пенсов, установленный Законом о единообразии за каждое правонарушение. Поэтому правительственные чиновники решили прибегнуть к более суровым, хотя и менее законным средствам правовой защиты. Они отобрали определенное количество богатых граждан Дублина, адресовали каждому из них индивидуальный наказ от имени короля, предписывающий им ходить в церковь в определенное воскресенье, и рассматривали неподчинение такому приказу как преступление, наказуемое по общему праву. Шестеро олдерменов были приговорены к выплате штрафа в размере 100 фунтов стерлингов, а трое граждан - 50 фунтов стерлингов, причем половина штрафа должна была быть направлена на "восстановление обветшалых церквей или часовен или на другие благотворительные цели", другая половина - в королевскую казну. В дополнение к этому, они были приговорены к тюремному заключению по воле лорда-наместника и объявлены неспособными занимать какие-либо должности в городе Дублине или в любой другой части королевства (22 ноября 1605 г.). Несколько дней спустя другие олдермены и граждане Дублина предстали перед Ирландской звездной палатой, и после допроса, "почему они не отремонтировали свои приходские церкви", они ответили, "что их совесть побуждала их к обратному". Они были наказаны аналогичным образом. Таким образом, были приняты два метода принуждения к соблюдению Закона о единообразии: один - наложение на бедных штрафа в двенадцать пенсов, установленного законом 1560 года за каждое правонарушение, другой - обнародование индивидуальных предписаний, неподчинение которым должно было караться Судом Звездной палаты. Дворяне Черты Оседлости, встревоженные такими своевольными действиями, подали петицию против мер, принятых для подавления их религии, молясь о том, чтобы терпимость, распространявшаяся на них до сих пор, была продолжена. В ответ на их петицию виконт Горманстон, сэр Джеймс Диллон, сэр Патрик Барневолл и другие были заключены в Замок в качестве узников, а другие из заявителей были заперты в своих домах за городом и обязаны предстать перед Звездной палатой при открытии следующего семестра (декабрь 1605 г.). Сэр Патрик Барневолл, "первый сын знатного джентльмена,

которого когда-либо выслали из Ирландии для обучения за морем", был самым способным из палесменов-католиков и был отправлен в Англию по просьбе английских властей.

Призыв этих католических лордов, подкрепленный [8] опасностью нового и более широкого восстания, не остался без последствий для Англии. В январе 1607 года тайный совет в Англии написал сэру Артуру Чичестеру, лорду-наместнику, что, хотя "реформация народа Ирландии, чрезвычайно пристрастного к папистским суевериям по наущению семинарских священников и иезуитов, заслуживает большого желания и предпринимается всеми средствами, тем не менее, следует придерживаться умеренного курса". Не должно быть и речи о предоставлении терпимости, но в то же время не должно быть никакого "пугания толпы каким-либо общим или строгим принуждением". Главные люди в городах, которые проявляют себя как величайшие преступники, должны быть наказаны; священники и монахи должны быть изгнаны, но для них не должно проводиться никаких "любопытных или особых поисков"; виконт Горманстон и его спутники должны быть освобождены под подписку о невыезде, за исключением сэра Патрика Барневолла, который должен был быть отправлен в Англию; с дублинскими олддерменами следует обращаться аналогичным образом, но их следует обязать заплатить штрафы, а протестантское духовенство следует призвать приложить особые усилия для насаждения новой религии "там, где люди были наименее цивилизованны". [9]

Но Чичестер, Дэвис, Броункер и их товарищи не собирались прислушиваться к советам соблюдать умеренность. Они продолжали предъявлять обвинения беднейшим классам в соответствии с положениями Закона о единообразии и привлекать более состоятельных граждан к ответственности перед Звездной палатой за неподчинение королевским указам. [10] В Уотерфорде сэр Джон Дэвис сообщил: "мы выступили против главных олддерменов в порядке порицания за столом совета провинции за их несколько неуважений к королевским прокламациям и особым заповедям лорда-президента под печатью совета Мюнстера. Против толпы мы выдвинули обвинение на основании Закона 2-й Елизаветы, который дает всего двенадцать пенсов за отсутствие в церкви каждое воскресенье и праздничные дни. Штрафы, наложенные за столом, не были большими, составляя для одних по 50 фунтов стерлингов за штуку, для других по 40 фунтов стерлингов, так что общая сумма составила всего 400 фунтов стерлингов; но было обвинено так много простолюдинов, что наказание, предусмотренное законом (двенадцать пенсов), составило 240 фунтов стерлингов или около того". [11] Наказания аналогичного рода были применены в Нью-Россе, Уэксфорде, Клонмеле, Кэшеле, Югале, Лимерике, Корке и во всех небольших городах по всему Мюнстеру. В Корке мэр был оштрафован на 100 фунтов стерлингов, а в Лимерике более чем двум сотням горожан были предъявлены обвинения, причем штрафы, уплаченные ими, были направлены на ремонт собора. [12] В Конноте также были предприняты шаги по принуждению к посещению протестантской службы. Пятеро видных граждан Голуэя были вызваны в суд и оштрафованы на суммы от 40 до 20 фунтов стерлингов, а в других частях провинции были применены наказания меньшего рода. В Дрохеде "наибольшее число домовладельцев вместе со своими женами, детьми и слугами" были вызваны в суд и оштрафованы за неявку в церковь. В Мите, Уэстмите, Лонгфорде, Королевском и Королевском округах правительственные чиновники были особенно заняты.

Но хотя кое-где видных граждан и представителей беднейших классов подталкивал к публичному подчинению страх наказания, работа по привлечению людей в протестантизм продвинулась незначительно. В Кэшеле уполномоченные сообщили (1606 г.), что они нашли только одного жителя, который приходил в церковь, и даже "собственные сыновья и зятья

архиепископа (маграта), проживающие там", были отмечены как упрямые самоотводчики". [13] Брунker, президент Мюнстера, был особенно суров в своих репрессивных мерах, настолько суров, что после его смерти (1606 г.) его преемники смогли объявить, "что почти все мужчины городов являются либо заключенными, либо находятся в оковах и других неуважениях", но они добавили дополнительную информацию о том, что многие из тех, кто там жил, были осуждены. был сообразительным в свое время, но снова впал в рецидив. Протестантский епископ Корка жаловался (1607), что в Корке, Кинсейле, Югхале и во всей стране, которой он руководил, в течение семи лет не совершались браки, крестины и т. Д., Кроме какпапистскими священниками, что страной правили монахи и священники, которых называли Отцами, что у каждого джентльмена и лорда страны были свои капелланы, что "везде проводятся массовые собрания, публично поддерживается идолопоклонство, слово Божье и его истина попираются ногами, презираются, поругиваются и не признаются". всеми презираемые, не пользующиеся уважением служители - нет, не среди тех, кто должен их почитать и поддерживать". "Проповедники Евангелия, — добавил он, - могут научиться у этих идолопоклонников уважать своих пасторов". [14] Сэр Джон Дэвис со своей обычной проницательностью возложил вину за сравнительную неудачу протестантского духовенства. "Если бы наши епископы и другие, заботящиеся о душах, - писал он (1606), - были хотя бы наполовину так же усердны в своих многочисленных обязанностях, как эти люди [иезуиты и семинарские священники] в тех местах, где они обитают, люди не принимали бы их и не питали так, как они это делают сейчас. Но именно крайняя халатность и небрежность нашего здешнего духовенства сначала была причиной всеобщего дезертирства и отступничества, а теперь снова является препятствием для реформации ". [15] Католики постоянно протестовали против судебного разбирательства в соответствии с королевскими мандатами как незаконного, и их протесты были доведены до сведения английского тайного совета сэром Патриком Барнуоллом, который был отправлен в Лондон в качестве заключенного. Судьи в Англии осудили судебное разбирательство в Ирландии как необоснованное и не имеющее прецедента. Барнуоллу разрешили вернуться в Ирландию в 1607 году, и на время от нового метода разорения или обращения в протестантизм более состоятельного класса ирландских католиков отказались.

Королю также было рекомендовано обеспечить соблюдение клятвы превосходства в отношении всех должностных лиц короны. Хотя в начале правления Елизаветы Петровны кое-что было сделано в этом направлении, все же в более поздние времена из-за опасного положения страны католических чиновников не призывали отречься от папы. В результате, когда Джеймс вззошел на трон, многие судьи были католиками, как и большая часть юристов. В ответ на совет из Ирландии о том, что судьи, отказавшиеся посещать церковь и приносить присягу, должны быть уволены, а адвокатам, "взявшим самоотвод", следует запретить практиковать в судах, Джеймс поручил совету побудить Джона Эверарда, судью общей юрисдикции, уйти в отставку или подчиниться. Мэры и олдермены городов тоже никогда не приносили присягу на верховенство. В 1607 году лорд-депутат и совет Ирландии проинформировал тайный совет Англии о том, что "большинство мэров и главных должностных лиц городов и корпоративных поселков, а также мировых судей этой страны по рождению отказываются приносить присягу на верховенство, как того требует статут, и, например, партия, которая в этом году должна была стать мэром Дублина, уклонилась от этого, к его величайшим обвинениям, только потому, что он не хотел приносить присягу". Утверждение, по-видимому, заключалось в том, что мэры, не являющиеся должностными лицами короны, не обязаны приносить присягу, но юристы решили не соглашаться с такой точкой зрения, и были

предприняты шаги по заключению в тюрьму тех мэров, которые отказались, и уничтожению графиков корпораций-самоотводчиков. Тем не менее, несмотря на попытку изгнания духовенства, принуждение к посещению церкви посредством штрафов и наказание должностных лиц, отказавшихся принести присягу, депутат и совет были вынуждены признать, что они не добились никакого прогресса. "Люди, - писали они (1607), - во многих местах прибегают к Мессе сейчас в большем количестве, как в городе, так и в сельской местности, чем за многие прошлые годы; и если случится так, что какой-нибудь священник, известный своей фракционностью и деятельностью, будет схвачен, и мужчины, и женщины не будут настаивать на спасении партии. В не меньшем количестве случаев эти священники проводят общие советы и собрания по своим делам; и, короче говоря, они настолько далеко отвели людей от всякого почтения и страха перед законами и лояльности к его Величеству, и довели свои дела уже до того, что те, кто послушен и ходит в церковь, повсюду подвергаются насмешкам, презрению и притеснениям со стороны толпы, к их великому разочарованию и к позору всех хороших людей". [16]

Хотя гонения Якова I были жестокими, католики были хорошо подготовлены к встрече бури. Иезуиты послали в Ирландию нескольких своих лучших людей, в том числе Генри Фитцсаймона, который был брошен в тюрьму, а после длительного содержания отправлен в изгнание, Кристофера Холивуда, Джеймса Арчера, Эндрю Морони, Барнабаса Кирни и т.д., и, хотя поступали жалобы на то, что их колледж в Саламанке проявлял чрезмерную благосклонность к англо-ирландцам, этот колледж, а также другие колледжи за рубежом продолжали вливать в Ирландию священников, способных и желающих поддерживать католическую религию. Доминиканцы и францисканцы получили большую помощь от своих колледжей на Континенте, так что их число быстро увеличилось, и они смогли уделять больше внимания обучению людей. Как и в Англии, молодое поколение священников, как светских, так и обычных, присланных из колледжей Франции, Испании и Нидерландов, было гораздо более активным и более решительным в отстаивании своих интересов, чем те, кто был до них. Они поддерживали тесные контакты с Римом, где их агенты информировали папский двор о том, что происходит в Ирландии. Климент VIII. поспешил поздравить Якова I с восшествием на престол и умолять его о терпимости к своим католическим подданным. Джеймс Уайт, генеральный викарий Уотерфорда, написал (1605), чтобы проинформировать кардинала Барониуса о мерах, которые были приняты для подавления католической религии, и передать свои добрые пожелания Павлу V. Последний прислал очень трогательное письмо, в котором выразил свое сочувствие ирландской церкви, высоко оценил верность ирландского народа и призвал его твердо стоять перед лицом преследований. [17] Единственным слабым местом, которое можно было отметить в этот период, было почти полное разрушение ирландской иерархии. О'Девани из Дауна и Коннора, Брейди, францисканский епископ Килмора, и О'Бойл из Рафо были единственными епископами, оставшимися в провинции Ольстер после убийства Редмонда О'Галлахера из Дерри. Питер Ломбард был назначен архиепископом Армы (1601), но он никогда не посещал свою епархию. В провинции Лейнстер Мэтью де Овьедо, испанский францисканец, был назначен в Дублин (1600 г.) и прибыл в Кинсейл с испанскими войсками. Он вернулся, чтобы умолять о новой экспедиции в Ирландию. Другой испанский францисканец, Фрэнсис де Рибера, был назначен в Лейлин (1587), но он умер в 1604 году, так и не выполнив никакой работы в своей епархии. Остальные помещения в Лейнстере были пусты. В Мюнстере Дэвид О'Кирни был назначен архиепископом Кэшельским (1603) и вскоре показал себя человеком большой активности и бесстрашия. Дермод Маккрэг из Корка в течение многих лет был

единственным епископом в провинции и исполнял обязанности своего сана не только на Юге, но и по всей провинции Лейнстер. В провинции Туам все кафедры были вакантны. Там, где не было епископа по месту жительства, принимались меры по назначению викариев. В Дублине Бернард Мориарти, исполнявший обязанности викария, был арестован во францисканском монастыре в Мультифернанах в 1601 году и умер в тюрьме от ран, полученных им от солдат. Роберт Лалор, выступавший в том же качестве, был арестован, предан суду и сослан в 1606 году. [18]

Хотя граф Тайрон был возвращен в свои поместья и был милостиво принят королем (1603), правительство одновременно не доверяло ему и боялось его. Сэр Артур Чичестер, который стал заместителем лорда Маунтджоя в 1605 году и который был назначен лордом-лейтенантом после смерти последнего (1607), был полон решимости завладеть Ольстером либо путем подстрекательства О'Нила к восстанию, либо путем предъявления ему какого-либо обвинения в заговоре. К О'Нилу были предъявлены новые и оскорбительные требования; протестантский архиепископ Армы и протестантский епископ Дерри и Рафо заявили, что большая часть его территорий принадлежит их церквям, и некоторых мелких вождей призвали подать на него апелляцию английским властям. Узнав в 1607 году, что ему грозит арест, он и Рори О'Доннелл решили покинуть Ирландию. В сентябре 1607 года они отплыли из Ратмаллена, а 4 октября высадились во Франции. После долгих странствий они добрались до Рима, где получили щедрый прием от Пола V. О'Доннелл умер в 1608 году, а О'Нил, который до последнего лелеял надежду вернуться в Ирландию, умер в 1616 году. [19] Оба вождя были похоронены в церкви Святого Пьетро ди Монторио. Хотя бегство графов вызвало большую сенсацию как в Англии, так и в Ирландии, и хотя говорили, что Яков I был огорчен их отъездом и даже какое-то время подумывал о предоставлении религиозной терпимости, Чичестер и его спутники были в восторге от результата их работы. Бегство Тайрона и Тирконнелла, попытка восстания сэра Каира О'Догерти и сфабрикованные обвинения, выдвинутые против некоторых других дворян Севера, открыли перспективу создания новой и более обширной плантации, чем когда-либо предпринималось прежде. Тайрон, Фермана, Донегол, Дерри, Арма и Каван были конфискованы короной одним махом, и были предприняты приготовления к тому, чтобы использовать плантацию научным образом. Большая часть территории была разделена на участки в две тысячи, тысячу пятьсот и тысячу акров. Предприниматели, которые должны были получить самые крупные гранты, должны были быть английскими или шотландскими протестантами и не иметь арендаторов, кроме английских или шотландских протестантов, те, кто должен был получить тысячу пятьсот акров, должны были сами быть протестантами и не иметь арендаторов, кроме протестантов, в то время как участки по тысяче акров каждый могли быть разделены между англичанами, шотландцами или ирландцами, и из них католики не исключались. Тысячи акров были выделены на поддержку протестантской религии, на содержание протестантских школ и на содержание Тринити-колледжа. Небольшая часть была оставлена для нескольких старых католических владельцев, а остальному населению было приказано покинуть эти районы до 1 мая 1609 года. Однако многие из них остались, предпочитая отобрать небольшие участки горных и болотистых земель у новых владельцев, чем довериться незнакомцам; но большое количество трудоспособных из них были пойманы и отправлены служить солдатами в армию Швеции. [20]

На некоторое время после бегства графов, похоже, наступило небольшое затишье в преследовании, король и его советники, возможно, опасались, что их действия были лишь прелюдией к более общему восстанию, в ходе которого О'Нил мог вернуться во главе испанских

войск. Но как только стало ясно, что никакой опасности не предвидится, ирландские официальные лица снова начали настаивать на применении крайних мер. На католические города были наложены штрафы, некоторые из которых, однако, были отменены королем. Солсбери (1609) было заявлено, что католики стали намного смелее даже в Дублине, что по всей стране они привлекли тысячи людей к "своим идолопоклонническим жертвоприношениям и что иезуиты разжигают силы нелояльности". Автор этого письма рекомендовал взимать штраф в двенадцать пенсов с бедных каждый раз, когда они не посещают религиозные службы, взимать с богатых столько, чтобы хватило на ремонт всех церквей и строительство бесплатных школ в каждом графстве, а сам он обязался платить 4000 фунтов стерлингов в год за право взыскивать штрафы с "самоотводчиков" в Мюнстере, Лейнстере и Конноте, при условии только, что он сможет рассчитывать на поддержку церковных и гражданских властей. [21] В следующем году Чичестер проинформировал власти Англии о том, что "мэры городов и поселков по большей части отказались принести присягу превосходства, как и шерифы, судебные приставы и т.д.", и он поинтересовался, каким образом ему следует действовать по отношению к ним. Чтобы положить конец такому положению дел, Эндрю Нокс был отправлен в Ирландию в качестве епископа Рафо, и ему было поручено принять меры по расшевелению протестантских епископов и подавлению папства. По прибытии он обнаружил, что перед ним стоит тяжелая задача. В письме архиепископу Кентерберийскому (1611) он писал, что в министерстве было только четыре человека, "которые обладают знаниями или заботой о распространении Евангелия". "Дезертирство, - писал он, - среди тех, кто когда-то исповедовал истину, настолько велико, что там, где раньше сотни приходили в несколько церквей, теперь прибегают едва ли шесть; из Рима и всех заморских уголков так часто собираются и стекаются в большом количестве иезуиты, священники семинарий, монахи и головокружительные паписты всех мастей, что ему кажется, что самый большой груз, который корабли привозят в эту страну, - это их ноша, их книги, одежда, кресты и церемонии; местные жители и другие лица в крупных городах публично объявляют себя их сопровождающими. Нет ни епархии, в которой не было бы епископа, назначенного и освященного Папой, ни провинции, которой нужен архиепископ, ни прихода без священника, все фактически служат свое время под руководством Папы и в изобилии поддерживаются народом, так что те немногие служители, которые есть, и епископы, которые заявляют, что делают что-то хорошее, получают не больше пользы, чем Лот в Содоме. И, конечно, можно ожидать, что если Бог, король и его Светлость не предотвратят этот неестественный рост суеверий, то лицо королевства вскоре будет покрыто этой тьмой". [22]

Он, не теряя времени, созвал собрание епископов (1611), большинство из которых, по его словам, были не очень надежными. Архиепископ Дублинский (Джонс) был "обременен государственными заботами"; архиепископ Арма был "несколько стар и неспособен"; архиепископ Кэшельский (Маграт) был "стар и неспособен, жена и дети которого не хотели сопровождать его в церковь"; архиепископ Туамский был "волевым и образованным человеком, но нуждался в помощниках", а епископы Уотерфорда и Лимерика были охарактеризованы как "не имеющие доверия". В соответствии с инструкциями, которые были направлены им королем, они согласились, что предпримут совместные действия для "подавления папизма и насаждения религии"; что они будут соблюдать закон проживания в своих нескольких епархиях; что они будут ежегодно посещать свои приходы и расспрашивать о состоянии церквей и поведении их служителей; что по поручению его Величества они "тщательно принесут клятву верности каждому дворянину, рыцарю, мировому судье и другим должностным лицам крупных городов" и вернутся к Господу. Заместитель тех, кто принес присягу, а также тех, кто отказался от нее; что

они не допустят ни одного священнослужителя "к какому-либо духовному продвижению", который добровольно не принесет присягу превосходства, и что они будут расспрашивать в каждом благочинии, "какие лица принимают или укрывают торгующих священников, иезуитов, семинарий и священнослужителей, посещающих мессы, и монахов, и представят их имена вместе с именами упомянутых священников и иезуитов господу заместителю". [23]

Была издана королевская прокламация (1661 г.), предписывающая всем иезуитам и священникам немедленно покинуть королевство; мирянам было приказано посещать протестантскую службу под угрозой суровых наказаний, студентам иностранных колледжей было приказано немедленно вернуться, а католическим школьным учителям было запрещено преподавать на территории королевства. Опираясь на все полномочия короны, Нокс и его коллеги-епископы учредили ужасную инквизицию в каждой части страны и не жалели усилий, чтобы преследовать духовенство и тех, кто их поддерживал, загонять бедные классы грубой силой в церковь, преследовать лучшие классы угрозами и экзаменами и стереть с лица земли все остатки католической религии. Корнелиус О'Девани, францисканец, назначенный епископом Дауна и Коннора (1582), был арестован вместе с сопровождавшим его священником, предстал перед судом в Дублине и был повешен, нарисован и четвертован (1612). [24] Почти в то же время протестантский епископ Дауна и Коннора был обвинен в "несдержанности, отвержении своей жены и овладении женой своего слуги в ее комнате, подкупе свидетелей" и отчуждении епархиального имущества. Он бежал из своей епархии, был арестован, унижен и умер в тюрьме. Архиепископ Глазго и епископ Нокс из Рафо, сам шотландец, поспешили в Лондон, чтобы добиться назначения одного из своих соотечественников его преемником; но Чичестер написал, что, хотя он не сказал бы, что шотландцы плохие люди, он может утверждать, что они "вспыльчивые и очень ворчливые" и "такие, которые не годятся для здешних мест". [25] Было предпринято несколько попыток арестовать доктора Юджина Мэтьюза или Мак-Магона, который был переведен (1611) папой римским из Клогера в архиепископство Дублина. Правительство особенно ненавидело его, потому что считалось, что своим продвижением по службе он обязан влиянию О'Нила, которого также подозревали в том, что он имел право голоса при назначении ученой францисканки Флоренс Конри в Туам (1609). [26] В течение этих лет адвокаты короны угрожали присяжным Звездной палатой, если они не вынесут обвинительный вердикт, и были отправлены в тюрьму за то, что не вынесли надлежащего вердикта в отношении лиц, обвиняемых протестантскими священниками в не посещении церкви; судебные палаты, хотя и католические, были переданы под опеку протестантов, и в каждое посольство был включен специальный пункт, согласно которому "подопечный должен воспитываться в колледже близ Дублина (Тринити-колледж) в английских традициях и религии"; ирландцы были отстранены от всех должностей; шерифами были назначены люди без собственности; а штрафы за неисполнение обязанностей были увеличены. - посещение церкви строго контролировалось. Вместо того чтобы быть примененными для оказания помощи бедным, они, по мнению католических лордов Оседлости, попали в карманы министров. В ответ на это последнее обвинение Чичестер заявил, что они не были розданы бедным, потому что все бедняки были отказниками, но они были использованы "для восстановления церквей, мостов и подобных благотворительных целей". [27]

Однако Ноксу не удалось искоренить католическую веру в Ирландии. Согласно отчету, представленному (1613 г.) Святому Престолу Г. Р. Бентивольо, стажер в Брюсселе, в чьи обязанности входило следить за делами в Ирландии, сказал, что ересь мало продвинулась даже в городах, в то время как знать и джентри почти все были католиками. В то время в

Ирландии насчитывалось около восьмисот светских священников, сто тридцать францисканцев, двадцать иезуитов и несколько бенедиктинцев и доминиканцев, из которых францисканцы пользовались особым уважением. Лучшими представителями светского духовенства были выходцы из Дуэ, Бордо, Лиссабона и Саламанки. [28] В следующем году (1614) архиепископ Дублинский Мэтьюз провел провинциальный синод в Килкенни, на котором было принято много полезных постановлений, касающихся поведения духовенства, проповеди, катехизации, совершения мессы, отправления таинств, отношений между светским и обычным духовенством, чтения противоречивой литературы, а также соблюдения и количества постных дней и праздников. [29] В провинции Арма доктор Рот, действуя в соответствии с полномочиями, полученными от Питера Ломбарда, созвал провинциальный синод в Дрохеде (1614). На нем присутствовали викарии из нескольких епархий и представители различных религиозных орденов, и были приняты правила, в чем-то схожие с теми, что были приняты в Килкенни. На обоих синодах духовенство было предупреждено воздерживаться от обсуждения государственных дел и от неповиновения гражданским правителям в мирских вопросах. В Дрохеде новая Клятва верности, составленная Яковом I. была осуждена как противоречащая вере и вероисповеданию; католикам было приказано не прибегать к увиливаниям или колебаниям в отношении нее, а открыто отвергать ее, и их предостерегли от посещения богослужений в протестантских церквях, даже если они ранее заявляли, что намерены лишь оказать знак уважения гражданским правителям. [30] В тот же период францисканцы и доминиканцы основали новые колледжи на Континенте, в Дуэ и Лиссабоне, чтобы поставлять священников для своих миссий в Ирландии.

В последние годы правления Елизаветы Петровны беспокойное положение в стране сделало невозможным созыв парламента, а после восшествия на престол Якова I. его советники опасались созывать такой орган, чтобы не оказаться неспособными контролировать его. Тем не менее, они никогда не упускали из виду, какую пользу принесло бы их делу, если бы они получили парламентскую санкцию на конфискацию и насаждение Ольстера, а также на новые методы, применяемые для наказания самоотводчиков. До сих пор за ними стояла только сила королевских прокламаций, и их законность вызывала самые серьезные сомнения. Большим препятствием, которое необходимо было преодолеть, прежде чем можно было созвать парламент, был тот факт, что как в Палате общин, так и в Палате лордов католики могли оказаться в большинстве. Чтобы предотвратить такую ужасную катастрофу, было решено создать ряд новых парламентских округов, чтобы многим местам, "которые едва ли могли соответствовать рангу беднейших деревень в беднейшей стране христианского мира", было разрешено принять членов парламента, при условии только уверенности, что они вернут протестантов. Деятнадцать из тридцати девяти новых районов были расположены в Ольстере, где плантации обеспечили преобладание английских и шотландских поселенцев. В Палате лордов ситуация также была критической, но была надежда, что, созвав всех протестантских епископов, а также некоторых пэров Англии, получивших территориальные пожалования в Ирландии, правительство сможет рассчитывать на большинство, тем более что некоторые из католических лордов были несовершеннолетними и, как таковые, не имели права заседать. В течение нескольких месяцев разрабатывались планы по укомплектованию парламента и подготовке антикатолического законодательства, и католические лорды, хорошо зная, что происходит, были настолько встревожены, что подали королю торжественный протест против возведения городов и корпораций, "состоящих из нескольких бедных коттеджей", в парламентских районах, против массового отстранения католиков от должностей из-за их

религии, и умоляли короля "отдать приказ, чтобы работа парламента проводилась умеренно и безразлично". Несмотря на этот протест, были созданы новые районы, и выборы были проведены самым деспотичным образом, шерифы не колебались ни перед чем, пока они могли обеспечить выдвижение представителей протестантов.

За день до открытия парламента (назначенного на 18 мая 1613 года) католические лорды Пейла обратились с протестом к лорду-заместителю. Они утверждали, что, хотя несколько ирландских католических дворян, имеющих право заседать в Палате лордов, не были вызваны, английские и шотландские лорды, "уже состоящие в парламентах других королевств", были приглашены присутствовать, что были созданы новые корпорации, многие из них с момента созыва парламента, без каких-либо прав или титулов, кроме как для обеспечения протестантского большинства, что шерифы и вернувшиеся офицеры действовали крайне несправедливо во время выборов, и что парламента, заседающий "в главном форте и замке королевства", окруженный "множеством вооруженных людей", не может рассматриваться как свободное собрание. Когда Палата общин собралась на следующий день, католики предложили избрать спикером сэра Джона Эверарда, который был уволен с поста судьи за то, что отказался принести присягу на верховенство, в то время как протестанты предложили сэра Джона Дэвиса на эту должность. Католики, хорошо зная, что в случае принятия решения о возвращении шерифов они окажутся в меньшинстве, настаивали на том, что членам парламента, против возвращения которых были поданы возражения, не следует допускать к голосованию. Получив отказ, они попытались помешать проведению голосования, и когда сторонники Дэвиса покинули зал, чтобы произвести подсчет голосов, католики посадили на председательское место сэра Джона Эверарда. Протестанты, утверждая, что у них явное большинство, сто двадцать семь человек из возможных двухсот тридцати двух, силой сместили сэра Джона Эверарда и утвердили сэра Джона Дэвиса спикером. Затем католики покинули палату, и как лорды, так и простолюдины отказались присутствовать на каких-либо дальнейших заседаниях до тех пор, пока им не следовало изложить свои претензии королю. Вследствие их отказа было необходимо прервать парламентскую сессию, и обе партии направили все свое внимание на обращение к королю. Католики послали в Лондон в качестве своих представителей лордов Горманстона и Данбойна, сэра Джеймса Гофа и сэра Кристофера Планкетта, Уильяма Тэлбота и Эдварда Фицхарриса, и по всему королевству был проведен всеобщий сбор денег для оплаты их расходов. Много времени было потрачено впустую на расспросы в Лондоне и Ирландии. Джеймсу было трудно принять решение против лорда-наместника, и в то же время он не мог закрыть глаза на справедливость нескольких истцов, представленных ему католиками. В свое время он пообещал их делегатам, что не будет вмешиваться в свободное отправление их религии при условии, что они признают незаконность лишения его короны или применения насилия к его личности, но когда лорд-наместник написал ему письмо с предупреждением о том, какой эффект произвела эта речь в Ирландии, Джеймс, хотя и не отрицал, что использовал приписываемые ему слова, издал прокламацию, объявляющую, что он никогда не предоставит религиозной терпимости, и приказывающую всем епископам, иезуитам, монахам и священникам покинуть королевство до 30 сентября (1614). В апреле 1614 года король решил аннулировать тринадцать деклараций, оспариваемых католиками, но по другим жалобным вопросам он вынес решение в пользу лорда-наместника. В личной беседе с католическими лордами он отметил, что для него было привилегией создавать столько пэров и парламентских округов, сколько ему нравилось. "Чем больше, тем веселее, чем меньше, тем лучше настроение". Он также сообщил им, что они являются подданными лишь наполовину, пока

признают папу, и, следовательно, могут рассчитывать только на половину привилегий, и выразил надежду, что своим будущим хорошим поведением в парламенте они заслужат не только его прощение, но и "его благосклонность и заботу".

В октябре 1614 года парламент, наконец, был готов приступить к своим делам. В ходе переговоров выяснилось, что от плана принятия нового уголовного законодательства против католиков отказались. Сначала предполагалось ввести в действие очень суровую меру по изгнанию иезуитов и священников семинарии, а другая была составлена с намерением сделать законы против католиков в Англии обязательными для исполнения в Ирландии. Но эти пункты были вычеркнуты, вероятно, в результате сделки между католическими лордами и королем. В обмен на эту терпимость католические лорды согласились поддержать Закон о лишении прав, принятый против О'Нила и О'Доннелла вместе с их сторонниками и подстрекателями, и одобрить массовую конфискацию, имевшую место в Ольстере. Тщетно Флоренс Конри, архиепископ Туама, призывала прихожан-католиков твердо противостоять такой несправедливости. Его предупреждение о том, что если они согласятся на ограбление своих единоверцев на Севере, то наверняка настанет и их собственная очередь подвергнуться ограблению, осталось без внимания. Их верность Англии побудила их обнажить мечи против О'Нила, и это также побудило их помочь Чичестеру и Дэвису управлять Ольстерскими плантациями. Последний вполне мог бы похвастаться в своем письме графу Сомерсету, что служба, оказанная этим парламентом, была "такой важной, какой не было ни в одном парламенте Ирландии за последние сто лет. Ибо, во-первых, были построены новые районы, которые станут постоянными семинариями протестантских граждан, поскольку в уставах предусмотрено, что ректор и двенадцать главных бургомистров, которые должны избирать всех остальных, всегда должны быть такими, которые принесут Присягу Превосходства. Далее, все штаты королевства арестовали Тайрона, самого известного и опасного предателя, который когда-либо был в Ирландии, на что обратят внимание иностранные нации, потому что было распространено мнение, что Тайрон оставил после себя много друзей и что только протестанты желали его полной гибели. Кроме того, этот человек основывает Плантацию в Ольстере". [31]

Чичестер, который планировал создание плантации в Ольстере и обогатился за счет добычи северных принцев, был отстранен от должности в 1615 году, и его сменил сэр Оливер Сент-Джон, который приехал в Ирландию с твердым намерением поддержать антикатолическую кампанию. За короткое время более восьмидесяти лучших граждан Дублина оказались в тюрьме за то, что отказались присягнуть верховенству, и по всей стране присяжные, отказавшиеся признать католиков виновными, сами оказались в заключении, так что вскоре тюрьмы были переполнены. Огромные суммы взимались как с бедных, так и с богатых за неявку на протестантскую религиозную службу. В графстве Каван, например, штрафы за один год составили около 8000 фунтов стерлингов [32], в то время как католическая знать заплатила большие суммы за защиту от протестантских инквизиторов. Были созданы новые плантации по аналогии с плантациями Ольстера в Уэксфорде, Лонгфорде, Королевском округе и Литриме, хотя, поскольку они проводились не так тщательно и систематически, как первые, они не имели такого же успеха. Все католические дворяне, унаследовавшие имущество, были обязаны принести присягу превосходства, хотя, по-видимому, они могли добиться освобождения от этого испытания путем уплаты штрафа, но Опекунский суд позаботился о том, чтобы несовершеннолетние были переданы протестантским опекунам и, по возможности, были отправлены в Тринити-колледж. С помощью подобных средств Елизавете и Джеймсу удалось обратить в протестантизм определенное число наследников ирландских поместий. Снова были

выпущены прокламации против духовенства, как светского, так и обычного, и преследования были настолько жестокими, что епископы Ирландии обратились с петицией к католическим правителям Европы, и особенно к королю Испании, прося их заступиться за Джеймса от имени его ирландских католических подданных (1617). [33]

Переговоры о женитьбе принца Чарльза на испанской принцессе потребовали от короля большей осторожности в своей религиозной политике в Ирландии. Оливер Сент-Джон, показавший себя таким непримиримым врагом католиков, был отстранен от должности, и в 1622 году лорд Фолкленд был назначен его заместителем. Со всех сторон ходили слухи о том, что его политика должна была быть политикой терпимости. Протестанты были встревожены, и после назначения нового заместителя (сентябрь 1622 г.) Джеймс Ашшер, в то время протестантский епископ Мита, взяв за основу текст "Он не напрасно носит меч", произнес яростную проповедь в поддержку религиозных преследований. Примас Хэмптон немедленно написал проповеднику, упрекая его в неосторожности, прося объяснить то, что он сказал о мече, и советуя ему проводить больше времени в его собственной епархии Мит, где дела обстоят далеко не удовлетворительно. [34] По возвращении Карла из Испании была издана новая прокламация (1624), предписывающая всем "титулованным папским архиепископам, епископам, генеральным викариям, аббатам, приорам, деканам, иезуитам, монахам, священникам семинарии и другим представителям этой секты, назначенным властью, полученной от Римского престола или других зарубежных частей, покинуть королевство в течение сорока дней под страхом негодования и наказаний его Величества ". Если кто-либо из них осмеливался остаться или если какие-либо лица осмеливались принять их, преступники должны были быть заключены в тюрьму, "до конца для их наказания может быть принят такой дальнейший порядок, который мы сочтем нужным". [35]

Полный отчет о положении католиков Ирландии дан в письме, написанном из Дублина в 1623 году. Несовершеннолетние католики были вынуждены принять присягу превосходства, прежде чем они могли получить грамоты о свободе от Суда приходов (учрежден в 1617 году); всем мэрам, магистратам, должностным лицам и т.д. Корпоративных городов было приказано принести присягу под страхом лишения гражданских прав в своих городах; священники были арестованы и содержались в тюрьме; миряне были наказаны приговорами об отлучении от церкви и штрафами за непосещение протестантского богослужения; они были вызваны в суды консистории за то, что их дети крестились священниками, и были наказаны величайшими унижениями; католики были наказаны лишением гражданских прав. запрещено преподавать в школе, а родителям-католикам запрещено отправлять своих детей за границу; католическим жителям Дрохеды были предъявлены обвинения протестантским жюри присяжных, и, будучи признанными виновными в самоотводе, им грозила конфискация всего их имущества; в Лауте присяжным было приказано составить список самоотводчиков; когда трое присяжных-католиков отказались, их бросили в тюрьму и обязали предоставить гарантии явки в Звездную палату Дублина; и в Каване было проведено аналогичное разбирательство. [36]

Среди выдающихся иерархов ирландской церкви в этот период были Петр ломбард, архиепископ Армы (1601-25), уроженец Вотерфорда, кто учился в Оксфорде и Лувене, был назначен профессором последнего места учебы, принимал очень видное участие в /*быть congregatio de Auxiliis*/, опубликовал ряд богословских трактатов вместе с церковной историей Ирландия, право, /*де Рейно Hiberniae*, святых инсула *Commentarius*/, [37] но кто на счет опасности разжигания еще большего преследования ни разу не посетил свою епархию;

Евгений Мэтьюс или Мак-Магон, епископ Clogher (1609) и архиепископ Дублина (1611), который провел внушительную работу по ирландской церкви указом прошло в провинциальном Синоде в Килкенни (1614), а также его успешные усилия для создания пасторального колледжа в Лувене; Дэвид О'Kearney, назначен в Кашеле (1603) как преемник мученическую кончину архиепископ О'Hurley, кто хотя охотился с места на место продолжает выполнять свои обязанности до 1618 года, когда он отправился в Рим, и Флоренция Congu, архиепископ Туама, францисканец, кто служил в армии Северных князей, и которые были специально нелюбимый английского правительства на счета своих верных обороны О'Нил. Поскольку ему не разрешили вернуться в Ирландию, он посвятил себя изучению теологии и был автором нескольких очень важных работ, некоторые из которых, однако, не были свободны от подозрений в чем-то сродни янсенизму. Безусловно, самой полезной книгой, которую он сочинил, был его знаменитый ирландский катехизис, опубликованный в Лувене в 1626 году. [38]

В первые годы правления Карла I. (1625-49) преследования были гораздо менее жестокими, а поскольку Карл был женат на французской принцессе-католичке и торжественно пообещал не применять законы против католиков, можно было надеяться, что в конце концов они смогут рассчитывать на терпимость. Выдающийся францисканец Томас Флеминг, сын барона Слейна, получивший образование в Ирландском францисканском колледже в Лувене, был назначен архиепископом Дублина (1623) и прибыл в Ирландию два года спустя. Он смог сообщить, что поведение католиков не только в Дублине, но и по всей Ирландии достойно всяческих похвал, и указать на тот факт, что многие, совершившие паломничество в Чистилище Святого Патрика в Лох-Дерге, были вынуждены вернуться, не удовлетворив своих благочестивых желаний, потому что остров был настолько переполнен, что им негде было высадиться. Часовни были открыты на некоторых из менее претенциозных улиц Дублина; общины религиозных орденов обосновались в столице; иезуиты пригласили домой некоторых из своих самых способных учителей для укомплектования католического университета, который они открыли на Бэк-Лейн (1627). Правительство нуждалось в деньгах, чтобы снарядить и поддержать новую армию, которую тогда сочли необходимой из-за угрожающего отношения Франции, и для получения средств большое количество как протестантской, так и католической знати было приглашено приехать в Дублин для обсуждения. Им были предложены определенные уступки или "Милости" в обмен на субсидию, а чтобы успокоить католических пэров, было сказано, что штрафы за непосещение церкви взиматься не будут и что они могут рассчитывать на молчаливую терпимость.

Само упоминание о веротерпимости наполнило протестантских епископов тревогой, и, учитывая тот факт, что они зависели от принуждения в любых своих конгрегациях, их гнев не является необъяснимым. Джеймс Ашер, ставший протестантским примасом Армы, созвал собрание епископов. Они заявили, что: "Религия папистов суеверна и идолопоклонническа, их церковь в отношении того и другого - отступническая. Следовательно, оказывать им терпимость или соглашаться на то, что они могут свободно исповедовать свою религию и свою веру и доктрину, является тяжким грехом, и это в двух отношениях. Ибо это означает сделать нас соучастниками не только их суеверий, идолопоклонства и ересей, одним словом, всех мерзостей папизма; но также, что является следствием первого, гибели совращенного народа, который погибает в потоке католического вероотступничества. Оказывать им терпимость в отношении любых денег, которые могут быть даны, или вклада, который они могут внести, - значит выставить религию на продажу, а вместе с ней и души людей, которых Христос, наш Спаситель, искупил Своей драгоценнейшей кровью" [39]. Ирландские депутаты прибыли в Лондон, чтобы добиться подтверждения "Милостей", в то самое время, когда третий парламент

Карла (1627 г.) обращался к нему с петицией о введении в действие законов против самоотводчиков. Члены английской палаты общин жаловались на то, что в Дублине и в нескольких крупных городах были созданы религиозные общины мужчин и женщин, что Ирландия кишит иезуитами, монахами и священниками, что люди, которые раньше посещали протестантскую службу, перестали посещать ее, что в Дублине насчитывается тринадцать месс и что папистам разрешено выступать в качестве армейских офицеров, а папистов готовят как солдат ". [40] В этих обстоятельствах католические члены депутации согласились отказаться от своих требований о полной терпимости, хотя было понятно, что штрафы, взимаемые из-за отсутствия на протестантской службе, не будут исполнены, но им было обещано, что католическим юристам будет разрешено практиковать без необходимости приносить присягу превосходства. В обмен на обещанные "Милости", которые должны были быть немедленно ратифицированы парламентом, ирландская знать пообещала выплатить сумму в 120 000 фунтов стерлингов на поддержку новой армии.

Обещанный парламент так и не был созван, и "Милости" не были оказаны ни ирландцам в целом, ни католикам. Тем не менее, активных преследований некоторое время не было. Провинциал кармелитов в Дублине смог сообщить в "Пропаганде" (1629), что "все священнослужители теперь публично выполняют свои священные функции и готовят подходящие места для принесения святой жертвы, и это с открытыми дверями; теперь они проповедуют людям, служат мессу и выполняют все свои другие обязанности, не подвергаясь никем приставаниям". У кармелитов, писал он, "была большая церковь, но недостаточная, чтобы вместить одну шестую часть прихожан; люди толпами стекались на исповедь и Святое Причастие; францисканцы, доминиканцы, капуцины и иезуиты усердно работали; и приходы были обеспечены приходскими священниками, которые проживали в их округах и поддерживались добровольными пожертвованиями народа". [41] Из отчета за 1627 год ясно, что у доминиканцев было более пятидесяти священников их Ордена в Ирландии вместе с несколькими послушниками и студентами. [42]

Но враги католической религии уже взялись за дело, и, как следствие, в 1629 году лорд Фолкленд издал прокламацию, предписывающую распустить все монастыри, обители, колледжи и религиозные дома, чтобы все религиозные деятели и священники прекратили преподавать или совершать какие-либо религиозные службы в любой общественной часовне или орагии, или преподавать в любом месте королевства, и чтобы все владельцы религиозных домов и школ без промедления использовали их для других целей (1629). Сначала на это воззвание не обратили внимания ни в Дублине, ни в каком-либо другом городе Ирландии. Ашер написал жалобу на "непроверенную манеру", в которой воззвание было составлено в Дрохеде. "Это было сделано в презрительной манере: сначала пьяного солдата посадили читать это, а затем пьяного сержанта из города, из-за чего все это выглядело как майская забава". По его словам, священники и монахи просто закрыли парадные двери церквей, но люди, как обычно, стекались в церкви по частным коридорам. [43] Лорд Фолкленд, похоже, не предпринимал никаких решительных усилий для проведения королевского провозглашения в Дублине, но, к сожалению, он был отозван в 1629 году, и в промежуток от его отъезда до прибытия сэра Томаса Вентворта (1632) Лофтус, виконт Эли, и лорд Корк были назначены лордами-судьями. Сразу же началось преследование. Протестантский архиепископ Дублина в сопровождении отряда солдат совершил налет на кармелитскую церковь на Кук-

стрит во время служения мессы в День Святого Стефана, разрушил алтарь и статуи и схватил двух священников; но люди напали на архиепископа и солдат и спасли пленников. Были немедленно вызваны войска, и несколько дублинских олдерменов были посажены в тюрьму. Большинство церквей было захвачено, а иезуитский университет передан Тринити-колледжу. Нападения подобного рода были совершены на дома и церкви обычного духовенства в Корке, Уотерфорде, Лимерике и в различных других частях страны. Лорды-судьи издали приказ о том, что Чистилище Святого Патрика вместе "с кроватью Святого Патрика и всеми склепами, кельями и всеми другими домами и постройками должно быть снесено, а суеверные камни и материалы должны быть выброшены в озеро". Депутаты-католики поспешили в Лондон, чтобы изложить свои претензии королю, но, хотя он и не был лишен желания помочь им, ему было трудно многое для них сделать из-за сильных антикатолических настроений в Англии. Королева Генриетта Мария действительно обращалась к новому заместителю с просьбой восстановить Чистилище Святого Патрика, но, поскольку оно находилось "посреди огромной шотландской плантации", в то время он побоялся удовлетворить ее просьбу. Лорд Корк сообщил, что "он основал два исправительных дома при распущенных монастырях, в которых нищенствующим юношей обучают ремеслам". Но вскоре король и Вентворт встревожились из-за бури, которую судьи устроили в Ирландии. Католические лорды пригрозили, что, если не будет положен конец преследованиям, которые противоречили обещанным "Милостям", они откажутся выплачивать обещанную субсидию, и король, и Вентворт разослали письма, в которых возлагали вину на Лофтуса и лорда Корка и упрекали их за то, что они сделали. [44]

В 1632 году сэр Томас Вентворт, впоследствии граф Страффорд, прибыл в Ирландию в качестве лорда-наместника. Он был сильным человеком, беззаветно преданным королю и преисполненным решимости подчинить себе все партии в Ирландии. В религии он был высокопоставленным церковником школы Лауда и выступал против шотландских пресвитериан Севера острова почти так же сильно, как против ирландских католиков. С самого начала он был полон решимости увеличить доходы короны Ирландии, создать сильную постоянную армию и обеспечить будущий мир в стране, реализуя план создания плантаций в Коннахте и Мюнстере по примеру советников Якова I. в случае с Ольстером. Одним из первых его действий после прибытия в Ирландию было поручение доктору Джону Брэмхоллу, впоследствии протестантскому епископу Дерри и примасу, провести исследование состояния протестантской церкви. Последний, проведя некоторые расследования, сообщил архиепископу Лауду, что ему трудно сказать, "были ли церкви в Дублине более разрушительными и грязными или люди в Дублине были непочтительными", что одна приходская церковь в Дублине была преобразована в конюшню, другая стала особняком дворянина, а третья использовалась как теннисный корт, зрителем которого был викарий. Своды Церкви Христа были сданы в аренду папистам "как помещения для распития пива, вина и табака", так что прихожанам грозила опасность отравления испарениями, а стол для совершения Святого Причастия был превращен в "обычное место для служанок и подмастерьев". "Низшие служители были ниже всех степеней презрения из-за своей бедности и невежества", и ему сказали, что один епископ содержал двадцать три бенефиции по уходу за душами. [45]

Вентворт, не теряя времени, попытался собрать деньги для армии, но многие лорды, как католики, так и протестанты, были настолько раздражены отказом подтвердить "Милости" и задержкой с созывом парламента, который был обещан, что Вентворт был вынужден пойти на некоторые уступки. Парламент был созван на заседание в 1634 году, и лорд-наместник выдвинул своих собственных сторонников в округах, чтобы уравновесить представительство от

графств, которое он не во всех случаях мог контролировать. Католики были особенно сильны в Нижней палате, но было позаботилось о том, чтобы они были в меньшинстве. Главным вопросом было предоставление субсидий, но некоторые протестанты и все католики потребовали, чтобы сначала были подтверждены "Милости". Как протестантские, так и католические землевладельцы были заинтересованы в сохранении прав собственности на свою собственность, установив, что шестидесятилетнее владение должно рассматриваться как достаточное доказательство права собственности. Поскольку такое постановление расстроило бы все планы Вентворта относительно оптовой продажи плантаций, ему удалось воспротивиться такой мере, и частично путем угроз, частично путем закулисных сделок с конкретными людьми он добился предоставления щедрых субсидий без какого-либо подтверждения "Милостей". В апреле 1635 года парламент был распущен, и почти сразу же лорд-наместник начал готовиться к выступлению в составе комиссии по расследованию неполноценных титулов, пожалованных ему королем. "Все протестанты за плантации, - писал он, - а все остальные против них. Если католические присяжные откажутся вынести вердикт в пользу короля, тогда придется обратиться в парламент, где протестантское большинство гарантировано". Части Типперэри, Клэр и Килкенни были захвачены без особых трудностей, но депутата удовлетворило бы не что иное, как весь Коннахт. Роскоммон был выбран первым округом, и комиссары, включая лорда-наместника, прибыли в Бойл для проведения расследования (июль 1635 года). Присяжные, проинформированные Вентвортом о том, что независимо от того, вынесут они решение в его пользу или нет, король полон решимости заявить о своих притязаниях на их графство и что их единственной надеждой на милосердие является их немедленное повиновение, вынесли требуемый вердикт. Слайго и Майо также представили свои представления. Однако в Голуэе присяжные вынесли решение не в пользу короля. Вследствие этого шериф был оштрафован на 1000 фунтов стерлингов и помещен под залог, чтобы предстать перед Звездной палатой, а присяжным пригрозили суровым наказанием. Их оштрафовали на 4000 фунтов стерлингов каждого и приговорили к тюремному заключению до тех пор, пока они не выплатят всю сумму. Таким образом, весь Коннахт, за исключением Литрима, который уже был засажен, вместе с большей частью Клэра, Типперэри и Килкенни был конфискован в пользу короны. Но Вентворт отложил строительство плантации Коннот на более благоприятный период, и прежде чем такой период наступил, он потерял и свой пост, и голову. Опасность для Карла I со стороны шотландских ковенантеров была уже очевидна, и Карл убедил своего заместителя собрать армию в Ирландии. В течение 1639 и 1640 годов работа по обучению армии, многие офицеры которой и большинство солдат были католиками, продвигалась вперед, но триумф шотландцев и казнь графа Страффорда в апреле 1641 года сделали невозможным использовать ее для той цели, для которой она была задумана. Действуя по наущению английского парламента, Карл отдал приказ о роспуске ирландских войск и добавил, что он разрешил некоторым офицерам перебросить восемь тысяч солдат на помощь любому из государей Европы, дружественных Англии. По той или иной причине очень немногие солдаты покинули Ирландию, поскольку и их собственные лидеры, и король хорошо знали, что их услуги вскоре понадобятся дома. Парламент собрался в Ирландии в марте 1640 года [46] и, проголосовав за несколько субсидий в помощь королю, закрыл заседание. Когда он собрался снова в 1641 году, католики фактически составляли большинство и, казалось, были полны решимости отстаивать свои права. Король написал, чтобы подтвердить "Милости" и предложить внести законопроект о подтверждении недействительных титулов в Типперэри, Клэр и Конноте, но обструктивная тактика графа Ормонда и неблагоприятное отношение лордов-судей сэра Уильяма Парсонса и сэра Уильяма Борлейза к притязаниям католиков

помешали что-либо предпринять. Заседание парламента было отложено до 9 ноября, но до наступления этой даты вопросы были переданы в другой суд. [47]

С 1632 по 1640 год, хотя депутат делал все возможное, чтобы лишить значительную часть владельцев-католиков их собственности на основании недействительных титулов, и хотя во многих округах протестантские епископы и священники создавали значительные трудности своим соседям-католикам, все же религиозные преследования осуществлялись лишь вяло. Король был достаточно проницателен, чтобы понять важную роль, которую ирландские католики могли сыграть в гражданской борьбе, которую он предвидел, и он стремился не настраивать против себя их лидеров. Этот период сравнительного спокойствия был провиденциальным для Церкви в Ирландии, позволив ей организовать свои силы и подготовиться к ужасным дням, которые вскоре должны были наступить. В соответствии с советом, данным архиепископом Ломбардом много лет назад, Рим решил заполнить несколько кафедр, которые остались вакантными. Хью Маккагвелл (/ Кавеллус/), выдающийся ирландский францисканец, сыгравший важную роль в основании колледжа Святого Антония в Лувене, и чьи богословские труды позволили современникам считать его самым способным богословом шотландской школы в Европе, был назначен архиепископом Армы (1626), но он умер в Риме через несколько недель после своего посвящения. Менее чем через два года было решено перевести Хью О'Рейли из Килмора на первосвятительский престол (1628). Томас Флеминг был назначен в Дублин в 1623 году, и, несмотря на усилия своих врагов, ему удалось ускользнуть от бдительности тех, кто хотел изгнать его из Ирландии. Мэлаки О'Куили, который в течение многих лет был апостольским викарием своей родной епархии Киллалоу, был назначен в Туам (1630) вместо Флоренс Конри, а Томас Уолш, уроженец Уотерфорда, был назначен на кафедру Кашел (1626). Среди выдающихся священнослужителей, которые были назначены в ирландские епархии во время правления Якова I и Чарльза, были ученый Дэвид Рот (Оссори, 1618), Рош Макджоган (/ Рокус де Крус /), который так много сделал для восстановления доминиканских домов в Ирландии (Килдэр, 1629) и Хибер Макмахон (Даун, 1642, Клогер, 1643).). В результате длительных гонений и отсутствия епископов из стольких епархий в нескольких департаментах могла быть обнаружена определенная дезорганизация, и для исправления этого были созваны провинциальные синоды, которые установили новые правила и приспособили положение Церкви к изменившимся обстоятельствам в стране. В Килкенни (1627) состоялся синод, на котором присутствовали епископы из Лейнстера и Мюнстера; еще один очень важный собор, постановления которого были подтверждены Святым Престолом, был проведен для провинции Туам в 1632 году, а третий, на котором присутствовали лейнстерские епископы, был проведен в графстве Килкенни в 1640 году. [48] Ирландские колледжи на Континенте продолжали вливать в страну способных и ревностных молодых священников, в то время как колледжи для обучения францисканцев, доминиканцев и иезуитов поставляли новых рекрутов для пополнения рядов религиозных орденов. Капуцины основали ирландские колледжи на Континенте, в Лилле, Антверпене и Седане, и они так усердно работали в Ирландии, что в 1642 году ряд епископов отправили в Рим специальное письмо с похвалой капуцинам. Результаты этой возобновленной деятельности вскоре стали очевидны во всех частях страны. Так, например, в представленном отчете (1631 г.) епархии Эльфина, которой в то время управлял епископ Боэций Иган, видно, что, хотя все церкви, включая кафедральный собор, были разрушены или захвачены протестантами, в то время в епархии работало сорок священников; были обнародованы постановления Тридентского собора; приходы были реорганизованы, а ученость назначенных приходских священников проверялась экзаменами; проводились регулярные синоды, посещения и

конференции духовенства, и были предприняты шаги обеспечить, чтобы люди были полностью обучены своей религии. [49]

В парламенте 1641 года католики составляли большинство, и они настаивали на том, что "Милости" должны быть подтверждены. Король удовлетворил их требования, и законопроект уже был на пути в Ирландию, когда лорды-судьи, Парсонс и Борлейз, которые руководили правительством страны, отложили заседание. Они не желали заключать соглашение с католиками, чтобы это соглашение не положило конец их надеждам на плантацию, и граф Ормонд пытался также заблокировать принятие законопроекта в надежде спасти короля от ненависти, которую он навлек бы на Англию и Шотландию, предоставив терпимость ирландским католикам. У католической знати Ирландии, будь то ирландцы или англоирландцы, были веские причины жаловаться. Они видели, как католиков изгнали с добрых земель Ольстера, чтобы освободить место английским и шотландским плантаторам, и они хорошо знали, что опасность подобных сделок в Коннауте, Мюнстере и Лейнстере не миновала со смертью Страффорда. Они видели, как работает Опекунский суд, и не могли не понимать, что в результате его работы землевладельцы Ирландии вскоре будут лишены собственности или обратятся в протестантизм. Они кое-что знали о протестантских инквизиционных судах, управляемых министрами и епископами, о преследованиях их духовенства, о сборах и штрафах, взимаемых с несчастных католических крестьян, и о еще более серьезной опасности, которая стояла перед ними в случае, если ковенантерам и пуританам удастся свергнуть Карла I или заставить его принять их политику. Они считали, что если бы они оставались пассивными, то у них не было бы надежды на возмещение ущерба или даже на безопасность, и поэтому многие из них решили, что время для переговоров прошло и что они могут полагаться только на силу. Вряд ли им когда-нибудь снова представится такая благоприятная возможность. Англию раздирали внутренние распри; распущенные ирландские солдаты, которых готовили к службе против шотландцев, все еще находились в стране; и при таком количестве выдающихся ирландцев, рассеянных по странам Европы, была хорошая надежда, что они смогут получить помощь от своих единоверцев на Континенте. Выдающийся уотерфордский францисканец, отец Люк Уоддинг, основавший Колледж Св. Исидор в Риме, принявший столь видное участие в основании Ирландского колледжа, был в Риме готов защищать интересы своих соотечественников при Папском дворе. Его слава как ученого была известна по всей Европе, и его активная поддержка не могла не произвести своего эффекта в Европе, и особенно в Испании, где он был так высоко оценен Филиппом IV. Оуэн Роу О'Нил, отличившийся в армии Испании благодаря доблестной защите Арраса от французов, полковник Престон, дядя лорда Горманстона, и множество других, обучавшихся военному искусству во Франции, Испании и Нидерландах, были готовы вернуться в Ирландию и предоставить свои мечи в распоряжение своей страны.

В начале 1641 года [50] Рори О'Мор, который был тесно связан как с ирландской, так и с англо-ирландской знатью, предложил лорду Магуайру из Эннискиллена идею обращения к оружию и намекнул на возможность союза между ирландской знатью и лордами Пейла. За короткое время большинство важных лидеров Севера, сэр Фелим О'Нил, Турлох О'Нил, лорд Магуайр, Хью Макмахон, Артур Макгеннис из Дауна, Филип и Майлз О'Рейли из Кавана, пришли к взаимопониманию. Война должна была начаться в Ольстере в ночь на 23 октября 1641 года, и в ту же ночь была предпринята попытка захватить Дублинский замок. Последняя часть программы не могла быть выполнена из-за действий осведомителя, который выдал Магуайра и Хью Мак-Магона лордам-судьям; но в назначенное время ирландские католики Ольстера восстали почти

поголовно, и за очень короткое время большинство опорных пунктов в провинции оказались в их руках. В таком движении лидерам было почти невозможно предотвратить некоторые эксцессы, особенно потому, что многие мужчины, принимавшие в нем участие, были изгнаны со своих земель, чтобы освободить место плантаторам, и ужасно страдали от грубости, которой подвергались они и их семьи. Естественно, они снова взяли свое, и в некоторых случаях они, возможно, применили больше насилия, чем того требовала ситуация, но теперь беспристрастные историки признают [51], что дикие истории о массовой резне протестантов не имеют под собой более прочного основания, чем тот факт, что протестанты были по большей части изгнаны из Ольстера почти таким же образом, как католики были изгнаны в горы тридцать лет назад. Большинство из тех немногих, кто был убит, вероятно, были убиты при попытке защитить свои дома, и ни в коем случае нет доказательств того, что лидеры одобряли ненужное насилие или убийства. Если историк желает найти организованное беззаконие и убийства, ему гораздо легче найти их в кампании печально известного сэра Чарльза Кута или в рейдах, проводимых силами шотландских ковенантеров на Севере. Католические лорды Пейла поспешили в Дублинский замок, чтобы предложить свои услуги против северных повстанцев, но лорды-судьи приняли их так невежливо, что они признали абсолютную необходимость объединения с католиками Ольстера. Объявляя о своем дезертирстве, лорды-судьи откровенно злорадствовали по поводу великолепной перспективы заселения провинции Лейнстер английскими поселенцами (декабрь 1641 г.). [52] Действия английского парламента, постановившего, что в будущем ирландским католикам не должно быть допущено никакой веротерпимости (декабрь 1641 г.), и выставившего на продажу два миллиона пятьсот тысяч акров плодородной земли в Ирландии, вырученные от которой средства будут потрачены на войну на уничтожение, укрепили позиции ирландских лидеров и помогли привлечь колеблющихся на свою сторону.

Католическое духовенство с самого начала сочувствовало движению, но они особенно старались умерить ярость своих соотечественников и защитить протестантов, как мирян, так и священнослужителей, от ненужного насилия. [53] Но, поскольку существовала опасность того, что движение распадется и что ирландские силы будут разделены, епископам было необходимо принять меры. Религия была почти единственной связью, которая могла объединить ирландцев и англо-ирландскую знать, а Церковь была единственным институтом, который мог придать движению единство и постоянство. Встреча епископов и викариев Северной провинции состоялась в Келлсе (май 1642 г.) под председательством доктора Хью О'Рейли, архиепископа Армы. Они предписали трехдневный пост, публичное чтение Розария и литаний, а также общее причастие во имя успеха войны, вынесли приговор об отлучении от церкви убийц, калек, воров, разбойников и т.д. Вместе со всеми их помощниками и подстрекателями, осудили ирландских католиков, которые отказались сотрудничать со своими соотечественниками, и приказали всем епископам, генеральным викариям, приходским священникам и главам религиозных домов приложить все усилия, чтобы немедленно собрать средства для поддержки солдат. [54] В мае (1642) в Килкенни состоялся национальный синод. На нем присутствовали примас Армы, архиепископы Туама и Кашеля, большинство епископов либо лично, либо в сопровождении прокураторов, а также представители религиозных орденов и светского духовенства. Они заявили, что война ведется в защиту католической религии, за сохранение прав и прерогатив короля, за справедливые и законные иммунитеты, свободы и права Ирландии, за защиту жизни, состояния, товаров и собственности католиков Ирландии, и что это справедливая война, к которой должны присоединиться все католики. Они осудили убийства, грабежи и насилие,

посоветовали всем своим соотечественникам забыть о расовых и провинциальных различиях, приняли меры по возвращению соборов и церквей их владельцам, призвали всех, как духовенство, так и мирян, сохранять единство и призвали священников не реже одного раза в неделю служить мессу за успех войны. [55]

В течение 1642 года война распространилась на все части Ирландии, и большинство видных дворян, за исключением графа Клэнрикарда, вышли на поле боя. Оуэн Роу О'Нил и полковник Престон прибыли с несколькими ирландскими ветеранами с Континента и привезли с собой запасы оружия и боеприпасов. Урбан VIII. отправил трогательное письмо, адресованное духовенству и народу Ирландии (февраль 1642 г.), и ухитрился отправить большие запасы оружия и пороха. В октябре 1642 года в Килкенни было созвано общее собрание ирландских католиков. Присутствовали одиннадцать духовных пэров, четырнадцать пэров-мирян и двести двадцать шесть представителей из городов и графств Ирландии под председательством лорда Маунтгаррета. Генералы были назначены руководить войсками в различных провинциях, поскольку, к сожалению, из-за зависти между англо-ирландцами и ирландской знатью Оуэн Роу О'Нил не мог быть назначен командующим национальной армией. Были приняты меры к отправке послов при главных дворах Европы, к созданию типографии, к сбору денег и к развитию образования. Ирландских францисканцев из Лувена попросили передать свою прессу и библиотеку в Ирландию, чтобы помочь в создании великой школы изучения ирландского языка. Отец Люк Уоддинг был назначен представителем Ирландии при Папском дворе, и агенты были направлены во Францию, Испанию, Нидерланды и в несколько немецких государств. Урбан VIII, уступив мольбам ирландского посла, оказал щедрую помощь и написал почти всем католическим правителям Европы, рекомендуя им оказать помощь своим единоверцам в Ирландии.

В 1643 году известный оратор, отец Франческо Скарампи, высадился в Уэксфорде в качестве аккредитованного агента папы римского, привезя с собой запасы денег и оружия. Однако едва он прибыл, как обнаружил, что, хотя ирландские армии добились значительного успеха как против сил роялистов в Дублине, так и против шотландских ковенантеров на Севере, были начаты переговоры о продлении перемирия. Англо-ирландская знать никогда не испытывала энтузиазма по отношению к войне как к ирландской войне. Они сражались просто за сохранение своих поместий и обеспечение определенной степени свободы вероисповедания, но в глубине души они больше беспокоились о деле короля, чем о деле Ирландии. Маркиз Ормонд, которого король назначил своим лордом-наместником в Ирландии, имел много друзей среди лордов Пейла, и с помощью своих агентов ему удалось добиться прекращения войны (сентябрь 1643 г.). Ирландские католики должны были послать агентов к королю для всестороннего обсуждения своих претензий и помочь ему с припасами. Стремясь заручиться помощью ирландских католиков и опасаясь дать отпор своим парламентским оппонентам, предоставив религиозную терпимость, Чарльз оказался в очень трудном положении, и, что еще хуже, Ормонд был полон решимости не уступать требованиям католиков. Он был готов дать условное обещание, что законы против них не будут применяться, но дальше этого он решил не заходить.

После долгих и бесплодных переговоров с Ормондом война была возобновлена (1644). В Килкенни прибыли представители Франции и Испании, и считалось, что, если удастся убедить папу направить нунция, такая мера укрепит позиции ирландских послов на Континенте. По просьбе сэра Ричарда Беллингса, секретаря Верховного совета, Иннокентий X. согласился

направить Джованни Баттисту Ринуччини в качестве своего представителя в Ирландию (1645). Последний высадился в Кенмаре в октябре и почти сразу же направился в Килкенни. Тем временем Карл I испытывал сильное давление в Англии, и поскольку у него не было надежды склонить Ормонда согласиться на такие условия, которые удовлетворили бы католиков Ирландии, он поручил графу Гламоргану, который сам был католиком и был тесно связан браком с некоторыми ирландскими семьями, отправиться в Килкенни и любой ценой заручиться помощью Католической конфедерации. Вскоре после своего прибытия он заключил договор от имени короля (август 1645 г.), в котором гарантировал "свободное и публичное отправление римско-католической религии". Все церкви, которыми владели ирландские католики в любое время с октября 1641 года, должны были быть оставлены в их руках, и "все церкви в Ирландии, кроме тех, которыми сейчас фактически пользуются протестантские подданные его Величества", должны были быть возвращены католикам. Вся юрисдикция, на которую претендовали протестантские епископы или министры над ирландскими католиками, должна была быть отменена, и все временные права, принадлежавшие католическому духовенству с октября 1641 года, должны были быть сохранены за ними, однако две трети дохода должны были выплачиваться королю во время продолжения войны. Чарльз уже направил нунцию письмо, в котором обещал выполнить любые условия, на которые пойдет Гламорган, и выразил надежду, что, хотя это было первое письмо, которое он когда-либо писал какому-либо министру папы Римского, оно не будет последним. [56] Условия должны были храниться в секрете, но в октябре 1645 года архиепископ Туамский О'Куили был убит близ Слайго в перестрелке между силами Конфедерации и парламента, и копия договора, которая была у него, попала в руки врага. Как только она была опубликована, она произвела большую сенсацию в Англии, и Чарльз немедленно отверг ее. Глэморган был арестован в Дублине Ормондом, но через несколько недель освобожден и хладнокровно вернулся в Килкенни для проведения дальнейших переговоров.

С момента своего прибытия в Килкенни (1645 г.) нунций стремился разорвать переговоры с Ормондом и посвятить всю энергию страны ведению войны. Но англо-ирландцы Оседлости были склонны принять любые условия, которые мог предложить Ормонд; и вскоре Верховный совет разделился на две части: одна высказалась в пользу нунция, другая поддержала Ормонда. Королева Генриетта начала переговоры непосредственно с Римом через своего агента сэра Кенелма Дигби. В обмен на обещания людей и денег последний подписал договор, даже гораздо более выгодный для ирландских католиков, чем тот, который был заключен с Гламорганом (1645), но поскольку оригинала этого договора не было под рукой, и поскольку существовали опасения, что надежды на его вступление в силу было мало, Верховный совет заключил соглашение с Ормондом (март 1646). Хотя последний получил полную свободу действий от короля, он очень мало даровал католикам. Присяга на верховенство должна была быть отменена в следующем парламенте, как и все установленные законом наказания и инвалидность; "подданные-католики его Величества должны были быть рекомендованы в пользу его Величества для дальнейших уступок"; все недостатки католиков в образовании должны были быть устранены, и для них должны были быть открыты все должности, гражданские и военные. Даже этот договор держался в секрете, но тем временем Конфедерация должна была послать войска на помощь королю. Но прежде чем войска могли быть отправлены, Чарльз был вынужден укрыться у шотландцев в Ньюкасле (май 1646 г.), откуда он написал, запрещая Ормонду "продолжать переговоры с повстанцами или выдвигать им какие-либо условия". [57]

Несмотря на искренние мольбы Ринуччини, большинство членов Верховного Совета настояли на принятии условий Ормонда. Конфедерация была настолько ослаблена раздорами, что генерал Монро думал, что сможет двинуться на юг и захватить Килкенни, но у Бенбурба он обнаружил, что его путь преградили войска О'Нила, и он был вынужден отступить в Колрейн, оставив большую часть своей армии погибшей на поле боя, а свои штандарты, орудия и припасы в руках О'Нила (5 июня 1646 г.). Весть о великой победе была доведена до нунция в Лимерике, где захваченные знамена были пронесены процессией по улицам и помещены в кафедральный собор. Генерал Престон также добился некоторых успехов в Коннауте, так что, казалось, ситуация снова переломилась в пользу конфедератов. Ринуччини был более чем когда-либо полон решимости отказаться от полумер, подобных тем, которые предлагались условиями договора Ормонда. Он созвал собрание епископов в Уотерфорде (август 1646 г.), и после долгого обсуждения было решено, что те, кто принял условия Ормонда, виновны в лжесвидетельстве, поскольку тем самым они нарушили условия присяги конфедерации. Согласно этой клятве, члены церкви обязались довольствоваться не чем иным, как свободным и публичным исповеданием своей религии, в то время как Ормонд почти во всем полагался на добрую волю короля, от которого ничего нельзя было ожидать, учитывая положение дел в Англии. Несмотря на все протесты, Верховный совет опубликовал Мир в Килкенни, но их посланцам было отказано во въезде в несколько городов Юга. Ормонд был приглашен в Килкенни, где его друзья оказали ему королевский прием. Но О'Нил двинулся на юг и вынудил Ормонда поспешно отступить в сторону Дублина. Ринуччини вернулся в Килкенни, и некоторые из видных приверженцев Ормонда были арестованы. Был избран новый Верховный совет, и О'Нилу и Престону было поручено выступить на Дублин, но, хотя они подвели свои армии вплотную к городу, тем не менее, из-за тайных связей, которые велись между агентом Ормонда, графом Клэнрикардом, и Престоном, а также из-за зависти между генералами, атака не была предпринята.

Было избрано новое Общее собрание, которое собралось в Килкенни (10 января 1647 г.). После долгого обсуждения Ормондский мир был осужден, и была разработана новая форма присяги, которую должны были принести все конфедераты. Ормонд, который мог бы так много сделать для своего хозяина, если бы подчинился его указаниям и сделал несколько удовлетворительных предложений ирландским католикам, сдал Дублин в руки парламентариев и бежал во Францию. Что еще хуже, Престон потерпел поражение от парламентариев при Саммерхилле (август 1647 г.), и лорд Инчиквин одержал победу над всеми, кто был у него на Юге. Куда бы он ни пошел, он действовал с большой жестокостью и был особенно яроsten в своей оппозиции католической религии. Но в начале 1648 года он изменил свою политику и выступил за короля против парламента. Бывшие друзья Ормонда в Верховном совете немедленно настояли на заключении условий с лордом Инчиквином. Ринуччини выступил против такого шага как предательства, и его действия были одобрены большинством епископов. Нунций покинул город и направился в сторону Мэриборо, где стоял лагерь О'Нил. В мае 1648 года было объявлено перемирие с лордом Инчиквином, и через несколько дней Ринуччини вынес приговор об отлучении от церкви всех, кто хотел его принять, и о наложении интердикта на города, которые его признали. Верховный совет в ответ обратился с апелляцией к Папе Римскому. Единственным результатом стало то, что разделение и неразбериха стали более общими. Несколько епископов и духовенства были с обеих сторон. Верховный совет отстранил О'Нила от должности, а впоследствии объявил его предателем. Нунций отправился в Голуэй, из порта которого он отплыл в 1649 году. Хотя трудно испытывать что-либо, кроме величайшего презрения к фракции

Ормонда в Верховном совете, и хотя Ринуччини был честным человеком, который делал все возможное, чтобы выполнить его инструкции, все же он не совсем понимал ситуацию. Он позволил себе слишком открыто проявить свое предпочтение О'Нилу и проявил слишком большую склонность прибегать к властным методам. Его арест ормондистской фракции в Верховном совете и порицания, которые он высказал своим оппонентам, какими бы оправданными они ни были сами по себе, не были рассчитаны на восстановление единства и доверия. [58]

Ормонд вернулся в Ирландию в 1648 году и получил теплый прием от тех членов Верховного совета, которые были настроены против Ринуччини и О'Нила. В январе 1649 года он заключил с ними мир, которым гарантировал, что в следующем парламенте, который состоится в Ирландии, должно быть признано свободное исповедание католической религии; что Акт о единообразии и Акт о королевском верховенстве должны быть отменены; что все должности, гражданские и военные, должны быть открыты для католиков при условии, что они будут готовы принести простую присягу на верность; что все планы относительно любых дальнейших плантаций в Мюнстере, Лейнстере и Коннахте должны быть отменены, что все акты о лишении прав и т.д., принятые против ирландских католиков с октября 1641 года, должны рассматриваться как недействительные и недействительным; что духовенство не должно подвергаться притеснениям в отношении церквей, церковной жизни и т.д. До тех пор, пока его Величество, полностью рассмотрев желания католиков, сформулированные в свободном парламенте, не выразит своего дальнейшего согласия; и что обычному духовенству, которое согласится на этот мир, должно быть позволено продолжать владеть своими домами и имуществом. Дальнейшие уступки должны были зависеть от желания короля. [59] Католическая конфедерация как таковая была распущена, и Ормонд был назначен лордом-лейтенантом для управления страной совместно с двенадцатью доверенными лицами, назначенными конфедератами. Но О'Нил и его армия по-прежнему выступали против любых условий с Ормондом, и большое количество городов отказались поддерживать с ним какие-либо контакты. Он все еще надеялся отбить Дублин у парламентариев до того, как прибудет помощь из Англии, но потерпел ужасное поражение при Ратмайнсе (2 августа 1649 г.). Менее чем через две недели Оливер Кромвель [60] прибыл в Дублин с большими силами, чтобы сокрушить как роялистов, так и католиков.

Кромвель, потратив немного времени на набор своих войск, двинулся маршем на Дрохеду, которую тогда защищал от короля сэр Артур Астон, и так усердно продвигал осаду, что за короткое время взял город штурмом и перебил большую часть гарнизона и большое количество горожан. Более тысячи человек были убиты в церкви Святого Петра, в которую они бежали в поисках убежища, и особая месть была применена к духовенству, причем никто из тех, кто был признан виновным, не был пощажен. Аналогичные сцены массовой резни имели место при Уэксфорде, куда его армия попала благодаря предательству. [61] Ормонд не смог добиться успеха против такого командира и, в конце концов, напуганный открывшейся перед ним перспективой, он обратился к О'Нилу с просьбой о примирении. О'Нил согласился оказать свою помощь в борьбе с Кромвелем. Он отправил часть своей армии на юг, а сам, хотя и был болен, уже находился в походе, когда умер при Клоугоутере (6 ноября 1649 г.). Его смерть в такое время стала невосполнимой потерей как для католической религии, так и для Ирландии. Если бы он был жив и если бы Ормонд и его фракция сотрудничали с ним, кампания Кромвеля могла бы закончиться совсем по-другому. В последние месяцы 1649 года ситуация в Ирландии казалась безнадежной. Хотя как беспринципный дипломат Ормонду было мало равных, как солдат он был

совершенно бесполезен, и, что еще хуже, большая часть ирландского народа по-прежнему не доверяла ему. В надежде восстановить единство и побудить народ к продолжению борьбы в Клонмакнуазе собрался синод епископов и духовенства (декабрь 1649 г.). Они выпустили декларацию, предупреждающую народ, что они не могут ожидать пощады от английского парламента, что было запланировано массовое искоренение католицизма, о чем свидетельствовали действия Кромвеля, и что земли ирландских католиков должны быть переданы английским авантюристам. Они призвали их забыть прошлые разногласия, подавить расовую и личную зависть и объединиться против общего врага. [62] Но страна не доверяла Ормонду и отказалась встать под его знамена. Другое собрание, состоявшее из епископов и Доверенных лиц, состоялось в Лофри, на котором было решено ввести всеобщий сбор всех мужчин, годных к ношению оружия, и местом встречи был назначен монастырь Килбеган. Однако несколько городов и видных деятелей отказались принимать какое-либо участие в движении, контролируемом Ормондом, и в качестве последнего отчаянного средства на собрании епископов, состоявшемся в Джеймстауне (12 августа 1650 г.), епископы заявили, что не может быть никакой надежды на единство, если Ормонд не передаст свое доверие какому-нибудь человеку, которому доверяла вся страна. [63] Очень неохотно Ормонд согласился на эту просьбу и покинул Ирландию в декабре, назначив графа Кланрикарда своим преемником. Последний был католиком, сыгравшим очень неблагородную роль на протяжении всей войны. Если бы он проявил много лет назад хотя бы половину той энергии, которую проявлял на более поздних стадиях развития, до такого никогда бы не дошло.

Как бы то ни было, Кромвель добился больших успехов на Юге, хотя и был вынужден снять осаду Уотерфорда и потерпел сокрушительное поражение при Клонмелле от племянника О'Нила. Он покинул Ирландию в мае 1650 года и доверил командование Айретону. Из-за состояния разобщенности Айретону было разрешено брать город за городом. Лимерик был взят в 1651 году, и Теренс О'Брайен, епископ Эмли, был казнен. Епископ Мак-Магон из Клогера, принявший на себя командование армией Оуэна Роу О'Нила после смерти последнего, потерпел поражение при Скаррифхоллисе (1650). Позже он был схвачен и предан смерти, его голова была насажена на кол у ворот Эннискиллена в назидание своим единоверцам. Подчинение Кланрикарда в 1652 году практически положило конец войне, и не прошло и года, как всякое эффективное сопротивление прекратилось.

Во время Килкеннской конфедерации католическая церковь была восстановлена в своем первоначальном положении. В районах, контролируемых конфедератами, епископам и духовенству было разрешено снова занимать свои дома и церкви везде, где они не были разрушены, и религиозные общины как мужчин, так и женщин были снова созданы рядом с их бывшими монастырями, хотя в то же время католические лорды Черты Оседлости были настороже, чтобы их не попросили вернуть какие-либо из церковных или монастырских земель, которые были предоставлены им королевским патентом. В Дублине и везде, где Ормонд и роялисты имели власть, как духовенство, так и простой народ пользовались полной терпимостью, но в определенных частях Севера и везде, где у власти были пуритане и парламентарии, преследования по-прежнему были в порядке вещей. Когда Дублин был сдан парламентариям (1647), священники, а позже и всекатолики были изгнаны из города. На юге Ирландии лорд Инчиквин действовал самым жестоким образом в Кэшеле и вообще в городах, которые он завоевал, в то время как парламентская партия на Севере не проявляла милосердия к католикам, попавшим в их руки. После прибытия Кромвеля перспектива стала еще более мрачной. Хотя он объявил, что не будет вмешиваться ни в чью религию, он заявил, что ни в коем

случае не потерпит проведения мессы. [64] Духовенство было предано мечу в Дрохеде и Уэксфорде. Архиепископ Туама был убит во время войны (1645); Боэций Иган, епископ Росса, попал в руки лорда Брэгхилла и был предан жестокой смерти за то, что вместо того, чтобы посоветовать гарнизону Карригдрохида сдаться, он призвал их продолжать борьбу (1650); Теренс Альберт О'Брайен, епископ Эмли, был схвачен Айретоном после осады Лимерика и был повешен; Хибер Мак-Магон, епископ Клогера, был казнен по приказу Кута (1650); Епископ Рот из Оссори умер в результате перенесенных им страданий, а епископ Френч из Фернса, претерпев ужасные испытания в Ирландии, был вынужден бежать на Континент.

Договариваясь об условиях капитуляции, генералы Кромвеля иногда лишали епископов и духовенство защиты и в лучшем случае предоставляли им лишь короткое время для подготовки к отъезду из страны. Присутствие священников рассматривалось как опасность для планируемого заселения Ирландии, и поэтому был отдан приказ (1650 г.) об их аресте. В 1650 году награда в размере 20 фунтов стерлингов была предложена любому, кто выдаст место, где прячутся какие-либо иезуиты, священники, монахи или монахини. Сначала те священнослужители, которые попали в плен, были отправлены во Францию и Испанию, но позже большое количество из них было отправлено на Барбадос. Так, например, в 1655 году сэру Чарльзу Куту была отправлена инструкция о том, что священники и монахи, находившиеся в то время в плену в Голуэе, которым было больше сорока лет, должны быть сосланы в Португалию или Францию, а те, кто моложе этого возраста, должны были "быть отправлены на Барбадос или другие американские плантации". Для тех, кто вернулся, была установлена смертная казнь. Поскольку священникам все еще удавалось ускользать от своих преследователей, маскируясь под рабочих, крестьян, нищих, садовников и т.д., в 1655 году был издан приказ о всеобщем розыске по всей Ирландии с целью поимки всех священников. Каждому, кто арестует священника, полагалось выплатить пять фунтов, и могло быть присуждено больше, если задержанный человек имел особое значение. Когда тюрьмы были полностью заполнены, было издано еще одно распоряжение о том, что священников следует собрать в Каррикфергусе для транспортировки. Здесь утверждалось, что некоторые предлагали подчиниться условиям правительства, а не позволить выслать себя прочь, но поскольку заявление исходит из ненадежного источника, его следует воспринимать с осторожностью. В 1657 году майор Морган, представитель Уиклоу в Объединенном парламенте Англии и Ирландии, заявил: "Нам нужно уничтожить трех зверей, которые ложатся на нас тяжелым бременем. Первый - это волк, на которого мы кладем по пять фунтов за голову собаки и по десять фунтов за голову суки. Второй зверь - это священник, на голову которого мы возлагаем десять фунтов, а если он выдающийся, то и больше. Третий зверь - это тори, на голову которого, если он государственный тори, мы возлагаем двадцать фунтов, а на частного тори - сорок шиллингов". Ближе к концу Протектората правительство, вместо того чтобы вывезти священников за границу, отправило их толпами на остров Аран и в Иннисбофин. "Лорд-наместник и Совет, - писал полковник Томас Герберт (1658), - в июле прошлого года отдал распоряжение о выплате 100 фунтов стерлингов полковнику Сэдлиру, которые, по его мнению, должны быть выплачены для содержания тех папистских священников, которые находятся или должны быть заключены на острове Боффин, согласно ежедневному разрешению в шесть пенсов, для строительства хижин и тому подобного. В этом нет сомнений, но были приняты соответствующие меры предосторожности, и поскольку судьи в их соответствующих округах, вероятно, могут найти причину для отправки гораздо большего числа священников на этот остров, мне приказано донести до вас, что вы, возможно, не хотите проявлять такую

осторожность в этом деле, как это предусмотрено предыдущими указаниями и положениями ". [65]

Уже в 1642 году английский парламент принял меры по массовой конфискации католической Ирландии и передал землю в залог этим "авантюристам", которые давали деньги на продолжение войны. В 1652 году, когда объединение Ирландии было практически завершено, было сочтено благоразумным провести работу по очистке Ленстера и Мюнстера от их старых владельцев, чтобы подготовить путь для авантюристов и солдат, чьи долги были погашены за счет пожалований ферм или поместий. Согласно условиям Закона и Инструкций, изданных в связи с ним, всем ирландским католикам было приказано переселиться в Коннаут до 1 мая 1654 года под страхом смертной казни военным трибуналом, если они будут найдены после этой даты к востоку от Шеннона. Исключения действительно были сделаны в случае тех женщин, которые были замужем за английскими протестантами до декабря 1650 года, при условии, что они сами стали протестантками; в случае мальчиков моложе четырнадцати и девочек моложе двенадцати лет, находившихся на протестантской службе и получивших протестантское воспитание, и, наконец, в случае тех, кто мог доказать, что в течение предыдущих десяти лет они сохраняли "постоянную добрую привязанность" к парламенту. Приказ о пересадке был разослан по всей Ирландии, и в Лоффри была создана комиссия для рассмотрения претензий и выделения земель в Коннахте, все из которых должны были находиться в распоряжении ирландцев, за исключением установленной территории вдоль морского побережья. Даже жители Голуэя, которые подчинились только при четком условии сохранения своих земель, были изгнаны из города, а сам город был передан корпорациям Глостера и Ливерпуля, чтобы возместить им убытки, которые они понесли во время Гражданской войны. Посыпались петиции о помиловании или, по крайней мере, о продлении срока, но, хотя по последнему пункту были сделаны некоторые уступки, лишь немногим людям была предоставлена какая-либо отсрочка. Землевладельцы были заметными людьми, и они были вынуждены уехать. Было бы невозможно описать трудности и невзгоды, перенесенные теми, кто был вынужден покинуть свои собственные дома и искать убежища в том, что было для них чужой страной. Чтобы облегчить ситуацию, большое количество мужчин, способных носить оружие, было отправлено в Испанию или в другие континентальные страны, но вскоре стало ясно, что это плохая политика, которая, вероятно, пойдет на пользу только некоторым соперникам Англии. Затем было решено перевезти большое количество грузов в Вест-Индию, Барбадос, Ямайку и на Карибские острова. Корабли с мальчиками и девочками были захвачены по приказу из Англии и в самых ужасных условиях отправлены из страны в страну, где многих из них ожидала участь хуже смерти. [66] Магистраты без колебаний объявили всех католиков, оставшихся к востоку от Шеннона и приведенных к ним, бродягами, а затем поспешно отправили на побережье.

Сначала идея состояла в том, чтобы полностью изгнать коренное население из Лейнстера и Мюнстера, чтобы солдаты и "авантюристы" не заразились, и были приняты строгие меры, чтобы помешать кому-либо из офицеров или мужчин брать ирландских жен. Айртон заявил, что любой офицер или солдат, который осмелится жениться на ирландской девушке до тех пор, пока она не будет обследована компетентной комиссией, чтобы убедиться, произошло ли ее обращение "в результате реальной работы Бога в ее сердце", должен быть сурово наказан. [67] Но позже от новых протестантских землевладельцев посыпались петиции с просьбой разрешить им держать католиков в качестве слуг и батраков, и при том понимании, что хозяева воспользуются этой возможностью для распространения истинной религии, их просьбы были удовлетворены. Некоторые получили разрешение или, по крайней мере, сумели добиться отсрочки; другие,

вероятно, смогли договориться с солдатами, которым их фермы достались в общей лотерее, а третьи все еще предпочитали рисковать опасностью транспортировки, оставаясь в своем районе, а не искать новый дом. Если бы Протекторат продержался достаточно долго, политика пересадки могла бы увенчаться успехом, но так или иначе, плантаторы-кромвелевцы вскоре исчезли или слились с коренным населением, и, несмотря на все кровопролитие и грабежи, народ Ирландии в целом был так же предан католической религии в 1659 году, как и десять лет назад. [68]

Когда из хода событий в Англии стало ясно, что Карл II. готовившиеся к восстановлению на троне лорд Брогхилл и сэр Чарльз Кут, оба из которых помогли сокрушить ирландских роялистов и в значительной степени выиграли от Революции, поспешили продемонстрировать свое рвение к делу короля. Католики, которые так преданно сражались за его отца, надеялись, что наконец-то справедливость восторжествует над ними, восстановив их на землях, с которых они были изгнаны врагами короля. Но Чарльз был полон решимости не рисковать. Он отправил герцога Ормонда, самого опасного врага католической религии в Ирландии, в качестве лорда-лейтенанта (1660). В 1661 году был созван парламент, и поскольку католики были изгнаны из корпоративных городов во время правления Кромвеля и поскольку плантаторы Кромвеля все еще находились у власти, Палата общин была по сути протестантской. Был принят Акт об урегулировании, согласно которому католики, которые могли доказать свою "невиновность" в восстании, должны были быть восстановлены, но определение невиновности в этом деле было настолько сложным, что можно было надеяться, что немногим католикам, если таковые вообще были, удастся обосновать свои претензии (1661). Для рассмотрения отдельных дел был создан Суд по искам, состоящий из пяти протестантских комиссаров, но вскоре, когда было обнаружено, что большому числу католиков удалось выполнить условия, установленные законом для восстановления их собственности, плантаторы подняли протест, и рассмотрение исков было приостановлено (1664). Затем был принят Акт о разъяснении для упрощения процедуры, в результате которого две трети земель Ирландии были оставлены в руках протестантских поселенцев. Почти шестьдесят представителей католической знати были восстановлены в качестве особой милости короля, но большая часть тех, кто был изгнан Кромвелем, осталась без какой-либо компенсации.

В результате кромвелевских гонений почти все епископы и значительная часть духовенства, как светского, так и регулярного, были изгнаны из Ирландии, но после восшествия на престол Карла, который, как было известно, лично дружил с католиками, многие из них начали возвращаться. Однако было бы ошибкой воображать, что преследования прекратились или что законы против духовенства не были введены в действие в нескольких округах. Ормонд вернулся в Ирландию таким же враждебным к католицизму, каким был до того, как был изгнан; и поскольку он думал, что у него особая обида на ирландских епископов, он был полон решимости настроить духовенство против них, разделить католиков на враждующие группировки и, отдав предпочтение одной стороне, создать католическую партию роялистов, отличную от ультрамонтанской или папской партии. Для этой работы у него был под рукой полезный инструмент в лице отца Питера Уолша, францисканского монаха, который проявил себя как непримиримый противник нунция и как лидер ормондистской фракции в Верховном совете. В 1661 году некоторые ведущие члены церкви, как миряне, так и священнослужители, решили обратиться с приветственным словом к Карлу II., но под влиянием Уолша и других это обращение, вместо того чтобы быть простым выражением лояльности, было составлено по образцу Клятвы верности (1605), которая неоднократно осуждалась папой римским. Многие

католические лорды выразили свое согласие с этим обращением, или Увещеванием, как его называли, и некоторые из духовенства, обманутые советами отца Уолша, выразили готовность придерживаться его условий. Ормонд, который свободно тратил деньги на субсидирование Уолша и его сторонников, [69] имел веские основания радоваться успеху своих планов. Среди духовенства вспыхнули серьезные споры, которые правительство позаботилось разжечь, покровительствуя протестующим и обрушивая свою месть на антиремонтантов на основании их предполагаемой нелояльности. Чтобы довести дело до кризиса, Уолш и Ормонд договорились о проведении встречи епископов, викариев и глав религиозных орденов в Дублине (июнь 1666 года). Помимо доктора О'Рейли, архиепископа Арма, епископов Планкетта Ардагского и Линча Килфенорского, присутствовали несколько викариев вакантных епархий, а также представители францисканцев, доминиканцев, августинцев, капуцинов и иезуитов. [70] Доктор О'Рейли решительно выступил против условий Протеста как крайне неуважительных к Папе Римскому, и большинство присутствующих поддержали его утверждение. Они выразили готовность выступить с лояльным обращением, из которого следует исключить вызывающие возражения пункты. Но Уолш, недовольный чем угодно, кроме полного подчинения, изменил тему дебатов, попытавшись добиться принятия ассамблеей прогалликанской декларации Сорбонны (1663). Тем не менее, его усилия были далеки от успеха, и собрание было распущено Ормондом. Предстоятеля несколько месяцев держали в плену в Дублине, а затем перевезли на Континент, в то время как другие присутствующие члены церкви были вынуждены бежать из Ирландии или скрываться. По приказу Ормонда за духовенством, выступившим против Протестов, было установлено пристальное наблюдение, и многие из них были брошены в тюрьму. [71]

В 1669 году Ормонд был отозван, и через короткое время лорд Беркли был назначен лордом-лейтенантом. Хотя ему было поручено "привести в исполнение законы против титулярных архиепископов, епископов и генеральных викариев, которые угрожали протестантам или отлучали их от церкви" [72], тем не менее, как личный друг герцога Йоркского и как человек, близко знавший взгляды самого короля, он действовал настолько терпимо по отношению к католикам, насколько это было возможно для него, учитывая состояние ума чиновников, протестантских епископов и духовенства. С 1670 года до повторного прибытия Ормонда в 1677 году, хотя было выпущено несколько прокламаций и хотя кое-где отдельные священники подвергались преследованиям, католики как единое целое наслаждались сравнительным спокойствием. Святой Престол воспользовался этим, чтобы назначить на несколько вакантных кафедр. Среди тех, кто был назначен в это время, были Оливер Планкет в Арму (1669), Питер Талбот в Дублин, который не был заполнен после смерти доктора Флеминга в 1655 году, Уильям Бергат в Кэшель (1669) и Джеймс Линч в Туам. Доктор Планкет сопровождал Скарампи в Рим (1645), где он прочитал особенно блестящий курс в качестве студента Ирландского колледжа, а затем работал профессором пропаганды до своего назначения в Арму. Доктор Тэлбот родился в Малахиде, вступил в Общество Иисуса, был близким другом Карла II. во время изгнания последнего на Континент, а после Реставрации пользовался пенсией от короля. Вскоре после его назначения против него был поднят протест, поскольку предполагалось, что он и его брат, полковник Тэлбот, настаивали на пересмотре Акта об урегулировании и Карла II. был достаточно слаб, чтобы подписать указ о его изгнании из королевства. Он вернулся в Ирландию только в 1677 году, когда Ормонд прибыл на свой последний срок полномочий в качестве лорда-лейтенанта.

Двое подчиненных Шефтсбери, Титус Оутс и Тондж, уже состряпали печально известную историю о папистском заговоре в надежде добиться отстранения герцога Йоркского от

престола. В этом заговоре, согласно рассказам его лживых авторов, важную роль должны были сыграть католики Ирландии, причем предполагалось, что иезуиты и архиепископы Дублина и Туамабудут особенно активны. В октябре 1678 года было издано воззвание, предписывающее всем архиепископам, епископам, викариям, аббатам и другим высокопоставленным лицам Римской церкви и всем другим лицам, осуществляющим юрисдикцию по указанию Папы Римского, вместе со всеми иезуитами и обычными священниками покинуть королевство до 20 ноября, а все папские общества, монастыри, семинарии и школы должны были быть немедленно распущены. [73] За этим последовал ряд других, выдержанных в подобном ключе, и большое количество священников было отправлено на побережье для транспортировки. Часовни, открытые в Дублине и в главных городах, были закрыты, а оставшееся духовенство было вынуждено прибегать к различным уловкам, чтобы спастись от преследователей. Доктор Тэлбот был арестован и брошен в тюрьму (1678), где он оставался до тех пор, пока смерть не положила конец его страданиям в ноябре 1680 года. Хотя и король, и Ормонд были убеждены в его невиновности, все же состояние протестантского неистовства в то время было таково, что они не осмеливались пошевелить рукой, чтобы помочь ему. Доктор Планкет, на некоторое время ускользнув от бдительности своих преследователей, был арестован в 1679 году. Он предстал перед судом в Дандолке, но его обвинители побоялись довериться ирландскому суду, дело было отложено, а тем временем его враги устроили так, что его доставили в Лондон для суда. Было предпринято все возможное, чтобы вынести вердикт. Судьи отказались отсрочить вызов свидетелей защиты и не пытались скрыть свою предвзятость и ненависть к католической религии, само исповедание которой было достаточным для осуждения его в их глазах. Он был казнен в Тайберне (1681) и стал последней жертвой, понесшей смерть в Англии из-за заговора Оутса и его лжесвидетельствующих сообщников. [74] Но в Ирландии Ормонд не собирался прекращать преследование. Несколько епископов и генеральных викариев были арестованы и либо содержались в качестве заключенных, либо изгнаны, а шпионы были разосланы по стране, чтобы выследить тех, кто бросил вызов объявлению об изгнании, оставшись присматривать за своими епархиями.

При восшествии на престол Якова II. (Февраль 1685 г.) у католиков Ирландии были основания надеяться на улучшение своего положения, и на этот раз, по крайней мере, они не были разочарованы. Герцог Ормонд был отозван, а граф Кларендон назначен лордом-лейтенантом. Ему было поручено сохранить Закон о поселении, но в то же время предоставить католикам полную свободу вероисповедания и считать их имеющими право на гражданское и военное назначение. С ним был связан как с военным командиром полковник Ричард Тэлбот, граф Тирконнелл, брат покойного архиепископа Дублина. В соответствии с хорошо известными пожеланиями короля, в армию были назначены офицеры-католики, католикам снова было разрешено выступать в качестве шерифов, магистратов и судей, и были предприняты шаги к тому, чтобы корпорации, которые годами были закрыты для католиков, перестали быть безопасными протестантскими районами. Ирландские епископы поспешили обратиться с приветственным словом к королю, и их заверили в благосклонности и защите его Величества. Религиозные общины как мужчин, так и женщин были вновь открыты в Дублине и в главных городах по всей Ирландии, и были проведены синоды духовенства для восстановления порядка и дисциплины. [75] Ирландские католики в целом были в восторге от королевских указов в пользу религиозной терпимости, но небольшое протестантское меньшинство в стране было встревожено тем, что к католикам относились как к равным, и особенно перспективой того, что Акт о поселении будет нарушен, а их права на поместья будут подвергнуты сомнению

настоящими владельцами, которых они ограбили двадцать лет назад. Их опасения усилились, когда граф Кларендон, которого они считали в некотором роде своим защитником, был отозван (1687), чтобы освободить место графу Тирконнеллу в качестве лорда-наместника Ирландии. Новый лорд-наместник был далек от совершенства и не всегда был осмотрителен в своей политике или своих действиях, но если сравнить его поведение по отношению к небольшой группе протестантов в Ирландии с поведением его предшественников на протяжении более века или с поведением его преемников по отношению к ирландскому народу, его следует считать одним из самых просвещенных администраторов своего времени.

Революция, вспыхнувшая в Англии (1688), прибытие Вильгельма Оранского (1688) и бегство короля Якова во Францию были рассчитаны на то, чтобы разжечь раздор в Ирландии, хотя примечательно, что, демонстрируя справедливое отношение к ним, значительная часть ирландских протестантских епископов высказалась за поддержку Якова против узурпатора, и что было необходимо прибегнуть к лживым историям о предполагаемой всеобщей резне, чтобы вызвать оппозицию королю. Тирконнелл, который давно предвидел такой ход событий, прекрасно подготовился, учитывая ситуацию в стране и состав своего совета. Джеймс II удовлетворился тем, что убедил Людовика XIV. чтобы отправить оружие и боеприпасы в Ирландию и в полной мере использовать великолепный французский военно-морской флот, Тирконнелл с помощью способных ирландских офицеров, которые стекались под его знамена со всех концов Европы, мог бы бросить вызов всем захватчикам.

Но Джеймс настоял на возвращении в Ирландию. Он высадился на берег в марте 1689 года и направился в Дублин, где в мае было созвано заседание национального парламента. В результате того, что большинству людей было предоставлено право голоса при выборе членов, Палата общин в 1689 году была почти такой же католической, какой в 1662 году была протестантская. В Палате лордов протестанты могли бы составить большинство, если бы все духовные и светские пары заняли свои места, но поскольку несколько епископов отсутствовали в стране, а многие лорды-миряне либо присоединились к партии Вильгельма, либо ждали, как будут развиваться события, мало кто из них появился. С самого начала было ясно, что идеалы Джеймса не совпадали с идеалами ирландского парламента. Он просто хотел сделать Ирландию отправной точкой для обеспечения своего собственного возвращения в Англию, в то время как представители Ирландии были полны решимости обеспечить благосостояние и независимость своей собственной страны. Они начали с установления принципа, согласно которому никакие законы, принятые в Англии, не имеют обязательной силы в Ирландии, если они не были одобрены королем, лордами и палатой общин Ирландии. Затем они подтвердили принцип свободы совести для всех, будь то католики или протестанты, тем самым подав пример, которому, к сожалению, не последовали ни в Англии, ни на более поздних парламентских ассамблеях Ирландии. Далее они постановили, что в будущем католики не должны быть обязаны платить десятину за поддержку протестантских священников, а скорее что и католики, и протестанты должны вносить свой вклад в поддержку своих соответствующих пасторов - система, которую ни один беспристрастный человек не мог бы осудить как несправедливую. Они отменили Акты об урегулировании и разъяснении и объявили, что те, кто владел поместьями в Ирландии в октябре 1641 года, должны быть возвращены им, или, если они были мертвы, их наследники должны вступить во владение. Солдаты и авантюристы были лишены таким образом собственности, которую они приобрели путем легализованного грабежа и которой владели более двадцати лет, но было предусмотрено, что те, кто купил земли у грантополучателей времен Кромвеля, должны получить компенсацию из имущества тех, кто в то

время находился в восстании против короля. Принимая во внимание то, что произошло в Ольстере при Якове I., то, что граф Вентворт намеревался сделать с частями Мюнстера и Коннахта, если бы его растения не погибли, и то, что было сделано Кромвелем почти во всех частях католической Ирландии, действие парламента 1689 года было не просто оправданным. Оно было чрезвычайно умеренным. Также был принят Закон о преследовании тех лиц, которые либо выступали за Вильгельма Оранского, либо покинули страну, чтобы их не рассматривали как выступающих на стороне Якова II. Таких людей призывали вернуться в течение определенного времени, если только они не хотели понести наказание в виде того, что их будут считать предателями и наказывать соответственно. Неверно утверждать, что в отношении этого акта соблюдалась какая-либо секретность или что информация о нем скрывалась от заинтересованных сторон до истечения установленного срока. Он обсуждался публично в присутствии протестантских епископов и протестантских представителей, и за короткое время его положения стали хорошо известны в Англии и Ирландии. [76]

Дерри и Эннискиллен выступили против короля Якова в конце 1688 года, и все попытки захватить эти два города потерпели неудачу. В августе 1689 года герцог Шомберг прибыл в Бангор с армией численностью около пятнадцати тысяч человек, но мало что было сделано до прибытия Вильгельма Оранского в июне 1690 года. Если бы у ирландских и французских военных советников были развязаны руки, они могли бы легко настоять на своем, даже несмотря на то, что армия Вильгельма состояла в основном из ветеранов, набранных почти из всех стран Европы. Последовал бы Джеймс их совету и сыграл в выжидательную игру, отступив за реку Шеннон, чтобы дать время обучить своих собственных новобранцев и задержать Уильяма в Ирландии, когда он выступит на Континенте против Людовика XIV. ситуация была бы неловкой для его противника; и даже когда Джеймс решил наступать, если бы он пошел смело вперед, как ему предлагали, и настоял на том, чтобы дать сражение к северу от Дандолка в узком проходе между горами и морем, где кавалерия Уильяма была бы бесполезна, исход мог быть иным. Но с лидером, который не мог решить, дать сражение или отступить, и который, решив наконец сразиться в наихудшем месте, которое он мог выбрать, направил свои тяжелые орудия в сторону Дублина с намерением отдать приказ об отступлении почти сразу после начала решающей схватки, его последователям было невозможно ожидать какого-либо другого результата, кроме поражения. В битве при Бойне основная тяжесть боевых действий пришлось на ирландских новобранцев, и как ирландская кавалерия, так и пехота оказали упорное сопротивление. Джеймс бежал в Дублин и вскоре покинул Ирландию (1690). Затем ирландское и французское командование отступило на линию Шеннона, согласно их первоначальному плану. Они защищали Лимерик так храбро, что Уильяму пришлось снять осаду, но взятие Атлона (1691) и поражение ирландских войск при Огриме склонили чашу весов в пользу Уильяма. Ближе к концу августа 1691 года началась вторая осада Лимерика. Сарсфилд, которому принадлежало верховное командование, предпринял энергичную оборону, но, поскольку держаться бесконечно было невозможно и поскольку, казалось, больше не было никакой надежды на помощь Франции, он начал переговоры с генералом Гинклем о сдаче города. В результате этих переговоров 3 октября был подписан Лимерикский мирный договор 1691. [77] --

[1] /Cambrensis Eversus/, iii., 53. /Arch. Hib./ iii., 273 кв.

[2] /Кал. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 17-26.

- [3] /Кал. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 58-60.
- [4] Id., 134, 152-3.
- [5] /Кал. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 190-3.
- [6] /Кал. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 143-44.
- [7] /Cal. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 301-3.
- [8] /Калифорния. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 362 кв.
- [9] /Кал. Государственные документы Ирландии/ (Джеймс I.), i., 389-90.
- [10] См. Введение к тому ii. /Календарь государственных документов/ (Джеймс I.) lxxi. sqq.
- [11] Id., ii., 14 кв.
- [12] Id., i., 474.
- [13] Ср. Введение к тому ii. / Календарь государственных документов/ (Джеймс I.), i., 475.
- [14] Ид., ii., 131-33.
- [15] Ср. Введение к тому ii. / Календарь государственных документов/ (Джеймс I.), i., 476.
- [16] / Государственные документы, Джеймс I./, i., 67, 78, 134, 299; ii., 309-11.
- [17] /Архив. Hib./, iii., 260 кв.
- [18] Моран, /Архиепископы Дублина/, 218 кв.
- [19] Ср. Уолш, / Бегство графов/ (/Архив. Hib./, ii., iii., приложение i.). Михан, / Судьба и состояния графов Тайрона и Тирконнелла/, 1886.
- [20] Хилл, / Исторический отчет о плантации Ольстера/, (1608- 20), 1877.
- [21] /Государственные документы/, iii., 284 кв.
- [22] /Государственные документы/, iv., 80 кв.
- [23] Cf. /Archiv. Hib./, ii., 164-65. /Государственные документы/, iv., 80-3.
- [24] Рота / Анализ/ (ред. Моран), xciii. кв.
- [25] Уэрс /Сочинения/, i., 206. /Сборник государственных документов/, iv., 171, 232, 240-1.
- [26] /Архив. Hib./, iii., 284 кв.
- [27] /Кал. Государственные документы/, iv., 373 кв.
- [28] /Archiv. Hib./, iii., 300.
- [29] Мигер, /Жизнь архиепископа Мюррея/, 111 кв. /Constitutiones Provinciales et Synodales Eccl. Metropolit. et Primatialis Dublinensis/, 1770.

- [30] Ренехан-Маккарти, указ. соч., 428 кв.
- [31] Полный отчет об этом парламенте см. / Календарь государственных документов /, iv. (Введение, xxxvi. кв.). Михан, указ. соч., 255 кв.
- [32] Рот, /Анализ/, 32 кв.
- [33] Рот, /Analecta/, 270 кв.
- [34] Работы Ашера / Ussher's/, (ред. Элрингтон), i., 58.
- [35] /Кал. Документы Кэрью/, vi., 432-3.
- [36] /История. Рукопись. Комиссия/ X. Отчет, приложение v., 349-50.
- [37] Изд. Моран, 1863.
- [38] Ср. Ренехан-Маккарти, указ. соч., i., 20 кв. м., 187 кв. м., 258 кв. м., 395 кв.м.
- [39] Ашера /Сочинения/, i., 72-4.
- [40] Бэгвелл, /Ирландия при Стюартах/, i, 182.
- [41] Моран, /Архиепископы Дублина/, 313-15.
- [42] Моран, /Спец. Оссор./, i., 156 кв.
- [43] Ашера /Сочинения/, i., 94-95.
- [44] Ср. Таунсенд, /Жизнь и письма графа Корка/, 1904, 186 кв. м. Бэгвелл, указ. соч., i., 186-9. Моран, /Архиепископы Дублина /, 317 кв.
- [45] Брэмхолл /Сочинения/, i, lxxix.
- [46] /Irish Commons Journal/, 1640-1.
- [47] Данлоп, /Ирландия в составе Содружества/, i в., сix.
- [48] Моран, /Архиепископы Дублина/, 434-36. Id., /Мемуары архиепископа Планкета/, 386-88. Ренехан-Маккарти, op. cit., 438 кв.
- [49] /Архив. Hib./, iii., 359 кв.
- [50] Для войны, 1641-53, ср. Гилберт, / Афористическое открытие изменнической фракции, или современная история ирландских дел, 1641-52/, 6 томов., 1879-80. Ид., / История Ирландской конфедерации/, 7 т., 1882-91. Карт, /История жизни Джеймса, герцога Ормонда/, 3 тома., 1736.
- [51] Данлоп, указ. соч., i., схvii. / Английское историческое обозрение /, i., ii. Леки, /Ирландия в восемнадцатом веке/, 61 кв.
- [52] Карт, /Жизнь Ормонда/, i., 260-1.
- [53] Леки, указ. соч., 96 кв.
- [54] /Спец. Оссор./, ii., 2-8.

[55] Id., i., 262-8.

[56] Бэгвелл, указ. соч., ii., 88-9.

[57] Бэгвелл, указ. соч., 115.

[58] Cf. Aiazzi, /Nunziata in Irlanda di Mgr. G. B. Rinuccini/, 1844 (tr. Хаттон, 1873). /Девятый Доклад Доктор Исторических Наук. МСС. Комиссия/ Приложения. II в., 1884.

[59] Cox, /Hib. Anglicana /, приложение. 43.

[60] Мерфи, /Кромвель в Ирландии/, 1883. / История войны в Ирландии, 1641-53/ (изд. Хоган, С.Дж., 1873).

[61] О Кромвелевских /Массовых убийствах/, ср. / Девятнадцатый век и после/ (сентябрь 1912 г.; декабрь 1912 г.; апрель 1913 г.). /Ирландская церковь. Летопись/ (июнь 1913; ноябрь 1913).

[62] /Спец. Оссор./, ii., 38-43.

[63] Id., ii., 85 кв.

[64] /Декларация лорда-наместника Ирландии и др., 1641 г./.

[65] Ср. Данлоп, указ. соч. (официальные документы приведены в этой книге). Прендергаст, / Кромвелевское поселение в Ирландии/, 2-е изд., 312 кв. м. (Ссылки на P. R. Doc.). Моран, / Spicil Ossor. /, i., 374-428.

[66] Уильямс, /Цареубийцы в Ирландии/ (/Irish. Есс. Запись/, август 1914 г.).

[67] Прендергаст, указ. соч., 232 кв.

[68] На Кромвелевской плантации, см. Данлоп, соч. цит. (Введение и документы). Прендергаст, /Поселение Кромвеля/.

[69] Берк, /Ирландские священники в каторжные времена/, 11-12.

[70] /Ирландская Еккл. Летопись/, 1-я сер., vi., 501-15.

[71] Уолш, / История и обоснование лояльного формуляра, или Ирландский протест и т. Д., 1672 /.

[72] Кокс, /Письмо/ и т.д., 11.

[73] Кокс, указ. соч., 14.

[74] Рассказ о преп. Оливер Планкет, ср. Моран, /Мемуары преп. Оливер Планкет /, 1861. Удостоверение личности, / Жизнь Оливера Планкета /, 1895. Берк, соч. цит. по, 77 кв.

[75] Моран, /Спец. Оссор./, ii., 289 кв. м.; iii., 109 кв.м.

[76] Об этом парламенте см. Дэвис, /Парламент патриотов 1689 года /, 1893. Данбар Ингрэм, /Две главы ирландской истории /, 1888. Король, / Государство протестантов Ирландии, 1691 /. Лесли, / Ответ на книгу под названием "Государство протестантов Ирландии при покойном короле Джеймсе", 1691 /. Мерфи, /Два ирландских парламента/ (/ Отчет Союза Мейнут/, 1907-8).

[77] Отчет о войне см. / Якобитский рассказ о войне в Ирландии / (ред. Гилберт, 1892). / *Masariae Excidium*, или Разрушение Кипра / (ред. Крофтон Крокер, 1841, О'Каллаган, 1850). Булджер, /Битва при Бойне/ и др., 1911 (на основе французских военных отчетов).

ГЛАВА XI

УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ

Берк, /Ирландские священники в каторжные времена (1660-1760) /, 1914 (ценная книга, основанная на государственных документах, хранящихся в архиве, Бодлианской библиотеке и Британском музее). Карри, / Исторический и критический обзор гражданских войн в Ирландии от правления королевы Елизаветы до правления короля Вильгельма III. /, 2 тома., 1786. Klorr, /*Der Fall des Hauses Stuart u.s.w.*/, 14 Bde., 1875-88. Мэдден, / Историческое обозрение уголовных законов против римско-католиков /, 1865. Леки, / История Ирландии в восемнадцатом веке /, 5 томов. (новое издание, 1913). Парнелл, / История уголовных законов /, 1808. Ред., / Историческая апология ирландских католиков /, 1807. /Сочинения и переписка Эдмунда Берка /, 8 томов., 1851. Батлер, / Исторические мемуары английских, ирландских и шотландских католиков /, 4 тома., 1819. Скалли, / Уголовные законы /, 1812. Мюррей, / Революционная Ирландия и ее заселение /, 1911.

Когда ирландские лидеры вступили в переписку с генералом Гинклем, они ни в коем случае не были доведены до последней крайности. Положение осаждающих осложнялось приближением зимы, и существовала опасность, что город может быть освобожден в любой момент появлением французского флота в Шенноне. Следовательно, чтобы избежать риска, связанного с продлением осады, и освободить свои войска для службы на Континенте, где их присутствие требовалось так срочно, генерал Гинкль был готов пойти на многие уступки. Перед битвой при Огриме Вильгельм предложил предоставить католикам право свободно исповедовать свою религию, половину церквей в королевстве и часть церковных доходов. [1] Но с тех пор позиция обеих сторон значительно изменилась, и Сарсфилд и его компаньоны вряд ли могли рассчитывать на столь выгодные условия. Однако они настаивали на терпимости, и хотя первый пункт договора, прямо касающийся этого вопроса, был составлен плохо, они, безусловно, ожидали, что добились этого. В дополнение к военным статьям Лимерикский мирный договор содержал тринадцать статей, наиболее важными из которых были первая и девятая. В них предусматривалось, что католики должны пользоваться такими привилегиями в отправлении своей религии, которые согласуются с законами Ирландии, и какими они пользовались в царствование Карла II.; что их Величества, как только их дела позволят им созвать парламент, постараются обеспечить ирландским католикам "такую дополнительную безопасность в том конкретном случае, которая может уберечь их от любых волнений по причине их религии"; и что присяга, которую должны принести католики, должна быть простой присягой на верность Вильгельму и Марии. "Те, кто подписал его [Договор], - пишет Лекки, - обязались, что католики Ирландии не окажутся в худшем положении в отношении отправления своей религии, чем они были во время правления Карла II., и они также обязались, что следует незамедлительно использовать влияние правительства для достижения такого улучшения их положения, которое обезопасило бы их от возможных беспорядков. Истолкованный в своем простом и естественном смысле, истолкованный так, как и подобает любому договору людьми чести, Лимерикский мирный договор сводился ни много ни мало к этому". [2] Договор был ратифицирован

монархами в апреле 1692 года, и его содержание было доведено до сведения католического союзника Вильгельма, императора Леопольда I. (1657-1705) в качестве доказательства того, что кампания в Ирландии не была кампанией, направленной против католической религии.

Следовательно, король был обязан выполнить соглашение, и с помощью королевского вето и контроля, осуществляемого английским тайным советом, он мог бы сделать это, несмотря на фанатичный настрой протестантского меньшинства в Ирландии. Нельзя также сказать, что поведение ирландских католиков давало какой-либо предлог для отказа им в правах, на которые они имели право. Как только их военачальники и лучшие солдаты перешли на службу Франции, опасность католического восстания была невелика, и в течение 1692-1760 годов, даже во времена, когда силы якобитов создавали серьезные проблемы в Шотландии и Англии, историк будет тщетно искать какие-либо доказательства ирландского заговора в пользу изгнанных Стюартов. Уголовные законы были вызваны исключительно желанием протестантского меньшинства совершить ужасную месть своим соотечественникам-католикам, завладеть их поместьями, вытеснить их из общественной жизни, исключив из числа ученых профессий и со всех гражданских и военных должностей, низвести их до состояния постоянной неполноценности, лишив их всех средств образования дома и за границей, искоренить их религию, изгнав епископов и духовенство, как обычное, так и светское, и, одним словом, поставить их в такое же положение, в каком находится коренное население английских плантаций в Вест-Индии .

Однако в течение нескольких лет после свержения ирландских войск король и его советники считали неосмотрительным давать ирландским протестантам полную свободу действий. Людовик XIV. это был опасный соперник, и до тех пор, пока не был решен вопрос о большом еврокубковом турнире, дома нужно было действовать с осторожностью. Кроме того, Леопольд I, верный союзник Вильгельма, не мог позволить себе, даже с точки зрения политики, смотреть как незаинтересованный зритель на ужасное преследование своих единоверцев в Ирландии. Но однажды падение Намюра (1695) дало понять, что Людовик XIV. ему не суждено было стать диктатором Европы, и, прежде всего, после того, как Рисвикский мирный договор (1697 г.) освободил Уильяма от очень неловкого союза, протестантским чиновникам в Ирландии была предоставлена полная свобода действий. Парламент был созван на заседание в 1692 году. Граф Сидней был направлен в качестве лорда-лейтенанта, и в соответствии с условиями Лимерикского мирного договора парламент должен был утвердить статьи. Но такие люди, как Доппинг, протестантский епископ Мита, позаботились о том, чтобы разжечь страсти и фанатизм, заявив, что еретики не должны хранить веру, и когда собрался парламент, он был не в настроении идти на какие-либо уступки. Несколько представившихся католических депутатов призвали подписать Декларацию против пресуществления, предписанную английским парламентом, но не имевшую обязательной силы в Ирландии. Исключив таким образом всех католиков из парламента, исключение, которое длилось с 1692 года до времен Унии, Палаты представителей приняла законопроект о признании новых суверенов, а другой - о поощрении иностранных протестантов селиться в Ирландии, [3] но они категорически отказались подтвердить Лимерикский мирный договор. После того, как работа парламента была приостановлена, тайный совет попытался побудить графа Сиднея издать прокламацию, предписывающую епископам и духовенству покинуть королевство, но под предлогом консультаций с властями Англии ему удалось ускользнуть от потенциальных преследователей, которые были вынуждены довольствоваться косвенными методами нанесения ударов по

священникам, пока Сидней не был отозван, и пока лорд Кейпел, человек, пришедшийся им по душе, не прибыл в качестве лорда-лейтенанта в 1695 году.

В августе того же года парламент собрался еще раз. В своей вступительной речи лорд-лейтенант сделал замечание, которое, вероятно, заслужило одобрение аудитории. "Милорды и джентльмены, - сказал он, - я должен сообщить вам, что лорды-судьи Англии с большим усердием и оперативностью рассмотрели и повторно переслали все присланные им законопроекты; что некоторые из этих законопроектов более эффективно обеспечили вашу будущую безопасность, чем когда-либо до сих пор; и, по моему мнению, отсутствие таких законов было одной из величайших причин ваших прошлых страданий; и это будет вашей виной, а также несчастьем, если вы пренебрежете возможностью, предоставленной вам вашим великим и милостивым королем, о заключении такого прочного соглашения, чтобы ваши враги никогда больше не могли снова навлечь на вас подобные бедствия или заставить Англию пролить столько крови и потратить столько сокровищ, сколько она так часто тратила для закрепления этого королевства за короной Англии". [4] Меры, принятые для закрепления протестантского соглашения, окупят изучение. Было постановлено, что ни один родитель не должен отправлять своих детей за море для получения образования под страхом наказания, как для отправителя, так и для отправленного лица, в виде дисквалификации "предъявлять иски или преследовать в судебном порядке какие-либо действия, счета, жалобы или информацию в рамках закона, или возбуждать какие-либо иски в суде справедливости, или быть опекуном, душеприказчиком или администратором любого лица, или способным получить какое-либо наследство, или дарственную грамоту, или занимать какие-либо должности в королевстве". Кроме того, такие лица должны были быть лишены всего своего имущества, как реального, так и личного. Любой мировой судья, заподозривший, что ребенка отослали, мог вызвать родителей или опекунов и допросить их под присягой, но при отсутствии каких-либо доказательств само отсутствие ребенка должно было рассматриваться как достаточное доказательство вины. Папистским школьным учителям в Ирландии было запрещено преподавать в школе под угрозой штрафа в размере 20 фунтов стерлингов и тюремного заключения сроком на три месяца. Но чтобы католики не возразили, что у них нет средств для получения образования, было предписано, чтобы каждый протестантский священник открывал школу в своем приходе, а каждый протестантский епископ следил за тем, чтобы в его епархии существовала "общественная латинская бесплатная школа". Достаточно укрепив протестантизм на одном фланге, члены затем приступили к запрету папистам хранить "оружие, доспехи или боеприпасы", уполномочили магистратов обыскивать дома всех подозреваемых лиц, пригрозили суровыми карами всем нарушителям, запретили принимать подмастерьев-папистов производителям военных материалов, запретили всем католикам иметь в своем владении лошадь стоимостью более 5 фунтов стерлингов и разрешили протестантским "обнаружителям" нарушений этой меры становиться владельцами лошади своего соседа-католика, предложив ему пять фунтов стерлингов. Чтобы эти законы не стали мертвой буквой, было постановлено, что если какой-либо судья, мэр, магистрат или судебный пристав пренебрегает их исполнением, он должен заплатить штраф в размере 50 фунтов стерлингов, половина из которых должна была достаться доносчику, и, кроме того, он должен быть признан неспособным занимать эту должность вечно. Чтобы предотвратить какое-либо неправильное представление, было объяснено, что все лица, которые, когда их призывают, отказываются сделать Заявление против Пресуществления, должны рассматриваться как паписты. [5]

Однако пока подходящий момент для официального отказа от Лимерикского договора не наступил. Но когда в 1697 году собрался парламент, было сочтено благоразумным выполнить указание епископа Мита о том, что католикам не следует соблюдать никакой веры. Статьи Лимерика были подтверждены, при этом большинство важных пунктов были опущены или изменены. Первый пункт, гарантирующий терпимость, был признан неуместным для упоминания в законопроекте. Ясно, что в Палате лордов были выдвинуты серьезные возражения против такого повального пренебрежения условиями договора и что было необходимо сослаться на авторитет короля и английского тайного совета, прежде чем эта мера была принята. Семь лордов-мирян и шесть протестантских епископов подали торжественный протест против того, что было сделано. Среди причин, по которым они объяснили свое несогласие с большинством, были: "(1) Потому что мы считаем, что название Законопроекта не согласуется с его основной частью, поскольку название является Актом о подтверждении статей, сделанных при сдаче Лимерика, тогда как ни одна из указанных статей в нем, как мы понимаем, полностью не подтверждена; (2) потому что указанные статьи должны были быть подтверждены в пользу тех, кому они были предоставлены, но подтверждение их Законопроектом таково, что это ставит их в худшее состояние, чем они были раньше, как мы понимаем; . . . (4) потому что в законопроект вставлено несколько слов, которых нет в Статьях, а другие опущены, которые изменяют как смысл, так и значение, как мы себе представляем". [6]

Теперь путь для начала атаки на духовенство был свободен. Был принят Закон, предписывающий "всем папским архиепископам, епископам, генеральным викариям, деканам, иезуитам, монахам-монахиням и всему другому регулярному папскому духовенству, а также всем папистам, осуществляющим любую церковную юрисдикцию" покинуть королевство до 1 мая 1698 года под угрозой для тех, кто останется сверх указанного срока, быть арестованными и содержаться в тюрьме до тех пор, пока их не перевезут за море. Им было приказано собраться до 1 мая в портах Дублина, Корка, Кинсейла, Югала, Уотерфорда, Уэксфорда, Голуэя или Каррикфергуса, зарегистрироваться в канцелярии мэра и ждать, пока не будут предоставлены средства для их транспортировки. Всем таким священнослужителям было запрещено въезжать в королевство после 29 декабря 1697 года под страхом тюремного заключения сроком на двенадцать месяцев, и если кто-либо из таких лиц осмеливался вернуться после того, как был перевезен, он должен был быть признан виновным в государственной измене. Если какое-либо лицо сознательно укрывало, освобождало, укрывало или развлекало какого-либо папистского священнослужителя после указанных дат, он должен был лишиться 20 фунтов стерлингов за первое преступление, 40 фунтов стерлингов за второе и всех своих земель и имущества за третье преступление, половина из которых (если не более 100 фунтов стерлингов) должна была достаться информатору. Мировые судьи были уполномочены вызывать всех лиц, обвиняемых под присягой в том, что они помогали священнослужителям или принимали их, и налагать на них штрафы или помещать обвиняемого в окружную тюрьму до тех пор, пока штрафы не будут выплачены. После 29 декабря 1697 года всем лицам было запрещено хоронить любого умершего "в любом закрытом монастыре, аббатстве или обители, которые не используются для совершения богослужения, согласно литургии Ирландской церкви, как это установлено законом, или на их территории, под страхом конфискации суммы в десять фунтов стерлингов", которая может быть взыскана с любого лица, присутствующего на похоронах при таких обстоятельствах. Мировые судьи были уполномочены выдавать ордера на арест священнослужителей, которые прибыли в Ирландию или остались там вопреки этим статутам, и им было приказано отчитаться о своей работе в этом отношении на следующих квартальных

сессиях, проводимых в их графствах. Наконец, было предусмотрено, что любой мировой судья или мэр, пренебрегший соблюдением этого закона, должен заплатить штраф за каждое такое нарушение в размере 100 фунтов стерлингов, половина из которых должна быть выплачена информатору, и должен быть дисквалифицирован для выполнения функций мирового судьи. Также был принят Закон "о предотвращении смешанных браков протестантов с папистами". Если какая-либо протестантская женщина, наследница недвижимости или движимого имущества стоимостью 500 фунтов стерлингов или выше, выходила замуж, не получив предварительно "письменного свидетельства из рук приходского священника, епископа епархии и какого-либо мирового судьи" и не засвидетельствованного двумя свидетелями того, что ее предполагаемый муж был протестантом, поместья или собственность немедленно переходили к ближайшему родственнику, если он протестант; и если какой-либо мужчина женился, не получив аналогичного свидетельства о том, что выбранная им дама была протестанткой, он, таким образом, лишался права выступать в качестве опекуна или душеприказчика, заседать в суде, в Палате общин или занимать какую-либо гражданскую или военную должность, если только он не сможет доказать, что в течение одного года он обратил свою жену в протестантскую веру. Любой священнослужитель, помогающий при таких браках, подлежал штрафу в размере 20 фунтов стерлингов, половина из которых должна была быть выплачена осведомителю. [7]

Чтобы гарантировать, что никто из епископов или обычного духовенства не сбежит, налоговым инспекторам в разных округах было поручено восстановить имена и места жительства всех священников 27 июля 1697 года. Согласно сводке, составленной на основе этих отчетов, в то время в Ирландии насчитывалось восемьсот девяносто два светских священника и четыреста девяносто пять постоянных прихожан. Дома обычного духовенства были разрушены; их имущество распродано или передано в доверительное управление какому-нибудь надежному соседу, и священники приготовились отправиться в изгнание. В течение 1698 года четыреста сорок четыре из них были отправлены из различных ирландских портов, несколько других были арестованы и брошены в тюрьму, а несколько сбежали, выдав себя за светских священников. Многие из несчастных изгнанников добрались до Парижа, где они зависели от милосердия французского народа и папы Римского. Аналогичные энергичные действия были предприняты для изгнания епископов и викариев в надежде, что, если бы их удалось изгнать из страны, весь механизм Католической церкви в Ирландии был бы настолько дезорганизован, что можно было бы ожидать ее полного исчезновения в течение короткого времени. Несколько епископов были объявлены предателями за то, что поддерживали дело Якова I. И были вынуждены бежать на Континент. Двое других были отправлены в соответствии с законом 1697 года; трое были обнаружены налоговыми инспекторами, из которых епископ Клонферта был арестован, спасен и умер; епископ Уотерфорда совершил побег после нескольких лет прятания, а епископ Корка был арестован и перевезен (1703). Так что в Ирландии остались только архиепископ Кэшельский и епископ Дроморский. Новости о том, что происходило в Ирландии, были переданы императору, который поручил своему послу заявить решительный протест, но посол был отстранен пустыми обещаниями или смелым отрицанием правдивости его информации. Этим действиям также не было позволено оставаться мертвой буквой. Налоговые чиновники, магистраты, шерифы, судьи, протестантские епископы и протестантские священники присоединились к охоте на постоянных клиентов, епископов, викариев, деканов и т.д., И всем осведомителям было предложено щедрое вознаграждение. [8]

Восшествие на престол королевы Анны (1702-14) привело лишь к еще более жестоким преследованиям. Парламент собрался в сентябре 1703 года и почти сразу же перешел к нападкам как на священников, так и на католиков-мирян. Большинство епископов были мертвы или изгнаны из страны. Считалось, что регулярные войска не выживут. Поэтому было решено напасть на оставшееся светское духовенство двумя способами: во-первых, путем строгого соблюдения законов против католического образования в Ирландии и ужесточения законов против поступления в колледжи за границей, [9] а также путем принятия закона, согласно которому любой священник, въехавший в Ирландию после 1 января 1704 года, должен быть наказан в соответствии с условиями закона, ранее установленного против епископов и постоянных членов, [10] чтобы таким образом можно было прекратить приток духовенства; и, во-вторых, обязав всех священников в Ирландии регистрироваться, чтобы правительство могло арестовать их, когда пожелает. итак. В соответствии с этой последней мерой всем священникам было приказано отчитаться перед клерками о спокойствии в их округе, о своем месте жительства, своих приходах, а также о времени и месте их рукоположения, и они должны были предоставить два залога в размере 50 фунтов стерлингов за свое будущее хорошее поведение; те, кто пренебрегал этим возвратом, должны были быть заключены в тюрьму и перевезены; и позже было предусмотрено, что ни у одного приходского священника не может быть помощника или викария. [11] Чтобы сокрушить католических мирян, было принято решение, что в случае, если старший сын станет протестантом, его отец не сможет продать, заложить или иным образом распорядиться семейным имуществом; что ни один католик не может выступать в качестве опекуна сирот или несовершеннолетних, но что они должны быть переданы на попечение какого-либо протестанта, который должен был воспитывать их в протестантской религии; что ни один католик не может приобретать какие-либо земли, жилые дома или наследование, или какую-либо прибыль или ренту от такого имущества, или приобретать в аренду на срок, превышающий тридцать один год, или наследовать как ближайший родственник любому Протестант; имущество католического землевладельца, умирающего без наследника-протестанта, должно было быть разделено поровну между его сыновьями; никто не мог занимать какую-либо должность, гражданскую или военную, не подписав Декларацию против пресуществления, клятву отречения и не приняв причастия; ни одному католику, за исключением очень исключительных обстоятельств, не могло быть разрешено жить в Голуэе и Лимерике, и ни один человек не мог голосовать на каких-либо выборах, не принеся клятвы верности и отречения. Сэр Теобальд Батлер предстал перед Коллегией адвокатов Палаты общин, чтобы выступить против этих мер и указать на то, что во времена Карла II никакие законы короля не действовали. предложенный законопроект находился в прямом противоречии с условиями Лимерикского мирного договора [12], но его протест не возымел никакого эффекта ни в Англии, ни в Ирландии.

Целая армия правительственных чиновников, протестантских священников и шпионов была направлена на то, чтобы выяснить, какие люди покинули Ирландию, чтобы отправиться за границу для получения образования, арестовывать всех священников, обнаруженных въезжающими в страну, и принимать меры против тех в стране, кто пренебрег регистрацией, как им было приказано. Сто восемьдесят девять священников были зарегистрированы в Ольстере, триста пятьдесят два - в Лейнстере, двести восемьдесят девять - в Мюнстере и двести пятьдесят девять - в Коннахте. [13] В отношении мирян также были применены все предусмотренные законом меры наказания, но все же удовлетворительно отметить, что в 1703 году было подано только четыре сертификата соответствия: шестнадцать в 1704 году, три в 1705

году, пять в 1706 году, два в 1707 году и семь в 1708 году. [14] Таким образом, было ясно, что для подавления католической религии необходимо прибегнуть к еще более крайним мерам. В 1709 году был принят закон, предписывающий всем священникам принести клятву отречения до 25 марта 1710 года, если только они не желают понести все страдания и наказания, налагаемые на обычное духовенство. [15] Клятвой отречения они должны были заявить, что Претендент "не имеет никаких прав или титулов на корону этого королевства или любых других владений, к нему принадлежащих", что они будут поддерживать протестантскую преемственность и что они сделали это заявление "от всего сердца, добровольно и истинно". Были установлены награды за поощрение осведомителей: 50 фунтов стерлингов выделялось за обнаружение архиепископа, епископа, викария или любого лица, осуществляющего иностранную юрисдикцию, 20 фунтов стерлингов за обнаружение обычного или незарегистрированного светского священника и 10 фунтов стерлингов за обнаружение школьного учителя-паписта. Чтобы облегчить арест духовенства, было предусмотрено, что любые два мировых судьи могут вызвать католиков к себе и допросить их под присягой, когда и где они в последний раз слушали мессу, какой священник служил и кто присутствовал на церемонии. Непредоставление требуемой информации о мессе, священниках или школьных учителях каралось тюремным заключением сроком на двенадцать месяцев или до тех пор, пока виновный не заплатит штраф в размере 20 фунтов стерлингов. Тем священникам, которые покинули католическую церковь, была назначена пенсия в размере 20 фунтов стерлингов в год, впоследствии увеличенная до 40 фунтов стерлингов. [16] Что касается католиков-мирян, то были приняты дальнейшие меры, чтобы побудить детей родителей-католиков стать протестантами, установив, что в таком случае Канцлерский суд может вмешиваться и диктовать отцу, какие меры он должен принять для таких детей. Точно так же жен католиков побудили подчиниться обещанию, что канцлерский суд вмешается, чтобы защитить их интересы. Были приняты строгие правила, гарантирующие, что все мнимые новообращенные, занятые в этой профессии и на государственных должностях, должны воспитывать своих детей в протестантской вере, а также гарантировать, что ни один католик не сможет преподавать в школе публично или частным образом или даже выполнять функции швейцара в протестантской школе.

Священники, хотя и не отказывались принести простую клятву верности, как единое целое отказались принести Клятву Отречения, и немедленно подверглись всем наказаниям, направленным против епископов и постоянных членов церкви. Массовые аресты происходили по всей стране; для их отслеживания были наняты шпионы; людям, получившим подписку о невыезде за их хорошее поведение в 1704 году, было приказано доставить их под угрозой отмены подписки о невыезде; судьям было приказано навести справки в суде присяжных; а католикам было предложено выйти на свое духовенство, предоставив информацию о священниках, служивших мессу. Поиски велись в Мюнстере и Коннахте еще более энергично, чем в Ольстере и Лейнстере, так что до конца правления королевы Анны ни один священник ни в одной части Ирландии не мог безопасно совершать публичные богослужения. [17] Были составлены и направлены петиции всем католическим монархам Европы с просьбой заступиться за своих единоверцев в Ирландии, но, хотя многие из них поручили своим представителям в Лондоне принять меры, их призывы и увещания произвели очень мало эффекта. [18] В то же время законы, касающиеся католической собственности и католического образования, применялись с особой строгостью, особое внимание уделялось тому, чтобы только протестанты признавались опекунами несовершеннолетних католиков или сирот, и

чтобы опекуны воспитывали детей как протестантов. Вопреки закону, желания или даже последнее завещание умирающего отца не имели никакого значения. [19]

Во время правления Георга I. (1714-27) положение католиков Ирландии улучшилось очень незначительно. Действительно, что касается правовых актов, то их состояние значительно ухудшилось. Они были обязаны платить двойной взнос своих соседей-протестантов за поддержку ополчения; их лошади могли быть изъяты для использования ополчением; им было запрещено действовать в качестве мелких констеблей или иметь какое-либо право голоса при определении суммы, которая должна была взиматься с них за строительство и ремонт протестантских церквей или за поддержание протестантского богослужения. В 1719 году Палата общин приняла новую и более жестокую меру, согласно одному из пунктов которой все незарегистрированные священники, пойманные в Ирландии, должны были быть заклеены раскаленным железом на щеке. Ирландский тайный совет заменил это наказание на нанесение увечий, но когда законопроект был отправлен в Англию на утверждение, первоначальный пункт был восстановлен. По чисто техническим причинам законопроект так и не стал законом. [20] В 1742 году был внесен и принят обеими палатами Дублина еще один законопроект, согласно которому все незарегистрированные священники, которые не выехали из Ирландии до марта 1724 года, должны были быть наказаны как виновные в государственной измене, если они не согласились принести клятву отречения; аналогичное наказание было назначено в отношении епископов, викариев, деканов и монахов, не предоставляя им никакой альтернативы; все лица, признанные виновными в получении или оказании помощи священникам, должны были быть преданы смерти как преступники "без участия духовенства"; Папистские школьные учителя должны были подвергнуться подобному наказанию, и для обеспечения исполнения закона всем доносчикам были назначены щедрые награды. Но когда законопроект был отправлен в Англию, он не получил санкции короля и тайного совета, и поэтому ему было разрешено утратить силу. [21]

Результаты этих законов, принятых для обеспечения искоренения католической религии, можно было увидеть в 1731 году, когда протестантские священники и епископы провели систематическое расследование положения католиков в каждом отдельном приходе Ирландии. В Арме было всего двадцать пять "Молельных домов", некоторые из которых были просто хижинами; в Мите их было сто восемь; в Клогере только девять, хотя вдобавок сообщалось, что там было сорок шесть алтарей, где люди слушали мессу на открытом воздухе; в Рафо был один "старый молельный дом", один недавно построенный, "одна хижина и два сарая"; в Дерри было девять молельных домов, все "убогие, незначительные здания", но мессу служили в большинстве районов епархии на открытых полях или под какими-нибудь навесами. сарай иногда устраивали для укрытия; в Дроморе было два дома для молебнов, и "в двух старых фортах постоянно служились мессы"; а в Дауне было пять домов для молебнов, но вдобавок священники служили "в частных домах или в горах". В Дублинской епархии сообщалось, что количество молельных домов составило пятьдесят восемь, шестнадцать из которых были расположены в черте города; в Фернсе их было тридцать один вместе с одиннадцатью "передвижными алтарями в полях"; в Лейлине - двадцать восемь, не считая трех алтарей в полях и трех частных часовен, а в Оссори их было тридцать два "старых молельных дома" и восемнадцать, построенных со времен правления Георга I. В Кэшеле было сорок "домов для поминок", и особо отмечалось, что один из них строился в Типперэри, "в форме креста размером девяносто два на семьдесят два фута"; в Клойне было семьдесят домов для поминок. В Туаме протестантский архиепископ сообщил, что в большинстве приходов есть дома для

молений; в Эльфине насчитывалось сорок семь "домов для молений", некоторые из них были хижинами; в Киллале их было четыре, в Ахонри - тринадцать, в Клонферте - сорок, а в Килмакдуа - тринадцать. Но примечателен тот факт, что, несмотря на все юридические наказания, направленные против священников, и на всю работу, которая выполнялась правительственными чиновниками, "ловцами священников", чья профессия, согласно Ирландской палате общин, была почетной, а также магистратами и министрами, очень большое количество светских священников все еще служило народу, а также монахами, которые, как сообщалось, активно проповедовали людям иногда в частных домах, а иногда в открытых полях. И еще более примечательно, что, несмотря на бдительность протестантских епископов, уже тогда существовало более пятисот "папистских школ", в некоторых из которых преподавалась классика, и, кроме того, было несколько школьных учителей, которые переезжали с места на место. Протестантский епископ Дерри с немалой долей гордости объявил, что в его епархии нет ни одной папистской школы. "Иногда, - сказал он, - отставшие школьные учителя обосновываются в горных частях некоторых приходов, но после того, как им постоянно угрожают ордером или предъявлением церковных старосты, они обычно считают уместным уйти". [22]

Во время правления Георга II (1727-60) преследования начали ослабевать, хотя в уголовное законодательство было добавлено более одной новой меры. Примас Боултер, который, практически говоря, был правителем страны во время своего пребывания в должности, был встревожен большим количеством папистов, все еще находящихся в стране — по его оценкам, пять к одному — и присутствием около трех тысяч священников, и предложил новые схемы свержения папства. Католики были лишены своих голосов на парламентских или муниципальных выборах, чтобы члены протестантской общины не были склонны выслужиться перед ними, выступив против уголовного кодекса; барристеры, клерки, поверенные в делах, солиситоры и т.д. Не допускались к практике, если они не давали клятв и заявлений, которые не может принимать ни один католик; с обращенными в протестантизм следовало обращаться аналогичным образом, если они не могли представить достоверных доказательств того, что они жили как протестанты в течение двух лет и что они воспитывали своих детей как протестанты. Уже были установлены очень суровые законы против браков между католиками и протестантами, но поскольку такие браки все еще имели место, было объявлено, что священник, совершавший такие браки, должен считаться виновным в уголовном преступлении, что после 1 мая 1746 года все браки между католиками и лицами, которые были протестантами в течение двенадцати месяцев, предшествовавших браку, должны быть недействительными, как и все браки между протестантами, если они совершались в присутствии священника. Позже была вынесена смертная казнь в отношении священников, которые помогали таким союзам. [23] Наконец, благодаря усилиям примаса Боултера и епископа Марша были созданы Чартерные школы. Они были предназначены, как объяснялось в проспекте, "для спасения душ тысяч бедных детей от опасностей папистского суеверия и идолопоклонства, а их тела - от страданий праздности и нищенства". Школы были полностью протестантскими по управлению, и дети воспитывались как протестанты. Как только родитель-католик отдавал своих детей, он никогда не мог претендовать на них снова. В 1745 году ирландский парламент выделил плату за получение лицензий, требуемых всеми лоточниками и коробейниками, на поддержку Чартерных школ, и подсчитано, что в период с 1745 по 1767 год эти же учреждения получили около 112 000 фунтов стерлингов из государственных средств. [24] Хотя до эмансипации было

еще далеко, все же после 1760 года стало признаваться, что уголовный кодекс не смог достичь цели, для которой он был разработан. -----

[1] Леки, указ. соч., i., 140.

[2] Леки, указ. соч., i., 140.

[3] /Ирландские законы/, iii., 241 кв.

[4] /Журналы Палаты общин/ (Ирландия) ii., 44-5.

[5] /Ирландские статуты/, ii., 249-67.

[6] /Журналы Палаты лордов/ (Ирландия), i, 635-6.

[7] /Ирландские статуты/, ii., 339 кв.

[8] Ср. Берк, указ. соч., 131 кв.

[9] /Уставы/, 2 Анна, глава 6.

[10] Удостоверение личности, 2 Анна, глава 3.

[11] Удостоверение личности, 2 Энн, глава 7; 8 Энн, глава 3.

[12] Карри, указ. соч., ii., 387.

[13] Ср. /Ирландская Еккл. Запись/, 1875. /Кат. Справочник/, 1838.

[14] /Ир. Тыс. Кварт./, ix., 148.

[15] /Уставы/, 8 Энн, глава 3.

[16] /Уставы/, 2 Анна, глава 7; 8 Анна, глава. 3. В 1780 году было принято решение о том, что эта пенсия должна "взиматься с жителей страны или города, в которых такой священник проживал или совершал богослужения до вступления в должность" (19 и 20 Георга III, главы 39).

[17] Ср. Берк, указ. соч., глава iv. (полный отчет о судебных процессах против духовенства во всех епархиях Ирландии).

[18] Ср. Моран, /Спец. Оссор./, ii., 399 кв.

[19] Леки, указ. соч., i., 154 кв.

[20] Леки, указ. соч., i., 162-3.

[21] Id., 164-5.

[22] /Отчет о состоянии папства, 1731 г./, /Archiv. Hib./, i., ii., iii.

[23] /Статуты/, 19 Георга II., глава 13; 23 Георга II. глава 10.

[24] Леки, указ. соч., i., 234. / Отчеты Королевской комиссии по образованию/, 1825, 1854.